

ПЕНСКОЙ В.В.

ОТ ЛУКА К МУШКЕТУ.
ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА ВО 2-Й ПО-
ЛОВИНЕ XV – XVII ВВ.: ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ

Белгород
2008

ББК 63.3(2)43 – 35+68.41(2)

П 25

Печатается по решению редакционно-издательского
совета Белгородского государственного университета

Рецензенты:

д.и.н., проф. кафедры Российской истории БелГУ А.Н. Мошкин;
зав. кафедрой отечественной истории в новейшее время Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, рук. секции проблем военной истории Поволжского отделения Академии военных наук, действительный член АВН, д.и.н., проф. А.А. Герман

П 25 Пенской В.В. От лука к мушкету. Вооруженные силы Российского государства во 2-й половине XV – XVII вв.: проблемы развития. – Белгород: Изд-во БелГУ. – 256 с.

Монография посвящена исследованию особенностей развития вооруженных сил Российского государства во 2-й пол. XV – нач. XVIII в. в контексте общемировых тенденций развития военного дела – впервые в отечественной историографии изменения в русском военном деле этого времени рассматриваются через призму концепции «военной революции». Основное внимание уделено развитию русского военного дела при первых царях династии Романовых. В исследовании предпринята попытка пересмотреть сложившиеся в общественном мнении и бытующие в отечественной историографии стереотипы, связанные с представлениями о неэффективности военной машины Российского государства и невысокой боеспособности русского войска эпохи позднего Средневековья – раннего Нового времени.

Издание адресовано историкам, преподавателям высших и средних учебных заведений, аспирантам, студентам, школьникам и всем тем, кому небезразлично прошлое России.

Монография подготовлена при содействии гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых МД-1685.2005.6 и внутривузовского гранта БелГУ 2007 г.

ISBN 978-5-98242-102-9

© Пенской В.В.

ОТ АВТОРА

Идея этой книги родилась в определенной степени случайно. В свое время я отдал дань старой «доброй» традиции полагать допетровскую Россию отсталым, «варварским» государством с архаичными, неспособными к динамичному развитию политическими, социальными и экономическими институтами. Все это, как мне представлялось еще десять лет назад, в полной мере относилось и к русскому войску допетровской эпохи. Лишь гений великого Петра, царя-реформатора, способствовал преодолению вековой отсталости Московии и превращению ее в Российскую империю. Все это казалось мне вполне очевидным и не требующим доказательств. Действительно, разве не Петр, опираясь на созданные им армию и флот, которые обеспечивались всем необходимым благодаря неустанной работе созданных по его же указаниям многочисленных заводов, мануфактур и верфей, вернул России утраченные в начале XVII в. земли? Разве не Петр прорубил «окно» в Европу, победив там, где потерпел фиаско Иван Грозный? Разве не Петр ввел «варварскую» Московию в общество цивилизованных европейских государств? И этот ряд можно было продолжать и далее.

Однако, приступив к работе над диссертацией на соискание ученой степени доктора исторических наук, я оказался перед необходимостью более основательно, не полагаясь на мнение авторитетов, изучить историю вооруженных сил Российского государства XVI – XVII вв. Необходимость эта возникла вследствие желания сравнить особенности эволюции военного дела в Евразии в конце Средневековья – раннем Новом времени, в то переломное время, когда в повседневную военную практику вошло огнестрельное оружие, постепенно, шаг за шагом, перевернувшее прежние, складывавшиеся веками представления о войне. Погрузившись с головой в старинные документы, внимательно перечитав и проанализировав буквально множество книг, о существовании которых рядовой читатель, интересующийся проблемами истории, в т.ч. и военной, порой даже и не подозревает, неожиданно для себя я открыл, что все далеко не так просто, как казалось на первый взгляд. Оказалось, что русское войско допетровской эпохи вовсе не было таким уж беспомощным, каким оно предстает перед нами в сочинениях сторонников «петровского» мифа. Напротив, военная мысль в России работала в это время чрезвычайно интенсивно, осваивая последние новинки военной [3] техники и технологий как Запада, так и Востока. И пусть в Московии не появились на свет многочисленные трактаты с изложением основ стратегии и тактики, а московские воеводы не оставили после себя толстые тома мемуаров и рассуждения о том, как нужно выигрывать войны и сражения. Эмпирическим путем, методом проб и ошибок, они создали такое войско, такую военную машину, которые, при всех присущих им недостатках (а у кого их нет?), смогли не только отстоять независимость Русского государства, но и существенно расширить его пределы. Не сказать об этом, не напомнить о тяжелом ратном труде наших предков было бы несправедливым. Стремясь хотя бы частично выполнить свой долг перед нашими пращурами, трудами которых создавалось то государство, в котором мы сейчас и живем, я и приступил к написанию этой книги.

Конечно, работая над ней, я не ставил перед собой задачу дать всеобъемлющую картину развития военного дела Российского государства в эпоху позднего Средневековья – раннего Нового времени – для этого потребуются труд многих историков. Однако если мне удалось представить историю вооруженных сил Российского государства на рубеже Средневековья и Нового времени как непрерывный процесс, пусть и противоречивый, неоднозначный, но, тем не менее, объединенный внутри общей идеей, восстановить преемственность эпох и тем самым хотя бы частично поколебать устои упомянутого выше мифа об отсталости русского военного дела допетровской эпохи, если мне удалось вызвать интерес к этой эпохе – я буду считать, что своей цели я достиг.

Завершая это краткое предисловие, я хотел бы отметить, что эта работа никогда не была бы сделана без поддержки и помощи моей жены, Т.М. Пенской, неизменной помощницы во всех моих начинаниях.

Большую благодарность хотелось бы принести интернет-сообществу форума "Новый Геродот" и лично Ю. Улетовой за любезно предоставленную возможность выложить некоторые результаты нашего исследования для широкого ознакомления и обсуждения. Автор считает своим долгом выразить признательность Д. Селиверстову, А. Юшкевичу, А. Лобину и В. Великанову за оказанное содействие при написании этой работы, а также за высказанные замечания и пожелания.

Белгород, сентябрь 2008 г.

[4]

ВВЕДЕНИЕ

Война и военное дело в истории человеческого общества изначально занимали и продолжают занимать чрезвычайно важное место. В современной науке нет единого мнения относительно природы войны – разброс точек зрения по этому вопросу велик: от предположения, что война так или иначе является врожденным состоянием любого общества, унаследована нами от наших предков как следствие некоего биологического «инстинкта воинственности», как одна из разновидностей присущего биологическому миру агонистического поведения, до гипотезы о позднем происхождении войны, которая оказывается тесно связана с социально-политической эволюцией общества и предстает перед нами как своего рода «культурное изобретение».¹ Споры вокруг этой проблемы продолжаются уже не одно десятилетие и вряд ли будут когда бы то ни было удовлетворительно разрешены. Да так ли уж важен точный ответ – в чем природа войны, секрет ее происхождения? Важно следствие – классическая политическая история предстает перед нами прежде всего как вереница войн, прерываемых кратковременными периодами мира, которые обычно использовались для подготовки к новой войне – по самым приблизительным подсчетам, за 5 тыс. лет истории существования человеческой цивилизации имело место ~ 15 тыс. войн и военных конфликтов, причем их частота имела тенденцию увеличиваться, особенно в XVI-XVII и XX вв.²

Значение войн трудно недооценить. Как и всякая пограничная ситуация, война служит своего рода мерилем прочности как отдельного человека, так и целого социума, его способности отвечать на вызов извне. В военное время намного ярче проявляются и лучшие, и худшие их стороны. Кроме того, война в определенной степени выступала в истории человеческой цивилизации одним из важнейших двигателей прогресса – политического, экономического или [5] социального.³ Почему? Ответом на этот вопрос может служить классическое определение войны, данное в свое время прусским военным теоретиком К. Клаузевицем «...Война есть...подлинное орудие политики, продолжение политических отношений другими средствами».⁴ Армия с древнейших времен являлась одним из важнейших, если не самым важным, инструментом правящей элиты того или иного общества по реализации своих политических замыслов. Успех их выполнения напрямую зависел от уровня развития военного дела. Стремление не отстать от возможных противников в этом жизненно важном аспекте неизбежно стимулировало прогресс в военных технологиях, а вслед за этим – в тактике и в стратегии. И не секрет, что особенно быстро развивалось военное дело в переломные моменты истории, когда мировая цивилизация оказывалась перед необходимостью выбора нового пути развития.

Естественно, что это не могло не вызвать большого интереса к изучению войны как социокультурного феномена, и в том, что в обществе существует интерес к истории военного дела, к военной истории вообще, нет ничего необычного. Другое дело, что этот интерес в силу различных субъективных факторов может блокироваться, отодвигаться на периферию общественного и научного сознания, но рано или поздно он все равно возвращается. Так, две неимоверно разрушительные и кровопролитные мировые войны, отгремевшие в 1-й пол. XX в., способствовали широкому распространению пацифистских настроений, достигших своего апогея в 60-х – нач. 70-х гг. минувшего столетия. В результате историки-профессионалы во 2-й половине XX в., как правило, старались по возможности

¹ Анализ проблемы происхождения войны см., например: Шнирельман В.А. У истоков войны и мира // Война и мир в ранней истории человечества. Т. I. М. 1994., 11-34.

² Серебрянников В.В. Социология войны. М., 1998. С. 7; Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. М., 2006. С. 701-703.

³ Как отмечал американский историк и социолог Р. Карнейро, сегодня «...остается мало сомнений, что в той или иной степени война сыграла решающую роль в подъеме государства...» (Карнейро Р.Л. Теория происхождения государства // Раннее государство, его альтернативы и аналоги. Волгоград, 2006. С. 58).

⁴ Клаузевиц К. фон. О войне. Т. I. М., 2002. С. 47.

избегать заниматься исследованиями по военно-исторической тематике, сосредоточив свой интерес на изучении иных сфер жизни человеческого общества, благо спектр исторических штудий существенно расширился за счет широкого внедрения в практику микроисторического и историко-антропологического подходов.

Однако вызванное широким распространением пацифистских взглядов угасание военно-исторических исследований вошло в про[б]тиворечие в сохранявшемся в обществе интересом к проблемам изучения военного дела в его прошлом и настоящем. Возникшая пустота стала стремительно заполняться работами, сделанными непрофессионалами, качество которых далеко не всегда соответствовало высоким стандартам исторического знания. Все это обусловило возвращение историков-профессионалов на поле военно-исторических исследований. Последняя четверть минувшего столетия и начало столетия нынешнего ознаменовались бурным ростом публикаций на военно-историческую тематику, подготовленных историками-профессионалами, возникновения военно-исторических обществ, выпуском самых разнообразных альманахов и периодических изданий, затрагивавших так или иначе практически все аспекты военной истории – от чисто технических до военно-антропологических. Военно-историческое знание за рубежом переживает сегодня своего рода ренессанс.

С некоторым опозданием к этому процессу подключилась и Россия, российское историческое сообщество. Нельзя сказать, что русскоязычные исследования на военно-историческую тематику всегда были редкостью. Интерес к военной истории и истории военного дела проснулся в России достаточно рано. Однако нетрудно заметить, что вплоть до сер. 80-х гг. XX в. военно-историческая тематика была не в почете у отечественных историков. Это представляется тем более удивительным, если учесть ту роль и то значение, какое имела армия и военное дело в истории российского государства и общества на всем протяжении их истории. Возможно, невнимание отечественных историков к военно-историческим проблемам было унаследовано от русской классической историографии, которой было присуще некоторое пренебрежение к изучению вопросов военной истории России и тем более окружающих ее стран. Как само собой сложилось мнение, что это прерогатива историков-военных. Последние же, как метко заметил британский историк Ф. Тэллетт, и в XIX, и XX вв., были, как правило, преподавателями военных училищ и академий. К изучению военной истории они подходили обычно весьма прагматично – в ней искали прежде всего рецепты побед. Отсюда и их стремление преподавать своим ученикам примеры того, как нужно правильно планировать операции, руководить войсками, использовать разные рода войск и виды оружия и т.д., и т.п.⁵ [7] Потому и писали историки-военные, за редким исключением, историю войн, а не военную историю, что отнюдь не одно и то же. Военные и гражданские историки как досоветского, так и советского времен, занимаясь подчас близкими проблемами и вопросами, говорили об одном и том же на разных языках. Это, с одной стороны, приводило к параллелизму в исследованиях, а с другой стороны, не позволяло сделать целостный анализ процессов, имевших место в развитии отечественного военного дела и искусства.⁶

Кроме того, нельзя не отметить, что в отечественной военно-исторической литературе есть темы, «излюбленные» историками, и темы, что остаются на втором, а то и третьем плане. К последним, вне всякого сомнения, можно отнести историю военного дела допетровского времени. Как само собой в общественном сознании укоренилось мнение о чрезвычайной отсталости и чуть ли не убогости военного дела Московской Руси. Ведь не секрет, что традиционно развитие русской армии в XV – XVIII вв. разделяется на два независимых друг от друга периода – до Петра Великого и его военных реформ и после него. В

⁵ Tallett F. *War and Society in early modern Europe 1495-1715*. L., 1992. P. 1.

⁶ Классическим примером такого параллелизма может служить появление в одно и то же время двух очень близких по кругу рассматриваемых проблем и структуре исследований: Калинычев Ф.И. *Правовые вопросы военной организации Русского государства второй половины XVII века*. М., 1954; Чернов А.В. *Вооруженные силы русского государства в XV-XVII вв.* М., 1954.

массовом сознании Петр I выступает как создатель современного Российского государства и его основных институтов, в том числе и регулярной армии западноевропейского типа, причем созданной едва ли не на пустом месте, с чистого листа. Однако так ли это? Был ли Петр «демиургом», своего рода Прометеем, «культурным героем», что принес в темную и варварскую Московию свет истины? Мог ли он приступить к осуществлению своих реформ, и прежде всего военных, ставших своего рода двигателем государственного и экономического (правда, отнюдь не социального или политического) прогресса, не имея предшественников? На этот вопрос, на наш взгляд, нужно ответить отрицательно. Предшествовавший ему период, особенно XVII в., в развитии военного дела в России был одним из самых важных, если не самым важным. Ведь именно тогда закладывались основы российской государственности, и вооруженные силы были одним из ее главных столпов. Борясь за свое «место под солнцем», молодое Российское государство было [8] просто обязано иметь современную армию с тем, чтобы уверенно чувствовать себя в окружении соседей, отнюдь не настроенных альтруистически по отношению к новому игроку на политическом поле. И, наблюдая непредвзято, отрешившись от накопившихся десятилетиями, если не веками, стереотипов и штампов, за взлетами и падениями России в конце XV – XVII вв., нетрудно прийти к мнению – а ведь действительно, ценой больших усилий, дорогой ценой российские государство и общество сумели создать такую военную машину, благодаря которой удалось не только отстоять независимость страны, но и превратить ее в одну из крупнейших держав своего времени.

Первым, кто попытался проанализировать те перемены, которые произошли в русском военном деле в эту эпоху, был писатель и публицист 2-й половины XVII в. Ю. Крижанич.⁷ Однако родоначальником изучения истории вооруженных сил России в конце Средневековья – начале Нового времени отечественной историографии может считаться генерал-майор Русинов, подготовивший в конце 90-х гг. XVIII в. по приказу императора Павла I записку об истории создания и развития регулярной армии в России.⁸

Вслед за Русиновым отдельных страниц истории русской армии коснулся на страницах «Истории государства Российского» Н.М. Карамзин. Первым же историком-профессионалом, подготовившим специализированные исследования по истории вооруженных сил Российского государства на рубеже Средневековья и Нового времени, стал И.Д. Беляев.⁹ Два его небольших исследования фактически положили начало изучению истории вооруженных сил допетровской России, став первой попыткой обобщения уже накопленных к тому времени сведений по истории развития русской армии XVI – XVII вв. Опираясь на значительный комплекс опубликованных к тому времени документов московских архивов XVI – XVII вв., И.Д. Бе[9]ляев сумел описать основные особенности развития русской армии и пограничной сторожевой службы на юге России в допетровскую эпоху. Именно в этом плане его исследования и представляют интерес и в наши дни. Однако аналитическая часть его работ смотрится значительно слабее, многие выводы устарели или просто ошибочны.¹⁰ Тем не менее, это был первый шаг, и за ним можно было

⁷ См.: Крижанич Ю. Политика. М., 1997.

⁸ Эта записка была опубликована в XVI выпуске «Сборника военно-исторических материалов» (СПб., 1904) под названием «Записки, собранные по повелению императора Павла I о начале регулярных войск, о ново и славяносербских поселениях, о полках гусарских и пандурских и о военных школах».

⁹ См.: Беляев И.Д. О русском войске в царствование Михаила Федоровича и после его, до преобразований, сделанных Петром Великим. М., 1846; его же. О сторожевой, станичной и полевой службе на Польской Украине. М., 1846.

¹⁰ Например, это касается его вывода относительно того, что новые солдатские полки делились на «русские» и «немецкие», т.е. укомплектованные русскими даточными людьми и иностранными наемниками (См.: Беляев И.Д. О русском войске в царствование Михаила Федоровича и после его, до преобразований, сделанных Петром Великим. М. 1846. С. 60-61). Такое разделение имело место во времена Смоленской войны 1632-1634 гг., но после этого полки новой армии комплектовались исключительно русскими новобранцами, и только лишь командный состав в значительной степени состоял из иностранцев.

ожидать следующего, тем более что русская историческая школа во 2-й половине XIX в. развивалась семимильными шагами.

Однако новых исследований, посвященных истории развития русской армии времен Московского государства пришлось ждать достаточно долго. В конце 50 – нач. 80-х гг. XIX в. внимание русских историков, как гражданских, так и военных, было сосредоточено главным образом на изучении военной истории России недавнего прошлого. Истории же русской армии начала XVIII в. и более ранних периодов уделялось меньшее внимание.¹¹ Положение стало изменяться после 1881 г. После воцарения императора Александра III с его демонстративным русофильством в русской военно-исторической мысли обострилась борьба между представителями «академической» и «русской» школ военно-исторической и теоретической мысли.¹² [10]

«Академисты» Г.А. Леер, П.А. Гейсман, П.О. Бобровский, Н.С. Голицын доказывали на страницах своих сочинений, что существует некая «столбовая дорога» в развитии военного дела и военного искусства. По их мнению, в рамках этого генерального направления развивалось военное дело западноевропейских государств, а Россия была вынуждена подтягиваться вслед за ними, заимствуя у европейцев основные принципы военного строительства. Представители «русской» школы, крупнейшими из которой являлись Д.Ф. Масловский, А.З. Мышлаевский, Н.П. Михневич и А.К. Пузыревский, напротив, утверждали, что русское военное искусство вполне самостоятельно и влияние Запада на его развитие если и имелось, то лишь в самой малой степени.¹³ Дискуссия между «академистами» и представителями «русской» военно-исторической школы способствовала росту интереса к изучению отечественной военной истории, повышению качества публикуемых военно-исторических сочинений, подъему их на качественно иной, более высокий уровень.

В конце XIX – начале XX вв. больше внимания вопросам военной истории России стали уделять и гражданские историки. Проблемы, связанные с военно-исторической тематикой, занимали немалое место в трудах таких корифеев отечественной исторической мысли, как С.М. Соловьева, В.О. Ключевского, И.Д. Иловайского и других. Наряду с общеисторическими исследованиями, затрагивавшими весьма широкий круг вопросов исторического прошлого России, появляется ряд специальных военно-исторических исследований, не утративших своего значения и до наших дней. Так, изучив сведения иностранцев относительно количества московских ратных людей, С.М. Середонин попытался обобщить их и определить, какова же была численность вооруженных сил Российского государства на конец XVI в.¹⁴, а Н.П. Павлов-Сильванский собрал и тщательно проанализировал значительный материал об эволюции службы и [11] социального статуса служи-

¹¹ См., например: Висковатов А.В. Историческое описание одежды и вооружения русских войск. 2-е издание. Т. 1-19. СПб., 1899-1902; Иванов П.А. Обозрение состава и устройства русской регулярной кавалерии от Петра Великого и до наших дней. СПб., 1864; Милютин Д.А. История войны 1799 года между Россией и Францией в царствование императора Павла I. Т. 1-3. СПб., 1857; Петров А.Н. Вторая турецкая война в царствование императрицы Екатерины II. 1787-1791 гг. Т. 1-2. СПб., 1880; Штейнгейль В. Настольный хронологический указатель постановлений, относящихся до устройства военно-сухопутных сил России 1550 до 1890. СПб., 1890 и др.

¹² Основательный разбор споров между представителями «академической» и «русской» военно-исторических школ и анализ основных течений в русской военной историографии дал Л.Г. Бескровный в своей монографии «Очерки военной историографии России» (М., 1962).

¹³ См., например: Гейсман П.А. Война, ее значение в жизни народа и государства. СПб., 1896; Масловский Д.Ф. Записки по истории военного искусства в России 1683-1762 гг. Вып. 1. СПб., 1891; его же. Поместные войска русской армии в XVII столетии. Б.м. Б.г.; его же. Русская армия в Семилетнюю войну. Вып. 1-2. М., 1886-1888; Михневич Н.П. Стратегия. Кн. 1. СПб., 1911 и др.

¹⁴ Середонин С.М. Известия иностранцев о вооруженных силах Московского государства в конце XVI в. СПб., 1891.

лых людей Московского государства.¹⁵ Интерес к военно-историческим исследованиям не исчез даже в тяжелые годы гражданской войны.¹⁶

Таким образом, к 1917 г. отечественная историческая наука создала солидный задел по истории развития военного дела в России и истории русских вооруженных сил. Однако продолжения не последовало. После 1917 г. в исследованиях по истории вооруженных сил дореволюционной России наступил длительный перерыв. Внимание профессиональных военных историков сосредоточилось на обобщении опыта первой мировой и гражданской войн, а гражданские историки касались вопросов военной истории старой России лишь мимоходом. Лишь с конца 30-х гг., и особенно в 40-х и в 1-й половине 50-х гг., в связи с проводимой руководством СССР политикой на возрождение традиций патриотизма и державности, интерес к истории военного дела России как XV-XVIII вв., так и более раннего времени, усилился. Именно к этому времени относится появление таких работ, как «История военного искусства» Е.А. Разина, исследований Л.Г. Бескровного, В.Д. Королюка, И.А. Короткова, А.В. Чернова и других.¹⁷

Начиная с 60-х гг. число специальных работ по вопросам, связанным с изучением процессов эволюции отечественного военного дела эпохи Средневековья и начала Нового времени, резко пошло на спад. Серьезные исследования продолжались лишь в одной области – в истории военного дела Древней Руси и кочевников Азии. Этот вопрос был подвергнут основательному изучению такими крупными [12] историками-оружиеведами, как А.Н. Кирпичников и А.Ф. Медведев, Ю.С. Худяков и М.В. Горелик, и с учетом ряда последних работ и исследований в эту проблему внесена определенная ясность.¹⁸ Достоинством этих работ является широкое использование письменных, археологических источников, памятников средневековой живописи и архитектуры, привлечение материалов военно-исторической реконструкции, применение для проведения сравнительно-исторического анализа материалов из других регионов мира, прежде всего Ближнего Востока, Передней и Малой Азии и Западной Европы.

Изучение же русской армии с конца XV по конец XVIII в. в этот период должного продолжения не получило, если не считать серии очерков по истории русского военного дела в многотомном издании «Очерки русской культуры XIII – XVIII вв.», вышедших в конце 60-х – начале 80-х гг. XX в.¹⁹ В ряде отдельных работ рассматривались некоторые

¹⁵ Нами было использовано переиздание этого исследования, вышедшее в Москве в 2001 г.

¹⁶ См.: Сташевский Е.Д. Смоленская война 1632-1634. Организация и состояние Московской армии. Киев, 1919; Милоков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Ч. 1. М., 1918.

¹⁷ Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XVIII в. М. 1958; Богоявленский С.К. Вооружение русских войск в XVI-XVII вв. // Исторические записки. 1938. № 4; Бибииков Г.Н. Опыт военной реформы 1609-1610 гг. // Исторические записки. 1946. № 19; Зимин А.А. К истории военных реформ 50-х годов XVI в. // Исторические записки. 1956. № 55; Калинычев Ф.И. Правовые вопросы военной организации Русского государства второй половины XVII века. М., 1954; Коробков Н.М. Семилетняя война. Действия России в 1756-1762 гг. М., 1940; Королюк В.Д. Ливонская война. М., 1954; Коротков И.А. Иван Грозный. Военная деятельность. М., 1952; Тарле Е.В. Северная война и шведское нашествие на Россию. М., 1958; Чернов А.В. Вооруженные силы Русского государства в XV-XVII вв. М., 1954 и др.

¹⁸ См.: Горелик М.В. Монголо-татарское оборонительное вооружение второй половины XIV – начала XV в. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М., 1983; Кирпичников А.Н. Военное дело на Руси в XIII-XV вв. Л., 1976; Худяков Ю.С. Вооружение центрально-азиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск, 1991. Среди последних работ в этом направлении см.: М.В. Горелик «Армии монголо-татар X-XIV вв.» (М., 2002); Щербаков А., Дзысь И. Куликовская битва. М., 2001. См. также статьи: Бобров Л.А. Вооружение и тактика монгольских кочевников эпохи позднего средневековья (XVII в.) // Para bellum. 2002. № 13; Васильев А. Войско Великого княжества Литовского в сражении при Грюнвальде // Цейхгауз. 2000. № 10 (1); Васин П. «Воины христовы». Вооружение тяжелой боярской конницы времен Куликовской битвы (2-ая половина XIV в.) // Империя истории. 2002. № 2 (2); Кирпичников А. Ледовое побоище. Тактические особенности, построение и численность войск // Цейхгауз. 1997. № 1(6) и др.

¹⁹ Рыбаков Б.А. Военное искусство; Арциховский А.В. Оружие; Косточкин В.В. Военно-оборонительные сооружения // Очерки русской культуры XIII – XV вв. Ч. 1. М., 1969. С. 348-464; Епифанов П.П. Оружие и снаряжение. Крепости. Войско и военная организация // Очерки русской культуры XVI века. Ч. 1. М., 1976. С. 292-380; Епифанов П.П. Войско. Оружие. Крепости // Очерки русской культуры XVII века. Ч. 1. М.,

аспекты развития русской армии в указанный период.²⁰ Но этих работ было немного, поскольку большинство отечественных исследователей сосредоточились на изучении социально-экономической, политической и культурологической проблематике.²¹

Положение стало изменяться к лучшему лишь в конце 80-х – 1-й половине 90-х гг. минувшего столетия. На волне перестройки и вызванной ею переоценки ценностей в советском обществе стремительно вырос интерес к истории, в том числе и к военной. Появляется ряд работ, посвященных именно военной истории Российского государства и развитию его военного дела. В них рассматривались различные аспекты развития русского военного дела во 2-й половине XV – XVIII вв.: организация пограничной службы, состав и численность армейских группировок, развитие военной мысли, производство оружия и амуниции, морально-психологическое состояние личного состава армии и флота и многое другое.²² Спрос на военно-историческую литературу быстро увеличивался, показателем чего стало появление множества статей и независимых, негосударственных периодических изданий соответствующей тематики. Затем к делу подключились книгоиздательские фирмы, которые в условиях экономической либерализации и формирования рыночных отношений моментально отреагировали на него, начав сперва переиздание старой военно-исторической литературы, а затем приступив к публикации новой. И, повторяя путь, пройденный ранее на Западе, первыми возникшую нишу заполнили работы непрофессионалов, научный уровень которых весьма различался – от серьезных и основательных до откровенно скандальных.²³ Это не могло не вызвать ответной реакции исторического сообщества, тем более что во 2-й пол. 90-х гг. минувшего столетия формируется новая генерация российских историков, более свободных в выборе тематики и методики своих исследований. Как итог, на рубеже столетий началась новая волна публикаций по отечественной военной истории, подготовленных на значительно более высоком научном уровне. Их авторы, используя широкий круг источников, как опубликованных, так и впервые введенных в научный оборот, сумели по-новому взглянуть на многие страницы отечественной военной истории.²⁴ Это вселяет надежду в преодоление со временем отмеченного А.В. Маловым, одним из ярких представителей этой генерации современных российских историков, дисбаланса между общим уровнем развития отечественной исторической науки и состоянием военно-исторических исследований в стране.²⁵

Вместе с тем нельзя не отметить, что в современной отечественной военно-исторической литературе остро не хватает работ не описательного характера – их за прошедшие годы вышло достаточно много. Нет, главная проблема в отсутствии сколь-нибудь значительного числа аналитических исследований, особенно сравнительно-исторического характера, в которых давался бы анализ основных тенденций развития во-

1979. С. 234-296; Епифанов П.П., Комаров А.А. Военное дело. Армия и флот // Очерки русской культуры XVIII века. Ч. 2. М., 1987. С. 187-257.

²⁰ См.: Загоровский В.П. Белгородская черта. Воронеж, 1969; Зимин А.А. Опричнина. М., 1964 и др.

²¹ См.: Каштанов С.М. Социально-политическая история России конца XV – первой половины XVI в. М., 1967.

²² См., например: Волков С.В. Русский офицерский корпус. М., 1993; История Северной войны. М., 1987; Леонов О., Ульянов И. Регулярная пехота 1698-1801 гг. М., 1995; Павленко Н.И. Петр Великий. М., 1990; Ростунов А.В. Генералиссимус А.В. Суворов. М., 1989; Эйдельман Н.Я. Грань веков. СПб., 1992 и ряд др.

²³ Ярким примером такого рода работ является достаточно объемная работа В.В. Тараторина «Конница на войне» (Минск, 1999). Рецензию на нее см.: Нефедкин А.К. Новая история конницы // *Para bellum*. 2002. № 14. С. 107-117.

²⁴ Кротов П.А. Гангутская баталия 1714 года. СПб., 1996; Богданов А.П. Неизвестная война царя Федора Алексеевича // Военно-исторический журнал. 1997. № 6. С. 61-71; Малов А.В. Государевы выборные московские полки солдатского строя // *Цейхгауз*. 2001. № 1 (13). С. 2-7; его же. Государевы выборные московские полки солдатского строя. Командиры выборных полков // *Цейхгауз*. 2001. № 4 (14). С. 7-14; Курбатов О. Наемный корпус Деллагарди на службе царя Василия Шуйского // *Цейхгауз*. 2002. № 3 (19). С. 4-6; его же. Организация и боевые качества русской пехоты «нового строя» накануне и в ходе русско-шведской войны 1656-1658 годов // Архив русской истории. Вып. 8. М.: Дрвлекхранилище, 2007. С. 157-197 и др.

²⁵ Малов А.В. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории 1656-1671 гг. М., 2006. С. 8.

енного дела. Справедливости ради необходимо отметить, что нельзя сказать, что таких работ нет вообще – они есть, и на первый взгляд их немало. К их числу можно отнести, к примеру, исследования, подготовленные в стенах Института военной истории Министерства обороны РФ²⁶, или переиздание целого ряда ставших классическими военно-исторических работ.²⁷ Усилиями энтузиастов многие военно-исторические сочинения, ставшие библиографической редкостью, теперь размещены в сети Internet. Однако всего этого явно недостаточно, чтобы полностью удовлетворить существующий голод на серьезную, академическую военно-историческую литературу, отражающую последние тенденции в изучении проблем военной истории. [15]

Главная проблема заключалась прежде всего в том, что процессы изменений в русском военном деле (особенно это касается периода до XVIII в.) рассматривались или в полном отрыве, или в очень слабой связи с теми переменами, что имели место в это же время за пределами России. Между тем во 2-й половине минувшего столетия историческая наука постепенно стала отходить от прежнего, унаследованного от эпохи Просвещения взгляда на историю как на непрерывный процесс развития по пути прогресса, единый для всех народов и стран. Прежний европоцентризм постепенно сдает свои позиции, и европейская модель развития многими историками уже не считается единственно верной и правильной. Как отмечали составители очередного выпуска сборника «Цивилизации», «...Евразийский континент – особое географическое пространство, где цивилизационное развитие человечества достигло своей предельной концентрации и где выявилось максимальное разнообразие его моделей, в том числе и взаимодействие Востока и Запада».²⁸ Изменилось и понимание сути исторического процесса. Он уже больше не выглядит как широкая магистральная дорога, устремленная вдаль. Напротив, история развития мировой цивилизации мыслится как многовариантная, нелинейная система, все элементы которой находятся в тесном взаимодействии и взаимовлиянии. Очевидно, что и российская история является частью общеисторического потока, следовательно, процессы, имевшие место в окружавших Россию странах, так или иначе оказывали воздействие, прямое или опосредованное, на ход ее развития.

Т.о., российский исторический процесс при всех его характерных отличиях является частью общемирового исторического потока, и, развиваясь по своему особенному пути, продиктованному особенностями формирования и существования, российский социум подчинялся определенным историческим закономерностям, свойственным в той или иной мере всем человеческим общностям на определенном этапе развития. Все это диктует необходимость изучения процесса развития русского военного дела в тесной взаимосвязи с изменениями в военной сфере, что имели место в соседних государствах. Однако в таком случае без привлечения широких исторических аналогий вести сравнительно-исторические исследования невозможно. Можно, конечно, замкнуться в узких рамках [16] конкретной темы, но в таком случае итоги и вводы исследования будут в какой-то степени ущербны, иметь ограниченное значение. Кроме того, необходимо учитывать и то обстоятельство, что военное дело испытывает влияние со стороны других сфер жизни общества, в свою очередь, оказывая воздействие на них.

Так или иначе, но неизбежно рано или поздно встает проблема формулирования некоей идеи, которая могла бы объединить все эти предварительные замечания в единое целое. На наш взгляд, такой идеей, позволяющей связать воедино не только перемены в военном деле, но и изменения в политическом, социальном, культурном развитии и Европы, и России, и Азии и всего мира в целом, является концепция военной революции.

²⁶ Золотарев В.А. Военная безопасность государства Российского. М., 2001; История западноевропейских армий. М., 2003.

²⁷ Например: Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. Т. I-IV. СПб., 1996-2001; Разин Н.А. Истории военного искусства. Т. 1-4. СПб., 1994-1995; Свечин А.А. Эволюция военного искусства. М., 2002.

²⁸ Цивилизации. Вып. 6. М., 2004. С. 5.

Какое содержание вкладывается сегодня в зарубежной историографии в понятие «военная революция»? Для того, чтобы разобраться в сущности этого термина, необходимо вернуться на более чем на полстолетия назад.

Серьезные изменения в тактике и стратегии европейских армий, вызванные внедрением огнестрельного оружия, были отмечены европейскими учеными и специалистами достаточно давно. Они нашли свое отражение как в теоретических трактатах²⁹, так и в записках европейских военных 2-й половины XV – начала XIX вв.³⁰ Однако сам термин «Военная революция» применительно к событиям в военной и политической истории Западной Европы конца Средневековья и начала Нового времени ввел в научный оборот английский историк М. Робертс.

Выступая в январе 1955 г. с лекцией в университете Королевы в Белфасте, он, по словам своего последователя Дж. Паркера, вопреки устоявшейся традиции считать XVI в. в истории военного дела период мало чем примечательным выдвинул идею в высшей степени «оригинальную, важную и несомненно своеобразную для изучения [17] развития искусства войны в постренессансной Европе».³¹ Основные положения этой концепции были изложены Робертсом в отдельной статье.³² Предваряя свою мысль, он отметил, что на исходе Средневековья в военном деле Европы произошли чрезвычайно важные изменения, которые нельзя не назвать военной революцией. По его мнению, «...эта революция, когда она завершилась, оказала глубокое влияние на общее генеральный курс европейской истории. Это событие стало своего рода водоразделом между средневековым миром и миром современным. Тем не менее этой революцией, как ни странно, пренебрегли историки. Эксперты в военной истории главным образом были заинтересованы в описании того, что случилось, не проявляя заинтересованности в том, чтобы изучить ее воздействие на остальные сферы жизни общества; в то же время историки-обществоведы были несклонны полагать, что новые веяния в тактике или усовершенствованное оружие могло иметь для предмета их изучения большое значение».³³

Анализируя сущность произошедших в военном деле Западной Европы перемен, М. Робертс указывал, что этот переворот, который занял промежуток времени между 1560 и 1660, по существу, «...являлся еще одной попыткой разрешить постоянную проблему тактики – как соединить метательное оружие и рукопашную схватку, как объединить ударную мощь, подвижность и защитную силу. И решение, предложенное в соответствии с реформами Морица Оранского и Густава Адольфа, было возвращением под влиянием вдохновением Вегеция, Элиана и Льва Исавра к линейным боевым порядкам. Вместо массивных, глубоких, громоздких квадратов испанского *tercio*, или еще больших и многочисленных нерегулярных швейцарских «баталий», они прибегли к использованию подразделений, выстроенных в 2 или 3 линии таким образом, чтобы наиболее эффективно применять все типы оружия. Мориц использовал этот новый боевой порядок только для обороны; но тем более ошеломительным был успех Густава-Адольфа, применившего его в наступательных целях».³⁴ [18]

Развивая свой тезис далее, М. Робертс указал на основные, по его мнению, черты этого переворота: изменения в тактике, которые повлекли в свою очередь, резкое возрастание требований к дисциплине и качеству обучения солдат и офицеров. «Ар-

²⁹ См. например: Макиавелли Н. О военном искусстве // Государь. Рассуждение о первой декаде Тита Ливия. О военном искусстве. М.: Мысль, 1997.

³⁰ Коммин Ф. де. Мемуары. М., 1986; Монтекуколи Р. Записки Раймунда графа Монтекуколи, генералиссимуса цесарских войск, генерал-фельдцейхмейстера и кавалера Златаго Руна или главные правила военной науки вообще. М., 1760; Фридрих II. Поэма военное искусство в шести песнях, сочинение Фридрика Великого. СПб., 1817; Наполеон. Воспоминания и военно-исторические произведения. СПб., 1994 и др.

³¹ Parker G. The "Military Revolution," 1560-1660 – a Myth? // The Journal of Modern History. Vol. 48. № 2 (June 1976). P. 195.

³² Roberts M. The Military Revolution, 1560-1660 // Roberts M. Essays in Swedish History. L., 1967. P. 195-225.

³³ Ibid. P. 195.

³⁴ Ibidem. P. 196.

мия, – отмечал Робертс, – перестала быть швейцарской грубой массой или средневековым обществом агрессивных одиночек-профессионалов; она стала хорошо устроенным организмом, каждая часть которого повиновалась импульсам, спускавшимся сверху...».³⁵ Следующая черта – постепенная замена прежних наемных армий, «покупаемых» на время кампании, армиями постоянными, не распускавшимися после завершения кампании или войны. Эти постоянные армии значительно выросли в числе, равно как изменилась и стратегия. Однако это повлекло за собой и изменение характера войны – ведение войны было монополизировано государством: «Теперь только государство могло мобилизовать необходимые административные, технические и финансовые ресурсы, требуемые для крупномасштабных военных действий. И государство было заинтересовано, чтобы сделать войну собственной монополией...». Монополизация права ведения войны государством, новый ее образ выразились прежде всего даже не столько в запрещении частных армий и антрепренерства, сколько в появлении «...новых административных методов и стандартов; новой администрации, с самого начала королевской, централизованной. На свет рождаются военные министерства и военные министерства, которые быстро распространяются...».³⁶

Однако, как указывал историк, новые армии, новые порядок их содержания и обучения солдат, неизбежно вел к резкому возрастанию военных расходов. Пытаясь разрешить эту проблему, на первых порах монархи Европы в погоне за военным превосходством были вынуждены влезать в долги, девальвировать монету, прибегать к взиманию экстраординарных налогов и, что самое главное, так или иначе стремиться освободиться от какой-либо зависимости от сословно-представительных учреждений в финансовых вопросах. В конечном итоге общество пожертвовало свободой в обмен на безопасность, предоставляемую постоянной армией, находившейся под жестким контролем сильной королевской власти.³⁷ [19]

Но и это еще не все. «Военная революция, по мнению многих ученых, родила не только современную войну, но также и современный милитаризм... Открылась дорога, прямая и широкая, к пропасти двадцатого столетия...», – отмечал М. Робертс.³⁸ Т.о., английский историк предположил, что внедрение в военную практику Европы на исходе Средневековья огнестрельного оружия и его широкое распространение в XVI – начале XVII в. привело к радикальным переменам в европейском военном деле, вызвавшим лавинообразный процесс экономических, социальных, политических и культурных перемен. Он изменил лицо Европы, заложив основы современного европейского общества и одолеваяющих его проблем.

Выдвинутая М. Робертсом идея вызвала большой интерес и легла в основу работ многих западноевропейских историков 60-х – начала 70-х гг. XX вв., изучавших проблем политического и социально-экономического развития Западной Европы XIV – XVIII вв.³⁹ «В течение нескольких лет в известной степени туманная концепция военной революции, – по словам американцев Б. Хэлла и К. ДеВриса, – стала новой ортодоксией в истории Европы на заре Нового времени».⁴⁰ Сам М. Робертс, не ожидавший такого эффекта от своего выступления, писал в 1995 г. Дж. Паркеру, что не ожидал такого эффекта от обычной лек-

³⁵ Ibidem. P. 198.

³⁶ Ibidem. P. 205.

³⁷ Ibidem. P. 07-208.

³⁸ Ibidem. P. 213, 218.

³⁹ См., например: Bean R. War and Birth of the Nation State // The Journal of Economic History. Vol. 33. № 1 (Mar., 1973). P. 203-221; Clark G. War and Society in the Seventeenth Century. Cambridge, 1958; Howard M. War in European History. L.s, 1976; McNeill W. The Rise of the West. A History of Human Community. Chicago, 1963 (русский перевод: Мак-Нил У. Восхождение Запада. История человеческого сообщества. М.- Киев, 2004) и др.

⁴⁰ Hall B.S., DeVries K.R. The Military Revolution Revisited // Technology and Culture. № 31. 1990. P. 500.

ции в провинциальном университете и мог даже и надеяться, что ему удастся внести в историческую науку нечто новое.⁴¹

Однако первичная увлеченность новой концепцией прошла к сер. 70-х гг. минувшего столетия. К этому времени накопились новые материалы, появились новые идеи, которые потребовали критического пересмотра концепции военной революции. Вырос и интерес общества к военной истории и истории военного дела как ее составной части. Все это потребовало корректировки гипотезы Робертса [20]тса. Начало процессу ревизии концепции военной революции положил английский историк Дж. Паркер своей программной статьей «Военная революция» 1560-1660 – миф?».⁴²

В этой статье Дж. Паркер, согласившись с четырьмя ключевыми, по его мнению, тезисами Робертса о революции в тактике, революции в стратегии, невероятном росте масштабов войны в Европе и огромном влиянии, которое оказала новая война на развитие западноевропейского общества, задался вопросом: «Могут ли эти утверждения быть изменены в современных условиях?».⁴³

Ответ на него был утвердительным. Во-первых, по мнению Дж. Паркера, 1560 г., выбранный Робертсом в качестве отправной точки военной революции, не совсем удачен, так как явные признаки, присущие армии Нового времени, армии эпохи военной революции, можно найти в *кондоттах* ренессансной Италии. Вместе с тем военная революция не закончилась и в 1660 г., поэтому Дж. Паркер предложил расширить ее временные рамки с 1530 по 1710 гг.⁴⁴ Во-вторых, Паркер, признавая революционность вклада, сделанного Морицем Оранским и Густавом-Адольфом в развитие западноевропейского военного дела, подчеркнул необходимость отдать должное их предшественникам – к примеру, испанским военными теоретиками и практиками XVI в.⁴⁵ Кроме того, Паркер обратил внимание на целый ряд других военно-технических новшеств, оказавших значительное влияние на развитие военного дела в XVI в., и, прежде всего, на новую систему фортификации, *trace italienne*, которая появилась в ответ на растущую мощь артиллерии.⁴⁶

Статья Паркера привела к оживлению споров вокруг концепции военной революции. За этим небольшим, но весьма содержательным исследованием последовало целый ряд других работ, в которых были изложены все основные «за» и «против» в отношении концепции Робертса.⁴⁷ [21]

Своеобразным ответом на эти публикации стало масштабное исследование Дж. Паркера «The Military Revolution. Military innovation and the Rise of the West, 1500-1800»⁴⁸, в которой он изложил свое видение проблемы с учетом последних данных. И снова эта работа, в которой английский историк высказался в защиту идеи Робертса против ее критиков, послужила началом новой оживленной дискуссии вокруг проблемы военной революции, которая продолжается и сегодня, захватывая все новые и новые аспекты перемен в военном деле позднего Средневековья и начала Нового времени.⁴⁹

⁴¹ Parker G. The “Military Revolution” 1955-2005: from Belfast to Barcelona and the Hague // The Journal of Military History. № 69 (January 2005). P. 209.

⁴² Parker G. The “Military Revolution,” 1560-1660 – a Myth? // The Journal of Modern History. Vol. 48. № 2 (June 1976). P. 195-214.

⁴³ Op. cit. P. 197.

⁴⁴ Ibid. P. 223.

⁴⁵ Ibidem. P. 198-199.

⁴⁶ Ibidem. P. 203-204.

⁴⁷ Tallett F. War and Society in early modern Europe 1495-1715. L., 1992; Black J. War and the World. Military Power and the Fate of Continent 1450-2000. New Hawen-London, 1994; Jespersen K.J.V. Social Change and Military Revolution in Early Europe: Some Danish Evidence // Historical Journal. Volume 26. Issue 1 (Mar., 1983). P. 1-13 и др.

⁴⁸ Parker G. The Military Revolution. Military innovation and the Rise of the West, 1500-1800. Cambridge, 1988.

⁴⁹ Краткий обзор последних публикаций по проблеме см.: Parker G. The “Military Revolution” 1955-2005: from Belfast to Barcelona and the Hague // The Journal of Military History. № 69 (January 2005). P. 205-209. См. также: Crevelde M. van. Technology and War I: to 1945 // The Oxford Illustrated History of Modern War. Oxford, 1997. P. 175-193; Downing B.M. Constitutionalism, Warfare, and Political Change in Early Modern Europe // The-

К настоящему времени в дискуссии вокруг проблемы военной революции четко обозначились основные точки зрения. В том, что внедрение пороха и огнестрельного оружия в повседневную военную практику Запада (и затем Востока – П.В.) имело весьма и весьма серьезные последствия – с этим согласны все участники дискуссии. Однако мнения историков, занимающихся этим вопросом, расходятся по нескольким основным пунктам, главными из которых являются следующие: являлись ли эти перемены действительно революционными, каков их временной и пространственный охват и в чем заключались их последствия как для истории Европы, так и для всего мира.⁵⁰ [22]

Главным защитником идеи военной революции и продолжателем дела, начатого М. Робертсом, стал Дж. Паркер. В ряде своих работ он аргументированно и обстоятельно изложил все доводы «за», при этом существенно дополнив и развил концепцию своего предшественника, придав ей большую стройность и определенность. К настоящему времени гипотеза о военной революции в Европе на рубеже Средневековья и Нового времени в наиболее сжатом виде, по мнению Дж. Паркера, может быть представлена следующим образом. «Трансформация военного дела в Европе на заре Нового времени включала в себя три основных компонента – широкое использование огнестрельного оружия, – писал он, – распространение новых систем фортификации и рост численности армий...».⁵¹ Эти три инновации повлекли за собой все остальные новшества сперва в военном деле, а затем и перемены в политическом, социальном, экономическом и культурном устройстве западноевропейского общества. В таком виде военная революция привлекла к себе значительно число сторонников и нашла отражение в серии исследований.⁵²

Вместе с тем в это время окончательно сформировалось и окрепло течение, подвергающее сомнению саму идею военной революции. Противники концепции Робертса и Паркера считают, что для описания характера этих перемен термин «революция» не подходит из-за чрезвычайной их растянутости во времени и «размывания» в результате расширения поля исторического поиска первоначально [23] стройной и логичной идеи. Ученые, которых можно причислить к этой группе, скорее являются сторонниками постепенного, поэтапного развития и изменения западноевропейского военного дела в период между концом Средневековья и началом Нового времени. Так, Дж. Хэйл предложил использовать для описания процессов эволюции военного дела в позднем Средневековье и в начале Нового времени термин «военная эволюция», поскольку, по его мнению, для революции процесс перемен в военной сфере оказался слишком растянут во времени.⁵³ Более того,

ory and Society. Vol. 17. № 1 (Jan., 1988). P. 7-56; Poe M. The Consequences of the Military Revolution in Moscow: A Comparative Perspective // Comparative Studies in Society and History. Vol. 38. № 4 (Oct., 1996). P. 603-618; Raudzens G. Military Revolution or Maritime Evolution? Military Superiorities or Transportation Advantages as Main Causes of European Colonial Conquests to 1788 // The Journal of Military History. Vol. 63. № 3. (Jul. 1, 1999). P. 631-641 и др.

⁵⁰ Обзор основных направлений в современной западной историографии, связанных с изучением проблем, обусловленных коренными изменениями в европейском военном деле конца Средневековья – начала Нового времени, см.: Frost R.J. The Polish-Lithuanien Commonwealth and the “Military Revolution” // Poland and Europe: Historical Dimensions. Vol 1. Selected Essays from the Fiftieth Anniversary International Congress of the Polish Institute of Arts and Sciences of America. N.Y., 1993. P. 19-23, 36, 83-95; Parrott D. The Constraints on Power: Recent Works on Early Modern European History // European History Quarterly. 1990. Vol. 20. P. 101-108; Rogers C.J. The Military Revolution in History and Historiography // The Military Revolution Debate. Boulder-Oxford, 1995. P. 3-7 и др.

⁵¹ Parker G. The Military Revolution. Military innovation and the Rise of the West, 1500-1800. P. 43.

⁵² Childs J. The Military Revolution I: The Transition to Modern Warfare // The Oxford Illustrated History of Modern War. Oxford, 1997. P. 19-34; Croxton D. A Territorial Imperative? The Military Revolution, Strategy and Peacemaking in the Thirty Year War // War in History. 1998. № 5 (3). P. 253-279; DeVries K. Gunpowder Weaponry and the Rise of the Early Modern State // War in History. 1998. № 5 (2). P. 127-145; Palmer M.A.J. The “Military Revolution” Afloat: the Era Anglo-Dutch Wars and the Transition to Modern Warfare at Sea // War in History. 1997. № 4 (2). P. 123-149; Roy K. Military Synthesis in South Asia: Armies, Warfare and Indian Society c. 1740-1849 // The Journal of Military History. Vol. 69. (July, 2005). P. 651-690; Wood J.B. The King’s Army. Warfare, soldiers and society during the Wars of Religion in France, 1562-1576. Cambridge, 1996 и др.

⁵³ Hale J.R. War and Society in Renaissance Europe, 1450-1620. – N.-Y.: St. Martin’s Press, 1985. P. 46.

один из главных «эволюционистов», Дж. Линн, предложил вообще отказаться от термина «военная революция», выдвинув взамен оригинальную гипотезу поэтапного развития европейского военного дела от эпохи Средневековья до наших дней.⁵⁴

Анализируя эволюцию европейского военного дела, Дж. Линн подчеркивал, что для изучения особенностей военного строительства на каждом этапе намного более важным представляется исследование таких его аспектов, как способы комплектования вооруженных сил, их организация, проблемы мотивации и морального духа, состояние командования, формы оплаты военнослужащих и отношения армии к обществу и власти. Технологические и тактические новшества вместе со способами подготовки и обучения личного состава вооруженных сил, которым сторонники военной революции уделяли и продолжают уделять первостепенное внимание, на взгляд Линна, конечно же, важны, но по отношению к названным выше аспектам занимают второстепенные позиции. По его мнению, сводить причины изменений в военном деле позднесредневековой Европы и Европы на заре Нового времени к одним только технологическим новшествам типа новой системы фортификации, *trace italienne*, нельзя.⁵⁵ Он же указал на то, что армия Генриха IV французского раньше и независимо от голландцев и шведов перешла от традиционных для XVI в. крупных формаций к небольшим подразделениям [24] и стала использовать элементы линейной тактики.⁵⁶

Подобный радикализм в целом не встретил серьезной поддержки среди основной массы специалистов, занимающихся проблемами военной истории Западной Европы в указанный период, но в известной степени способствовал «размыванию» временных и территориальных рамок военной революции.⁵⁷ Так, ряд западноевропейских историков полагают, что на протяжении более чем трехсот лет, с середины XV и до начала XIX вв., было по меньшей мере две военных революции. По мнению К. Роджерса, за четыреста лет, с XIV по XVII вв., европейское военное дело пережило даже четыре военных революции: «пехотную», «артиллерийскую», «артиллерийско-крепостную» и собственно «военную».⁵⁸ Кроме того, по мнению многих историков, рассматривая эту проблему, не стоит замыкаться только европейскими рамками, а необходимо изучить те изменения в военном деле в других регионах мира, имевших место в это же время, а также их взаимовлияние.⁵⁹ Некоторые же, как, например, М. Прествич, и вовсе полагают, в чем-то смыкаясь с «эволюционистами», что военная революция XV-XVIII вв. была естественным продолжением средневековой военной революции, проходившей поэтапно с конца XII по 40-е гг. XIV вв.⁶⁰

Спорным и неоднозначным выглядит, по мнению ряда современных историков, и вопрос о степени влияния перемен в военной сфере на заре Нового времени на политическое и социальное устройство европейских государств. Если с точки зрения сторонников военной революции необходимость создания сильных и многочисленных постоянных армий стимулировало процессы становления сильной власти и рождение абсолютистских монархий Нового времени, то, к примеру, Н. Хеншелл полагает, что все было с точностью [25]

⁵⁴ Lynn J.A. The Evolution of Army Style in the Modern West, 800-2000 // The International History Review. XVIII. № 3 (Aug., 1996). P. 509.

⁵⁵ Lynn J. The Trace Italienne and the Growth of Armies: The French Case // The Journal of Military History. Vol. 55. № 3 (Jul., 1991). P. 323.

⁵⁶ Lynn J.A. Tactical Evolution in the French Army. 1560-1660 // French Historical Studies. – Vol. 14. – Issue 2 (Autumn, 1985). – P. 176-191.

⁵⁷ См., например: Black J. European Warfare 1494-1660 and the Military Revolution // History Review. March 2003. P. 47-52; Black J. European Warfare 1660-1815. – New Haven-London: Yale University Press, 1994 и др.

⁵⁸ Rogers C.J. The Military Revolution of the Hundred Years' War // The Journal of the Military History. Vol. 57. № 2 (Apr., 1993). P. 276.

⁵⁹ См., например: Childs J. The Military Revolution I: The Transition to Modern Warfare...; Black J. European Warfare 1494-1660 and the Military Revolution... и др.

⁶⁰ Prestwich M. Armies and Warfare in the Middle Ages. The English Experience. New Haven & London, 1996. P. 345-346.

до наоборот, ибо, по его мнению, абсолютизм есть ничто иное как историографический миф.⁶¹

Таким образом, можно заключить, что разброс мнений в западной историографии по проблеме военной революции к настоящему времени достаточно велик. Очевидно, что это разнообразие обусловлено во многом тем, что М. Робертс и его первые последователи оперировали прежде всего материалами даже не всей Европы, но прежде всего Европы протестантской, северной и северо-западной. Не секрет, что в основу концепции военной революции легли результаты многолетних изысканий Робертса по шведской политической, социально-экономической и военной истории XVII в.⁶² Привлечение же материалов из других регионов Западной Европы и тем более с ее периферии, к примеру, из Восточной Европы, давало порой весьма неожиданные результаты, которые нельзя было однозначно истолковать в свете «ортодоксальной» теории военной революции.⁶³ В этом плане достаточно примечательна небольшая статья английского историка Р. Фроста «Речь Посполитая и “военная революция”». ⁶⁴ Признавая в целом существование отдельных признаков военной революции в Речи Посполитой в сер. XVI – сер. XVII вв., он, тем не менее, подчеркивал и существенные отличия картины ее протекания применительно к конкретным условиям польско-литовской государственности в сравнение с «классическими» в этом отношении Швецией и Голландией. Дальнейшее развитие концепция «особенного» восточноевропейского варианта военной революции нашла отражение в относительно недавно вышедшей его работе «Северные войны 1558-1721».⁶⁵

Нечто подобное можно сказать и в отношении особенностей развития военного дела в рассматриваемый период на Востоке, в особенности в Османской империи – наиболее сильном в военном отношении неевропейском государстве, долгое время представлявшем серьезную угрозу для Запада. Между тем проблемы изучения истории развития османского военного дела в период, когда в Европе происходила военная революция стали предметом пристального внимания немногих историков.⁶⁶ Однако анализ приводимых ими данных и опубликованных османских документов позволяет с уверенностью утверждать, что укрепившееся в западной, да и в отечественной историографии мнение об отсталости и примитивности османского военного дела применительно к рассматриваемому периоду явно ошибочно и османы также вступили на путь военной революции, хотя в силу ряда причин не смогли завершить его.⁶⁷

Т.о., выход за рамки Западной Европы привел к своеобразному «разложению» прежде ясной и целостной концепции из-за возникших внутренних противоречий и, как следствие, способствовал жесткой критике основных тезисов «революционной» теории Робертса – Паркера и их последователей. Однако, на наш взгляд, отрицать значимость выдвинутой М. Робертсом концепции только на том основании, что обоснованная им и усовершенствованная Дж. Паркером «классическая» модель военной революции не укладывается, на первый взгляд, в, например, восточноевропейские реалии, преждевременно. Проблема, по нашему мнению в том, что, как известно, «*rossica non leguntur*» и тем более это применимо к восточным языкам. Потому западные специалисты, исследующие особенности развития русского военного дела в позднем Средневековье – раннем Новом вре-

⁶¹ Хеншелл Н. Миф абсолютизма. Перемены и преемственность в развитии западноевропейской монархии раннего Нового времени. СПб., 2003. С. 10-11, 228-240.

⁶² Roberts M. From Oxenstierna to Charles XII. Four Studies. Cambridge, 1991; Roberts M. The Swedish Imperial Experience 1560-1718. Cambridge, 1979 и др.

⁶³ Hellie R. Enserfment and Military Change in Muscovy. Chicago-London, 1971; Poe M. The Consequences of the Military Revolution in Moscow: A Comparative Perspective ...

⁶⁴ Frost R.J. The Polish-Lithuanien Commonwealth and the “Military Revolution”...

⁶⁵ Frost R.J. The Northern Wars 1558-1721. L. – N.-Y., 2000.

⁶⁶ См., например: Ágoston G. Guns for the Sultan. Military Power and Weapon Industry in the Ottoman Empire. Cambridge, 2005; Murphey R. Ottoman warfare 1500-1700. New Brunswick, 1999 и др.

⁶⁷ Пенской В.В. Военная революция и развитие военного дела в Османской империи в XV – XVII вв. // Восток (Oriens). Афро-азиатские общества: история и современность. 2007. № 6. С. 30-40.

мени, как правило, опираются на вышедшие ранее работы отечественных историков и за редким исключением, носят вторичный характер.⁶⁸ Отечественные же историки не проявили в свое время большого интереса к проблеме военной революции. Это выглядит более чем странным, поскольку многие аспекты, связанные с переворотом в развитии военного дела, вызванном внедрением пороха и огнестрельного оружия, были достаточно подробно разработаны не только в трудах дореволюционных отечественных профессиональных военных историков⁶⁹, но и в работах одного из основоположников марксизма Ф. Энгельса. В ряде своих статей и книг на военную тематику он не только достаточно подробно рассмотрел основные перемены в тактике и вооружении, но и те изменения, которые вызвали военные перемены в экономической, социальной и политической сферах жизни общества.⁷⁰ При этом он неоднократно использовал для характеристики этих перемен прилагательное «революционный».⁷¹ Однако к изучению этой проблематики обратились лишь немногие из советских историков, занимавшихся военно-историческими исследованиями. При этом они в лучшем случае ограничились лишь описанием перемен, имевших место в развитии отечественного военного дела в XV – XVIII вв., не углубляясь в их анализ и уж тем более отказываясь замечать бурные дискуссии, развернувшиеся вокруг проблемы военной революции на рубеже Средневековья и Нового времени, в западной исторической науке.⁷²

Чем это обусловлено – вопрос, требующий отдельного изучения, но, как нам представляется, это связано с отмеченным выше общим пренебрежением отечественной исторической науки к военной истории как «уделу» историков-военных и с определенной изоляцией ее от исторической науки западной. В результате, проанализировав общее состояние военно-исторических исследований в современной России и сравнив его с достижениями западной военно-исторической науки, можно с уверенностью сказать, что отечественная наука находится еще в самом начале этого пути. В полной мере это может быть отнесено и к изучению особенностей протекания военной революции в России. В советской и современной российской историографии проблемы, связанные с ней и с теми переменами, которые она вызвала в военном деле и обществе, применительно к России, на сегодняшний день практически не разработана да и вообще является малоизвестной. Такое положение представляется неправильным, тем более если учесть, что, как было уже отмечено выше, русское военное дело позднего Средневековья – раннего Нового времени развивалось более или менее синхронно с его эволюцией у соседей, испытывая влияние с их стороны и оказывая определенное воздействие на них. Ведь если посмотреть на события, выражаясь словами Л.Н. Гумилева, «с высоты кургана», то нетрудно заметить, что «Русь изначально пребывала в окружении равновеликих и равноценных ей государственных и культурных систем и взаимодействовала с ними...».⁷³ Поэтому еще раз подчеркнем, что применение идеи военной революции к изучению процессов перемен в военном деле Рос-

⁶⁸ Исключения: Hellie R. Enserfment and Military Change in Muscovy...; Paul M. The Military Revolution in Russia, 1550-1682 // The Journal of Military History. № 68 (January 2004). P. 9-45.

⁶⁹ Масловский Д.Ф. Строевая и полевая служба русских войск времен императора Петра Великого и императрицы Елизаветы. М., 1883; Михневич Н.П. Основы русского военного искусства. Сравнительный очерк состояния военного искусства в России и Западной Европе в важнейшие исторические эпохи. СПб., 1898; Пузыревский А.К. Развитие постоянных регулярных армий и состояние военного искусства в век Людовика XIV и Петра Великого. СПб., 1889.

⁷⁰ Энгельс Ф. Армия // Маркс К. Энгельс Ф. Сочинения. Т. 14. М., 1959. С. 5-50; его же. Артиллерия // Маркс К. Энгельс Ф. Сочинения. Т. 14. С. 196-221 Энгельс Ф. Кавалерия // Маркс К. Энгельс Ф. Сочинения. Т. 14. С. 296-325; Энгельс Ф. Тактика пехоты и ее материальные основы 1700-1870 гг. // Маркс К. Энгельс Ф. Сочинения. Т. 20. М., 1961. С. 655-662 и др.

⁷¹ См., например: Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К. Энгельс Ф. Сочинения. Т. 20. М., 1961. С. 171.

⁷² Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XVIII в. М.: Воениздат, 1958; Епифанов П.П. Войско. Оружие. Крепости // Очерки русской культуры XVII века. Ч. 1. М., 1979; Золотарев В.А., Межевич М.Н., Скородумов Д.Е. Во славу Отечества Российского. М.: Мысль, 1984 и ряд др. исследований.

⁷³ Трепавлов В.В. «Ордынское иго» в русской истории (некоторые размышления на «вечную» тему) // Basil-eus. Сборник статей, посвященный 60-летию Д.Д. Васильева. М., 2007. С. 247.

сии того времени позволяет, если так можно выразиться, «вернуть» Московское государство в общий «поток» истории, увязав в единое целое изменения в его государственном, социально-экономическом и культурном развитии.

Одним из первых среди отечественных историков о существовании такой концепции и о существующей взаимосвязи между изменениями во военном деле Западной Европы на рубеже Средневековья и Нового времени и рождением государства и общества Нового времени заговорил в конце 90-х гг. минувшего столетия А.Б. Каменский, намекнув на возможность применения этой идее и к России.⁷⁴ Однако его почин не получил развития, а сама концепция по-прежнему оставалась практически незамеченной на протяжении нескольких последующих лет. Лишь в последние годы наметился определенный отход от прежнего отношения к изучению военного дела позднего Средневековья – раннего Нового времени и проблеме [29] переворота в военном деле, связанном с внедрением в военную практику огнестрельного оружия.⁷⁵ Однако если упоминания о военной революции и появились в работах отечественных специалистов, то, как правило, делаются они со ссылкой на зарубежных авторов и без попыток проанализировать сущность этого явления применительно к отечественным условиям.⁷⁶ Более серьезный подход к использованию концепции военной революции можно найти в последних работах уральского историка С.А. Нефедова.⁷⁷ Однако и в этом случае концепция военной революции не стала предметом специального рассмотрения, а не более чем дополнением к основной теме его исследований. По существу, первая серьезная попытка применить концепцию военной революции к русским реалиям конца XV – нач. XVIII в. была сделана нами в 2004 г.⁷⁸ С тех пор был опубликован ряд новых документов и материалов, вышел ряд интересных исследований по проблемам истории отечественного военного дела конца XV – XVIII вв., что позволило, сохранив в целом саму концепцию упомянутой работы, по иному расставить акценты в отдельных местах, существенно дополнить и переработать ее. [30]

⁷⁴ Каменский А.Б. От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века. Опыт целостного анализа. М., 1999. С. 84-85.

⁷⁵ См., например: Пенской В.В. Военная революция в Европе XVI-XVII веков и ее последствия // Новая и новейшая история. 2005. № 2. С. 194-206.

⁷⁶ Козляков В.Н. Служилый «город» Московского государства XVII века (от Смуты до Соборного уложения). Ярославль, 2000. С. 119; Новоселов В.Р. Проблемы западноевропейской военной организации в эпоху раннего нового времени // Мир и война: культурные контексты социальной агрессии. М., 2005. С. 27; Малов А.В. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории 1656-1671 гг.... С. 10-11.

⁷⁷ Нефедов С.А. Первые шаги на пути модернизации России: реформы середины XVII века // Вопросы истории. 2004. № 4. С. 33-52; Нефедов С.А. Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Екатеринбург, 2005. С. 60-65, 125-130; Нефедов С. А. Концепция демографических циклов. Екатеринбург, 2007. С. 114-118.

⁷⁸ Пенской В.В. Военная революция в Европе и вооруженные силы России второй половины XV – XVIII вв.: от дружины к регулярной армии. М., 2004.

*Да ведают потомки православных
Земли родной минушую судьбу,
Своих царей великих поминают
За их труды, за славу, за добро...*

Пушкин А. С. Борис Годунов.

ГЛАВА I

Вступление России на первый этап военной революции. Начало процесса «ориентализации» русского военного дела в конце XV – 1-й по- ловине XVI в.

§ 1. Военное дело Московского государства накануне перемен (конец XIV – 1-я половина XV в.).

В своем развитии в эпоху позднего Средневековья – раннего Нового времени вооруженные силы Российского государства прошли длинный, извилистый путь, имевший как черты сходства, так и различия с процессами перемен в военной сфере соседних государств как Европы, так и Азии. Освободившись от тягостной ордынской зависимости и выйдя на международную арену, Россия попыталась интегрироваться в сложившуюся к тому времени систему международных отношений, используя как дипломатические, так и силовые методы. Естественно, что решение этой задачи было немыслимо без наличия мощных и боеспособных вооруженных сил, которые могли обеспечить не только защиту уже достигнутых границ, но и непрерывную внешнюю экспансию, которая была характерна для всех государств позднего Средневековья – раннего Нового времени.¹ Этим обуславливается то пристальное внимание, с которым московские власти относились к проблемам военного строительства и к перениманию последних новинок в военном деле в соседних странах. Естественно, что Россия не могла остаться в стороне [31] от набравшего постепенно силу процесса военной революции, тем более что он с самого начала во все не была обществом, отгороженным «китайской стеной» от внешнего мира и контакты с ним не прекращались даже в самые трудные и сложные времена. Все это позволяло москвитам быть в курсе последних событий и своевременно откликаться на вызов времени.

Характеризуя особенности изменений в военном деле Российского государства в рассматриваемый период, П.Н. Милюков предложил оригинальную и вместе с тем, на наш взгляд, не устаревшую до сих пор периодизацию развития вооруженных сил России в конце XV – начале XVIII вв., вполне укладывающуюся в рамки концепции военной революции. По его мнению, в истории России в этот период можно выделить пять основных этапов военных преобразований: 1490-е гг. (формирование поместной конницы и отрядов пищальников); 1550-е гг. (создание стрелецкого войска и вместе с ним введение более или менее постоянного налогообложения и усложнение вслед за этим аппарата центральной власти); 1620-е гг. (начало создания полков нового строя, дальнейшее совершенствование государственного аппарата и налоговой системы); 1680-е гг. – создание разрядов, и, наконец, военные реформы 1-й четверти XVIII в., завершившиеся созданием постоянной, регулярной армии.² Примечательно, что более чем полустолетием позже примерно в том же ключе рассматривал историю развития русского военного дела и Р. Хелли, едва ли не

¹ См., например: Кенигсбергер Г. Европа раннего Нового времени, 1500-1789. М. 2006. С. 20-21; Коллманн Н.Ш. Соединенные честью. М., 2001. С. 19; Маккенни Р. XVI век. Европа. Экспансия и конфликт. М., 2004. С. 33.

² Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Ч. 1. С. 150-157.

единственный западный историк, обративший внимание на своеобразие протекавших в России в конце Средневековья – начале Нового времени процессов коренных преобразований в военной сфере. Он отмечал, что «...пороховая революция в Московии состояла из трех этапов. На первом этапе наблюдалось широкое внедрение артиллерии, которое стало причиной перестройки большей части крепостей... На втором этапе с внедрением ручного огнестрельного оружия появился элитный корпус пехоты – стрельцы. Эта пехота успешно действовала в связке с набираемой из числа мелких и средних служилых людей конницей, появление которой было обусловлено не результатами технологических новшеств, а скорее возможностями примитивной сельскохозяйственной экономики... Третий этап состоял во внедрении целиком и полностью заимствованной на Западе военной технологии и тактики...». Общий итог этой «пороховой революции», по Хелли, выразился в замене всадника поместной конницы, вооруженного саблей, луком и стрелами, на пехотинца с кремневым мушкетом в руках.³ Предложенную ими периодизацию в дальнейшем будем использовать и мы, лишь слегка ее скорректировав.

Однако прежде чем начать рассматривать особенности реализации военной революции позднего Средневековья – раннего Нового времени в России, результатом которой превращение России в «пороховую империю»⁴, что, по словам А. Тойнби, «...позволило впервые за всю историю цивилизаций оседлому обществу не просто выстоять в борьбе против евразийских кочевников и даже не просто побить их..., но и достичь действительной победы, завоевав номадические земли, изменив лицо ландшафта и преобразовав в конце концов кочевые пастбища в крестьянские поля, а стойбища – в оседлые деревни (выделено нами – П.В.)...»⁵, необходимо рассмотреть уровень развития военного дела Северо-Восточной Руси перед началом «великих потрясений».

Во 2-й половине XIV – начале XV в., находясь в орбите влияния Орды, русские княжества, особенно северо-восточные, неизбежно должны были испытывать ее воздействие, в том числе и в вопросах строительства вооруженных сил.⁶ И хотя в это время восточное влияние было слабым, прежде всего в силу оборонительной стратегии, которой придерживались русские князья⁷, тем не менее противоборство с Ордой и постоянные внутренние усобицы стимулировали дальнейшее развитие военного дела на Руси.⁸ Оборонительное и наступательное вооружение русских воинов в целом продолжало развиваться в рамках старой традиции. И археологические, и изобразительные, и письменные источники характеризуют русского воина конца XIV – начала XV вв. прежде всего как тяжеловооруженного конного латника-копейщика, главный тактический прием которого – шок, мощный таранный удар копьем.⁹ Исход сражения решался прежде всего в рукопашной схват-

³ Hellie R. Enserfment and Military Change in Muscovy. Chicago-London, 1971. P. 150, 152.

⁴ Kennedy P. The Rise and Fall of Great Powers. Economic Change and Military conflict from 1500 to 2000. N.-Y., 1987. P. 15.

⁵ Тойнби А. Постигание истории. М., 1991. С. 140.

⁶ Степень влияния ордынских политических и социальных институтов на развитие средневекового русского общества остается дискуссионной проблемой, тем более что сама природа ордынского государства уже не выглядит столь однозначно, как предполагалось ранее (см., например: Горский А.А. Русь: от славянского Расселения до Московского царства. М., 2004. С. 228-230; Крадин Н.Н. Империя хунну. М., 2002. С. 182-183, 187, 199-200). Однако, на наш взгляд, можно согласиться с мнением А.Б. Каменского, который отмечал, что Российское государство «создавалось таким, чтобы его политические структуры (в том числе и армия как один из важнейших политических институтов государства – П.В.) могли успешно конкурировать с ордынскими» (Каменский А.Б. Российская империя в XVIII в: традиция и модернизация. М., 1999. С. 27).

⁷ Северо-Восточная Русь продолжала уступать Орде в военном и экономическом потенциале, даже если отбросить в сторону политические разногласия между различными княжескими домами. Кроме того, есть все основания полагать, что вплоть до середины XV в. ордынский хан продолжал выступать для русских как законный правитель, и открытое выступление против него рассматривалось как мятеж (См.: Горский А.А. Указ. соч. С. 301-305).

⁸ См.: Кирпичников А.Н. Военное дело на Руси в XIII-XV вв. Л., 1976. С. 7-10.

⁹ Источники свидетельствуют о достаточно высоком уровне экипировки и вооружения русских ратных людей той эпохи. К примеру, описывая лагерь русского войска в 1376 г. на р. Пьяна, летописец писал, что русские ратники, не ожидавшие нападения татар, «...доспехи своя въскладоша на телеги, а ины в сумы, а у

ке, поскольку русские лучники уступали татарским.¹⁰ Вместе с тем, хотя темпы развития военного дела были невелики, в нем наметились первые, пока еще небольшие перемены. На смену скоротечным сражениям XII в. пришли столкновения более длительные, бои приобрели характер серии последовательных стычек, сшибок конницы. Боевые порядки [34] русских ратей стали более глубокоэшелонированными, усложнился «полчный» ряд.¹¹ Внимательно отслеживая развитие военной техники как на Западе, так и на Востоке, на Руси быстро заимствуют отдельные технические новинки. В частности, на Востоке перенимаются отдельные элементы изготовления и покроя защитного доспеха, а с конца XIV в. русские стали использовать огнестрельное оружие.¹² Однако, судя по тому, насколько редко огнестрельное оружие использовалось конце XIV – XV вв., можно сделать вывод, что оно было явно не в чести у русских князей и воевод и использовалось главным образом только при обороне крепостей от татар и литовцев.¹³

Постепенно меняется и характер войны. Она стала намного более серьезным делом, чем ранее, требовавшим основательной подго[35]товки.¹⁴ Однако организация таких

иных сулицы еще и не насажены бяху, а щиты и копья не приготовлены...» (Рогожский летописец. Тверской сборник // ПСРЛ. Т. XV. М., 2000. Стб. 118). Прделанная отечественными учеными оружейведами работа позволяет представить внешний вид русского ратника 2-й половины XIV – начала XV вв. См., например: Горелик М.В. Оружие Ворсклинской битвы // Цейхгауз. 1994. № 1 (3); Васильев А. Войско Великого княжества Литовского в сражении при Грюнвальде / Цейхгауз. 2000. № 1 (10); Дзысь И., Щербаков А. Новгородцы времен Куликовской битвы // Цейхгауз. 2000. № 3 (12); Васин П. «Воины христовы». Вооружение тяжелой боярской конницы времен Куликовской битвы (2-ая половина XIV в.) // Империя истории. 2002. № 2 (2); Щербаков А., Дзысь И. Куликовская битва. М., 2001.

¹⁰ Не случайно описывая осаду Тохтамышем Москвы в 1382 г., неизвестный русский книжник подчеркивал: «Бяху бо у них (татар – П.В.) стрелцы горазды вельми. Ови от них стояще стреляху, а друзии скоро рещуше изучены суще, инии на коне борзо гоняще на обе руке, и паки и напред и назад скорополучно без прогреды стреляху...» (Повесть о нашествии Тохтамышя // ПЛДР. XIV – середина XV века. С. 196).

¹¹ В качестве примера тактического деления русской рати конца XIV в. приводят обычно описание боевых порядков войска Дмитрия Донского на Куликовом поле. См., например: Сказание о Мамаевом побоище // Воинские повести Древней Руси. Л., 1985. С. 226-227, 229-230. Хотя существуют обоснованные сомнения относительно того, действительно ли войско Дмитрия Донского было построено на Куликовом поле именно так, как это описывается в сказаниях Куликовского цикла (См.: Петров А. «Свеча загорелась сама собой»... // Родина. 2003. № 12. С. 99-103), тем не менее, отрицать факт использования русскими воеводами сложных, расчлененных по фронту и в глубину боевых порядков вряд ли правомерно. Только имея несколько линий в построении войска, можно было с успехом отражать накатывающиеся волна за волной отряды ордынцев. О тактике степняков эпохи средневековья см.: Горелик М.В. Вооружение народов Восточного Туркестана // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. М., 1995. С. 381, 478.

¹² Сравнительный анализ русского и ордынского доспеха конца XIV – начала XV вв. см., например: Горелик М. Куликовская битва 1380: русский и золотоордынский воины // Цейхгауз. 1991. № 1. С. 2-7. Как отмечал Ф. Контамин, первые надежные свидетельства о применении артиллерии в европейских войнах относятся к 1326-1331 гг. На Руси же первое упоминание об использовании артиллерии относится к 1382 г., когда защитники Москвы обстреляли боевые порядки осадившей город армии хана Тохтамышя. К началу 90-х гг. XIV в. относит начало использования артиллерии тверская летописная традиция. См.: Контамин Ф. Война в Средние века. С. 156-157. Летописный сборник, именуемый патриаршей или Никоновскою летописью // ПСРЛ. Т. XI. М., 2000. С. 74-75; ПСРЛ. Т. XV. Стб. 444; ПСРЛ. Т. XXIV. С. 151-152. Тогда же, судя по всему, появляются пушки и на вооружении Новгорода (ПСРЛ. Т. V. Вып. 1. С. 25; Рыбаков Б.А. Военное искусство // Очерки русской культуры XIII – XV веков. Ч. 1. М., 1969. С. 412).

¹³ См., например: ПСРЛ. Т. VIII. С. 122,124; Т. XVI. Стб. 185.

¹⁴ Примером блестяще организованной и проведенной кампании может служить поход русского войска, собранного Дмитрием Ивановичем Московским в 1380 г. Московскому князю и его помощникам удалось не только собрать значительное по тем временам войско. Его численность оценивается различными авторами по-разному, но, скорее всего, она не превышала 40 тыс. ратников (См., например: Щербаков А., Дзысь И. Куликовская битва. С. 12-13, 16). Дмитрий и его соратники сумели организовать довольно быстрый и организованный марш союзной рати к Дону, наладить снабжение войска в местах сбора и на пути следования, обеспечить возможность беспрепятственной переправы через Оку и Дон. Посредством отлично отлаженной системы разведки Дмитрий Иванович был постоянно в курсе дел не только в Степи, но и на флангах и позади себя. Большое значение было уделено и идеологическому обоснованию похода и с религиозной точки зрения, и с политической. Создается впечатление, что у Дмитрия работал хороший штаб, державший в руках все нити управления войском, подготовки и осуществления кампании.

крупномасштабных кампаний, как в 1380 г.¹⁵, оказалось делом чрезвычайно трудоемким и затратным, чтобы одно княжество, даже и самое могущественное, могло их «потянуть». Отсутствие политического единства среди русских княжеств отнюдь не способствовало повторению успеха 1380 г., равно как и развитию наметившихся в конце XIV в. новых явлений в военном деле. В 1-й половине XV в. армия Московского государства все еще оставалась в целом типичной средневековой армией, с еще не слишком заметным восточным оттенком. Новые явления в военном деле Руси становились все заметнее, но они в конце XIV – 1-й половине XV вв. отнюдь не доминировали. Скорее речь можно вести о вкраплении отдельных новшеств в старую добрую традицию.¹⁶ [36]

Т.о., существовавшая в конце XIV – начале XV вв. система военной организации северо-восточных русских княжеств не отвечала требованиям ведения наступательной войны как против Орды, так и против Великого Литовского княжества. Причин для этого было более чем достаточно. Ордынское нашествие конца 30-х – нач. 40-х гг. XIII в. усугубило общий кризис Древней Руси и привело, в конечном итоге, к замедлению темпов социально-экономического и политического развития Северо-Восточной Руси – ядра будущего Российского государства. Экономическая отсталость, обусловленная к тому же и явно недостаточными природными ресурсами, не могла не оказать негативного воздействия и на развитие военного дела северо-восточных русских княжеств.¹⁷ Она налагала ограничения на политику военного строительства русских княжеств и способствовала определенной его архаизации, консервации наиболее древних форм его организации.

В Западной Европе в это время завершался переход от традиционной феодальной милиции к армиям, состоящим преимущественно из наемников. В Северо-Восточной же Руси для этого не было необходимых условий. Русские князья не могли иметь в своем распоряжении ни многочисленного слоя служилых землевладельцев, ни нанимать свободных воинов-профессионалов – рынка наемников на Руси попросту не существовало.¹⁸

¹⁵ По масштабам вовлеченных сил и затраченных средств с кампанией 1380 г. могут сравниться лишь кампания, проведенные Дмитрием Ивановичем Московским против тверского князя Михаила Александровича в 1375 г. и его же новгородский поход 1386-1387 гг. (Подробнее о составе ратей Дмитрия Ивановича в этих походах см.: Горский А.А. Русь: от славянского расселения до Московского царства. М., 2004. С. 246-247, 253-260).

¹⁶ В этом плане весьма интересно проанализировать два сражения, имевших место в конце XIV в. между русскими и татарами – Куликовскую битву 1380 г. и битву на р. Ворскла в 1399 г. А.Н. Кирпичников в одной из своих работ отмечал, что победа Дмитрия Ивановича над Мамаем показала превосходство «традиционных европейских принципов ведения боя над азиатскими» (Кирпичников А.Н. Военное дело на Руси в XIII-XV вв. Л., 1976. С. 17-18). Внешне все выглядит именно так. Однако, присмотревшись внимательно, нетрудно заметить, что никакого преимущества «традиционного» европейского военного искусства над не менее «традиционным» восточным, степным, не было. Дмитрию Ивановичу удалось навязать Мамаю свой рисунок боя, свою тактику, лишив ордынцев их сильных качеств – преимущества в численности, маневре, умелом сочетании последовательных атак легкой и тяжелой конницы, лучного и рукопашного боя. Но он смог это сделать только потому, что Мамай сам стремился к генеральному сражению и пошел на поводу у русского полководца, занявшего весьма удобную позицию на пересеченной, лесистой местности. Ордынский военачальник собственноручно лишил себя всех своих козырей и в итоге проиграл решающую битву.

Но что было бы, если бы сражение состоялось в чистом поле, если бы Мамай не стал ввязываться в лобовую схватку с русской ратью, а попытался бы обойти ее, ударить по ее коммуникациям, нанести молниеносные удары в глубину Русской земли? В этом случае исход кампании и сражения представляется туманным – еще не ясно, чем бы закончился этот конфликт. Орда оставалась еще достаточно могущественным государством, и ее военная система находилась на вершине своего развития. И результат сражения на р. Ворскле 19 годами позднее наглядно показал это. Талантливый военачальник, великий литовский князь Витовт, обладавший значительно большими возможностями, нежели московский князь, потерпел сокрушительное поражение от эмира Едигея. И это несмотря на то, что литовское войско, помимо литовцев, включало также отряды вассальных русских князей, поляков, тевтонских рыцарей, хана Тохтамыша с оставшимися верными ему воинами, пушки и отряды арбалетчиков. Ордынские военачальники еще раз показали, что в полевом сражении на открытой местности им пока нет равных.

¹⁷ Особенно это касалось Московского княжества, блестящую характеристику ресурсов которого дал А.А. Зимин (Зимин А.А. Витязь на распутье. М., 1991. С. 191-197).

¹⁸ Даже самые оптимистически расчеты показывают, что на территории Московского и Владимирского великих княжеств проживало в лучшем случае около 900 тыс. чел., в т.ч. в Московском княжестве около 230

Поэтому созыв в случае необходимости городской милиции был неизбежен, и сосуществование ополчения, набранного из простонародья, с небольшими профессиональными княжескими и боярскими дворами, было неизбежной и практически единственно возможной формой организации вооруженных сил Северо-Восточной Руси в то время.

Безусловно, А.Н. Кирпичников был прав, когда отмечал, что «...военная катастрофа в середине XIII в. и связанная с ней общенародная борьба против поработителей в большей мере нарушила дружинную кастовость войска и открыла в него доступ самым разным слоям общества, в том числе смердам и сельским ополченцам...».¹⁹ Но с точки зрения общеевропейской тенденции развития военного дела такой шаг выглядел очевидным отступлением назад, возвратом к принципам военной организации XI – XIII вв.²⁰

Служилые люди, князья, бояре и дети боярские, в силу своего профессионализма имели существенные преимущества над горожанами-ополченцами и по вооружению, и по умению воевать. Однако эффективному их использованию мешали два обстоятельства. Во[38]-первых, их было немного, а во-вторых, отношения между князем и его служилыми людьми строились на прежних, доордынских, договорных началах. Выступая на войну, великий князь брал в поход не только свой собственный «двор». Он также призывал в поход и своих союзников – удельных князей и бояр вместе с их «дворами». «Лица, жившие в вотчине боярина, зависели от вотчинника, но не от того князя, которому он служил. Бояре, служившие подручному удельному князю, – отмечал Н.П. Павлов-Сильванский, – выступая в поход с войском великого князя, шли особым полком под стягом удельного князя».²¹

В такой ситуации сила и влияние князя во многом зависела от того, как будут развиваться его взаимоотношения со служилыми людьми. Не случайно идеал князя в конце XIV в. оставался тем же, что и в начале XI в.²² И в XIV в. князь обращался со своими воинами не как с подчиненными, а как с соратниками, что нашло отражение в русской литературе того времени.²³

Летописи и сохранившиеся акты дают достаточно много свидетельств именно такого рода отношений между князем и его вассалами. Условия несения службы тщательнейшим образом оговаривались в договорных грамотах великих князей с их

тыс. чел. Соответственно, в Тверском княжестве могло проживать около 360 тыс. чел., в Нижегородском – около 300 тыс., в Рязанском – около 120 тыс., т.е. всего около 1680 тыс. чел. Добавив к этой цифре городское население и население, жившее во владениях церкви, то можно полагать, что в Северо-Восточной Руси проживало около 1800-1900 тыс. чел. (рассчит. авт. по: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // ПСРЛ. Т. III. М., 2000. С. 96; Рогожский летописец. Тверской сборник // ПСРЛ. Т. XV. М., 2000. Стб. 41; Вернадский Г.В. Монголы и Русь. Тверь-М., 1997. С. 225; Горский А.А. Москва и Орда. М., 2005. С. 108-109; Кистерев С.Н. Рубль Северо-Восточной Руси до начала XV века // Очерки феодальной Руси. Вып. 3. М., 1999. С. 81; Татищев В.Н. История Российская. Т. 5. М.-Л., 1964. С. 51 и др.). Свободных рук, которые могли бы найти себе применение в качестве наемников, как это было в Швейцарии или в Германии в XIV – нач. XVI вв., на Руси попросту не было.

¹⁹ Кирпичников А.Н. Военное дело на Руси в XIII-XV вв. С. 12.

²⁰ Если в армиях Западной Европы в это время четко наметился переход от прежних «феодалных» армий к «средневековым оплачиваемым армиям», то на Руси ни политических, ни социально-экономических условий для этого перехода не существовало. См.: Lynn J.A. The Evolution of Army Style in the Modern West, 800-2000 // The International History Review. XVIII. № 3 (Aug., 1996). P. 515-516.

²¹ Павлов-Сильванский Н.П. Государевы служилые люди. М., 2001. С. 18.

²² Достаточно сравнить приводимые летописцами характеристики князей Мстислава Владимировича, умершего в 1036 г., и тверского князя Михаила Александровича, чрезвычайно схожие друг с другом (См.: РЛ. Т. XI. С. 105; ПСРЛ. Т. XV. Стб. 469).

²³ Именно так выглядят взаимоотношения идеального князя и идеальных бояр в «Слове о житии великого князя Дмитрия Ивановича». Этот текст интересен тем, какие идеалы автор отразил в предсмертных словах умирающего великого московского князя, победителя Мамаея. Для князя окружающие его воины – не просто ратники, но отцы, братья и дети, с которыми он вместе сражался с многочисленными врагами, отстоял и расширил Московское княжество, при этом никого из своих людей несправедливо не обидел, «не досадил, ни укорил, ни разграбил, ни обесчестил, но всех любил и в чести держал, и веселился с вами, и с вами скорбел...». Бояре же в ответ на такое к ним отношение клялись князю в верном служении и готовности сложить за него и его детей свою голову (Слово о житии великого князя Дмитрия Ивановича // ПЛДР. XIV – середина XV века. М., 1981. С. 212, 216).

«меньшей братьей». Обе стороны внимательно следили за тем, чтобы ни в коем случае не произошло нарушения традиции, умаления чести и достоинства, нарушения складывавшихся десятилетиями, если не веками, формулировок, [39] регулировавших отношения между контрагентами.²⁴

Относительно независимое положение бояр и других служилых людей, право выбора ими своего сюзерена ярче всего выразила фраза из договора между Василием II и Василием Юрьевичем: «А бояром и слугам межи нас вольным воля...».²⁵ И такое положение будет сохраняться еще достаточно долго, вплоть до самого конца XV в. и даже в 1-й трети XVI в. Еще в 1531 г. в договоре между Василием III и дмитровским князем Юрием Ивановичем указывалось, что «...бояром и детем боярским, и слугам промеж нас вольным воля...».²⁶

Можно ли было в таких условиях рассчитывать на быструю мобилизацию **всех** (выделено нами – **П.В.**) сил, которыми располагали русские земли в начале XV в.? На наш взгляд – нет! Конечно, формально система всеобщей воинской повинности, введенная ордынцами на территории Великого Владимирского княжества, продолжала действовать.²⁷ Но для того, чтобы реализовать ее, нужно было [40] особое стечение обстоятельств. В этом случае можно провести аналогию с Францией времен начала Столетней войны. Как отмечал Д. Уваров, «...власть средневекового короля была следствием «добровольного соглашения» феодалов и держалась лишь до тех пор, пока большинство ее признавало хотя бы пассивно, а меньшинство готово было поддержать активно, по приказу короля расправляясь с каждым из ослушников. Когда король принадлежал к утвердившейся династии и его авторитет носил «сакральный», безусловно признанный характер, столь же безусловно признавалось и его право на исполнение его приказов подданными, от простолюдина до герцога. Это теоретическое право превращалось в практическое, когда король обладал и **личным авторитетом, твердым характером, опытом, знанием феодального права, взаимоотношений между вассалами и умением находить нужный тон с ними** (выделено нами – **П.В.**)...».²⁸

Всеми этими качествами обладали, к примеру, такие князья, как, например, московские Иван Даниилович, Дмитрий Иванович, Василий Дмитриевич, тверской Михаил Александрович и ряд других. Это позволяло, например, тому же Дмитрию Ивановичу московскому или его сыну Василию собрать значительную армию для действий в поле на

²⁴ Изменялось только содержание договоров в сторону его расширения и уточнения отдельных положений. Но суть соглашения, юридические формулировки оставались практически неизменными как во времена Дмитрия Ивановича, так и его праправнука Василия III. К примеру, в докончании Василия II с серпуховско-боровским князем Василием Ярославичем, датируемым январем-февралем 1433 г, было подробнейшим образом расписано, в каких случаях в поход надлежит выступать самому удельному князю, а в каких достаточно послать только лишь своего воеводу с ратными людьми. При этом в договоре оговаривался и порядок службы служилых людей великого князя и удельного князя вне зависимости от того, где они владеют участками земли. Примерно также обуславливалось и участие галицкого князя Василия Юрьевича в походах Василия II. См.: ДДГ. М.-Л. 1950. С. 70, 102.

²⁵ Там же. С. 102.

²⁶ Там же. С. 417.

²⁷ Так полагал, например, Г.В. Вернадский (См.: Вернадский Г.В. Россия в средние века. М.-Тверь, 1997. С. 121). С другой стороны, десятичная система (во всяком случае, в городах) существовала на Руси и до ордынского нашествия. Поэтому, скорее всего, ордынские власти, проводя в покоренных русских землях перепись, сохранили старую русскую сотенную организацию, но несколько изменили ее и наполнили новым содержанием (См.: Кривошеев Ю.В. Русь и монголы. СПб., 1999. С. 162-168). На наш взгляд, десятичная система, заведенная после «числа» 1257 г., преследовала собой не только фискальные, но и военные функции. Об особенностях функционирования этой системы в монгольской империи см.: Кычанов Е.И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М., 1997. С. 196-199. Она продолжала действовать и во 2-й половине XIV в. Так, русский летописец сообщал, что в 1360 г. хан Новрус «дал» князю Андрею Константиновичу ярлык на Владимирское великое княжество, в котором насчитывалось 15 «тем» населения – очевидно, налогоплательщиков и одновременно военнобязанных (ПСРЛ. Т. XV. М., 2000. Стб. 68).

²⁸ Уваров Д. Битва при Креси (1346 г.) и военное дело первой фазы Столетней войны (1337-1347 гг.) // Воин. 2003. № 14. С. 32.

непродолжительный срок, для решения конкретной задачи (выделено нами – П.В.). Но не более того! Содержать большую рать ни один князь сколько-нибудь длительное время был просто не в состоянии, да и удерживать в повиновении вассалов, «меньшую братью», если их интересы не совпадали с интересами великого князя, было крайне сложно, если вообще возможно.

Малейшее же ослабление позиций великого князя сразу же негативно сказывалось на военной мощи Северо-Восточной Руси. Так, смута 2-й четверти XV в. в Московском княжестве сразу привела к серьезному ослаблению власти московского великого князя. Василий II на первых порах не обладал качествами харизматического лидера. Как следствие, система сбора вассальных воинских контингентов стала давать сбои. Снова стала повторяться ситуация двух-трехсотлетней давности, когда удельные князья и бояре саботировали[41]ли призыв князя явиться на службу.²⁹

Великий князь в итоге мог полагаться, как правило, только на свои собственные силы, на свой великокняжеский двор и своих слуг.³⁰ Сбор общерусской рати зависел от слишком многих «но» и на него нельзя было с уверенностью полагаться на него в случае серьезной внешней опасности. **«...Успех всеобщей мобилизации зависел от сотрудничества с удельными князьями и боярами и, конечно, – указывал Г.В. Вернадский, – от отношения к ней народа в целом. Поэтому мобилизация была возможна в тот период только в момент угрозы национальной безопасности** (выделено нами – П.В.)...».³¹ А если интересы «земли» не совпадали с интересами династии? Ограниченный военный потенциал неизбежно накладывал ограничения и на внешнеполитическую деятельность.³² Его вполне хватало для войн между отдельными княжествами и для отражения небольших татарских набегов, однако для более серьезных походов ее было явно недостаточно.

Но так долго продолжаться не могло. Победа Великого княжества Московского в борьбе за гегемонию между удельными княжествами, распад старых, сформировавшихся еще в XIII в. политических структур неизбежно должны были вызвать активизацию политики Москвы в отношении Орды и Великого княжества Литовского. Так или иначе, но дни старой военной традиции были сочтены. С переходом московских князей от обороны к наступлению неизбежно [42] должны были измениться тактика и стратегия ведения войны. Это должно было неизбежно стимулировать перемены и в остальных составляющих военного дела. Успех же военных преобразований обуславливался способностью общества и государства мобилизовать те скудные ресурсы, которыми они обладали. Прежние принципы военной организации изжили себя вместе с теми общественными и политическими отношениями, с которыми они были тесно связаны. Свобода служилых людей, да и вообще населения растущего Московского государства, явно вступала в противоречие с потребностями более активной внешней политики, новой политической доктрины «...с ее суровой дисциплиной, напряжением всех социальных сил и закрепощением их в тягле и службе...».³³ И в дальнейшем эта тенденция не только не будет ослабевать, но, напротив, еще более усилится.

²⁹ Так было, например, в июле 1445 г., когда Василий II выступил в поход на татар, а обязанный ему службой князь Дмитрий Шемяка не явился на зов московского великого князя (ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. Стб. 105).

³⁰ Численность последнего не могла быть велика. О размерах княжеского двора можно судить хотя бы по такому примеру: в 1461 г. литовский князь Александр Чарторыйский, покинув Псков, не желая присягать Василию II, увел с собою «...двора его кованой рати боевых людей 300 человек, oprичь кошовых...» (ПСРЛ. Т. V. Вып. 1. С. 58), а соперник Василия Темного Дмитрий Шемяка имел около 500 дворян (ПСРЛ. Т. XXIII. М., 2004. С. 149).

³¹ Вернадский Г.В. Россия в Средние века. С. 121.

³² Так, в сражении с татарами 7 июля 1445 г. под Суздалем войско великого князя московского Василия Васильевича и его вассалов князей Ивана Можайского, Михаила Верейского и Василия Серпуховского насчитывало всего лишь 1,5 тыс. всадников (ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. Стб. 104-106), а в 1456 г. московский великий князь Василий II послал на Новгород 5-тысячную русско-татарскую рать (ПСРЛ. Т. XVI. Стб. 194). Бедность князей налагала серьезные ограничения и на развитие новых технических средств борьбы, и, прежде всего, на развитие огнестрельного оружия.

³³ Федотов Г.П. Трагедия древнерусской святости // Федотов Г.П. Святые Древней Руси. М., 2003. С. 579.

§ 2. Военное строительство на Руси во 2-й половине XV – нач. XVI вв. Начало процесса «ориентализации» русской военной машины.

Итак, первые серьезные перемены в военной организации Руси были связаны с деятельностью Ивана III, создателя Российского государства. Завершение процесса собирания русских земель вокруг Москвы и претензии на «наследство Ярослава Мудрого» обусловили переход от обороны к активной внешней политике, к экспансии и в Поволжье, и на западном направлении, против Казани и Литвы. В условиях специфического ТВД (с его неразвитой инфраструктурой, редким и бедным населением, огромными просторами) и при необходимости вести войну сразу на нескольких направлениях Иван нуждался в армии «числом поболее, ценою подешевле». Классическая западноевропейская армия того времени, состоявшая преимущественно из пехоты, вооруженной древковым холодным оружием, ему не подходила ни в силу своей дороговизны, ни в силу исповедуемой ею тактики и стратегии. В XVI в. существенных преимуществ ренессансная военная система над традиционной восточной не имела. [43] Сама жизнь диктовала русским, как нужно было реформировать вооруженные силы для того, чтобы успешно бороться со своим главным противником, литовцами и татарами – для победы над ними нужно было отказаться от остатков европейской традиции и заимствовать тактику и стратегию действий кочевников. Ее нужно было лишь усовершенствовать с учетом использования последних технических и технологических новинок, в особенности в сфере фортификации и огнестрельного оружия. Овладение новейшими военными технологиями должно было дать русским неоспоримое преимущество над старинными врагами татарами³⁴, и усилить позиции в конфликте с Великим княжеством Литовским, правители которого также претендовали на власть над «всею Русью».

В соответствии с этим и развивалась военная машина Российского государства в конце XV – 1-й половине XVI вв. С одной стороны, мы можем наблюдать стремительный процесс «ориентализации» главного рода войск московской армии этого периода, конницы. С другой стороны в полном соответствии с принципами военной революции быстро распространяется и совершенствуется огнестрельное оружие, причем как легкое, ручное, так и тяжелое. Изменяется фортификация, получает развитие пехота, вооруженная огнестрельным оружием, и, что также немаловажно для характеристики начального периода военной революции, растет численность войск московского государя. И хотя до постоянной армии было еще очень и очень далеко, тем не менее, Иван III и его сын Василий уже могли выставить в поле значительно большие силы, нежели Василий I или Василий II.

Изучение особенностей развития русского военного дела того [44] времени начнем с характеристики поместной конницы – главной ударной силы русского войска. Процессы ее ориентализации, наметившиеся во 2-й половине XIV – 1-й половине XV в., в последу-

³⁴ Как отмечал Ю.С. Худяков, распространение с XIV в. огнестрельного оружия (сначала артиллерии, а затем и ручного), ознаменовало начало новой эры в военном деле. «Его освоение изменило все стороны военной деятельности, – указывал он, – включая производство военной техники, формы военной организации, приемы ведения боя и способы войны. Но кочевое общество, основанное на экстенсивной скотоводческой экономике и натуральном хозяйстве, оказалось не способным к освоению новых форм производственной деятельности с разделением и кооперацией труда и безнадежно отстало в военно-технической области, утратив и военное преимущество своего культурно-хозяйственного типа» (Худяков Ю.С. Вооружение центрально-азиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск, 1991. С. 167). Собретением огнестрельного оружия, писал П. Кеннеди, «...Москва могла утвердить себя как «пороховую империю» и приступить к экспансии» (Kennedy P. The Rise and Fall of Great Powers. Economic Change and Military conflict from 1500 to 2000. N.-Y., 1987. P. 15).

ющие сто лет постепенно набрали силу, серьезно изменив ее облик.³⁵ В конце XIV – начале XV вв. тактика и комплекс оборонительного и наступательного вооружения русских, западноевропейских и азиатских воинов различались не настолько, чтобы можно было говорить о коренных различиях между ними. Серьезные перемены наметились к середине XV в., когда на Западе окончательно наметился курс на всемерное утяжеление доспеха как конного, так и пешего воина, а на Востоке – напротив, его облегчение.³⁶ Изменения в характере вооружения оказали серьезное влияние на тактику, и наоборот. Восток постепенно все более и более делает ставку на дистанционный бой [45] метательным оружием, уклоняясь от рукопашной схватки, тогда как на Западе ударная тактика доводится до абсолюта как в пехоте, так и в коннице.

Эти различия в тактике и вооружении между Востоком и Западом в миниатюре можно отметить и на Руси в середине XV в. Если в западных и северо-западных русских землях военное дело в большей степени ориентировалось на европейские образцы, то на северо-востоке – на восточные. В столкновениях середины XV в. между московскими и новгородскими ратями эта разница просматривается достаточно четко.³⁷ Т.о., еще в середине XV в. на севере Руси существовало по меньшей мере две модели развития военного дела, и их конкуренция могли бы оказать серьезное стимулирующее воздействие на дальнейшее его развитие.³⁸ Но этого не произошло. С утратой Новгородом и Псковом независимости альтернативы московской модели не стало, и в последующие годы процесс «ориентализации» вооружения и тактики русских ратей ускорился. Они были обусловлены целым рядом факторов. Определенное воздействие на изменение направленности развития русского военного дела оказало присутствие на русской службе значительных контингентов со-

³⁵ См.: Кирпичников А.Н. Военное дело на Руси в XIII-XV вв. С. 14. Интересная фраза содержится в Симеоновской летописи под 1436/1437 гг. Собирая рать для похода против князя Василия Юрьевича, великий князь Василий Темный включил в свое войско приехавшему к нему на службу князя Ивана Бабу Друцкого, и «...той изряди свои полк с **копьи по Литовскы**. Также и вси прочии полци князя великаго изрядишася **по своему обычаю** вьскоре (выделено нами – П.В.)...» (ПСРЛ. Т. XVIII. М., 2007. С. 176). Получается, что для летописца ратный «обычай» литвинов Друцкого и московских воинов Василия и его братья различались друг с другом. И если проанализировать описание сражения под Старой Руссой в 1456 г. между московскими и новгородскими полками (см. ниже), то получается, что уже в 30-х гг. московские дворяне и дети боярские делали больший упор на использование лука и стрел, нежели тяжелых всаднических копий. А ведь после Куликовской битвы прошло чуть больше полустолетия, и всего за два поколения вооружение, и, следовательно, тактика московских ратей существенно переменялась.

³⁶ Вплоть до конца XIV в. это расхождение было еще не слишком заметно. Не случайно испанец Клавихо, побывавший при дворе могущественного властителя Средней Азии Тамерлана и многословно описавший тамошние обычаи и нравы, о доспехах обмолвился всего лишь в нескольких словах, подчеркнув, что украшенные красным сукном «...латы сделаны так же, как и наши, только у них низ из иной ткани и виден из-под лат, как рубашка...» (Клавихо Г. История Великого Тамерлана // Тамерлан. М., 1992. С. 338-339.). И на Западе, и на Востоке в это время господствует бригантина и кольчато-пластинчатый доспех. Однако не прошло и нескольких лет после этого, как на Западе быстрыми темпами формируется сплошной «готический» доспех, и с 1420 г. сплошные, цельнокованные латы начинают господствовать в Европе (См., например: Бехайм В. Энциклопедия оружия. СПб., 1995. С. 114). На Востоке же продолжал совершенствоваться кольчато-пластинчатый доспех, более легкий и гибкий, нежели европейский сплошной (Характеристику типичного позднесредневекового восточного комплекса оборонительного и наступательного вооружения конца XV – XVI в. см.: Пинк И.Б. Конница Турции XV-XVII вв. // Воин. 2003. № 13. С. 9-12).

³⁷ Например, в 1456 г. под Русой московское войско во главе с воеводами князем Иваном Васильевичем Оболенским Стригой и Федором Басенком наголову разгромило превосходящую по численности новгородскую рать: «...Вои же великаго князя видевише крепкия доспехи на новгородцех и начаша стрелами бити по конех их. Кони же их, яко возбеснеша, и начаша метатися под ними и с себе збивати их. Они же, не знающе того оба, яко омертвеша и руки им ослабеша, **копиа же имяху долга** (выделено нами – П.В.) и не можаху возднимати их тако, якоже есть обычаи ратныи, но на землю испускающе их, а конем бьющими под ними, и тако валяхуся под кони свои, не могуши съдържати их...» (Июсафовская летопись. М. 1957. С. 48). Новгородская летопись несколько иначе рисует картину сражения, но также подчеркивает, что москвичи действовали более грамотно тактически и засыпали новгородцев градом стрел, после чего опрокинули их атакой во фланг и тыл (Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки // ПСРЛ. Т. XVI. М., 2000. Стб. 195).

³⁸ См. также: Кирпичников А.Н. Военное дело на Руси в XIII-XV вв. Л., 1976. С. 11-14, 19, 34.

юзных Москве кочевников.³⁹ Однако, на наш взгляд, не это было главным. [46] Активная внешняя политика требовала поддержания военного потенциала на высоком уровне. Однако бедная казна не позволяла Ивану III и его преемникам иметь в своем распоряжении многочисленную наемную армию и комбинировать в своих ратях элементы разных военных систем. Нужно было выбрать ту из них, которая была относительно дешевой и достаточно эффективной.

Выход был найден в развитии поместной системы. Ядро рати московских государей в конце XV – 1-й половине XVI вв. составила поместная конница, набираемая из служилых людей «по отечеству» и жалуемых за службу земельными наделами – поместьями.⁴⁰ Поместная система, первые наметки которой возникли, вероятно, еще в домонгольскую эпоху, получила развитие в начале XIV в.⁴¹ Однако на протяжении этого и большей части 1-й половины следующего столетия помещиков среди ратных людей было, очевидно, немного. Основную массу княжеских ратей составляли мелкие и средние вотчинники и их люди.⁴² Перемены связаны, очевидно, с деятельностью Ивана III, при котором и происходит формирование основ поместной системы в конце XV в., и при его сыне Василии в 1-й трети XVI в. она приобретает достаточно четкие контуры.⁴³ [47]

Служилые люди московского государя, получая жалование земельными наделами, должны были с них выступать в поход «конно, людно и оружно».⁴⁴ Требования степной войны и государевых воевод наряду с невысокой доходностью поместий обуславливали характерный внешний облик и тактику московской конной рати. Для того, чтобы иметь прежний комплекс наступательного и оборонительного вооружения, характерных для тяжеловооруженной конницы западноевропейского типа конца XIV – 1-й половины XV вв.,

³⁹ Так, примерно на рубеже 1452/1453 г. по решению Василия II было образовано вассальное Касимовское «царство» во главе с татарским царевичем Касымом. С этого момента татарские отряды регулярно выступали в поход вместе с московскими воеводами против врагов великого князя. Так было, например, в 1471 г., когда вместе с Иваном III в поход на новгородцев выступил сын Касыма царевич Данияр, или во время похода Ивана IV на Казань в 1552 г, когда среди прочих царских воевод летописец называет крымского царевича Тохтамыша, и касимовского царя Шах-Али, и астраханского царевича Кайбулу (ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. Стб. 172; История о Казанском ханстве (Казанский летописец) // ПСРЛ. Т. XIX. М., 2000. Стб. 112-114.).

⁴⁰ Краткий очерк развития поместной конницы Российского государства см.: Солоусов А.С. Русская поместная конница (XV-XVII вв.) // *Praga Bellum*. 2002. № 14. С. 101-106. О служилых людях и поместной системе см. также последнее исследование по данной проблеме: Михайлова И.Б. Служилые люди Северо-Восточной Руси в XIV – первой половине XVI века. СПб., 2003.

⁴¹ В духовной грамоте Ивана Калиты, датированной примерно 1339 г., говорилось: «А что есть купил село в Ростове Богородичское, а дал есмь Бориску Въркову, аже иметь сыну моему которому служити, село будет за ним, не иметь ли детям моим, село отъимут...» (ДДГ. С. 10).

⁴² В этом мы в целом согласны с мнением И.Б. Михайловой (См.: Михайлова И.Б. Служилые люди северо-восточной Руси в XIV – первой половине XVI века. СПб., 2003. С. 58, 60-62) и С.З. Чернова (Чернов С.З. Волок Ламский в XIV – первой половине XVI в. Структуры землевладения и формирование военно-служилой корпорации. М., 1998. С. 309-313 и далее).

⁴³ В летописях неоднократно указывалось на то, что Иван III наделял ратных людей поместьями. К примеру, взяв в 1489 г. Вятку, воеводы Ивана III вывели многих земских вятских людей, и государь их «... в Боровске за в Кременьске посади, да и земли им подавал (выделено нами – П.В.)...» (ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. Стб. 326). Ср. сведения о пожаловании поместий в Новгородской земле при Иване III: Писцовые книги Новгородской земли. Т. 1. М., 1999. С. 243-244, 247. Жалованная грамота на поместье см., например: Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века (далее АСЗ). Т. IV. М., 2008. С. 174. В этой связи представляет интерес идея, высказанная П.Н. Милоковым, о заимствовании Иваном III определенных положений поместной системы у турок-османов (тимары) и византийцев (прония) (См.: Милоков П.Н. Указ. соч. С. 148). О пронии см., например: Васильев А.А. История Византийской империи. Т. 2. От начала Крестовых походов до падения Константинополя. СПб., 1998. С. 250-252 и Успенский Ф.И. История Византийской империи. Т. 2. М., 2001. С. 164-167.

⁴⁴ Что это означало на практике, хорошо видно из десятиен конца XVI – 1-й половины XVII в. Так, например, в десятине 1577 г. по Коломенскому уезду боярский сын Иван Хохулин сообщал, что «...быти ему на службе на коне, в пансыре, в шеломе, в саадаке, в сабле с копьем да за ним человек на коне в пансыре, в шапке железной, в саадаке, в сабле с рогатиною, да конь простой, да человек на мерине с вьюком...» (РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 4. Дела десятиен. № 17. Л. 27об).

нужны были прежде всего немалые средства, а ими рядовой помещик не располагал.⁴⁵ И здесь «предлагаемый» кочевнический вариант оснащения оказался как нельзя более кстати.

Для начала отметим, что ориентализация коснулась прежде всего качества конского поголовья русской армии. При цене на породистого, вывезенного из Персии или Средней Азии коня, доходившей в отдельные периоды до 50-100 рублей, позволить себе такого коня могли главным образом только бояре.⁴⁶ Естественно, что такие кони, способные нести тяжеловооруженного конного латника, были немногочисленны. Рядовые дворяне и дети боярские довольствовались [48] более дешевыми конями, часто татарской породы.⁴⁷ Стоимость коней сильно различалась – если судить по материалам духовных детей боярских, то в 1-й пол. XVI в. татарская лошадь стоила от 1,5 руб., конь – от 5 до 8 и даже более руб., мерин – 2-3 руб. или несколько более.⁴⁸ Современники в один голос хвалили московских коней за их выносливость и приспособленность к местным условиям.⁴⁹ Однако достоинства этих коней были обратной стороной их недостатков. От европейских они отличались низким ростом (в среднем 131,9 см в холке⁵⁰), и в силу этого были не способны нести на себе тяжеловооруженного, закованного в сплошные доспехи всадника. К тому же западноевропейские тяжелые латы были в «малой» войне, к которой готовились всадники поместной конницы, практически бесполезны, сковывая подвижность и маневренность всадника. Сочетание экономических, тактических и физических (в данном случае возможно [49] стей строевого коня) требований обусловили радикальное изменение комплекса вооружения всадника русской поместной конницы конца XV – XVI вв. Последний, по свидетельствам современников, приобрел ярко выраженный восточный, «ориентальный» характер.

Эти перемены хорошо заметны как при анализе свидетельств современников⁵¹, так и при изучении сохранившихся музейных экспонатов оборонительного и наступательного

⁴⁵ Интересные наблюдения относительно жизни служилых людей содержатся в статье И. Андреева «О бедном дворянстве замолвите слово...» // Родина. 1997. № 9. С. 37-43.

⁴⁶ Кожевников Е.В., Гуревич Д.Я. Отечественное коневодство: история, современность, проблемы. М., 1990. С. 14-15.

⁴⁷ Значительная часть коней русской поместной конницы того времени поставлялась ногайскими татарами. Еще при Иване III они выговорили себе право торговать лошадьми и с тех пор пригоняли на продажу в Москву тысячи коней. Так, в 1534 г. ногайский посол Шидяк-мурза вместе с другими мурзами пригнал в русскую столицу 8000 лошадей, которых сопровождали 4700 гостей, а в 1563 г. 1000 ногайцев пригнали на торг в Москву еще 8000 коней (См.: История Москвы. Т. 1. М., 1952. С. 171, и Трепавлов В.В. Кочевники на русских рынках: ногайская торговля в XVI-XVII веках // Отечественная история. 2000. № 3. С. 168). Постниковский летописец, к примеру, сообщал, что в 1533 г. «Того ж лета приходили гости ногаи с коньми, сорок тысящ лошадей пригоняли, и кони были дешевы» (Тихомиров М.Н. Записки о регентстве Елены Глинской и боярском правлении 1533-1547 гг. // Исторические записки. № 46. 1954. С. 284). Так что в словах В.В. Трепавлова, отмечавшего, что «масштабы конского импорта из-за Волги в XVI – XVII вв. были столь внушительны, что создается впечатление, будто словом «конь» обозначались только лошади ногайской породы...» если и есть преувеличение, то не слишком большое (Трепавлов В.В. Кочевники на русских рынках... С. 168).

⁴⁸ См., например: АФЗиХ. Т. II. М., 1956. С. 164, 169, 170, 208.

⁴⁹ «У них (у татар – П.В.) много лошадей, которые имеют выгнутую шею и очень малы, но сильны, легко переносят голод и труды и питаются древесными ветвями, корой и кореньями трав, которые вырывают копытами из земли...» – писал С. Герберштейн (Герберштейн. С. Записки о московитских делах... С. 257). Ему вторил литовский автор Михалон Литвин: «Москвитяне каждую весну из Татарской Ногайской Орды в обмен на одежду и другие дешевые вещи получают многие тысячи коней, наиболее подходящих для войны...» (Михалон Литвин. О нравах татар, литовцев и москвитян. М., 1994. С. 75).

⁵⁰ Кожевников Е.В., Гуревич Д.Я. Отечественное коневодство... С. 14-15. Интересное описание монгольских лошадей см.: Московская торговая экспедиция в Монголию. М., 1912. С. 262-263.

⁵¹ См., например, описание московских всадников, данное Георгом Перкамотой в 1486 г., согласно которому воины Ивана III во время войны «...пользуются легкими (! – П.В.) панцирями, такими, какие употребляют (турецкие) мамелюки султана, и наступательным оружием у них являются в большей части секира и лук (выделено нами – П.В. Правда, использование термина «секира», на наш взгляд, является не совсем точным. В оригинале был использован термин «scimitağa», который правильнее было бы перевести как кривая сабля); некоторые (! – П.В.) пользуются копьем для нанесения удара...» (Сообщение о России московского

вооружения русских всадников той эпохи, а также отдельных документов той эпохи⁵². Примечательно, что [50] огнестрельное оружие в конце XV и на почти всего XVI в. практически не использовалось русскими всадниками из-за своего несовершенства, дороговизны и сложности в обращении. Одним словом, к середине XVI в. от прежнего русского конного латника времен Куликовской битвы, практически ничем не отличавшегося от современного ему западноевропейского тяжеловооруженного всадника, спустя полторы сотни лет практически ничего не осталось.

В полном соответствии с вооружением были стратегия и тактика поместной конницы. В войне государевы воеводы стремились нанести противнику максимально возможный ущерб, опустошая и разоряя его владения.⁵³ К генеральным сражениям русские вовсе не стремились, ограничиваясь в случае необходимости осадами больших и малых городов. Однако, если дело доходило до сражения, то всадники поместной конницы, избегая ближнего, рукопашного боя, стремились, подобно татарам, прежде всего к ведению дистанционного боя посредством лука и дротиков. Всадники русской поместной милиции не без успеха использовали татарский тактический прием, который сами же и называли «хороводом», суть которого заключалась в том, что конные лучники на большой скорости закручивали кольцо перед неприятелем, непрерывно обстреливая его из луков.⁵⁴ Расстроив неприятеля массированным «лучным боем», воеводы [51] бросали в бой свои полки. В сражении русские воеводы делали ставку прежде всего на быстроту и стремительность атаки, стремясь ошеломить, расстроить боевые порядки неприятеля быстротой, стремительно-

посла в Милан (1486 г.) // Вопросы историографии и источниковедения истории СССР (Труды Ленинградского отделения института истории АН СССР) № 5, М. 1963. С. 655). Классической стала характеристика комплекса вооружения всадника поместной конницы, что сообщал в своем сочинении С. Герберштейн: «Седла прилажены таким образом, чтобы можно было без труда оборачиваться на все стороны и натягивать лук. Они сидят на лошадях, до того согнув ноги, что не могут вынести удара дротиком или копьем немного посильнее. Весьма немногие употребляют шпоры, а большая часть – плетку, которая всегда висит на мизинце правой руки... Обыкновенное оружие – лук, стрелы, топор и палка в роде булавы, называемая по-русски кистенем... Саблю употребляют богатейшие и благороднейшие... Некоторые из знатных употребляют латы, кольчугу, искусно сделанную будто из чешуи, и поручи; весьма немногие имеют шлем, заостренный сверху и с украшенной верхушкой... Некоторые имеют одежду, подбитую хлопчатой бумагой, для защиты от ударов». (Герберштейн. С. Записки о московских делах // Россия XVI века. Воспоминания иностранцев. Смоленск, 2003. С. 206-207). При этом Герберштейн, человек наблюдательный, подчеркивал, что характерная, на коротких стременах, посадка русского всадника в седле с невысокими передней и задней луками облегчала ему действие луком, но препятствовала применению тяжелого всаднического копья и соответственной «рыцарской» тактики. Правда, в I-й пол. XVI в. еще встречались седла разного типа. Например, сын боярский Григорий Русинов в своей духовной упоминал «седло сафьяно с тебенки крымскими, да седло плоские луки, да седло лятцкое...» (АРГ. М., 1975. С. 199).

⁵² Так, типично восточным выглядит комплект доспехов, что упоминается в духовной грамоте Василия Узкого Петрова сына Есипова (1528 г.): «... пять пансырев; да три бехтерци; да трои наколенки, да шестеры наручи, да кольчуга: да шесть шеломов; да трои боторлыки...» (АФЗиХ. Ч. II. С. 92) или в духовной Григория Русинова: «... пять пансыров, да пять шеломов, да наручи шамахийские, да трои наручи московские, да наколенки» (АРГ. С. 199).

⁵³ Успешная «малая война, помимо экономического ущерба, наносимого противнику, еще и обогащала помещиков. Война превращалась, т.о., в выгодное предприятие, снимая социальную напряженность в обществе. Ср. описание похода московской рати на Литву в 1525 г.: «Тоя же осени великого князя воеводы, псковской наместник Дмитрией Воронцов, да лоуцкой наместник Иван Палецкой и иные воеводы с новгородскою силою и псковскою ходиша под Полоцко и под Витебско, и плениша землю Литовскоую на 300 версть; приидоша вси богом сохранены. Тоя же зимы князь великий Иван Васильевич посла своих воевод, с Москвы князя Михаила Кислицу, а из Новагорода князя Бориса Горбатово и Михаила Воронцова, а из Пскова князя Михаила Коубеньского да Дмитрея Воронцова, с новгородскою силою и псковскою, и иных воевод много, и царя тотарского с Тотары со многими, и иные, что на лыжах ходять, да и Мрдовичи Резаньские земли, и вся земля Московская государева область ходиша в землю Литовскую, за Двину и за Березоу рекоу. **И плениша землю Литовскую, и наполнися земля вся Руская полону литовского** (выделено нами – **П.В.**)...» (ПСРЛ. Т. V. Вып. 1. С. 105).

⁵⁴ См., например: Ченслер Р. Книга о великом и могущественном царе России и князе Московском, о принадлежащих ему владениях, о государственном строе и товарах его страны, записанная Ричардом Ченслером // Россия XVI в. Воспоминания иностранцев. Смоленск, 2003. С. 447.

стью и силой первого напора, шумом и криком.⁵⁵ Если же атака не удалась, то русские всадники столь же быстро откатывались назад – тактические приемы притворного отступления и заманивания неприятеля были ими освоены в совершенстве.⁵⁶

§ 3. Вступление России в военную революцию.

Итак, легкая иррегулярная поместная конница составила ядро московского войска в конце XV – 1-й половине XVI вв. Ее комплекс вооружения и тактика были разительно схожи с татарской. Это было обусловлено относительной бедностью московских служилых людей, борьбой России с осколками Золотой Орды за наследство Чингизидского дома, спецификой ведения войны в степных условиях с мобильными и маневренными кочевыми ордами и несомненным на то время превосходством восточных способов ведения войны над западными. Однако можно ли на этом основании вести речь об некоем стадийном отставании Московии от Запада в развитии военного дела, об отсутствии в России первых признаков начавшейся военной революции? Еще раз подчеркнем, что молодое Московское государство вовсе не было замкнутым, «закрытым» для внешних влияний обществом. В России внимательно следили за всеми новинками военного дела, прежде всего техническими, которые появлялись на Западе, и быстро вводили их на вооружение русских ратных людей. В первую очередь это касалось огнестрельного оружия, как артиллерии, так и ручного, овладение технологией производства которого и применение его на практике было важнейшим признаком начавшейся военной революции. Русским было это сделать не в пример проще, чем татарам. Все-таки в отличие от кочевой цивилизации русская была культурой оседлого, «городского» народа, что давало ей неоспоримые технологические преимущества перед кочевниками, чем грех было не воспользоваться. К тому же ведение войны с Литвой и с Ливонским Орденом также было немислимо без применения огнестрельного оружия. Отставание в этом вопросе имело пагубные последствия, и русские имели неоднократную возможность в этом убедиться.⁵⁷

⁵⁵ «Все, что они ни делают, делают внезапно и быстро – нападают ли на неприятеля, преследуют ли его или бегут...» – указывал С. Герберштейн (Герберштейн. С. Записки о московитских делах... С. 207), а Дж. Флетчер дополняет его описание: «Войско идет, или ведут его, без всякого порядка, ... и таким образом все вдруг, смешанной толпой, бросаются вперед по команде генерала... Когда они начинают дело или наступают на неприятеля, то вскрикивают при этом все сразу так громко, как только могут, что вместе со звуком труб и барабанов производит дикий шум, страшный шум...» (Флетчер Дж. О государстве Русском... С. 83). В последнем пассаже хорошо заметно характерное непонимание сущности степной тактики ведения боя, свойственное западноевропейцам. Тот же «хоровод», маневрирование полками и сотнями на поле боя требовало от всадников поместной конницы и высокой дисциплины, и обученности совместным действиям в составе сотен и полков. О том, что русское войско представляло собой не разношерстную орду, а хорошо обученное и высокопрофессиональное войско, повинующееся командам воевод, свидетельствует отмечаемое очевидцами наличие в русском войске множества труб и барабанов, посредством которых и осуществлялось управление войсками в бою

⁵⁶ Такая тактика воспринималась западноевропейцами, привыкшими к ближнему бою, как яркое свидетельство слабости или трусости русских. Тот же Герберштейн писал, что «...они (т.е. русские – П.В.) очень смело нападают на неприятеля; но напор их непродолжителен, как будто они хотя сказать: «Бегите, или мы побегим сами»...» (Герберштейн. С. Записки о московитских делах... С. 208). Однако в наступательной войне легкое и маневренное русское войско, состоящее практически полностью из одной конницы и не обремененное, как правило, большим обозом, не испытывало острой необходимости драться с противником врукопашную. Зачем и ради чего класть свои головы, когда можно отступить, перестроиться и снова атаковать противника или же измотать его «малой» войной.

⁵⁷ По мере поворота России лицом к Западу военные столкновения с ними становились все более и более частыми, и все чаще и чаще русские воеводы имели дело с ливонскими и литовскими стрелками, вооруженными ручницами и аркебузами. Неприятельские военачальники с конца XV в. активно привлекали их не только к обороне и осаде крепостей, но и часто выставляли их в поле. На рубеже XV/XVI вв. активно и достаточно успешно использовал артиллерию и аркебузирив в сражениях против русских магистр Ливонского ордена Вальтер фон Плеттенберг (См., например: ПСРЛ. Т. V. Ч. 2. С. 252; Базилевич К.В. Внешняя полити-

Однако все было не настолько плохо, как могло показаться на [53] первый взгляд. Огнестрельное оружие, о чем говорилось выше, к концу XV в. имело на Руси достаточно длинную историю и на этом пути русские уже добились немалых успехов⁵⁸, хотя во 2-й половине XV в. огнестрельное оружие пока еще не стало обыденным явлением в русском войске. Этому способствовали невысокое качество самих артиллерийских орудий, обусловленное нехваткой искусных мастеров и артиллерийских специалистов, и особенности степной войны. По причине ее скоротечности артиллерия приносила мало пользы в полевых сражениях с татарами и нужна была только для обороны и осады крепостей. И поскольку русские войска того времени больше тяготели к «малой» войне, то и артиллерия, само собой, имела ограниченное применение.

Однако к концу столетия ситуация стала постепенно изменяться. Связано это было прежде всего с процессами стремительного совершенствования огнестрельного оружия на Западе, связи с которым при Иване III и Василии III значительно расширились в сравнение с предыдущим периодом. Выше уже отмечалось, что на рубеже XV/XVI вв. в развитии огнестрельного оружия на Западе происходит ряд серьезных перемен, в результате которых сформировался тот тип огнестрельного оружия, который без радикальных изменений просуществовал до XIX в. Эти изменения были замечены в России, тем более что как раз на это время приходится и активизация [54] контактов между Москвой и Западной Европой, в особенности с Италией и Римской Империей.

Широкое внедрение огнестрельного оружия и модернизация русской артиллерии была связаны, очевидно, с деятельностью Ивана III. По его указанию в конце 70-х гг. XV в. в Москве была устроена Пушечная изба, а в 1494 г. – пороховой (или, как тогда говорили, «зеленый») двор. В большом количестве он, а потом и его сын Василий приглашали в Россию иностранных военных специалистов – техников и инженеров, в первую очередь итальянцев и немцев.⁵⁹ Помимо приглашения иностранных мастеров производились и за-

ка Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М., 1952. С. 391; Рюсов Б. Ливонская хроника // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Т. II. Рига, 1879. С. 299-301). Сражение под Оршей в 1514 г. во многом было проиграно русскими потому, что здесь поместная милиция столкнулась с аналогичной литовской милицией, но действовавшей при поддержке наемной тяжелой конницы, оснащенной по типу европейских жандармов, артиллерией и пехотой, вооруженной и холодным, и огнестрельным оружием (Описание сражения см.: ПСРЛ. Т. XIII. С. 22; Герберштейн С. Записки о московитских делах... С. 172-173).

⁵⁸ Судя по всему, наибольших успехов в производстве артиллерийских орудий, «зелья» и в способах их применения в 1-й половине XV в. добилась Тверь. Так, в 1409 г. Едигей, осадив Москву, послал к тверскому князю Ивану Михайловичу посольство, «...веля ему быти у Москвы часа того съ всею ратью Тверскою, и съ пушками, и съ тюфяки, и съ самострелы и съ всеми съуды градобийными, хотя разбити град Москву (ПСРЛ. Т. VIII. С. 83). Обращался за помощью к тверскому князю Борису Александровичу и Василий II, борясь за власть с Дмитрием Шемякою. В 1447 г., приступив к Угличу, великий князь Василий «...послал сказать великому князю Борису: «Без тебя, брат, не отворится мне и малый город». И великий князь Борис послал к нему своего сына боярского и вместе с ним пушечника с пушками, по имени Микула Кречетников. Таков был этот мастер, что не найти подобного и среди немцев. И когда привезли пушки, тогда воеводы великого князя Бориса Александровича, Борис и Семен, служащие как добрые и храбрые воины государю своему, великому князю Борису Александровичу, стали готовиться к предстоящей брани, а пушки поставили у самой городской стены и приказали стрелять; сами же двинулись на приступ, и все москвичи дивились их отваге, и дерзости, и великому их ратному искусству...» (Смиренного инока Фомы слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче // <http://old-rus.narod.ru/06-24-1.html>).

⁵⁹ На это указывают как русские, так и иностранные источники того времени. Так, С. Герберштейн писал, что «...Ныне князь имеет пушечных литейщиков из немцев и итальянцев, которые, кроме пищалей, лютуют пушки, также ядра и пули такого же рода, какие употребляют и наши государи...» (Герберштейн С. Записки о московитских делах... С. 208). См. также, например, запись в Типографской летописи под 6998 (1490/1491 г.) годом: «...Прииде от Рима на Москву брат великии княгини Софьи, именем Андрей, сын Фомин, деспота Аморейскаго, да с ним вместе приидоша послы великаго князя Дмитрей и Мануйло, Ивановы дети, Ларова, и приведоша с собою к великому князю мастеров: архитихтон, именем Петр Антоний, да оученик его Замантоний, мастеровы стенные и полатные, да пушечнаго мастера Якова с женою, да серебряных мастеров Христофора с двема оученикома от Рима, да Ольберта Немчина из Любка, да Карла с учеником из Медиолана, да Петра Райка, грека из Венеции...» (ПСРЛ. Т. XXIV. С. 206). Одним же из первых мастеров-литейщиков в Москву прибыл в 1475 г. Аристотель Фиоравенти, «...мастер муроль, кой ставить церкви и

купки огнестрельного оружия и необходимых компонентов для его производства за рубежом, прежде всего в Германии и в Дании, с которыми в конце XV – начале XVI вв. у Москвы были хорошие отношения.⁶⁰

Все эти обстоятельства неизбежно вели к тому, что последнюю четверть XV в. и в начале XVI в. огнестрельное оружие все чаще [55] упоминается в летописях. Голос русской артиллерии зазвучал на полях сражений и оказывал серьезную поддержку русским ратникам в борьбе с многочисленными неприятелями. Ни один более или менее крупный поход не обходился без участия «наряда», особенно если он был связан с осадами крепостей. Так было, к примеру, во время похода на Новгород в 1478 г., когда Иван III приказал «...наместнику своему псковскому князю Василью Васильевичу Шуйскому со псковичи пойти на свое дело на службу на Новгород ратью с пушками и с пищальми, и з самострелы, со всею приправою, с чем к городу приступати...».⁶¹ Огнестрельное оружие было применено во время знаменитого стояния на реке Угра в 1480 г. (когда московские ратники татар «стрелами и пищальми многих побиша»⁶²) и во время похода московской рати на Феллин в 1481 г. (когда воеводы Ивана III обступили город «с пушками и с пищальми и с тюфяки»⁶³). Многочисленная артиллерия участвовала в походе Ивана III на Казань в 1482⁶⁴, и на Смоленск в 1492 г.⁶⁵ В 1506 г. во время похода на Казань в росписи полков русского войска впервые появился «наряд», включавший в себя как пушки, так и пищали.⁶⁶ Взятие же Смоленска в 1514 г. и вовсе обошлось без штурма, поскольку мощная бомбардировка города русской артиллерией вынудила литовский гарнизон капитулировать.⁶⁷ [56]

Одним словом, в 1-й четверти XVI в. артиллерия стала, наконец, неотъемлемой частью русского войска, и ни одна серьезная кампания, что против Литвы, что против татар, не обходилась без нее. Отрабатывается и система артиллерийского вооружения, и тактика его применения. В кампаниях против татар артиллерия использовалась главным образом как оборонительное средство, выставленное на заранее подготовленных позициях там, где было наиболее вероятно наступление противника.⁶⁸ В противном случае от артиллерии было слишком мало толку – «наряд» и сопровождавший его обоз были слишком тяжелы и

полаты, ... также и пушечник той нарочит, лити их и бити, и колоколы и иное все лити хитр велми...» (Продолжение летописи по Воскресенскому списку // ПСРЛ. Т. VIII. М., 2001. С. 181). О иностранных мастерах говорится также, к примеру, во 2-й Софийской летописи (ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. Стб. 341).

⁶⁰ Хорошкевич А.Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI в. М., 1980. С. 39-40; ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. Стб. 341. Об этом же свидетельствовал Г. Перкамота: «...После того, как **немцы совсем недавно** (выделено нами – **П.В.**) ввезли к ним самострел и мушкет (в оригинале использован термин «schiopetto», поэтому точнее перевести его как «ручница» или «аркебуза» – **П.В.**), сыновья дворян освоили их так, что арбалеты, самострелы и мушкеты введены там и широко применяются...» (Сообщение о России московского посла в Милан (1486 г.)... С. 655).

⁶¹ ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. Стб. 260.

⁶² ПСРЛ. Т. XII. С. 201; ПСРЛ. Т. XXIV. С. 199.

⁶³ ПСРЛ. Т. XII. С. 213.

⁶⁴ ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. Стб. 315.

⁶⁵ Там же. Стб. 335.

⁶⁶ ПСРЛ. Т. XIII. С. 2, 19. Правда, в разрядных записях под 7003 г (1495 г.) говорится, что «...послал князь великий (Иван III – **П.В.**) воевод своих на свитцкие немцы к Выбору с норядом по полкам...» (РК 1475-1606. Т. I. Ч. 1. С. 42). Эта запись интересна тем, что позволяет истолковать ее как первое свидетельство о существовании наряда как отдельного подразделения в составе полевой армии, однако только после казанского похода «наряд» становится неотъемлемой частью русских ратей.

⁶⁷ «И месяца июля пришел князь великий сам и со своею братиею под город Смоленск со многими силами и с великим нарядом пушечным. И пушки и пищали болшие около града уставивши, – писал русский летописец, – повеле град бити со всех сторон, и приступы великия чинити без отдуха, и огненными пушками в град биша, яко от пушечнаго и пищалнаго стуку и людскаго кричания и вопля, также и от градских людей супротивнаго бою пушек и пищалей, земли колебаться и друг друга не видети, и весь град в пламяни и курении дыма мняшеса воздыматися ему...» (ПСРЛ. Т. XIII. С. 19).

⁶⁸ Так было, например, в 1533 г., когда, готовясь к отражению набега крымских татар на Москву, русские воеводы расположили свой «наряд» «...по берегу на вылазех от Коломны и до Коширы и до Сенкина и до Серпухова и до Колуги и до Угры; добре было много, столко и не бывало...» (ПСРЛ. Т. XIII. С. 64-65).

сковывали бы конное русское войско в погоне за татарскими наездниками. Совсем иначе использовалась артиллерия в кампаниях против Великого княжества Литовского. Здесь, как правило, действовали армии, состоявшие из трех родов войск – конницы, пехоты и артиллерии. И если конница прекрасно справлялась со своей задачей опустошения местности, то пехота и артиллерия были незаменимы при осадах много численных литовских городов.

Необходимость ведения войны не только против татар, но и против литовцев ускорила принятие на вооружение русской пехоты ручного огнестрельного оружия. На первых порах оно распространялось на Руси достаточно туго, медленно. Объяснялось это рядом причин. Во-первых, поместная конница не могла быть вооружена ручницами по одной простой причине – обычный сложносоставной лук, «стандартное» оружие степняка и русского сына боярского на протяжении еще более чем ста лет, в скоротечной схватке был намного более эффективным, нежели медленно стреляющая и недостаточно надежная ручница.⁶⁹ Во-вторых, пехота в степных кампаниях была практически бесполезна из-за своей малоподвижности и не[57]достаточной защищенности. По существу, ручное огнестрельное оружие на первых порах носило ярко выраженный оборонительный характер и активно применялось русскими лишь при обороне крепостей и на закрытых театрах военных действий – против Литвы и Ливонии. И как только русская внешняя политика на западном направлении активизировалась, наступил и перелом в распространении ручного огнестрельного оружия.

Обычно считается, что ручное огнестрельное оружие на Руси начало применяться уже в 60-70-х гг. XV в. Применение пищалей отмечено в источниках во время «стояния» на р. Угра, во время осады Феллина и походов на Казань, речь в данном случае шла все-таки об артиллерии, а не о ручницах. Единственный случай, когда можно предположить участие отрядов стрелков, вооруженных ручным огнестрельным оружием в боевых действиях, это поход Ивана III на Новгород в 1478 г., в котором приняли участие псковская рать «с пушками и с пищальми, и з самострелы». Псков находился на русском пограничье с Литвой и Ливонией, и, надо полагать, псковичи были неплохо осведомлены о новинках в военной технике и технологиях у соседей.⁷⁰ Но пример Новгорода и Пскова был единичным и в целом можно предположить, что достаточно часто встречающиеся в актовых материалах того времени «пищальники» – это, прежде всего, мастера, изготавливающие артиллерийские орудия и одновременно обслуживающие их во время осад и обороны крепостей.⁷¹ [58]

Нужно было время, чтобы ручное огнестрельное оружие перестало быть диковиной, чтобы оно стало обычной вещью и появились в достаточном количестве люди, способные

⁶⁹ Так, десятина 1577 г. коломенских дворян и детей боярских показывает, что и сами дети боярские, и их слуги были вооружены саадаками и саблями, редко копьем. Об огнестрельном оружии речь даже и не шла (РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. № 17. Л.л. 1-106). Несильно изменилась ситуация и спустя полвека. Десятина 1622 г. по каширским дворянам и детям боярским показывает, что на 236 детей боярских и дворян, вооруженных саблями и саадаком либо одним саадаком, приходилось 2 с рогатиной и саблей, 16 с саблей и 65 с саблей и пищалью (РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Л.л. 2 об. – 317, 332 об. – 262).

⁷⁰ Наемные польские пехотные роты конца XV – начала XVI вв. состояли главным образом из стрелков, вооруженных арбалетами или ручницами и прикрывавших их павезьеров. Например, ротмистр Пиотровский в 1496 г. набрал пехотную роту численностью в 20 почтов с 16 копейщиками, 6 знаменосцами, 10 павезьерами, 44 стрелками из ручниц и 128 арбалетчиками (Wimmer J. Historia piechoty polskiej do roku 1864. Warszawa, 1978. S. 87-88, 90). См. также: Грабарчик Т. Арбалеты и луки польской наемной пехоты в 1471-1500 гг. // Para bellum. 2003. № 3 (19). С. 55-68. Т.о., копейщики и пикинеры, в отличие от господствовавшей в то время на западе Европы швейцарской военной школы, играли явно второстепенную роль. Следовательно, можно предположить, что в состав псковской рати могли входить пешие ополченцы – копейщики и щитоносцы, а также вооруженные арбалетами и гаковницами. О развитии института наемничества в вооруженных силах Великого княжества Литовского см.: Бохан Ю.М. Наёмнае войска ў Вялікім княстве Літоўскім у XV – XVI стст. Мінск, 2004.

⁷¹ Вахрамеев И.А. Исторические акты Ярославского Спасского монастыря. Т. 1. М. 1896. С. 6; Голубцов И.А. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. Т. 3. М., 1964. С. 369. См. также: Базилевич К.В. Указ. соч. С. 355.

владеть им и умело применять его на деле. Этот процесс, во многом благодаря иностранным военным специалистам, которых привлекали на русскую службу и Иван III, и его сын, занял немного времени. Не прошло и десятка лет с начала нового столетия, как на страницах русских летописей и разрядов появляются отряды пищальников, вооруженные ручным огнестрельным оружием.⁷² Причину такого поворота в отношении к огнестрельному оружию, и в особенности к ручному, надо искать в опыте столкновений с ливонцами и литовцами.⁷³ Познакомившись поближе с эффективностью ручного огнестрельного оружия, Иван III и в особенности Василий III сделали все возможное, чтобы заполучить отряды вооруженных ручницами стрелков на своей службе, тем более что к этому моменту у них появилось в распоряжении и достаточное количество ручниц и первых аркебуз, и мастера, которые могли их изготавливать.⁷⁴ Так в начале XVI в. родились отряды русских пищальников – предшественники стрельцов.

Впервые они упоминаются в разрядных книгах под 7017 г. (1508 г.), когда Василий III приказал направить к воеводе князю Семену Серебряному в Дорогобуж «з городов пищальников и посошных».⁷⁵ Следующее упоминание пищальников относится к 1510 г., когда вместе с Василием III во Псков прибыло 1000 «пищальников казенных», а после того, как государь покинул город, в нем было [59] оставлено 500 пищальников новгородских.⁷⁶ В 1512 г. Василий III, ожидая набега крымских татар, заблаговременно развернул полки вдоль Угры и приказал «...пищальников и посошных... разделить по полкам, сколко где пригоже быти, на берегу...».⁷⁷ 1000 псковских пищальников, «срубленных» с псковских «сох», приняли участие в зимнем смоленском походе 1514 г., причем в летописи упоминались, наряду с псковскими пищальниками, отряды стрелков и из других городов.⁷⁸

Однако, судя по отрывочным свидетельствам как русских летописей, так и иностранных источников, Василий III (а, возможно, и Иван III, если принять сведения Г. Перкамоты) не ограничился только лишь набором на время походов отрядов пищальников с тяглецов. При нем были сделаны первые попытки формирования более или менее постоянных отрядов конных и пеших стрелков полностью на государственном содержании.⁷⁹

⁷² Заслуживает внимания тот факт, что отряды пехоты, вооруженной ручным огнестрельным оружием типа аркебуз, появляются на Руси практически в одно и то же время, что и в Западной Европе. Широкое использование отрядов аркебузирова в Европе относится к началу XVI в., к самому разгару Итальянских войн, и примерно в это же время отряды пищальников появляются и в России.

⁷³ Этого же мнения придерживается и Ю.Г. Алексеев (См., например: Алексеев Ю.Г. Кампания 1502 г. – последний акт большой войны // Древняя Русь. Основы медиевистики. 2006. № 2 (24). С. 81).

⁷⁴ Так, в 1517 г. на службу к московскому великому государю прибыло несколько южногерманских (!) мастеров-оружейников из Инсбрука (Хорошкевич А.Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI в. С. 240).

⁷⁵ Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга официальной редакции (по 1565 г.) (далее ДРК). М., 1901. С. 41; РК 1475-1605. Т. I. Ч. 1. С. 108.

⁷⁶ ПСРЛ. Т. V. Ч. 2. С. 258.

⁷⁷ ДРК. С. 47; РК 1475-1605. Т. I. Ч. 1. С. 119.

⁷⁸ ПСРЛ. Т. V. Ч. 2. С. 259.

⁷⁹ Чернов А.В. Вооруженные силы Русского государства в XV-XVII вв. М., 1954. С. 30-31. См. также Вернадский Г.В. Россия в средние века. Тверь-Москва, 1997. С. 159; Павла Иовия Новокомского книга о посольстве, отправленном Василием Иоанновичем, великим князем Московским, к папе Клименту VII, в которой с достоверностью описаны положение страны, неизвестной древним, религия и обычаи народа, равно как и цель посольства; между тем показаны заблуждения Страбона, Птолемея и других географов, упоминавших о Рифейских горах, существование коих в наше время отвергнуто ясными доводами // БИПР. Т. 1. Отд. 1. СПб., 1836. С. 53. Перевод с латинского на русский части данного отрывка в этом издании не совсем верен, поскольку склопеттарии, о которых писал Павел Иовий, это не артиллеристы, а именно стрелки из ручного огнестрельного оружия (О склопеттариях см. Контамин Ф. Война в Средние века. С. 152 и Бехайм В. Энциклопедия оружия. СПб., 1995. С. 319). Заслуживает внимание свидетельство Павла Иовия о конных пищальниках Василия III. Очевидно, что в Москве быстро оценили всю важность организации взаимодействия на поле боя поместной конницы и пищальников и независимо от Западной Европы, пришли к идее создания ездящей пехоты – драгун. Причем сделано это было, судя по всему, даже раньше, чем в Европе. Во всяком случае, посаженная на конь пехота появилась на Западе в завершающем этапе Итальянских войн, в

Во всяком случае, именно так можно истолковать сообщение летописи о «казенных» пищальниках. Очевидно, это те самые стрелки, о которых сообщал С. Герберштейн⁸⁰, и которых Ф. Тьеполо, характеризовал как неопытных и плохо вооруженных.⁸¹ Пищальники неоднократно упоминаются и в последующие годы. Так, они составляли часть гарнизона Гомеля в 1535 г.⁸², а в казанском походе 1545 г. новгородцы по требованию Ивана IV должны были «...с ноугороцких же посадов, и с пригородов с посадов, и с рядов, и с погостов, наредить 2000 человек пищальников, половина их 1000 человек на конех, а другая половина 1000 человек пеших...», одетых в однорядки или сермяги, со своими пищальями, порохом, свинцом и провиантом.⁸³

Т.о., к середине XVI в. огнестрельное оружие, как тяжелое, так и легкое, стало составной частью комплекса вооружения московского войска. Был сделан первый шаг на пути превращения России в «пороховую империю».

Большим шагом вперед стало создание при великокняжеском дворе специального органа управления войсками в ходе кампаний.⁸⁴ Процессы политической централизации сопровождались в первую очередь процессами военной централизации, и управление русской армией было сосредоточено в одних руках – в руках московского государя. Более того, «...военная централизация была достигнута гораздо раньше, – отмечал А. Смирнов, – чем политическая или экономическая, – уже при Иване III. В это время вассальные владетели полновластно распоряжались внутри своих уделов, но военные контингенты они были обязаны выставлять великому князю по первому зову, и на практике великорусское войско было единым уже в конце [61] XV в.... Военная централизация почти на сто лет опередила завершение политической».⁸⁵ Для набора, управления и обеспечения всем необходимым армии, составленной из разнородных контингентов, неизбежно должен был быть создан специальный орган военного планирования и руководства при московском князе.

Выше было уже отмечено, что определенные начатки штабной службы существовали уже в конце XIV в. При Иване III они получили дальнейшее развитие. Организация больших походов с участием массы людей, коней, артиллерии, обоза, роспись ратников по полкам требовала предварительного планирования.⁸⁶ Появление специального органа, ко-

40-х гг. XVI в. (Денисон Дж. История конницы. М., 2001. С. 222), а сочинение Иовия датируется 2-й половиной 20-х гг.

⁸⁰ Герберштейн С. Записки о московитских делах... С. 208.

⁸¹ Иностранцы о древней Москве. Москва XV-XVII веков. М., 1991. С. 63.

⁸² ПСРЛ. Т. XIII. С. 97-98.

⁸³ ААЭ. Т. 1. СПб., 1836. С. 184. Участвовали пищальники и в осаде Казани в 1552 г. (См.: РК 1475-1605. Т. II. Ч. 3. С. 426, 430).

⁸⁴ В этом вопросе Москва существенно опередила Запад. Причины этого, на наш взгляд, очевидны. Русскому войску с самого начала пришлось действовать в более сложных условиях, нежели армиям западноевропейских государств – на огромных ТВД, порой несколькими корпусами на разных стратегических направлениях, на местности со слабо развитой инфраструктурой и скудными ресурсами. Естественно, что для достижения успеха нужно было тщательно готовить каждую кампанию, координировать взаимодействие отдельных корпусов и пр. Без центрального органа управления войсками обойтись было никак нельзя, тем более что, в отличие от Запада, в России частное антрепренерство в военной сфере не прижилось и государство было вынуждено взять на себя решение вопросов, связанных с организацией снабжения войск.

⁸⁵ Смирнов А. Государство сражающейся нации... С. 35-36.

⁸⁶ О том, насколько сложна была организация похода большого московского войска, говорит следующая летописная запись об «уряжении» полков в новгородской кампании Ивана II 1478 г. (ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. Стб. 259-260; см. также стб. 256-257). Из летописи хорошо заметно и административное деление московского войска – четыре полка: большой, передовой, правой и левой руки. В случае большого похода в росписи мог появиться сторожевой полк, а в 1524 г., когда Василий III ходил на Казань, в росписи полков появился еще один полк – ертаул. При этом войско могло делиться на несколько корпусов, действовавших на самостоятельных стратегических направлениях. Так, в конце ноября 1535 г. в ответ на вторжение литовского войска московское правительство направляет разорять литовские владения сразу три рати – одна действовала на северо-западном направлении, другая на центральном, и третья, вспомогательная, на юго-западном (См., например: ПСРЛ. Т. XIII. С. 89). При этом, что характерно, северо-западная и центральная рати соединились под Молодечно и дальше действовали совместно, что предполагает заранее разработанный и согла-

торый бы занимался устройением рати, было неизбежным. Как отмечал Н.П. Павлов-Сильванский, «...военно-административное ведомство Разряда должно было выделиться из общего дворцового управления в самостоятельное учреждение еще при Иоанне III, когда уничтожена была обособленность военной администрации уделов и возник класс государевых служилых людей...».⁸⁷ И это предположение, судя по тому, как подробно летописи [62]си конца XV в. расписывают «устройство» московских полков на походе и перед боем, имело под собой вполне реальные основания. Разрядный приказ или его подобие к этому времени уже существовал, следовательно, дьяки с «разрядами» принимали активное участие в организации и осуществлении похода 1478 г. на Новгород. Не мог обойтись без их участия великий князь и при организации отпора нашествию хана Ахмата в 1480 г. Так что, хотя Разрядный приказ и упоминается начиная с 1535 г. (когда в нем работало 3 дьяка и несколько подьячих), он, судя по всему, работал уже при Иване III.

Существенно изменилось при Иване III и его сыне искусство фортификации, что было необходимо ввиду быстрого развития и совершенствования артиллерии и огнестрельного оружия. При Иване III нем в большом количестве приглашаются итальянские и другие иностранные мастера-фортификаторы («муроли») – Аристотель Фиоравенти (1475 г.), Петр-Антоний Фрязин (1490 г.) и другие. Эти мастера приняли активное участие в строительстве и исправлении укреплений главных городов Российского государства.⁸⁸ В связи с опасностью походов крымских татар нуждалась в укреплении и южная граница Российского государства. Здесь также начинается строительство мощных каменных крепостей, одной из важнейших из которых стала Тула. Деревянный тульский кремль был заложен в 1509 г., а спустя 5 лет было начато строительство еще более мощного каменного кремля.⁸⁹ При этом, что характерно, ряд специалистов полагает, что в архитектурном облике тульского кремля (равно как и [63] московского) явно прослеживается итальянское влияние.⁹⁰ Новые крепости и перестраиваемые старые при Иване III и Василии III приобретают «регулярный» характер, обзаводятся башнями, приспособленными для размещения артиллерийских орудий и затинных пищалей, их конструкция усиливается для противодействия огню артиллерии (стены становятся несколько ниже и толще, появляется откос в нижней части стен, способствовавший рикошету ядер).⁹¹

И в завершение этого раздела коснемся еще одного важного вопроса, имеющего для концепции военной революции чрезвычайно важное значение – численности московского войска. Этот вопрос является одним из наиболее сложных и дискуссионных как в отечественной, так и в зарубежной историографии. В принципе, никто не сомневается в том|

сованный план проведения операции, невозможный без существования при московском дворе специального органа управления войсками – своего рода генерального штаба.

⁸⁷ Павлов-Сильванский Н.П. Государевы служилые люди. С. 96. См. также Алексеев Ю.Г. Под знаменами Москвы. М., 1992. С. 94-95. По его мнению, уже в конце 60-х гг. XV в. при дворе Ивана III существовал некий орган, ставший прообразом будущего Разрядного приказа. Так, описывая казанский поход 1469 г., он отмечал, что «...при изучении «первой Казани» бросается в глаза изменение характера военного руководства. Прежние великие князья, как правило, ходили в походы сами во главе своего двора. Даже слепой Василий Темный не раз ходил на Шемяку, совершил поход на Новгород, готовился идти на Казань. В Казанской войне картина совсем иная. Великий князь находится за многие сотни километров от театра войны. Своими воеводами, стоящими во главе полков, он руководит из центра посредством рассылки директив. Князь-воин, шедший в бой впереди своих войск..., уступил место князю-главнокомандующему... В известиях о Казанской войне – первые признаки складывания новой системы управления войсками – в терминах XX в. ее можно назвать верховным командованием» (Там же. С. 95). С такой интерпретацией летописных свидетельств трудно не согласиться.

⁸⁸ Так, в 1492 г. Алевиз Фрязин выстроил каменную стену от великокняжеского двора к Боровицкой башне в московском Кремле, а в 1508 тот же Алевиз Фрязин, совершенствуя его оборонительные сооружения, сделал каменную рубашку на рвы и пруды вокруг него, Тогда же Петр Фрязин приступил по указу Василия III к возведению каменного кремля в Нижнем Новгороде (ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. Стб. 358, 383).

⁸⁹ См., например: ПСРЛ. Т. VIII. С. 250.

⁹⁰ См., например: Пинк И.Б. Тульский кремль // Para Bellum. 2004. № 3(23). С. 71.

⁹¹ Носов К.С. Русские крепости и осадная техника VIII – XVII вв. СПб., 2003. С. 65-66, 72-75. См. также: Раппопорт П.А. Древние русские крепости // <http://fortress.vif2.ru/biblio/rappoport/005.htm>.

что численность московской армии выросла в сравнение со временами Дмитрия Ивановича, Василия I или Василия II. Но насколько – здесь оценки весьма и весьма разнятся.⁹² Попытки вычислить примерную численность московских ратей на время правления Ивана III и Василия III предпринимались неоднократно, но вряд ли их можно признать удачными – все они так или иначе базируются на интерпретации данных разрядных росписей 2-й половины XVI в., данных летописей и свидетельств иностранцев. Однако, как совершенно справедливо заметил А.А. Зимин, летописи и разрядные росписи касаются войск, участвовавших в одной кампании, а иностранцы говорят о численности армии в целом.⁹³ Т.о., свети их воедино практически невозможно. М.М. Кром предложил иной подход – взяв за основу данные летописей и разрядов, исходить при исчислении войск из существования зависимости между числом воевод и количеством ратных людей, которыми они командовали в походе.⁹⁴

Сама по себе идея неплоха, однако данные, полученные исследователем, нам представляются все-таки завышенными. Взяв за ос[б]азу предложенную им идею, мы попытались уточнить его результаты, исходя из имеющихся в нарративных источниках сведений. При этом мы попытались учесть необходимость разрешения определенных логистических проблем, обусловленных особенностями восточно-европейского ТВД.⁹⁵ Кроме то-

⁹² Подробно историография вопроса рассмотрена М.М. Кромом в его статье «О численности русского войска в первой половине XVI в.» (Российское государство в XIV – XVII вв.. СПб., 2002. С. 67-68).

⁹³ Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного. М., 1960. С. 445.

⁹⁴ Кром М.М. О численности русского войска в первой половине XVI в... С. 69.

⁹⁵ Последний существенно отличался от западноевропейского своей меньшей «освоенностью» человеком и потому принцип «*Bellum se ipsum aleat*» для Восточной Европы не годился. Непонимание этого неизбежно вело к тяжелым неудачам и поражениям. В эту ловушку попала, к примеру, армия Стефана Батория, осаждавшая Псков. Дневник королевского секретаря ксендза Станислава Пиотровского пестрит жалобами на проблемы, вызванные отсутствием регулярного снабжения польско-литовского войска провиантом и фуражом (См.: Осада Пскова глазами иностранцев. Дневники походов Батория на Россию (1580-1581 гг.). Псков, 2005. 346, 358, 361, 364, 367, 378 и далее). Имеющиеся сведения позволяют утверждать, что нормы выдачи провианта и фуража в армиях Западной Европы в раннем Новом времени в целом оставались неизменными. Так, в Западной Европе ежедневная норма выдачи провианта составляла на солдата в XVI – XVII вв. около 1 кг хлеба, 0,5 кг мяса, 2 литра пива. В 20-х гг. XVIII в. французскому пехотинцу полагалось ежедневно 1 кг хлеба, 0,5 кг мяса и 0,5 кг овощей. Солдаты-каролинцы могли рассчитывать ежедневно на 2 фунта хлеба и 0,7 фунта мяса. Для сравнения, в русской армии приказом по военному ведомству за № 346 от 9 ноября 1899 г. суточная составляла на рядового солдата 1 фунт мяса и 2,5 фунта хлеба. Л.В. Милов приводит данные, что русский крестьянин в среднем потреблял 24 пуда ржи в год – т.е. чуть больше 1 кг в день (Бескровный Л.Г. Армия и флот России вначале XX в. Очерки военно-экономического потенциала. М., 1986. С. 153; Беспалов А. Сага о каролинах. Армфельт // Рейтар. № 19 (7/2005). С. 92; Беспалов А. Походная жизнь каролинской армии начала XVIII века // Рейтар. № 11 (8/2004). С. 73; Милов Л.В. Великоорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 2001. С. 387-388; Black J. Eighteen Century Europe. 1700-1789. N.-Y., 1990. P. 319; The Thirty Year's War. L., 2002. P. 178). Очевидно, что и в русском войске того времени они вряд ли существенно отличались от приведенных цифр. Во всяком случае, в начале 70-х гг. ратник Ивана Грозного получал от казны во время кампании 0,4 фунта толокна ежедневно: «А что велено вятчаном быть на берегу, и бояром приготовить велеть на Коломне, в Серпухове, в Колуге запасы государева на девятьсот человек сухарей 1350 чети, на человек по три осмины на три месяца, да круп овсяных 135 чети, да толокна тоже на три месяца же на десеть человек по осмине круп да по осмине толокна на месяц» (Документы о сражении при Молодях // Исторический архив. № 4, 1959. С. 173).

Тоже относится и к фуражу. Шведские гарнизоны в Прибалтике в начале XVIII в. в день получали на каждую лошадь по 8 кг сена и 1,3 кг овса (рассчитан. авт. по: Беспалов А. Походная жизнь каролинской армии начала XVIII века... С. 73). Согласно приводимым Л.В. Миловым данным, в русских помещичьих имениях XVIII в. рабочие лошади получали ежедневно в среднем от 8 до 12 кг сена и 1,3 чистого, веянного овса в сутки (Милов Л.В. Великоорусский пахарь и особенности российского исторического процесса... С. 228-231). Те же 1,3 кг овса в день на лошадь получают, исходя из нормы выдачи овса на роту Георга Фаренсбаха в 1571 г. (Документы о сражении при Молодях... С. 174). Эти нормы вовсе не кажутся заниженными, учитывая тот факт, что русская иррегулярная конница к тому времени в значительной степени пересела на неприхотливых и нетребовательных к качеству корма ногайских коней. «У них (у татар – П.В.) много лошадей, которые имеют выгнутую шею и очень малы, но сильны, легко переносят голод и труды и питаются древесными ветвями, корой и кореньями трав, которые вырывают копытами из земли...» – писал С. Герберштейн (Герберштейн С. Записки о московитских делах // Россия XVI в. Воспоминания иностранцев.

го, принимая во внимание [65] «ориентальный» характер русского войска в это время, можно, на наш взгляд, попытаться провести аналогии с устройством кочевнических армий.⁹⁶

Исходя из этих предположений, мы попытались оценить приблизительную численность московских ратей в отдельных кампаниях 1-й половины XVI в., и отсюда вывести примерное количество ратных людей, которыми могли распоряжаться московские государи в это время. В 1501 г. псковичи тратили на содержание присланных Иваном III новгородских и тверских ратных людей ежедневно 100 зобниц овса, 100 сена и 25 рублей на «колачи».⁹⁷ Исходя из всего вышесказанного, получается, что псковичи ежедневно расходовали хлеба на ~ 14,5 тыс. чел.⁹⁸ Данная цифра существенно отличается от [66] той, что приводит в своей ставшей классической работе К.В. Базилевич.⁹⁹ По его расчетам выходит, что в Псков прибыла 5-тыс. рать. 5 тыс. ратных людей – это и есть вся сила новгородская и тверская? Такой расклад представляется невероятным¹⁰⁰, тогда как 14,5-тыс. новгородско-тверское войско выглядит более правдоподобным и, что самое главное, действительно представляет серьезную силу, способную не только удержать ливонцев от вторжения в псковские пределы, но и нанести сильный контрудар по неприятелю. Сложнее определить число коней, которыми располагала русская рать, однако и здесь можно не соглашаться с рассчитанной К.В. Базилевичем цифрой в 5-5,5 тыс. голов. Во всяком случае можно предположить, что псковичам пришлось довольствоваться около 23 – 27 тыс. лошадей.¹⁰¹ Вторая цифра даже предпочтительнее, если учесть требование к служилым людям выступить в дальний поход «о-двуконь».

Второй случай, когда, на наш взгляд, можно примерно определить численность московского войска, относится к Стародубовской войне. Зимой 1534 г. большое московское войско вторглось на территорию Великого Литовского княжества и подвергло его опустошению. Одна рать под началом 10 воевод выступила из Смоленска, другое, также под началом 10 воевод – из Опочки, а третье, во главе с 4 воеводами, из Стародуба. Опустошив владения великого литовского князя», воеводы и их ратники «все здоровы, с великим полоном» в первых числах марта 1535 г. вернулись домой.¹⁰² М.М. Кром на основании показаний пленного луцкого сына боярского В. Хрущова считает, что в псковско-новгородской рати было 50 тыс. ратников и далее делает вывод, что всего в этой кампании

Смоленск. 2003. С. 257). Касаясь объемов ногайской торговли лошадьми, В.В. Трепавлов отмечал, что «масштабы конского импорта из-за Волги в XVI – XVII вв. были столь внушительны, что создается впечатление, будто словом «конь» обозначались только лошади ногайской породы...» (Трепавлов В.В. Кочевники на русских рынках: ногайская торговля в XVI-XVII веках // Отечественная история. № 3. 2000. С. 168)..

⁹⁶ Так, в своей автобиографии и «Уложении» Тамерлан указывал, что под началом одного амира могло быть от 1 тыс. до 2,8 тыс. всадников – в среднем около 2 или несколько более тыс. всадников. Очевидно, что в его наставлениях, основанных на традиции и на богатом военном опыте, нашли свое отражение сложившиеся к тому времени у кочевников определенные стандарты в отношении размеров самостоятельной тактической единицы, которой мог эффективно управлять один военачальник. Вряд ли, учитывая далеко зашедший к тому времени процесс «ориентализации» русского войска, также состоявшем преимущественно из конницы, «нормы» распределения бойцов на одного воеводу существенно отличались от тимуровских (См.: Тамерлан. Автобиография. Уложение. М., 2006. С. 191, 408, 413).

⁹⁷ ПСРЛ. Т. V. Вып. 1. М., 2000. С. 85.

⁹⁸ Такая цифра получается, если принять во внимание, что в псковской зобнице насчитывалось по 14 пудов ржи, а в пуде 40 гривенок-фунтов (Шостын Н.А. Очерки истории русской метрологии XI – начало XX вв. М., 1990. С. 47, 267), а стоимость зобницы ржи в Пскове двумя годами ранее составляла 36 денег (ПСРЛ. Т. V. Вып. 1. С. 83), в рубле же было 100 денег (См.: Фенглер Х., Гироу Г., Унгер В. Словарь нумизмата. М., 1993. С. 292).

⁹⁹ Базилевич К.В. Внешняя политика Русского государства. М., 2001. С. 535.

¹⁰⁰ Хотя если предположить, что речь идет о 4-5 тыс. дворян и детей боярских, без учета их слуг, боевых и кошовых, то тогда можно согласиться с мнением К.В. Базилевича.

¹⁰¹ Именно такая цифра получается, если принять вес зобницы овса как меры объема ~ на 1/3 больше, чем зобницы ржи и при весе стога сена в 200 пудов (Л.В. Милов писал, что обычная величина стога сена составляла от 100 до 300 пудов – Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса... С. 244).

¹⁰² ПСРЛ. Т. XIII. С. 82-83.

с русской стороны приняло участие около 110-120 тыс. воинов.¹⁰³ Однако такая цифра представляется серьезно завышенной хотя бы потому, что [67] исследователь основывался главным образом на показаниях пленного рядового помещика, и нет никаких гарантий, что он не преувеличил численность русского войска. Кроме того, представляется маловероятным, что северо-западные русские земли могли выставить в поход такое количество ратных людей. Вряд ли возможно, что за всего за 30 лет численность выставляемых этими землями воинских контингентов более чем удвоилась (даже если взять за основу выведенную ранее цифру в 14,5 тыс. воинов, не говоря уже о 5 тыс. К.В. Базилевича). Да и снабжать сотысячную армию зимой на этом ТВД было бы чрезвычайно затруднительно.

Приводимое М.М. Кромом свидетельство королевского секретаря Н. Нипшица о 40-тыс. русском войске, вторгшемся в Литву близ ливонской границы¹⁰⁴, представляет в свете этого особый интерес. Написанное по горячим следам (оно датируется 5 марта 1535 г.), письмо секретаря отражало, судя по всему, действия соединенной русской рати на завершающем этапе похода.¹⁰⁵ Следовательно, можно допустить, что под началом 20 воевод оказалось около 40 тыс. ратных людей.

Исходя из предложенной М.М. Кромом идеи о существовании зависимости между числом воевод и ратников, бывших под их началом¹⁰⁶, можно предположить, что всего в этом походе участвовало до 50 тыс. ратных людей и «кошовых» – около 40 тыс. на смоленском и опочненском направлениях и до 10 тыс. – на стародубовском. Действовавшее 3-мя корпусами на трех стратегических направлениях 50-тыс. войско, учитывая характер самого похода, предпринятого для опустошения неприятельских владений и потому состоявшее из конницы, выглядит более близким к истине, чем «тьмочисленная» более чем 100-тыс. рать.

В летней кампании 1535 г. русское войско снова действовало тремя корпусами – одна рать под началом 15 воевод стояла на «Берегу», ожидая вторжения татар; другая, в составе 4 воевод, отправи[68]лась в Опочку прикрывать действия воеводы Ивана Бутурлина, получившего задачу поставить крепость на озере Себеж. Третья рать под началом 11 воевод, двинулась воевать литовский город Мстиславль.¹⁰⁷ Т.о., Москва выставила в эту кампанию армию под началом не меньше чем 30 воевод. И если зимний поход 1534-1535 гг. потребовал серьезного напряжения сил Российского государства¹⁰⁸, то летняя кампания 1535 г. потребовала еще больших усилий. Судя по всему, для участия в ней была мобилизована большая часть тех сил, которыми располагала к тому времени Москва – до 70 тыс. ратников и «кошовых».

Исходя из этих данных, можно попытаться представить те рамки, в которые укладывались мобилизационные возможности Московского государства в начале 30-х гг. XVI в. Если исходить из предположения Ю.Г. Алексеева, который отмечал, что 1 всадник поместной милиции выставлялся с 10 крестьянских дворов¹⁰⁹, а в стране насчитывалось не менее 100 тыс. крестьянских поселений с числом дворов около 400-500 тыс.¹¹⁰, из них до

¹⁰³ Кром М.М. О численности русского войска в первой половине XVI в... С. 72.

¹⁰⁴ Там же. С. 72.

¹⁰⁵ «И сошлись великого князя вьеводы в едино место, и вьевали до Вилны верст за пятьдесят, а инде и за сорок, да поворотили оттолева к Полотцким местом, да и пошли к **Немецкому рубежу**, жгучи и вьюючи и секучи и в плен емлючи; и вышли вьеводы великого князя все **на Опочку на Псковскую землю** (выделено нами – **П.В.**)...» (ПСРЛ. Т. VIII. М., 2001. С. 288).

¹⁰⁶ Кром М.М. О численности русского войска в первой половине XVI в... С. 69.

¹⁰⁷ Разрядная книга 1475 – 1598 гг. М., 1966. С. 87-88; ПСРЛ. Т. V. Вып. 1. С. 107; ПСРЛ. Т. VIII. С. 289-290; ПСРЛ. Т. XIII. С. 85-86.

¹⁰⁸ Пленный луцкий помещик Василий Хрущов показывал, что прежде, во времена Василия III, «...не бывало, абы люди владычни, монастырские сытничие и конюхи у войско ходили; теперь тым всем у войско пойти казано...» (Памятники истории Восточной Европы. Т. VI. М.-Варшава, 2002. С. 138).

¹⁰⁹ Алексеев Ю.Г. Победа на Шелони // Неисчерпаемость источника. М., 2005. С. 292.

¹¹⁰ История Европы. Т. 3. С. 118-119. Н.Д. Чечулин, к примеру, полагал, что в среднем на одну деревню в XVI в. приходилось по 4,4 двора (Чечулин Н.Д. Города Московского государства в XVI веке. М., 1889. С. 310).

половины принадлежали черносошным или церковно-монастырским крестьянам, то получается, что всего поместная милиция составляла около 20-25 тыс. чел. Приняв в качестве средней цифры, что каждый помещик выступал в поход, имея с собой как минимум 1 послужильца и 1 вооруженного «кошового»¹¹¹, получаем, что всего поместная милиция на[69] считывала по самым оптимистическим оценкам не более 60-75 тыс. человек.¹¹² К этому войску нужно добавить служилых татар и прочих инородцев, а также тех ратников и даточных людей, которых могли выставить города. Определить их численность сложно, но если исходить из норм «разруба», что были приняты в Новгороде и Пскове на то время, то города могли выставить, если принять столь же оптимистическую оценку численности дворов в них около 30 тыс.¹¹³, около 10 тыс. ратных людей. Т.о., русская армия в 1-й половине XVI в. могла насчитывать до 90 или немногим более тыс. воинов, не считая посохи.¹¹⁴ Представляется, что это тот максимум, на [70] который можно было рассчитывать Василию III или Ивану IV в 30-х – 40-х гг. XVI в. Указанная цифра, быть может, и не впечатляет, особенно на фоне сведений иностранцев о «тьмочисленном» московском войске, которым якобы обладали русские государи в XVI в., но она представляется более или менее реальной.¹¹⁵ К тому же она больше, чем могло выставить против Москвы Великое княжество Литовское, и в любом случае это значительно больше, чем, те 1,5 тыс. воинов, с которыми Василий II вступил в сражение с татарами 7 июля 1445 г. под Суздалем; 5-

¹¹¹ Во всяком случае, луцкий помещик Василий Хрущов в своих показаниях указывал, что было «...нас, детей боярских, девеносто голов, а **всех нас з нашими людьми триста** (выделено нами – **П.В.**)...» (Памятники истории Восточной Европы. Т. VI... С. 137). Очевидно, что Хрущов имел ввиду, что в отряде из 300 человек 1/3 составляли сами дети боярские, а 2/3 их послужильцы. Поэтому для начала 30-х гг. XVI в. цифра как минимум 1 послужилец и 1 «кошовый» на помещика представляется вполне реальной.

¹¹² Интересно сравнить эти цифры с теми данными, что приводит в своем письме А. Кампензе (Кампензе А. Письмо Альберта Кампензе к Его Святейшеству Папе Клименту VII о делах Московии // Библиотека иностранных писателей о России. Т. 1. СПб. 1836. С. 24-25). По его сообщению, в 20-х гг. XVI в. Василий III мог полагаться на 15 тыс. всадников, что выставяло Рязанское княжество, 30 тыс. московских всадников и 40 тыс. – тверских. Если предположить, что он отразил примерное соотношение воинских контингентов, составляемых этими землями, и принять за основу сообщаемое летописью число ратных людей, во главе которых Иван III выступил на Новгород в 1471 г. (так как Кампензе основывался на сведениях, что сообщили ему его отец и брат, долгое время жившие в России), то получается, что в сумме три этих княжества могли выставить около 30-35 тыс. всадников – дворян, детей боярских и их послужильцев.

¹¹³ Перепись 1646 г. показала, что всего в городах России насчитывалось 31,5 тыс. дворов, принадлежащих посадским людям, и если согласиться с мнением И.М. Кулишера, что население с середины XVI в. и до конца XVII в. существенно не выросло из-за потрясений, которые испытали и страна, и общество в эти годы, а только произошло его перераспределение (Кулишер И.М. История русского народного хозяйства. М., 2004. С. 256), то можно предположить, что в 1-й половине XVI в. число тяглых дворов скорее всего не превышало этого числа. Мобилизационные же возможности русских посадов в то время не стоит переоценивать. К примеру, для Пскова с его пригородами 900-1000 пищальников и 3000 посошных возчиков с телегами были тем пределом, который псковская община могла потянуть – запись под 7020 годом в Псковской 3-й летописи говорит, что Псков выставил для похода на Смоленск по требованию великого князя 1000 пищальников, и «псковичем тот рубеж не за обычеи, и бысть им тяжко вельми...» (ПСРЛ. Т. V. Вып. 2. М., 2000. С. 259).

¹¹⁴ По мере развития поместной системы и роста численности конной поместной милиции значение пешего ополчения от «земли» стремительно падало. Из важного компонента русских ратей XIII – 1-й XV вв. оно в конце XV – первые десятилетия XVI в. окончательно превратилось в «посоху» – вспомогательные части, на плечи которых ложилась главным образом служба при обозе, артиллерийских парках, саперные, инженерные и дорожные работы. Падение значения «посохи» находилось в русле проводимой московскими властями политики дальнейшего углубления профессионализации военного дела.

¹¹⁵ Анализ состава войска, выставленного в зимний поход 1535 г., показывает, что в нем приняла участие основная масса помещиков, за исключением великокняжеского двора и оставленных внутри страны для несения осадной службы. Вряд ли в нем участвовали и «срубленные» с городов пищальники и многочисленная посоха – учитывая характер похода, войско было конным, а, значит, не имело «наряда», большого обоза и пехоты. И действительно, в разрядных росписях нет упоминания о «наряде», отправленном в этот поход (См., например: Разрядная книга 1475-1598 гг... С. 85-87). Следовательно, отмеченные 50 тыс. воинов – это большая часть московского войска на то время, преимущественно поместная милиция, но не вся.

тыс. рать, что была послана Василием против Новгорода в 1456 г., или 12-тыс. войско, отправившееся во главе с Иваном III на тот же Новгород в 1471 г.¹¹⁶

Подводя общий итог первому этапу военных преобразований, который пришелся на время правления Ивана III и Василия III, можно отметить, что вооруженные силы Российского государства серьезно изменились в сравнение с предыдущим периодом. Наиболее важными и существенными изменениями стали создание поместной системы, что позволило резко увеличить численность армии без серьезного увеличения расходов на ее содержание; «ориентализация» тактики и стратегии; создание органов центрального управления вооруженными силами и системы снабжения войск; внедрение в военную практику огнестрельного оружия. Основу армии Российского государства составила иррегулярная поместная конница, отличавшаяся на первых порах высокой боеспособностью и профессионализмом. Конные ее сотни удачно дополнялись отрядами служилых татар и «срубленных» с городов и их пригородов конными (русским аналогом западноевропейских драгун) и пешими пищальниками, вооруженных фитильными пищальями – русским аналогом аркебузы. Неотъемлемым компонентом русского войска стал артиллерийский «наряд», разделившийся на «большой», [71] «средний» и «малый».¹¹⁷

Т.о., в результате неустанной деятельности первых государей «всая Руси» в военном строительстве был сделан большой шаг вперед. Однако все ли было сделано и можно было ли останавливаться на достигнутом? Очевидно, что нет! И если при Иване III модернизированное русское войско служило в его руках отличным инструментом решения внешнеполитических проблем, то при его сыне стали происходить первые серьезные сбои, свидетельствовавшие о том, что почивать на лаврах еще рано.¹¹⁸ Большая Орда распалась, но с переходом Крыма в стан противников России политическая и военная ситуация на границах Русского государства ухудшилась, и требовалось нарастить военный потенциал с тем, чтобы противостоять не только Казани и Литве, но еще и Крыму, который представлял весьма серьезного и опасного противника. Необходимо было упорядочить порядок несения службы поместной милиции, реорганизовать отряды пищальников, придав им более или менее постоянную организацию и регулярное обучение владению своим оружием. Дальнейшему совершенствованию подлежала артиллерия, искусство ведения осад и в особенности фортификация, явно отстававшая от западноевропейской, где, как уже неоднократно отмечалось выше, в годы Итальянских войн стремительно распространяется *trace italienne*.¹¹⁹

Численное превосходство противника можно и нужно было попытаться компенсировать более совершенной техникой и тактикой, для чего нужно было продолжить курс на активное перенимание и приспособление к собственным нуждам последних новинок военной науки и техники как на Западе, так и на Востоке. Угроза большой войны как со степняками, так и с Литвой стимулировала дальнейшее совершенствование военных учреждений Российского государства и поставила на повестку дня военную реформу, которая и была осуществлена в 50-х гг. XVI в. [72]

¹¹⁶ Алексеев Ю.Г. Победа на Шелони... С. 293; ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. М., 2001. Стб. 104-106; ПСРЛ. Т. XVI. М., 2000. Стб. 194.

¹¹⁷ См., например: ПСРЛ. Т. XIII. Ч. 2. С. 348-349.

¹¹⁸ Герберштейн отмечал, что в отличие от отца, Василий был «весьма несчастлив» в войнах (Герберштейн С. Записки о московитских делах... С. 171).

¹¹⁹ Как отмечал В.В. Яковлев, фортификация «...в рассматриваемый период отстала у русских от Западной Европы более, чем на столетие. В то время, как в Италии, Франции и Германии имелся бастионный фронт, который претерпевал всевозможные изменения и усовершенствования, в России все еще существовали древние огады...» (Яковлев В.В. История крепостей... С. 54.).

ГЛАВА II

ВОЕННЫЕ РЕФОРМЫ 50-Х ГГ. XVI В. И ЗАВЕРШЕНИЕ ФОРМИРОВАНИЯ «КЛАССИЧЕСКОЙ» МОСКОВСКОЙ ВОЕННОЙ МАШИНЫ

§ 1. Военные реформы сер. XVI в.

Иван IV и его советники в конце 40-х – 50-х гг. XVI вв., продолжая начатое Иваном III и Василием III дело, провели ряд серьезных военных реформ, в ходе которых был завершён процесс создания классической московской военной машины. Эти преобразования носили достаточно разноплановый и противоречивый характер. С одной стороны, Иван и его советники продолжили традицию развития и укрепления присущей Средневековью милиционной армии, а с другой стороны, при нем начали зарождаться элементы нового, регулярного войска.¹ Тем самым Иван продолжил линию своего отца и деда на комбинацию в военном строительстве элементов старого и нового.

Характеризуя военные преобразования Ивана IV, можно отметить следующие важные их особенности. Они выразились прежде всего в следующем: во-первых, порядок службы помещиков был регламентирован; во-вторых, при Иване IV пехота, вооруженная огнестрельным оружием, стала играть в русском войске намного более важную роль, чем ранее. Ее численность постепенно растет, и в ее устройстве получают развитие элементы регулярности. В-третьих, дальнейшее развитие получили артиллерия, фортификация и осадное искусство. В-четвертых, реорганизации подверглась пограничная служба на южной границе. В-пятых, общая численность армии за время первой половины царствования Ивана IV выросла по сравнению с предыдущими временами. При этом стоит подчеркнуть, что в ее составе четко обозначился более или менее постоянный компонент.

Преобразования в военной сфере преследовали своей целью [73] поднять боеспособность русского войска, которая снизилась в годы своеобразного «междоцарствия», установившегося после кончины Василия III и формального вокняжения его малолетнего сына Ивана. Проблема возникла в самый неподходящий момент, когда потребность в мощных вооруженных силах обострилась до предела. Принятие Иваном IV царского титула явилось своего рода программным политическим манифестом молодого государя всея Руси, в котором он заявил о своих претензиях на великодержавие. Следствием этого политического акта, как отмечал А.В. Виноградов, стала активизация внешнеполитической деятельности Российского государства с конца 40-х гг. XVI в. «Именно вторая половина XVI столетия окончательно определила судьбу России как великой евразийской державы... – писал историк, – одновременно с активизацией на востоке и на юго-востоке предпринимается экспансия на западном и северо-западном направлениях... В целом уже к 60-м годам XVI в. Русское государство постепенно превращается в великую евразийскую державу. Начинается долгий процесс включения страны в европейскую систему международных отношений...».²

Естественно, что в условиях постоянно расширявшейся экспансии, когда соседи молодого Российского государства были не в восторге от его усиления, мощная и боеспособная армия становилась одним из важнейших инструментов реализации столь крупномасштабной внешнеполитической программы. Однако время «боярского» правления 2-й

¹ Не случайно ряд авторов полагает, что именно с середины XVI в. можно вести отсчет существования регулярной русской армии. См. например: Копылов И.А. От регулярных войск к регулярной армии // Военно-исторический журнал. 1999. № 1; его же. От стрельцов до космических войск // Родина. 1999. № 5.

² Виноградов А.В. Внешняя политика Русского государства второй половины XVI века в контексте геополитического развития России как евразийской державы // Геополитические факторы во внешней политике России: вторая половина XVI – начало XX века. М., 2007. С. 32-33.

половины 30-х – 1-й половины 40-х гг. XVI в. крайне негативно сказалось на состоянии поместной конницы – ядра московского войска того времени. Отсутствие четкого порядка в земельных пожалованиях и различные злоупотребления в распределении и использовании фонда государственных земель в годы малолетства Ивана привели к тому, что служилые люди стали «оскудевать» и не могли нести службу так исправно, как и раньше. В своих «Царских вопросах» к Стоглавому собору Иван IV указал на необходимость генеральной ревизии всей системы землепользования. По расчетам царя и его советников, она позволила бы точно определить, кто какими землями владеет и какую несет с них службу, поскольку [74] в конце 30-х – начале 40-х гг. многие бояре и служилые люди обзавелись земельными владениями «не по службе», а иные и вовсе обеднели и разорились.³ Многие из них «похолопились», перейдя под покровительство более богатых и удачливых соседей. Как отмечал Р.Г. Скрынников, «...принцип равномерного распределения государственных земель между всеми членами служилого сословия оказался нарушенным, государственное регулирование землевладения и службы поставлено под вопрос...».⁴ Под угрозой было поставлено само существование боеспособной и многочисленной поместной конницы.

Стремясь поднять боеспособность поместной конницы, правительство Ивана IV предприняло целый ряд мер по реорганизации военно-служилой системы. В результате серии указов и смотров служилых людей в 1551-1556 гг. служилый чин получил более или менее стройную организацию и структуру. На первых порах Иван и его советники из общей массы служилых людей по отчеству выделили привилегированную часть, своего рода «лейб-гвардию». Указом от 1 октября 1550 г. был образован высший разряд служилых людей – «тысяча лучших слуг», 1078 «избранных» служилых людей из провинции, наделенных земельными поместьями в Подмоскowie.⁵ Новые «московские дворяне» образовали верхний слой служилых людей, откуда черпались кадры для придворной и приказной службы, а также командные кадры для поместной милиции и городской службы на границах государства.

Серьезная реорганизация, судя по всему, коснулась и службы провинциальных служилых людей. Состояние источников не позволяет делать однозначные выводы, однако из того, что сохранилось, можно предположить, что в 50-х гг., после успешного завершения войны с Казанью, завершается отладка системы регулярных смотров-проверок ратных людей. Сам порядок службы подвергается тщательной регламентации. Согласно царскому уложению 1556 г.⁶ [75] он выглядел следующим образом: «А с вотчин и с поместья уложенную службу учиниша: со ста четвертей добрые угожеи земли человек на коне, в доспесе в полном, а в дальний поход о дву конь. И хто послужит по земли, и государь их пожалует своим жалованьем, кормлением, и на уложенные люди даст денежное жалование. А хто землю держит, а служба с нее не платит, и на тех на самех имати денги за люди. А хто дает в службу люди лишние перед землею через уложенные люди, и тем от государя болшие жалование самим, а люди их перед уложенными в полтретия деньгами».⁷

Земельные оклады сильно разнились в зависимости от уезда (точнее, от качества земли), однако правительство, как видно из текста уложения, попыталось выработать единый

³ См.: Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века. Л., 1986. С. 38.

⁴ Скрынников Р.Г. Великий государь Иоанн Васильевич Грозный. Смоленск, 1996. Т. 1. С. 169.

⁵ Тысячная книга 1550. Дворовая тетрадь пятидесятых годов XVI века. М.-Л., 1950. С. 103.

⁶ Можно предположить, что оно появилось в результате подведения итогов первого общерусского смотра ратных людей в июне 1556 г., когда «царь и великий князь велел воеводам детей боярских сметити по списком по нарядным, уже ли ся посошли. И воеводы царю государю сказали: изо всех мест отписали, что дети боярские сошлись... И того же дни государь... велел во всех местех смотрити детей боярских и людей их. И свезли к государю списки изо всех мест, и государь сметил множество воинства своего...» (ПСРЛ. Т. XIII. М., 2000. С. 270-271).

⁷ Законодательные акты Русского государства во второй половине XVI – первой половине XVII века. С. 38. См. также: ПСРЛ. Т. XIII. Ч. 1. С. 268-269.

подход к норме службы для всех.⁸ Уменьшено было и налоговое бремя, особенно сильно давившее на мелкопоместных служилых людей. Если единица налогообложения, «большая соха», для черносошных крестьян Севера составила теперь 500 четвертей пашни, то на поместных землях соха составляла 800 четвертей доброй «угожей» земли.

Можно предположить, что введение в действие уложения 1556 г. ускорило процесс завершения формирования территориальных сообществ служилых людей в пределах тех уездов, где они были испомещены. Такие сообщества именовались «городами» (для того, чтобы не возникало путаницы между ним и городом-центром уезда, первый также называют «служилым городом»). Записанные в «города» служилые люди постепенно были разделены на разряды-чины [76] (выборные, дворовые и городовые), которые, в свою очередь, делились на статьи. Поместные же оклады были увязаны со статьями. Важнейшим элементом реформы, как видно из царского уложения 1556 г., было распространение принципа обязательности военной службы и на помещиков, и на вотчинников.⁹ Теперь и те, и другие должны были являться на государеву службу «конно, людно и оружно» и служить по одним и тем же правилам.¹⁰ [77]

⁸ Представляет интерес наблюдение С.З. Чернова, поддержанное И.Б. Михайловой, относительно общей направленности политики правительства по отношению к служилым людям, стремившегося превратить крупных и средних вотчинников в мелких помещиков, создать более или менее однородную в имущественном отношении массу служилых людей «по отечеству» (См.: Михайлова И.Б. Служилые люди Северо-Восточной Руси в XIV – первой половине XVI века. Очерки социальной истории. СПб., 2003. С. 66-67; Чернов С.З. Волк Ламский в XIV – первой половине XVI в. Структуры землевладения и формирование военно-служилой корпорации. М., 1998. С. 318-321).

⁹ И.Б. Михайлова высказала интересную мысль, заслуживающую внимания и разработки, о том, что «...если дети боярские в XV в. выступали в поход «конно, людно и оружно», следует считать, что юридически оформленный Уложением 1555/1556 г. принцип соотношения службы с землевладением не был принципиально новым законом. Реформаторы середины XVI в., подчеркнув служилый характер как вотчины, так и поместья, установили четкие нормы обеспечения людскими и материальными ресурсами государевых воинов, но принципы самовооружения ратников и поставки ими с земельных владений зависимых людей остались прежними. Эта реформа, как и все нововведения в Русском государстве конца XV – середины XVI в., проводилась с учетом традиций, она не ломала, а видоизменяла «пошлину», приспособлявая ее к современным условиям общественного устройства...» (Михайлова И.Б. Служилые люди Северо-Восточной Руси в XIV – первой половине XVI века... С. 64). Судя по тому, что реформа не вызвала недовольства служилых людей, более того, ее основные принципы действовали на протяжении практически полутора столетий, она действительно закрепила старую, добрую и привычную традицию.

¹⁰ Правда, из-за плохой сохранности документов в деталях определиться с характером «конности, людности и оружности» воинов поместной милиции в XVI в. крайне сложно. Если с «конностью и оружностью» трудами целого ряда историков сейчас более или менее ясно, то этого никак нельзя сказать о «людности». Последняя работа на эту тему, статья Н.В. Смирнова «Боевые холопы в составе поместной конницы во второй половине XVI – первой половине XVII вв.» (Исследования по истории средневековой Руси. М.-СПб., 2006. С. 369-382) также, на наш взгляд, не дает однозначного ответа на чрезвычайно важный для уяснения численности русского войска XVI в. вопрос о соотношении собственно помещиков и их боевых слуг. Проанализировав материалы каширской десятины 1556 г., автор пришел к выводу, что для уездных «служилых городов» было в лучшие времена характерно соотношение дворян и детей боярских к их слугам как 1 к 0,95 (без учета «кошовых») и в дальнейшем это соотношение продолжало падать. В целом автор, верно подметив общую тенденцию сокращения «людности» служилых людей «по отечеству», тем не менее представил ее, по нашему мнению, слишком прямолинейной. Скорее, тенденция эта развивалась неравномерно и периоды спада чередовались с периодами подъема. В любом случае, делать выводы о «людности» только по одной десятине несколько преждевременно, и вот почему. Во-первых, данные этой десятины датированы 1556 г., т.е. временем, когда новые нормы службы с земли еще только-только вводились в действие. Можно предположить даже, что июньский смотр служилых людей 1556 г. был учинен для того, чтобы представить себе действительную картину боеспособности поместной милиции после времен боярского правления и нельзя исключить, что упомянутое выше уложение было составлено по итогам смотра. В любом случае непосредственно на момент смотра нормы уложения действовать еще не могли чисто физически. Кроме того, отрывочные сведения, сохранившиеся от 30-х гг. XVI в. по помещикам Северо-Запада позволяют утверждать, что здесь норма «людности» составляла не меньше 3-х боевых слуг на одного сына боярского. На это указывает, к примеру, протокол допроса пленного луцкого помещика В.И. Хрущова в мае 1535 (См.: Памятники истории Восточной Европы. Т. VI. М.-Варшава, 2002. С.137). Расчеты, проведенные для сер. XV в. показывают, что один сын боярский мог выставить в поход 5-6 полностью экипированных всадников: (См.: Чернов С.З. Волк Ламский в XIV – первой половине XVI в... С. 309-310. И хотя исследователь отмечал при этом нега-

В.О. Ключевский, подводя результаты военно-земельной реформы 50-х гг. XVI в., писал, что к концу столетия система земельных пожалований выглядела следующим образом: «Оклад – по чину, дача – по вотчине и служебному возрасту, придача и к окладу и к даче – по количеству и качеству службы...».¹¹ Наведение порядка в службе помещиков и вотчинников позволило, по словам П.П. Епифанова, усилить приток свежих сил в состав конницы и способствовало сохранению ее боеспособности в условиях непрерывных войн, [78] характерных для царствования Ивана Грозного.¹² Реформа отсрочила кризис боеспособности поместного ополчения на несколько десятков лет и позволила увеличить численность поместной конницы и тем самым создала условия для перехода к более активной завоевательной политике.¹³

тивное воздействие процесса дробления земельных владений служилых людей на число выставляемых ими послужильцев, тем не менее очевидно, что государству это было невыгодно, так как вело к сокращению армии и, следовательно, правительство обязано было предпринять меры для того, чтобы поддержать служилых землевладельцев. Отсюда и определенная двойственность, компромиссность политики Ивана IV – с одной стороны, потворство дроблению земельных владений вотчинников, а с другой – завершение оформления уравнительной по своей сути поместной системы). Для сравнения, в «обидных» списках начала 70-х гг. XVI в., что опубликованы в 3-м томе «Памятников истории Восточной Европы», отмечалось, в частности, что у 4-х детей боярских дорогобужан литовские «воры» убили 4-х их людей, а еще 4-х взяли полон, у двух других детей боярских взяли 3-х их людей, у одного сына боярского убили человека, а другого ограбили, а двоих взяли в полон, а у второго сына боярского взяли двух его людей (Памятники истории Восточной Европы. Т. III. Документы Ливонской войны (подлинное делопроизводство приказов и воевод) 1571-1580. М.-Варшава, 1998. С. 28). Выходит, что в 1-й пол. 70-х гг. XVI в. сын боярский выступал в поход, как правило, в сопровождении не меньше, чем двух своих людей, а то и больше. Т.о., можно предположить, что нормы уложения в 1556 г. еще не действовали в полной мере, а в конце 70-х уже не функционировали, а вот в промежутке между этими датами и после них, на рубеже XVI/XVII вв. – более или менее работали. А иначе смысла в реформе службы не было – зачем ее осуществлять, если она не вела к росту численности поместной конницы?

¹¹ Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. II // Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. Т. II. М., 1988. С. 210.

¹² Епифанов П.П. Военно-поместная система. Конница // Очерки русской культуры XVI века. Ч. 1. М., 1976. С. 342.

¹³ Несмотря на перемены в организации службы, ни тактика, ни вооружение поместной конницы не изменились в сравнение с предыдущим периодом. Типично восточный облик и тактика русского всадника поместной конницы, отмеченный иностранцами в 1-й половине XVI в., сохраняется и дальше. Процесс «ориентализации» русской поместной конницы завершился. Европейцы, видевшие русских конных ратников времен Ивана IV, в один голос отмечают типично восточный характер их вооружения и тактики. Прежде всего они обращали внимание на то, что воины русского царя в массе своей были конными лучниками (Об этом писали, к примеру, в 1553-1554 гг. Р. Ченслер, в 1558 г. А. Дженкинсон и Дж. Флетчер в 1588 г. (См.: Иностранцы о древней Москве. Москва XV-XVII веков. М., 1991. С. 31,47; Флетчер Дж. О государстве Русском... С. 82). Сохранившиеся записи Разрядного приказа и десятни подтверждают свидетельства очевидцев. Так, каширская десятня 1556 г. показывает, что из явившихся на смотр 222 дворянина и сына боярского 152 были безоружны, 41 имел саадак, 19 копье, 9 рогатину, 1 топор; на 49 были разного рода доспехи; из 224 их конных слуг 129 были безоружны, 95 с саадаками, 15 с саблями, 5 с саадаком и рогатиной, 2 с саадаком и копьем, 41 с саадаком, 15 с рогатиной, 16 с копьем и только один с пищалью; доспехи же имели 45 человек. Примерно такая же картина наблюдается в коломенской десятне 1577 г., где из присутствовавших на смотре 279 дворян и детей боярских ни один не имел огнестрельного оружия, 94 % вооружены были саадаком и саблей (как, например, Иван Семенов сын Норов, который заявил, что «...бытии ему на службе на коне в пансыре в шапке железной в саадаке в сабле да человек на мерине в саадаке в сабле с копьем...»), 12 имели копья, причем у 8 оно служило дополнением к саадаку и сабле (например, сын боярский Иван Хохулин показал, что «...бытии ему на службе на коне в пансыре в шишаке в саадаке в сабле с копьем да за ним человек на коне в пансыре в шапке железной в саадаке в сабле с рогатиной да конь простой да человек на мерине с вьюком...»), а у 4 было единственным оружием (как, например, у Григория Телешова, который заявил, что «...быти ему на службе на коне в пансыре в шеломе с копьем да за ним два человека в пансырех в шеломех в саадаках в саблях одвуконь...»). 164 дворянина и сына боярских явились на смотр в доспехе: 156 в панцирях, 3 в тегиляях, 2 в кольчуге и по 1 в зеркале с наручами, в юшмане и в бахтерце. Почти все ратники были в шлемах, однако же шитов не было ни у одного (См.: РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 4. Дела десятиен. № 17. Л.л. 24, 26об, 27об; Чернов А.В. Вооруженные силы русского государства в XV-XVII вв. М., 1954. С. 79-80; Богоявленский С.К. Вооружение русских войск в XVI-XVII вв. // Изв. Т. 4. М., 1938. С. 259).

Однако регламентация порядка несения военной службы госу[79]дарству служилыми людьми по отечеству по своим долговременным последствиям для развития русского военного дела уступала созданию Иваном IV корпуса стрелецкой пехоты – зародыша будущей регулярной русской армии. Эту реформу по праву можно считать ключевой среди военных преобразований Ивана IV.

Появление стрельцов было предопределено всем предыдущим ходом внедрения в русском войске огнестрельного оружия, и прежде всего ручного. Выше уже говорилось о достоинствах и недостатках первых отрядов стрелков, вооруженных ручным огнестрельным оружием – пищальников. Для того, чтобы они могли играть более значимую роль на полях сражений, им нужно было придать более постоянный, регулярный характер. Примечательно, что высоко оценивая неприхотливость, выносливость, способность переносить самые тяжелые лишения рядовых русских ратников, иностранные наблюдатели подчеркивали необходимость регулярного, правильного их обучения.¹⁴ Возможно, что Иван IV и его советники были осведомлены об этом и не могли не принять это обстоятельство во вни[80]мание.¹⁵ Тем не менее, анализируя структуру и характер стрелецкого войска, нетрудно заметить, что, создавая стрелецкий корпус, Иван руководствовался прежде всего русскими реалиями.¹⁶ Примечательно, что для стрельцов огнестрельное оружие было главным.¹⁷ Древковое холодное оружие играло второстепенную роль – и это при [81] том,

¹⁴ Так, Р. Ченслер писал, что «...нет под солнцем людей столь привычных к суровой жизни, как русские: никакой холод их не смущает, хотя им приходится проводить в поле по два месяца в такое время, когда стоят морозы и снега выпадает более чем на ярд. Простой солдат не имеет ни палатки, ни чего-либо иного, чтобы защитить свою голову. Наибольшая их защита от непогоды – это войлок, который они выставляют против ветра и непогоды, а если пойдет снег, то воин отгребаёт его, разводит огонь и ложится около него. Так поступает большинство воинов великого князя, за исключением дворян, имеющих особые собственные запасы. Однако такая их жизнь в поле не столь удивительна, как их выносливость, ибо каждый должен добыть и нести провизию для себя и для своего коня на месяц или на два, что достойно удивления. Сам он живет овсяной мукой, смешанной с холодной водой, и пьет воду. Его конь ест зеленые ветки, стоит в открытом холодном поле без крова и все-таки работает и служит ему хорошо. **Много ли нашлось бы среди наших хвастливых воинов таких, которые могли бы пробыть с ними в поле хотя бы только месяц** (выделено нами – П.В.)?... Что могло бы выйти из этих людей, если бы они упражнялись и были бы обучены строю и искусству цивилизованных войн? Если бы в землях русского государя нашлись люди, которые растолковали бы ему то, что сказано выше, я убежден, что двум самым лучшим и могущественным христианским государям было бы не под силу бороться с ним, принимая во внимание степень его власти, выносливость его народа, скромный образ жизни как людей, так и коней и **малые расходы, которые причиняют ему войны...** (выделено нами. Безусловно, расходы на войну для Ивана IV были значительны, но по меркам наемных армий Западной Европы они и в самом деле были невелики – П.В.), ибо он не платит жалования никому...» (Ченслер Р. Книга о великом и могущественном царе России и князе Московском... С. 447).

¹⁵ Во всяком случае, М. Фоскарини, побывавший в Москве в 1557 г. писал, что «...в настоящее время император Иван Васильевич много читает из истории Римского и других государств, отчего он научился многому. Он также часто советуется с немецкими капитанами и польскими изгнанниками...». Ему вторил другой итальянец, Ф. Тьеполо, также указывавший на присутствие при дворе Ивана IV иностранных военных специалистов (Иностранцы о древней Москве. Москва XV-XVII веков. С. 56, 64). Вместе с тем, на наш взгляд, нельзя исключить и влияние на решение создать корпус выборной пехоты, вооруженной огнестрельным оружием, опыта создания янычарского корпуса в Турции. Во всяком случае, в Москве были неплохо осведомлены о турецком опыте строительства вооруженных сил и особенностях янычар как рода войск.

¹⁶ В.Н. Глазьев, ссылаясь на П.О. Бобровского, писал, что за основу при формировании стрелецкого войска был принят западноевропейский (ландскнехты) и польско-литовский опыт (наемные жолнеры). Однако нам представляется, что ни тактика, ни структура ландскнехтов не получила никакого отражения при создании и развертывании стрелецкого корпуса. Ни характер вооружения, ни организационная структура стрелецкого корпуса не имеют аналогов в истории ландскнехтов. Более вероятным представляется влияние польско-литовского опыта (стрелковая тактика) и, подчеркнем это еще раз, в особенности турецкий опыт (янычары). Во всяком случае, стрельцы больше походят на янычар своей тактикой и в определенной степени характером службы, чем на польско-литовских жолнеров и уж тем более на ландскнехтов (Глазьев В.Н. Опора царской власти: стрельцы и их начальники в XVI в. // Российская монархия: вопросы истории и теории». Сборник статей. Воронеж, 1998. С. 90).

¹⁷ Вопрос о вооружении стрелецкого войска подробно рассмотрен С.Л. Марголиным (Марголин С. Л. Вооружение стрелецкого войска // Военно-исторический сборник Государственного Исторического музея. М., 1948. С. 85-105). Историк четко и однозначно указывает на то, что главным оружием для стрельцов было

что в Европе в это время соотношение пикинеров и аркебузиреров составляло в лучшем случае 1 к 1.¹⁸ Иван, несомненно, знал о том, что на Западе мушкетеры и аркебузиры в середине XVI в. сосуществовали с пикинерами, которые являлись главной ударной силой европейских армий. Однако он не стал заводить у себя этот узкоспециализированный род пехоты. Полезность пикинеров в русских условиях была более чем сомнительна, так как в середине XVI в. главным противником русских были татары, а не европейские армии. Против же татар глубокие, малоподвижные колонны пикинеров были и бесполезны, и беспомощны. Ни уйти, ни навязать бой татарам они не могли, тогда как татары всегда могли расстрелять пикинеров без ущерба для себя.¹⁹ Время пикинеров в России еще не настало.²⁰ [82]

именно огнестрельное – пищали. Древковое холодное оружие как дополнение к пищалам появляется у стрельцов, видимо, уже в XVII в., в послесмутное время. Указания на вооружение стрельцов XVI в. древковым холодным оружием у иностранных авторов достаточно неопределенны. Можно лишь предположить, что по опыту Ливонской войны только лишь элитные московские стрельцы получили на вооружение бердыши, ставших надолго своего рода визитной карточкой стрельцов (См., к примеру: Немоевский С. Записки // Записки Станислава Немоевского (1606-1608). Рукопись Жолкевского. Рязань, 2007. С. 46, 185). Во всяком случае, документы времен Ливонской войны ничего не говорят о вооружении рядовых стрельцов древковым холодным оружием, равно как и доспехами (См., например: Памятники истории Восточной Европы. Т. III. С. 27-41).

¹⁸ В середине – 3-й четверти XVI в. соотношение пикинеров, алебардьеров и аркебузиреров в европейских армиях колебалось от 6-1-3 до 4-5,5-0,5 соответственно и лишь к концу века изменилось в пользу аркебузиреров и мушкетеров до 1-1 (См.: Hale J.R. War and Society in Renaissance Europe, 1450-1620. P. 52; Tallett F. War and Society in early modern Europe 1495-1715. P. 24.).

¹⁹ По этому поводу Ю. Крижанич, критикуя немецкий военный «строй», отмечал, что «немецкая» пехота есть «...Тяжкого строя военство, и пехота, ничесо не успевае супроть татарин в полю и обдалению имети к погрому; но токмо к обране, не долгой...» (Крижанич Ю. Русское государство в половине XVII в. Ч. II. М., 1860. С. 125).

²⁰ Для защиты стрельцов от неприятельской конницы русские пошли другим, более привычным для Востока путем. Правда, в Москве на первых порах не стали обзаводиться вагенбургом, но вместо него ввели в практику использование своего рода разборной подвижной полевой крепости – знаменитого «Гуляй-города» (Подробное его описание см.: Флетчер Дж. О государстве Русском. С. 84). Судя по всему, он впервые был опробован в ходе казанских походов. На это указывает, к примеру, автор «Казанского летописца» (ПСРЛ. Т. XIX. Стб. 69). Однако в разрядных записях он впервые упоминается при описании сражения с крымчаками при Молодах в 1572 г. (См.: РК 1475-1605. Т. II. Ч. 2. С. 311). Его преимущественно «противотатарское» назначение подтверждает и тот факт, что гуляй-город в мирное время хранился в Коломне. В отсутствие «гуляя» стрельцы действовали либо под прикрытием складов местности, или наскоро устроенных шанцев или иных укрытий. Например, в сражении 3-4 июля 1555 г. под Судьбищами стрельцы и дети боярские, потерпев поражение от крымчаков, укрылись в дубраве, «осеклись» там и отстреливались до самого вечера, когда хан, опасаясь подхода свежих русских сил, отступил (ПСРЛ. Т. XIII. Ч. 1. С. 257). В январе же 1605 г. 6 тыс. московских стрельцы, укрывшись за ограждением из саней с сеном, в упор расстреляли атакующую их конницу Лжедмитрия, решив тем самым исход битвы в пользу царского войска (Масса И. Краткое известие о начале и происхождении современных войн и смут в Московском государстве, случившихся до 1610 года за короткое время правления нескольких государей // О начале войн и смут в Московии. М., 1997. С. 76). Ср. с тактикой спешенных джунгарских мушкетеров конца XVII в., действовавших на поле боя под прикрытием либо плетеного тына или под защитой стад скота (Бобров Л.А. Вооружение и тактика монгольских кочевников эпохи позднего средневековья (XVII в.) // Para bellum. 2002. № 13. С. 97-98). В противном случае поражение было предопределено, как это случилось с воеводой Ф.И. Шереметевым и его ратью в 1609 г. под Суздалем. «Прииде боярин Федор Иванович Шереметев в Володимир с понизовыми людьми и поидоша к Суждалю, – писал русский летописец, – а тово не ведаша, что к Суждалю **крепкова места нет, где пешим людем укрепится** (выделено нами – **П.В.**), все пришли поля. Лисовской же с литовскими людьми из Суждаля поиде противу их. И бысть бой велий, и московских людей и понизовых многих побивша; едва утекоша в Володимир...» (Новый летописец. 205 // ПСРЛ. Т. XIV. Ч. 1. М., 1956. С. 92). Однако, иначе и быть не могло, так как сами по себе стрельцы, оснащенные медленно стрелявшими фитильными пищалами и сражавшиеся в неглубоких, развернутых боевых порядках (Дж. Горсей упоминает о 8-шереножном построении стрельцов. См.: Горсей Дж. Записки о России. XVI – начало XVII в. С. 146), в ближнем бою были неустойчивы. В Москве это прекрасно понимали, и потому, к примеру, в царском наказе воеводам, выданном перед началом кампании 1572 г. из Разрядного приказа, четко и недвусмысленно говорилось: «А будет царь (крымский хан Девлет-Гирей – **П.В.** перелезет Жиздру, а поидет к Угре, и бояром и воеводам стати со всеми людьми на реке на Угре, чтоб на походе со царем на полях без крепостей однолично не сходитися. А на реке на Угре став, пеших людей с пищальми изстави по крепким местом. А где лучит-

Создание стрелецкого войска полностью находилось в русле последовательно проводившейся правительством политики разграничения службы чинов государству и профессионализации служилых чинов. Согласно сохранившимся письменным источникам, стрелецкое войско было сформировано в 1550 г., когда из уже существовавших разрозненных и плохо организованных отрядов «казенных» и «посошных» пищальников было «выбрано» 3000 человек, сведенных в 6 «статей» десятичной организации под командой голов по 500 стрелков в каждой.²¹ Отборный, элитный характер стрелецко[83]го корпуса подчеркивался его привилегированным положением – государь определил им жалование 4 руб. в год²², выделил для поселения в пределах Москвы специальную слободу – Воробьеву и с самого начала потребовал от стрельцов и их начальных людей регулярно обучаться искусству обращения с фитильными пищальями.²³

Боевое крещение «выборные» московские стрельцы получили во время Казанского похода 1552 г.²⁴, и, очевидно, Иван IV остался довольным их действиями. Преимущества «выборных» стрельцов-[84]профессионалов перед «срубленными» с посадов пищальниками-любителями были очевидны. С этого момента начинается быстрый рост численности корпуса стрелецкой пехоты.²⁵ Он был явочным порядком разделен на привилегированных московских стрельцов, несших службу как в самой Москве, так и полевую, и городовых («жилецких»), стоявших гарнизонами в городах и некоторых крупных монастырях и за редким исключением (если речь не шла о гарнизонах крупных городов) не поки-

ца и сход со царем не у реки, и бояром и воеводам, выбрав место крепкое, да стати полки, чтоб поставити полки, и стрельцом поиззакопатися по крепким местом; а не на походе б со царем соитися; того беречи накрепко, чтоб им наперед в котором крепком месте стати, выбрав такое место, стати, а на походе полки со царем на поле без крепости однолично не сходятися» (Документы о сражении при Молодях... С. 171).

²¹ Русский хронограф. Ч. 1. Хронограф редакции 1512 г. // ПСРЛ. Т. 22. СПб., 1911. С. 532. По мнению А.А. Зимина, это произошло между сентябрем 1549 г. и августом 1550 г. (Зимин А.А. К истории военных реформ 50-х гг. XVI в. // Исторические записки. № 55. 1956. С. 355-357). По нашему мнению, создание постоянного корпуса стрельцов преследовало не только чисто военные цели, но и внутривосточные. Иван IV нуждался в силе, которая была все время у него под рукой и зависела бы только от него. Тогда можно было бы избежать повторения событий лета 1547 г., когда москвичи, обвинив в пожаре семейство бояр Глинских, устроили с поущения бояр, противников Глинских, 2-дневный погром, после чего «...приходиша многия люди чернь скопом ко государю в Воробьево, глаголюще нелепая, что буд(им гедрь) то государь хоронит у себя княгини Анну и князя Михаила и он бы их выдал...» (ПСРЛ. Т. XIII. С. 456-457). Свою роль в создании постоянного корпуса пехоты, вооруженной огнестрельным оружием, сыграли и события 1546 г., когда под Коломною в присутствии Ивана IV произошли кровопролитные столкновения между новгородскими пищальниками и дворянами из окружения государя (См.: Флоря Б.Н. Иван Грозный. С. 19-20; ПСРЛ. Т. XIII. С. 448). Отборный корпус стрельцов в известной степени должен был сыграть роль своего рода царской лейб-гвардии, опоры государя, постоянной военной силы, которая всегда была под рукой и на которую всегда можно было опереться.

²² Помимо денежного, стрельцам полагалось также жалование хлебное и земельное. Так, стрелецкие головы и сотники в XVI в. получали земельный оклад в размере от 100 до 250 четей, а по указу 1587 г. голова московских стрельцов получал 100 четей земли, а сотник – 60 четей (Рождественский С.В. Служилое землевладение в Московском государстве XVI века. СПб., 1897. С. 259). Хлебное жалование стрельцам, разосланным по гарнизонам ливонских городов в 1578 г. составляло по осьмине ржи в месяц на человека (Памятники истории Восточной Европы. Т. III. С. 108). В царской грамоте гдовским стрельцам от 11 ноября 1623 г. указывалось, что до московского «разорения» жаловано было в год сотнику 10 рублей, а пятидесятнику – 2,5 рубля в год и по 7 четей ржи. Десятнику полагалось 2 рубля с четью и 6 четей ржи с осьминою, рядовому же стрельцу – 2 рубля и 6 четей ржи и 6 четей овса (ААЭ. Т. III. С. 214).

²³ На более или менее постоянный характер обучения указывают те же Фоскарини и Тьеполо (см.: Иностранцы о древней Москве. Москва XV-XVII веков. М., 1991. С. 56, 64), причем нельзя исключить, что это обучение проводилось при участии иностранцев. Имеются сведения о проведении стрелковых смотров в присутствии самого царя.

²⁴ ПСРЛ. Т. XIII. С. 201, 203, 206, 207, 208, 212, 213 и др. Об этом писал и А. Курбский в своей «Истории о великом князе Московском» (РИБ. Т. XXXI. СПб., 1914. Стб. 182, 184, 188, 190, 195). См. также Романов М.Ю. Стрельцы московские. М., 2004. С. 14-15.

²⁵ Если судить по разрядным записям и летописным свидетельствам о Полоцком походе 1563 г. то в нем приняло участие уже 4-5 тыс. стрельцов (См., например: Разрядная повесть о Полоцком походе // Русский дипломатарий. Вып. 10. М., 2004. С. 163-165, 167.).

давших мест постоянного расквартирования.²⁶ Русские воеводы быстро оценили высокую боеспособность и эффективность реорганизованной и хорошо обученной профессиональной пехоты и стрельцы стали обязательным состав[85]ным компонентом московских ратей конца XVI – начала XVII вв. Ни одна серьезная кампания в годы Ливонской войны или отражение набегов крымских татар на Москву в 60-70-х гг. не обходился без их участия. И если в начале века С. Герберштейн отмечал, что русское войско как конное, не берет с собой пехоты, то теперь даже в татарских походах московская рать обязательно включала в себя стрельцов.²⁷ При этом стрельцов, как и ранее пищальников, зачастую сажали на государевых или собранных с земщины коней, превращая их тем самым в аналог западноевропейских драгун с тем, чтобы поместная конница в нужный момент могла опереться на огневую поддержку пехоты.²⁸

Примечательно, что соотношение конницы, пехоты и «драгун» в московском войске колебалось в зависимости от ТВД, что свидетельствует о гибкости тактических принципов применения стрельцов. Так, согласно росписи царского войска, собранного в 1577 г. во Пскове для похода в Ливонию, на 6193 дворян и детей боярских и 3303 татарина и прочих служилых инородцев приходилось 6239 пеших государевых, московских и городских стрельцов и 500 конных, т.е. 28,8 % от ~ 23,3-тыс. русского войска.²⁹ И совсем иначе выглядело войско, собранное для похода против Лжедмитрия I в 1604 г. Всего оно насчитывало 26958 чел., из них стрельцы составляли 11,4 % – 3075 чел. Однако при этом конные московские стрельцы были лучшей и большей частью стрелецкого контингента – их было 1693 чел., или 55 % от общего количества стрельцов в войске.³⁰ [86]

²⁶ Судя по росписям 1-й трети XVII в. большие стрелецкие гарнизоны, помимо Москвы, стояли в городах на северо-западной границе, и, прежде всего, в Новгороде Великом, Пскове, Торопце, Великих Луках, в Архангельске, в Вязме и «низовых» городах – Казани, Астрахани и в Терском городе. Я. Маржерет, французский наемник, служивший в Москве в начале XVI в., писал, что «помимо десяти тысяч аркебузирова в Москве, они (т.е. стрельцы – П.В.) есть в каждом городе, приближенном на сто верст к татарским границам, смотря по величине имеющих там замков, по шестьдесят, восемьдесят, более или менее, и до ста пятидесяти, не считая пограничных городов, где их вполне достаточно...» (Маржерет Я. Россия начала XVII в. Записки капитана Маржерета. М., 1982. С. 181). Его сведения подтверждаются материалами писцовых книг 2-й половины 70-х – сер. 80-х гг. XVI в. Так, согласно Н.Д. Чечулину, в последней четверти XVI в. стрелецкие гарнизоны стояли в городах на северо-западном порубежье (Изборск, Остров, Гдов, Красный, Опочка – по 100 стрельцов, Себеж – 54 стрельца), в Поволжье (Казань – 618 стрельцов при штате 1000, Свияжске – 417 и Лаишеве – 25) и на «Берегу» (Коломна 20, Тула 50, Дедилов 60, Венев 43, Епифань 126, Пронск 16, Переяславль – 100). Итого 2129 стрельца, не считая начальных людей (Чечулин Н.Д. Города Московского государства... С. 83, 86, 90, 99, 101, 103, 156, 203, 207, 208, 259, 260, 263-265). И вполне очевидно, что данный список далеко не полный. Так, П.П. Епифанов приводит следующие сведения о численности некоторых стрелецких гарнизонов в последней четверти XVI – начале XVII вв.: Москва 7 тыс., 2,5 тыс. в Цареве-Борисове Казань, Смоленск и Псков – по 1 тыс. пеших, Нижний Новгород и Астрахань – по 500, по 400 стрельцов в Свияжске и Велиже, 300 в Архангельске, по 100 – в Гдове, Изборске. Острове, Опочке, Красном и т.д. Всего, по его мнению, в распоряжении царских властей было на рубеже XVI – XVII вв. более 18 тыс. московских и городских стрельцов. Во всяком случае, в сохранившихся документах 2-й половины XVI в. упоминаются имена 66 стрелецких голов и 151 сотника (Епифанов П.П. Войско и военная организация // Очерки русской культуры XVI века. Ч. 1. С. 346).

²⁷ Так, стрельцы приняли участие в знаменитом сражении с крымскими татарами при Судьбицах в 1555 г. (ПСРЛ. Т. XIII. С. 257), а в 1587 г. в состав войска, снаряженного для отражения большого набег татар, вошло «...вогненово бою стрельцов на конех 5000...» (РК 1475-1605. Т. III. Ч. II. М., 1984. С. 101).

²⁸ Первое упоминание о конях, собранных для государевых стрельцов, относится к марту 1556 г. См.: ДАИ. Т. I. СПб., 1846. С. 154. Примечательно, что по отношению к конным стрельцам (и казакам) также действовала та же норма, что и к детям боярским – в дальний поход выступать «о дву конь». См., например: АСЗ. Т. IV. С. 109.

²⁹ Рассчитано авт. по: РК 1475-1605. Т. II. Ч. 3. М., 1982. С. 467-476.

³⁰ Рассчитано авт. по: Боярские списки последней четверти XVI – начала XVII вв. и роспись русского войска 1604 г. Ч. 1-2. М., 1979. С. 4-93. Можно провести аналогию между конными стрельцами и их азиатскими современниками, османскими тюфенгчи и центральноазиатскими туфазандерами. Они также передвигались на конях и верблюдах, но дрались пешими (См., например: Бобров Л.А. Железные ястребы Маверанахра (комплекс защитного вооружения воинов Средней Азии и сопредельных территорий конца XV-XVII – вв.) //

Оценить численность стрельцов, как московских, так и городских, сложно, поскольку точных сведений по 2-й половине XVI – началу XVII вв. не сохранилось. Однако, исходя из сведений иностранцев и данных о числе стрельцов в начале царствования Михаила Федоровича, можно предположить, что их количество с первоначальных 3 тыс. к началу XVII в. выросло до 20 тыс. московских и городских стрельцов. При этом расквартированные в Москве стрельцы составляли (если тогда была заложена пропорция, когда московские стрельцы составляли от 1/3 до половины всего стрелецкого корпуса), от 7 до 10 тыс. Рост численности московских стрельцов отражен в следующем графике³¹:

График 1. [105]

Т.о., общим итогом стрелецкой реформы стал приход на смену плохо обученным и организованным, набираемым от случая к случаю отрядам пищальников постоянного корпуса пеших стрелков, единообразно вооруженных и обученных и находившихся на полном содержании государства.

§ 2. Завершение первого этапа военной революции в России во 2-й пол. XVI в.

Реформы 50-х гг. XVI в. ознаменовали важную веху в развитии русского военного дела эпохи позднего Средневековья. Придание большей упорядоченности службе поместной милиции и создание постоянного корпуса профессиональной стрелецкой пехоты стали чрезвычайно важным этапом на пути превращения Российского государства в «пороховую империю». Можно с уверенностью сказать, что эти реформы по существу стали высшей стадией первого этапа военной революции в России.

Вместе с тем нельзя не отметить, что только лишь этими шагами совершенствование военной машины, контуры которой были достаточно четко обозначены еще в 1-й половине XVI в., правительство Ивана Грозного не ограничилось. Новшества интенсивно про-

Para bellum. 2003. № 2 (18). С. 77-78; Зеленов Е.И. Государственное управление, судебная система и армия в Египте и Сирии. СПб., 2003. С. 33, 286-287).

³¹ Составлен авт. по: Маржерет Я. Россия начала XVII в.... С. 173; ПСРЛ. Т. 22. С. 532; РК 1475-1605. Т. III. Ч. 1. М., 1984. С. 61-63; Петрей П. История о великом княжестве Московском // О начале войн и смут в Московии. М., 1997. С. 160 и др.

никали в те области военной сферы, которые ранее не были затронуты процессом военной революции.

Не отказываясь от использования «посохи» и набора даточных людей с «земли»³², правительство во 2-й половине XVI в., осознавая всю важность наличия многочисленной и профессиональной пехоты, оснащенной огнестрельным оружием, интенсивно «прибирает» на службу отряды казаков. Прибранные из числа «вольных» или «гулящих» людей казаки под началом своих атаманов-голов (нередко назначаемых из числа детей боярских³³), сотников, пятидесятников и десятников были организованы, судя по всему, по примеру стрельцов.³⁴ Получая от казны государево жалование³⁵, они несли [88] пешую (а затем все чаще и чаще – «драгунскую») службу. При этом они порой составляли значительную часть полевой армии.³⁶

Не менее примечательным фактом, свидетельствующим о понимании русскими воеводами возрастания роли и значения огнестрельного оружия, становится наметившаяся к концу XVI в. тенденция к постепенному внедрению ручного огнестрельного оружия на вооружение поместной конницы. Выше уже отмечалось, что поместная конница большую часть XVI в. вооружалась исключительно традиционным комплектом вооружения – сабля и саадак, дополняемые иногда древковым холодным оружием (копье, совня, рогатина и пр.). Огнестрельное оружие не использовалось по причине своей дороговизны и сложности в обращении – стрелять и перезаряжать фитильную пищаль, сидя в седле, было затруднительно. Не случайно конные стрельцы и казаки только передвигались на конях, а сражались в пешем строю. Пешая же служба была не «к лицу» детям боярским и дворянам – нельзя не согласиться с мнением О.А. Курбатова, который писал, что «все отноше-

³² Например, перед началом полоцкого похода 1562/1563 гг. «сентября 23 дня царь и великий государь приказал, а велел послати голов детей боярских збирати пеших людей...» с Вятки, Балахны, Костромы, Галича, Унжи, Чухломы, Соли Галицкой и др. северо-восточных городов ратных людей, «...которые бы люди были собою добры и молоды и резвы, из луков и пищалей стреляти горазды, и на ртах ходити умели, и рты у них были у всех, и наряду б у них было саадак или тул с луком и з стрелами, да рогатина или сулица, да топорок...» (Записная книга Полоцкого поход 1562/1563 года // Русский дипломатарий. Вып. 10. М., 2004. С. 123). Спустя 40 с небольшим лет, в мае 1607 г., воевода князь С.Ю. Вяземский, управлявший Пермской землей, получил царскую грамоту. В ней в сходных выражениях говорилось: «...И ты бы со всей Пермской земли, с посадов и уделов, собрал ратных людей со всяким ратным оружием, с луки или с пищалми, и с топоры, и с рогатинами или с бердыши, семдесят человек; а выбрал бы еси к тем ратным людям пятидесятских и десятских из посадских и из волостных из лутчих людей...; а запас тем ратным людем велел с собою имати на все лето и до осени; а собрал бы еси тех оных ратных людей, которые б были собою добры, и молоды, и резвы, и из луков или из пищалей стреляти были горазды, от отцов детей, и от братья братью, и от дяд племянников, а наймитов бы и прихожих людей и зерньщиков не имал; и поймал бы еси по них поруки с записми, а писати велел в поручные записи Пермичь посадских людей и волостных крестьян лутчих людей, что им наша служба служить и с службы до отпуску не сбежати; а старых бы и худых людей и недорослей в них однолично не было...» (ААЭ. Т. II. СПб., 1836. С. 162).

³³ См., например: Записная книга Полоцкого поход 1562/1563 года... С. 128.

³⁴ См.: Памятники истории Восточной Европы. Т. III. С. 27-41. Казаки выступали своего рода удешевленным аналогом стрельцов (судя по сохранившимся документам, они и подчинялись Стрелецкому приказу. См., например: АСЗ. Т. IV. С. 130, 148), но не будучи «выборными», имели более низкий социальный статус. И если аналогом стрельцов могут быть знаменитые янычары, то для казаков таковым могут быть турецкие же секбаны – набираемые на время кампании из разного рода вольницы стрелки из мушкетов (ср.: АСЗ. Т. IV. С. 108-109).

³⁵ Рядовой казак получал в оклад от 20 до 30 четей земли, пятидесятник – до 40 четей, а сотники и головы приравнялись к детям боярским и дворянам (Епифанов П.П. Войско и военная организация... С. 353). Кроме того, им выплачивалось также денежное и иное жалование (См., например: Маржерет Я. Россия начала XVII в... С. 181; АСЗ. Т. IV. С. 130, 138, 148).

³⁶ Так, в уже упоминавшейся росписи войска 1604 г. конных казаков, вооруженных пищальями, было 2893 чел., т.е. 10,7 % от всего списочного состава войска. Всего же в этом войске конница составляла 71,6 %, «чистая» пехота 5,1 % и «драгуны» (казаки и конные стрельцы) – 23,3 % (Рассчит. авт. по: Боярские списки последней четверти XVI – начала XVII вв. и роспись русского войска 1604 г. С. 4-93). В полковой росписи русского войска, что встретило в 1572 г. вторжение крымского хана Девлет-Гирея и разбило его при Молодах, конных казаков-пищальников было и того больше, 19 % от всего списочного состава (Подсчит. авт. по: Документы о сражении при Молодах... С. 175-178).

ния между дворянами и детьми боярскими были проникнуты понятиями «чести»: чести рода, чести города, чести государя. Потомки древнерусских дружинников, они дорожили своим почетным правом во время войны нести «дальнюю полковую конную службу», то есть «одвуконь», в «полном доспехе» и с холопами...». Потому, продолжал он, «...перевод многих обедневших детей боярских в пехоту, или «конную службу с пищальми» (т.е. ездить верхом, но драться пешими – **П.В.**), в 1570-е – 1600-е гг. стал серьезной местнической «потерькой» для их родов и целых служилых городов...».³⁷ Потребовалось «оскудение» служилых людей после опричнины, татарского и литовского «разоренья», [89] личный пример государя, который любил огнестрельное оружие³⁸, опыт использования на русской службе «немецких» наемников, дравшихся с татарами (используя термин XVII в.) «рейтарским строем»³⁹, усовершенствование самого огнестрельного оружия и возросшая потребность в нем, чтобы переломить ситуацию к лучшему.

Отряды конных дворян-«самопальников» отмечаются в разрядных записях еще при Иване Грозном.⁴⁰ Правда, эти отряды, судя по всему не имели серьезного боевого значения, играя роль личной охраны государя, и лишь в конце правления Ивана IV и в особенности при его сыне отряды дворян и детей боярских, вооруженных пищальми и несших конную службу, превращаются в реальную силу. Судя по сохранившимся документам, в первую очередь такие отряды получили распространение на южной границе. Так, в грамоте 1595 г. царя Федора Иоанновича ливенскому воеводе И.О. Полеву об организации сторожей в Поле указывалось, чтобы в состав каждой посылаемой сторожи входило по 100 городовых детей боярских с пищальми да по 100 конных казаков с пищальми.⁴¹ Спустя три года, в 1598 г., на засеках, протянувшихся от Тулы до Рязани на почти 600 верст, среди прочих служилых людей несли дозор 247 конных детей боярских с пищальми.⁴² В 1604 г. в войске, посланном против самозванца, имелось 1685 конных детей боярских, вооруженных пищальми. Примечательно, что все они были выходцами с границы – [90] болховичи, мешеряне, ряжане, одоевцы, черняне, новосильцы.⁴³ Правда, стоит заметить, что хотя во всех этих случаях речь и шла о детях боярских с пищальми, тем не менее, они сражались «драгунским строем». Пистолеты были еще очень редки, да и попыток перенять рейтарскую тактику всадниками русской поместной конницы не было. Как отмечал О.А. Курбатов, «видимо, для морального воздействия на противника считалось достаточным иметь наличный отряд иноземцев...».⁴⁴ Подчеркнем еще раз, что для того, чтобы переломить традицию, нужны были «великие потрясения»!

При Иване IV дальнейшее развитие получила артиллерия русской армии. Во 2-й половине XVI в. она уже не выглядела столь беспомощной, как раньше. Накопленный к это-

³⁷ Курбатов О.А. Роль служилых «немцев» в реорганизации русской конницы в середине XVII века // Иноземцы в России в XV – XVII веках. Сборник материалов конференций 2002-2004 гг. М., 2006. С. 19.

³⁸ Пищаль в составе царского комплекта вооружения впервые упомянута в разрядной росписи полоцкого похода 1563 г. (См.: РК 1475-1605. Т. II. Ч. 1. С. 118).

³⁹ Это о них писал Флетчер, когда отмечал, что на службе Федора Иоанновича «наемных солдат из иностранцев, коих называют немцами, у них (т.е. у русских – **П.В.**) в настоящее время 4300 человек, именно: поляков, то есть черкесов, подвластных полякам, около 4000, из коих 3500 размещены по крепостям; голландцев и шотландцев около 150; греков, турок, датчан и шведов, составляющих один отряд в числе 100 человек или около того...» (Флетчер Дж. О государстве Русском... С. 79). Дж. Горсей указывал, что в его бытность в Москве на русской службе находился большой отряд из 12 сотен наемных иностранных солдат, лифляндцев, французов, шотландцев, голландцев и англичан. Они, писал англичанин (оставим эти слова на его совести – **П.В.**), вооруженные карабинами, пистолетами и шпагами, «...сражались с татарами успешнее, чем двенадцать тысяч русских с их короткими луками и стрелами» (Горсей Дж. Записки о России. XVI – начало XVII в. С. 70).

⁴⁰ См.: Епифанов П.П. Оружие и снаряжение // Очерки русской культуры XVI века. Ч. 1. С. 306.

⁴¹ РК 1475-1605. Т. III. Ч. 3. М., 1989. С. 86-87.

⁴² РК 1475-1598. М., 1966. С. 527.

⁴³ Всего же в этом войске, с учетом 1024 конных «немцев», было 8677 человек с «огненным боем», или 32,2 % от общей численности ратных людей (расчет. авт. по: Боярские списки последней четверти XVI – начала XVII вв. и роспись русского войска 1604 г. Ч. 1-2. С. 4-93).

⁴⁴ Курбатов О.А. Роль служилых «немцев» в реорганизации русской конницы в середине XVII века... С. 20.

му времени опыт ее применения как в полевых сражениях, так и при осадах значительно повысил боеспособность русского «наряда». Так, к примеру, в 1541 г. русская артиллерия отразила попытку татар переправиться через Оку, и это при том, что наступление татар поддерживала турецкая артиллерия.⁴⁵ Положительно сказывалось на росте боеспособности русской артиллерии и влияние иностранных специалистов, пушечных мастеров-литейщиков и артиллеристов. Об этом свидетельствуют, например, иностранцы, писавшие о России середины XVI в.⁴⁶

Летописные свидетельства и материалы разрядных книг позволяют с уверенностью утверждать, что при Иване IV была завершена реорганизация русской артиллерии. Судя по тому, что летопись при описании похода на Полоцк упоминает «большой», «средний» и [91] «малый» наряды⁴⁷ (последние два двигались вместе с войском, тогда как «большой» наряд – вслед за войском по причине его большого веса), русская артиллерия в организационном отношении уже была четко поделена по калибрам на три группы. В ней уже можно было выделить, условно говоря, легкую «полковую» (сопровождавшую полки), тяжелую полевую (имевшую пушки и гаубицы крупного калибра и предназначенную для стационарных батарей на поле боя) и сверхтяжелую осадную (в нее входили как стенобитные орудия, которые могли стрелять ядрами весом до 20 пудов, так и мортиры – «верховые» орудия, предназначенные для навесного огня⁴⁸). Успешные действия реорганизованной русской артиллерии обеспечили успех осады Казани в 1552 г., Полоцка в 1563 г., и кампаний в Ливонии в 1558 и 1560 гг.⁴⁹ [92]

⁴⁵ «...И туркове изо многих пушек и из пищалей начаша стреляти на людей великого князя, – писал русский летописец, – и воевода великого князя повелеша изо многих пушек и ис пищалей стреляти, и многих татар побиша царевых добрых, и у турок многие пушки разбиша...» (ПСРЛ. Т. XIII. Ч. 1. С. 139).

⁴⁶ Так, М. Фоскарини отмечал, что «...император (Иван IV – П.В.) обладает теперь многочисленной артиллерией на итальянский образец, которая ежедневно пополняется немецкими служащими...». Ф. Тьеполо добавлял к этому, что «...Он (т.е. Иван IV – П.В.) также пригласил из Германии и Италии инженеров и литейщиков, пушкарей, при помощи которых... отлил большое число пушек...» (Иностранцы о древней Москве. Москва XV-XVII веков. С. 57, 64).

⁴⁷ ПСРЛ. Т. XIII. Ч. 2. С. 348-349.

⁴⁸ См., например: ПСРЛ. Т. XIII. Ч. 1. С. 207; Ч. 2. С. 356; Прочко И.С. История развития артиллерии с древнейших времен и до конца XIX века. СПб., 1994. С. 49. «Большой» наряд вместе с просто нарядом впервые упоминается в разрядных записях в 1523 г. в росписи полков для похода на Казань (РК 1475-1598. М., 1966. С. 70), а в следующем году наряд был поделен на «большой» и «меньший» (См.: РК 1475-1605. Т. I. Ч. 2. С. 190).

⁴⁹ Описывая бомбардировку Казани, начатую по приказу Ивана IV 27 августа 1552 г., летописец писал: «И боярин Михайло Яковлевич (Морозов – П.В.) прикатиша наряд и устроиша, как ему быти по местам; и начаша безпрестани по граду бити стенобитным боем и верхними пушками огненными, побиваху многих людей из наряду; также и стрелци пред турами в закопех не даваше на стенах людем быти и из ворот вылазити, многих побиваша...» (ПСРЛ. Т. XIII. Ч. 1. С. 207). В целом же усовершенствование артиллерии вместе с заимствованием отдельных элементов европейской осадной техники серьезно продвинуло вперед технику ведения осад русскими войсками. Ярким примером тому может служить взятие Казани в 1552 г., когда русские использовали практически весь арсенал доступных на то время средств ведения осады – от организации многодневной, практически непрерывной бомбардировки, возведения прикритий для артиллерийских батарей и стрелков, до создания циркумвальной линии, подведения под казанские стены мин и пр. (описание казанской осады см, например: ПСРЛ. Т. XIX. Стб.131-133, 138-141, 150-156).

Успешно использовалась артиллерия и в полевых сражениях, например, в сражении при Молодах в 1572 г. Еще накануне кампании воеводам предписывалось «...наряд с Коломны и из Серпухова походной полковой взять с собою. А быти наряду в большом полку...». В самом же сражении наряд, укрытый за стенами «гуляй-города», успешно отражал атаки татар на большой полк и в немалой степени способствовал победе русских в последней схватке 2 августа: «А в субботу царь крымской послал царевичей и нагайских тотар и многие полки пеших и конных к гуляю городу выбивати Дивея мурзу. И тотаровя пришли к гуляю и изымались у города за стену руками; и тут многих тотар побили и руки пообсекли безчисленно много. И боярин князь Михайло Иванович Воротынской обошел с своим большим полком крымских людей долом, а пушкарем приказал всем из большою наряду, ис пушек и изо всех пищалей стрелять по тотаром. И как выстрелили изо всею наряду и князь Михайло Воротынской прилез на крымские полки ззади, а из гуляя города князь Дмитрий Хворостинин с немцы вышел. И на том деле убили цареву сына да внука царева колгина сына и многих мурз и тотар живых поимали. И тово же дни августа в 2 день в вечеру оставил крымской царь для отводу в

Иностранцы, бывавшие в России в последней четверти XVI в., поразились количеству и качеству русской артиллерии. Так, имперский посол И. Пернштейн в 1575 г. отмечал, что «...он (т.е. Иван IV – П.В.) имеет до двух тысяч пушек и множество других орудий, из коих некоторые изумительно длинны и столь широки и высоки, что самого высокого роста человек, входя в дуло с надлежащим зарядом, не достает головою до верху...». Дж. Флетчер отмечал, что «...ни один из христианских государей не имеет такого хорошего запаса военных снарядов, как русский царь, чему отчасти может служить подтверждением Оружейная палата в Москве, где стоят в огромном количестве всякого рода пушки, все литые из меди и весьма красивые...».⁵⁰ Такие отзывы о русской артиллерии из уст иностранцев, скорее склонных приуменьшать успехи русских, чем преувеличивать их, весьма и весьма примечательны. Можно без преувеличения сказать, что в области артиллерии Ивану удалось не только сравняться с Европой, но и перегнать ее.⁵¹ [93]

Вместе с тем нельзя не отметить, что если в артиллерии прогресс был налицо, то наметившееся было в фортификации в конце XV – начале XVI вв. движение вперед во 2-й половине XVI в. сошло постепенно на нет. Нет, само дело возведения крепостей и целых укрепленных линий не только не пришло в упадок, но, напротив, развивалось чрезвычайно быстро.⁵² По неполным данным, если в 1-й половине XVI в. было возведено 6 каменных, 10 деревянных и 4 земляных крепости, то во 2-й половине века 12 каменных и 69 деревянных.⁵³ И это не считая колоссальной работы, проделанной после 1572 г. на южных рубежах государства, где во второй половине столетия была в целом завершена работа по созданию знаменитой Засечной черты – одного из грандиознейших военно-инженерных сооружений в истории человечества.⁵⁴ Для планомерной организации и возведения крепостей при Иване Грозном был создан (около 1583-1584 гг.) специальный приказ Каменных дел, строительству крепостей предшествовала большая подготовительная теоретическая и практическая работа (предварительная рекогносцировка местности, составление чертежа будущей крепости, сметы на строительство и пр.). Однако при всем при том в России XVI в. *trace italienne* и ее усовершенствованные варианты так и не нашли признания. Более того, наметился определенный регресс – если в начале века отдельные приемы современной европейской фортификации постепенно начали внедряться в практику строительства рус-

болоте крымских татар три тысячи резвых людей, а велел им травитца; а сам царь тое ночи побежал...» (Документы о сражении при Молодях... С.170, 181).

⁵⁰ Иностранцы о древней Москве. Москва XV-XVII веков. М., 1991. С. 80; Дж. Флетчер. О государстве Русском... С. 84.

⁵¹ Правда, при этом необходимо учитывать, что степень подвижности русской артиллерии той эпохи была достаточно невелика, и она сопровождала полевые армии московских государей, как правило, в походах против «цивилизованных» противников – литовцев, ливонцев, шведов и отчасти казанских татар (под Казань артиллерию легко можно было доставить по Волге). В полевом сражении против крымчаков «большой», состоявший из крупнокалиберных орудий, наряд, не занявший заранее стационарные позиции, а сопровождавший войско все время похода, впервые упоминается только под 1572 г. (См.: РК 1475-1605. Т. II. Ч. 2. С. 311). Что же касается технического уровня русской артиллерии и ее численности, то здесь необходимо заметить, что перед нами предстает наивысший уровень ее развития, достижимый при штучном, ремесленном производстве, когда каждая пушка представляла собой шедевр мастерства мастера-литейщика. Не случайно большая часть пушек, в особенности крупнокалиберных, если судить по свидетельствам эпохи, имел собственные имена. В известной степени это был тупик, перспектив для дальнейшего развития уже не было. И не случайно мы не встречаем указаний на сколько-нибудь успешные попытки стандартизировать калибры и типы орудий.

⁵² Р. Гейденштейн писал, что «...ни на одно средство князь (московский государь – П.В.) не полагается так много, как на укрепления, и потому большая часть последних расположена на самых удобных местах между извилинами рек и озер и гарнизоном, военными снарядами, провизией они снабжаются тщательнее, чем у какого бы то ни было другого народа...» (Гейденштейн Р. Записки о московской войне (1578-1582) // Гейденштейн Р. Записки о московской войне (1578-1582). Шлихтинг А. Новое известие о России времени Ивана Грозного. Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. Рязань, 2005. С. 89).

⁵³ Епифанов П.П. Крепости // Очерки русской культуры XVI века. Ч. 1. С. 326.

⁵⁴ Черта представляла собой сложный комплекс укрепленных городов, острогов, инженерных заграждений, укрепленных позиций, вписанных в местность и перекрывавших татарам доступ к сердцу Русского государства. См. подробнее: Яковлев А.И. Засечная черта Московского государства в XVII в. М., 1916.

ских крепостей, то к середине века произошел откат к старым, традиционным средневековым приемам.⁵⁵ Даже в 1597 г. при строительстве нового смоленского кремля знаменитый русский городской мастер Федор Конь применил прежнюю, достаточно старомодную крепостную ограду из башен и стен и, хотя на постройку крепости ушло огромное количество средств и материалов, затрачен был колоссальный труд, смоленский кремль морально устарел уже в момент своего рождения.

Консервативность, архаичность русской фортификации 2-й половины XVI - начала XVII вв. неоднократно отмечалась иностранными наблюдателями.⁵⁶ В результате традиционность русской фортификации, несмотря на то, что, как правило, русские крепости снабжались многочисленной артиллерией, неизбежно вела к тому, что вся тяжесть их обороны ложилась на плечи защитников. Им приходилось проявлять чудеса мужества и стойкости, хитрости и смекалки, компенсируя тем самым техническую и инженерную отсталость.⁵⁷ И, надо сказать, [95] далеко не всегда это получалось. Быстро развивавшиеся приемы и техника ведения осад опережали развитие русской фортификации, и если для татар русские деревоземляные крепости, не говоря уже о каменных или кирпичных, были практически неодолимы, то этого нельзя сказать о польско-литовских или шведских войсках. Уязвимость русских крепостей выявилась еще в 1-й половине XVI в. Так, в 1535 г. литовский коронный гетман Я. Тарновский довольно быстро взял крепость Стародуб, применив до того неизвестный русским способ ускоренной атаки крепости. Под прикрытием мощной артиллерийской канонады литовские саперы провели под валы Стародуба мины и проделали бреши, через которые литовские войска и ворвались в город.⁵⁸ Однако преодо-

⁵⁵ Duffy C. Siege Warfare. The Fortress in the Early Modern World 1494-1660. L., 1979. P. 170.

⁵⁶ Так, иезуит А. Поссевино в своих записках отмечал, что «...крепости и укрепления, существующие в настоящее время у московитов, довольно значительно отличаются от тех, что были в прежние времена. Укреплены они одним и тем же способом. Некоторые сложены из камня и кирпича. К ним относятся две крепости в Москве, крепость в Новгороде, самом Пскове, Порхове, Старице, Александровской слободе, отчасти в Ярославле, а также на Белом озере. Другие же состоят из земляного вала и плетней, спрессованных до твердого состояния, как, например, в Смоленске (Поссевино побывал в России в начале 80-х гг. XVI в. – П.В.). И в самой Москве есть сооружения из стен, возведенных после татарского пожара. Остальные, построенные из бревен, скрепленных четырехугольником с землей и песком посередине, выдерживают натиск и удары, но не выносят огня. Поэтому их иногда обмазывают глиной. Но вообще у них нет **вынесенных вперед укреплений, которые бы отвечали предъявляемым к ним требованиям (что так свойственно нынешнему и прошлому веку)** (выделено нами – П.В.)...» (Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI в. М., 1983. С. 44-45). Об этом же пишет и Р. Гейденштейн (Гейденштейн Р. Записки о московской войне... С. 89).

⁵⁷ Курляндец Р. Гейденштейн так описывал срочно возведенные в 1580 г. после падения Великих Лук и Полоцка дополнительные укрепления Пскова: «К этой стене, ко времени Великих Лук и Полоцка, московский царь добавил другую с внутренней стороны, наложив в промежутке между двумя рядами бревен, которыми она держалась, громадное количество земли. Со всех сторон имеются очень крепкие башни, сделанные из того же камня; и так как башни прежней постройки недостаточно были равны между собою и вследствие того не прикрывали себя взаимно от пушечных выстрелов, направленных от одной к другой, то, поставив с углов те новые стены и покрыв их весьма толстым дерном, и разместив по ним окна, он устроил так, что они находились на равном друг от друга расстоянии; у тех же башен, которые казались частью слишком тесными, частью слишком непрочными для того, чтобы могли выдержать выстрелы от более тяжелых орудий, с внутренней стороны на удобных местах разставил в промежутках другие башни также деревянные, сделанные с великим тщанием из самых крепких бревен и снабдил их достаточным количеством больших пушек...» (Гейденштейн Р. Записки о московской войне (1578-1582)... С. 224). Из этого описания следует, что в укреплениях, возведенных в дополнение к старым псковским стенам и башням, можно увидеть прообраз бастионной системы, но этот опыт так и остался единичным, не получившим дальнейшего развития.

⁵⁸ Летописец, рассказывая об осаде Стародуба, писал, что литовские воинские люди «...пришли к Стародубу месяца со всем королевом нарядом, с пушками и с пищальми, и прибыльных людей с ним много иных земель король наймовал, желнер и пушкарей и пищальников, а с ними и подкопщики. И начаша Литовские люди приступати к городу со всех сторон и начаша бити ис пушек и ис пищалей; а з города воевода князь Федор Овчина против велел стреляти из пушек же и ис пищалей и битися с ними з города крепко; а того **лукавства подкопывания не познали, что наперед того в наших странах не бывало подкопывания** (выделено нами – П.В.). Воеводы-же Литовские, оступив град, да стали за турами близко города, да и подкопывались, и город зажгли и взяли...» (ПСРЛ. Т. XIII. Ч. 1. С. 87).

леть эту отсталость не удалось и к концу столетия, когда на завершающей стадии Ливонской войны ряд крупных русских крепостей на Западе, к примеру, Полоцк, быстро пали под ударами польско-литовских войск под командованием короля Речи Посполитой Стефана Батория.

В чем Россия во 2-й половине XVI в. безусловно опередила Европу (за исключением, быть может, Испании Филиппа II), так это в создании централизованного аппарата управления вооруженными силами. Его создание было обусловлено вполне объективными причинами. Во-первых, выше мы уже указывали на необходимость тщательной разработки планов ведения кампаний с учетом особенностей восточно-европейского ТВД (обширность, неразвитость инфра[96]структуры, малонаселенность, скудость ресурсов и пр.). Во-вторых, бедность государства в общества настоятельно диктовала необходимость создания специального органа, который мог бы взять на себя тяжелую работу по мобилизации и распределению наличных ресурсов. В-третьих, в России так и не сложилась характерная для Западной Европы того времени система «временно-контрактных армий». Наконец, возникновение властных институтов и структур, которые взяли бы на себя управление вооруженными силами, находилось в русле неуклонно проводившейся Иваном III и в особенности Иваном IV политики постепенного усиления власти государя. Важнейшую роль в этом аппарате играл Разрядный приказ, который совмещал в себе функции как военного министерства, так и Генерального штаба. Первое упоминание о нем датируется 1566 г., хотя, как было отмечено выше, зачатки его возникли намного раньше. Очевидно, что ко времени правления Ивана Грозного Разрядный приказ уже представлял собой весьма эффективную систему управления войсками. Разрядный приказ в 1571 г. был дополнен «Стрелецкой избой», преобразованной позднее в Стрелецкий приказ (1571 г.). С 1577 г. известен Пушкарский приказ. Прямое отношение к военному делу имел Приказ Большого Прихода, собиравший налоги и подати, Поместный приказ, ведавший учетом, раздачей и перераспределением поместных земель, приказ Казанского дворца. Т.о., к началу XVII в. в Российском государстве сложилась достаточно стройная и эффективная система военного управления, имевшая немного аналогов в современном ей мире. И то, что говорилось в отношении эффективности испанского интендантства, обеспечивавшего действия испанских войск в Европе, Африке, Америке и в Азии, может в полной мере быть отнесено и к русским приказам.

Созданная система централизованного снабжения, мобилизации и управления войсками позволила Ивану IV поставить под свои знамена в случае необходимости весьма значительные по тем временам воинские контингенты. Для того, чтобы попытаться определить те рамочные ограничения численности московского войска, для 2-й половины XVI в. достаточно надежной точкой отсчета могут служить разрядные записи о Полоцком походе 1562/1563 гг. – первые сохранившиеся росписи, в которых указано более или менее точное [97] количество ратных людей, принявших участие в походе.⁵⁹

⁵⁹ Безусловно, сохранившиеся разрядные росписи дают определенное представление о числе ратных людей, но насколько точное представление – и этот вопрос остается открытым. Привлечение же летописных данных за редким исключением порой только запутывает вопрос, чрезвычайно затрудняя определение числа «сабель и пищалей» в том или ином походе, и сведения о Полоцком походе только подтверждают это. Далеко от завершения и коренной вопрос – о численности поместной конницы и о том, учитывались ли послужильцы в общих списках вместе с детьми боярскими. Именно такое предположение выдвинул С.М. Каштанов (Каштанов С.М. К вопросу о численности русского войска и народонаселения в XVI в. // Реализм исторического мышления. Проблемы отечественной истории периода феодализма. М., 1991. С. 113-114). Последняя статья по данной проблеме, подготовленная Н.В. Смирновым, также не дает окончательного ответа на возникающие вопросы (Смирнов Н.В. Боевые холопы в составе поместной конницы во второй половине XVI – первой половине XVII вв. // Исследования по истории средневековой Руси. М.-СПб., 2006. С. 369-382). Точно также остается открытым вопрос и о численности посохи. Поэтому на наш взгляд, любые расчеты относительно численности московских ратей XVI в. так или иначе носят оценочный, приблизительный характер, так как до сих пор дошло крайне мало надежных свидетельств о числе ратников в том или ином походе, равно как и о распределении их по категориям.

Судя по разрядным записям, этот поход носил характер общегосударственного мероприятия, сопровождаемого чуть ли не тотальной мобилизацией служилых людей. Учитывая зимний характер похода, на «берегу» войск практически не было, и внутри самой страны оставались, очевидно, лишь небольшие гарнизоны. О значительном размахе похода свидетельствует, к примеру, крайне редко встречающееся количество полков – Государев, Большой, Правой руки, Передовой,левой руки, Сторожевой, большой, средний и малый наряд и Ертоул. Во главе войска стояло множество воевод – помимо самого государя и его брата Владимира Андреевича 2 татарских «царей» и 4-х «царевичей», черкасского князя Василия в походе участвовали 22 воеводы (20 в полках и при наряде и 2 дворовых). Т.о., все это позволяет сделать вывод о том, что полученные при анализе сведений о составе и структуре московского войска в Полоцком походе данные позволяют представить себе приблизительно общее число московских ратных людей на подъеме могущества Москвы в на первом этапе Ливонской войны.

При буквальном прочтении источников получается, что в походе участвовала «тьмо-численная» рать – около 150 тыс. человек. М.М. Кром приводит несколько меньшую цифру – 110-120 тыс. Однако в своих рас[98]четах он использовал помимо всего прочего сведения некоего анонимного немецкого автора о наличие в войске Ивана Грозного 46 тыс. крестьян, тянувших артиллерию, и «шанцекопов». Кроме того, он принял во внимание мнение П.П. Епифанова относительно числа послужильцев (округленно 1 к 1,6 по отношению к детям боярским).⁶⁰

Однако при анализе имеющейся информации сразу встает целый ряд вопросов, касающихся прежде всего численности стрельцов, участвовавших в походе, и поместной конницы, а также собранной «посохи». Общая численность дворян и детей боярских, татар и казаков в целом не вызывает сомнений, равно как и даточных (суммарно 30 тыс. чел.). Не совсем понятно, почему М.М. Кром берет на веру сведения Никоновской летописи о 12 тыс. стрельцов. Исходя из сведений летописей и разрядных записей, поименно называющих всех стрелецких голов, участвовавших в походе, под Полоцком было не более 5 тыс. стрельцов.⁶¹ Что же касается поместной конницы, то мы полагаем, что определять количество послужильцев, исходя из сведений единственной каширской десяти 1556 г., неправомерно. Если в начале 30-х гг. XVI в., т.е. сразу после смерти Василия III сын боярский мог выставить в поход 2-х боевых слуг, то какой смысл в реформе 1556 г., если она не позволяла вернуться к этой норме? К тому же сведения о служилых людях Государева полка, сохранившиеся в т.н. «Боярской книге» показывают, что в среднем каждый из них выступал в поход, имея с собой 4-х вооруженных всадников, не считая «кошовых». Поэтому можно предположить, исходя из расчетов, приведенных нами выше, что в Полоцком походе каждый сын боярский выступал в поход имея в среднем 1-2 послужильцев «в тегилеях в толстых и в шеломех и в шапках, на конех» и 1 «кошового» «с юкы». Вызывает недоверие и сообщаемое псковскими летописями известие о 80900 посошных людей, участвовавших в походе, равно как и сведения о ней анонимного немецкого автора.⁶² [99]

⁶⁰ Кром М.М. О численности русского войска в первой половине XVI в... С. 77-78; Епифанов П.П. Войско и военная организация... С. 342.

⁶¹ См., например: Разрядная повесть о Полоцком походе // Русский дипломатарий. Вып. 10. М., 2004. С. 163-165, 167. Можно предположить, что летописец как человек, далекий от военных реалий и слабо разбирающийся в военной терминологии, сложил вместе всех «стрельцов» – т.е. тех, кто стреляет из луков и пищалей: государевых выборных стрельцов, казаков и даточных людей. В итоге их как раз и получается примерно 12 тыс.

⁶² ПСРЛ. Т. V. Вып. 2. С. 244. Однако есть все основания полагать, что цифра в более чем 80 тыс. посошных явно преувеличена. Возможно, что столько крестьян приняли участие в подготовительных работах на северо-западном направлении (возведение и ремонт мостов, исправление дорог и гатей и пр.), начиная с осени 1562 г. Информаторы немецкого автора, скорее всего, преувеличили численность русского войска, стремясь представить Литву в качестве невинной жертвы нашествия восточных варваров (О психологической войне, развязанной Сигизмундом II против Ивана IV, см.: Хорошкевич А.Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века. М., 2003. С. 329-335). Можно предположить, что речь идет о простой описке и вместо 80000 и 900 стоит читать 8000 и 900, что выглядит намного более правдоподобно. К тому же русские

Исходя из всех этих предположений, можно попытаться определить приблизительную численность московского войска в полоцком походе: 17,5 тыс. дворян и детей боярских и примерно 30-35 тыс. их послужильцев, 5,5 тыс. татар, мордвы и черемисов, 6 тыс. казаков, 1,1 тыс. даточных, 5 тыс. стрельцов – итого максимум 70-75 тыс. «сабель и пицалей» и в обозе и при наряде еще около 25-26 тыс. чел. «нестроевых».⁶³ Очевидно, что это тот максимум сил, располагал московский государь в нач. 60-х гг., при условии, что это войско будет сконцентрировано на одном ТВД в ходе одной кампании.⁶⁴

Но даже при таком раскладе полевая армия численностью 70-75 тыс. воинов представляется весьма грозной силой – для XVI в. не всякий государь мог похвастать, что в случае необходимости он мог выставить в поле «здесь и сейчас» столько опытных профессиональных воинов. Можно предположить, по аналогии с походом 1535 г., что всего русское войско в начале 60-х гг. вполне могло насчитывать до 100 тыс. или немногим больше ратников. Тогда становится понятным стремление Сигизмунда II уклониться от сражения и перенести разрешение спора с поля брани за стол переговоров. Для него собрать такое [100] войско было невозможно и это еще раз подтверждает, что военный механизм Московского государства в сер. XVI в. был на высоте своего могущества. Система мобилизации наличных сил и средств была отработана в таком совершенстве, что, уступая Великому княжеству Литовскому и Польше в ресурсах, Иван Грозный мог выставить в поле более многочисленное и отличавшееся высокой боеспособностью войско.

Т.о., исходя из всего вышесказанного, можно предположить, что с конца XV в. шел процесс непрерывного наращивания численности московского войска, который продолжался до начала 40-х гг. XVI в. К этому моменту численность московского войска достигла примерно 90 тыс. воинов, и московский государь мог, правда, ценой значительно напряжения сил, выставить в поле сразу 50 тыс. или даже более ратников. Для сравнения, в начале 50-х гг. XVI в. считавшийся сильнейшим монархом Европы римский император и король Испании Карл V, имея почти 150-тыс. армию и практически неограниченные на то время финансовые ресурсы, мог задействовать во время мецской кампании 1552 г. всего лишь 45-50 тыс. солдат.⁶⁵ Однако внутривластная борьба 40-х гг., приведшая к ослаблению центральной власти, способствовала снижению военного потенциала Российского государства, результатом чего стало ослабление внешнеполитических позиций России, выразившихся в частности, в переходе власти в Казанском ханстве к враждебно настроенным по отношению к Москве силам. Очевидно, что к этому времени снизилась как общая численность войска (за счет оскудения помещиков), так и его боеспособность. Потребовались серьезные военные реформы 50-х гг., которые позволили поднять численность вооруженных сил и повысить их боеспособность. Можно предположить, что к началу 60-х гг. численность русского войска составила около 100 или даже более тыс. ратных людей. Однако со 2-й половины 60-х гг. начался новый спад. Критической точкой стал конец 70-х – начало 80-х гг. XVI в., когда, судя по всему, численность русского войска упала до самой минимальной отметки за весь рассматриваемый период. Приводимая С.М. Каштановым цифра в 50 тыс. ратных людей для этого периода представляется вполне ре-

источники о походе говорят, что земляные работы и воздвижение туров было возложено на детей боярских и их послужильцев (См., например: Разрядная повесть о Полоцком походе... С. 164).

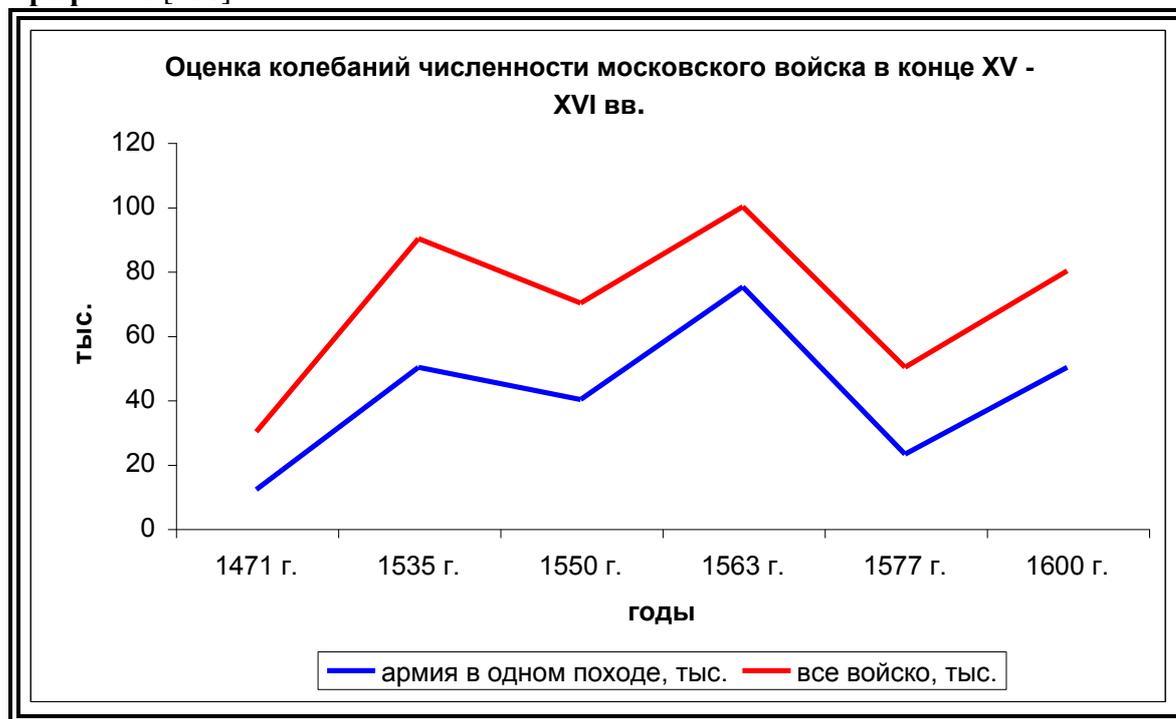
⁶³ На наш взгляд, включать обозных и посоху в общую численность войска неправомерно, так как тогда нужно будет считать, к примеру, число обозных и в европейских армиях того времени – маркитантов, слуг, «мальчишек», солдатских жен, проституток и пр. Их армии в таком случае также станут «тьмочисленными». Примечательно, что если приложить к росписи воевод Полоцкого похода усредненные «тамерлановские» нормы распределения воинов по военачальникам, то получается, что в походе участвовало до 50 тыс. конницы да под началом своих начальных людей татары, черемисы, мордва, казаки, стрельцы, «сборные» люди с «земли» – около 75 тыс. ратных людей.

⁶⁴ Сразу оговоримся, что, на наш взгляд, войско такой численности Иван IV мог выставить при наибольшем напряжении сил всей страны и на весьма непродолжительное время.

⁶⁵ Parker G. Europe in Crisis 1598-1648. N.-Y., 1979. P. 70; Tallett F. War and Society in early modern Europe 1495-1715. L. 1992. P. 6.

альной. Лишь в конце 80-х гг. начался новый подъем и, вероятно, к началу XVII в. удалось приблизиться к уровню конца 50-х – начала 60-х гг. [101] XVI в. Эти перемены отражены в следующем графике:

График 2. [106]

В целом же, подводя общий итог преобразованиям Ивана Грозного и состоянию русской армии в конце XVI – начале XVII вв., можно сказать, что им трудно дать однозначную оценку. С одной стороны, мы видим несомненный прогресс, более того, в чем-то Россия опережала Европу, но с другой, налицо присутствие архаичных черт, тормозивших развитие военного дела. Однако одно несомненно – в годы правления Ивана IV Россия в результате успешной экспансии на Востоке превратилась из мононационального, православного в своей основе государства в полиэтническую, многоконфессиональную державу. Эта экспансия, вне всякого сомнения, была бы невозможна, если бы в результате реформ сер. XVI в. не было успешно завершено начавшееся около 100 лет назад формирование во многом схожей с османской военной машины. Практически все войско при Иване IV приобрело профессиональный характер – процесс профессионализации, наметившийся еще в конце XV в., подошел к своему логическому завершению. На смену прежним «нестроенным» «земским» ополчениям, которые дополнялись княжескими дружинами, пришло войско, состоящее из служилых людей, дополняемое на время войны даточными и «посохой».⁶⁶ Основу нового войска составляла конная поместная милиция и конные отряды вассальных татар, служилых инородцев и казаков. Легкая иррегулярная конница удачно была дополнена организованной на более или менее постоянных началах пехотой, оснащенной огнестрельным оружием (стрельцы и городовые казаки), и сильным «нарядом», включавшим в себя полевую и осадную артиллерию, а также несшей вспомогательную службу «посохой». Соотношение пехоты и конницы в походах 70-х гг. XVI – начала XVII вв. показано ниже в диаграммах 1-4.

Диаграмма 1. [106]

Диаграмма 2. [107]

⁶⁶ Преимущества новой, «служилой» военной организации наглядно проявились уже в ходе покорения [Новгорода Великого Москвой в 50-х – 70-х гг. XV в. См.: Алексеев Ю.Г. Господин Псков и его войско в кампании 1471 г. // *Albo dies notanda lapillo*. Коллеги и ученики – Г.Е. Лебедевой. СПб., 2005. С. 208-217.

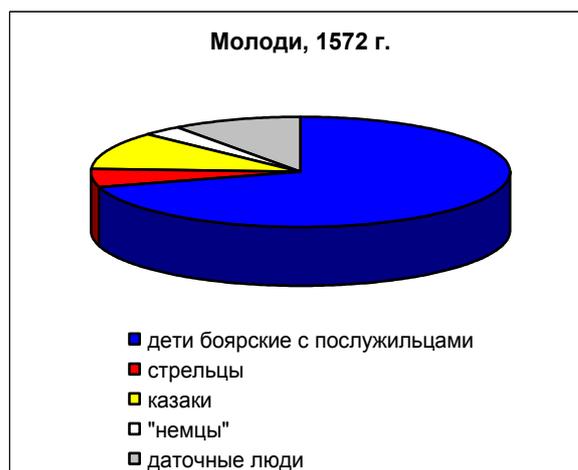
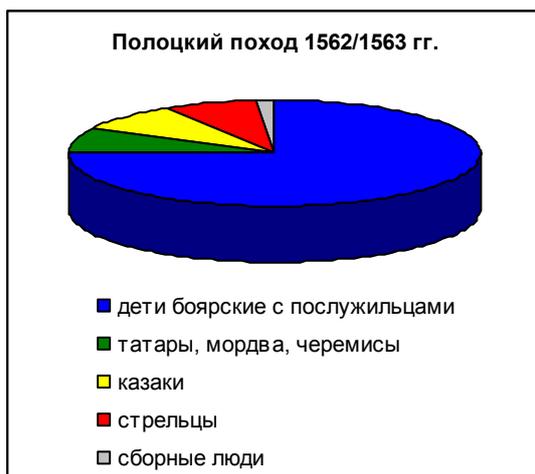
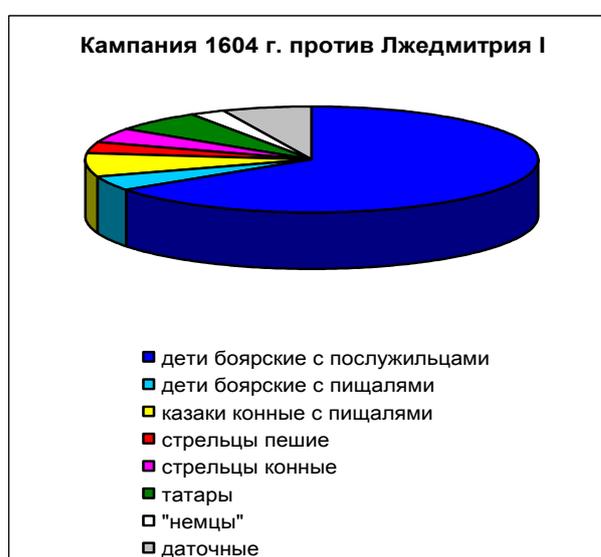

Диаграмма 3. [107]

Диаграмма 4. [108]

Несомненный шаг вперед русское войско того времени сделало и в техническом плане. Если взять в качестве примера и проанализировать состав и структуру армии князя М.И. Воротынского, участвовавшей в кампании 1572 г., то сразу можно отметить ее комбинированный состав. При безусловном преобладании поместной конницы (65,9 %) пехота и посаженные на конь казаки с пищалями, сражавшиеся пешими, составляли в нем 28,1 %. Всего же численность ратных людей с «огненным боем» в войске князя составляла около 29,6 %.⁶⁷ При этом, как следует из царского наказа воеводам, **поместная конница**

⁶⁷ Правда, если следовать из косвенных указаний, содержащихся в документах о кампании 1572 г., то с учетом выставляемых дворянами и детьми боярскими послужильцев численность конницы должна вырасти. О примерно числе послужильцев может свидетельствовать, в частности, такой факт. Сын боярский Севрюк Клавшов в своем донесении об обстоятельствах похода Девлет-Гирея на Москву в 1571 г. сообщал, что «изменник государский» Кудеяр Тишенков, который вывел татар на Москву, «прибежал» к хану с пятью другими детьми боярскими, а с ними было 10 «человек их людей» (См.: Загорский В.П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. Воронеж, 1991. С. 165). Т.е., по существу, в данном случае на каждого сына боярского приходилось по два послужильца. Однако все равно общее соотношение все равно осталось примерно таким же, так как за счет даточных, собранных из расчета

должна была действовать в тесном взаимодействии с пехотой и артиллерией, а воеводы должны были выбирать место сражения с таким расчетом, чтобы предоставить пехоте и артиллерии максимальную защиту и в тоже время возможность показать свою эффективность по максимуму. В противном же случае воеводам предписывалось уклоняться от схватки.⁶⁸ В Москве оценили те преимущества, кото[103]рые давало ей обладание огнестрельным оружием перед татарами, для которых пушки и пищали все еще оставались экзотическим оружием, и не собирались отказываться от них.

Такая армия успешно сражалась с татарами крымскими (типичными кочевниками) и казанскими (тактика которых существенно отличалась от крымских вследствие того, что армия Казанского ханства включала в себя многочисленную пехоту, набранную из народов Поволжья), а также с организованными схожим с русским способом войсками Великого княжества Литовского.

Однако на исходе 70-х гг. XVI в. обозначились первые признаки кризиса этой военной системы. Русская экспансия, в целом успешно развивавшая до этого на всех основных стратегических направлениях, фактически захлебнулась. Неудачный исход Ливонской войны и сохранение постоянной угрозы со стороны Крымского ханства явились наглядным подтверждением этого факта. Глубокая стратегическая разведка южного направления, осуществленная вскоре после взятия Казани и Астрахани, показала, что для покорения Крыма необходима более тщательная и основательная подготовка, нежели для завоевания Казани. Она включала в себя как выдвижение передовых рубежей развертывания русских войск далеко вглубь Дикого поля, поближе к Крыму, так и обеспечение дальнейшего наступления на юг с западного направления. Разрешение первой проблемы требовало длительного времени, а попытка ослабить Литву, лишить ее прежнего влияния на востоке Европы ускорила создание нового могущественного государства – Речи Посполитой. Созданная Баторием и его советниками и усовершенствованная при короле Владиславе IV военная машина обеспечила Речи Посполитой преобладание в Восточной Европе и достаточно успешную борьбу с турецко-татарской угрозой на ближайшие полстолетия. Залогом ее успеха стало успешное сочетание элементов доведенных до совершенства позднесредневековых западноевропейской и азиатской военных систем.

Столкновение «заточенной» под противодействие легким иррегулярным конным армиям татар и литовцев русского войска «осман[104]ской» модели во 2-й половине XVI – начале XVII вв. с реформированной армией Речи Посполитой завершилось для русских печально – от экспансии на западном направлении пришлось временно отказаться. Более того, пришлось смириться с утратой ряда территорий на русско-литовском пограничье, в

с 500 четвертей один человек с пищалью, должна была измениться и численность ратников с «огненным боем». В таком случае в московской рати насчитывалось около 32,5 тыс. ратников, не считая «кошовых». Тогда соотношение будет несколько иным: конница – 72,3 %, пехота – 27,8 % (включая сюда же и конных казаков, судовую рать, и даточных), ратных людей с огненным боем – около 28-29 % (Расчит. авт. по: Документы о сражении при Молодях... С. 168-170).

⁶⁸ В наказе воеводам прямо и недвусмысленно говорилось: «А как полком стояти большому, и правой руке, и передовому полку, и сторожевому и левой руке и сколько меж их далече и в котором месте в какове крепости стрельцов поставити и казаков с пищальми, и в какове месте наряд поставити, и какая ему крепость учинити, и, о том приговори, бояром и воеводам росписати заранее и, полки уставя, вышед в каково место, присмотрити место до приходу до царева. **А выбрати место таково, чтоб наряд и стрельцы полковых людей уберегали.** А на наряд бы и на стрельцы полки напушати было нельзя, таковы крепости поделати; о том, как, высмотря и приговори, полки поставити и как, приговоря, какую крепость учинити у наряду и у стрельцов у пеших людей, да то все заранее иззаписати да потому в приход царев где полком стати, таковы места себе и прибирати и крепость таково по приговору зделати у наряду у пеших людей. **А без крепости наряду и стрельцом не в крепком месте однолично со царем бояром и воеводам не сходитися** (выделено нами – П.В.)...» (Там же. С. 171-172). И это требование было выполнено – по справедливому замечанию И.Д. Беляева, русские воеводы заставили татарского хана принять бой там, где это было выгодно (Беляев И.Д. О сторожевой, станичной и полевой службе на польской украине Московского государства до царя Алексея Михайловича. М., 1846. С. 20). Уроки оршинской трагедии 1514 г. в Москве были усвоены очень хорошо и московские воеводы стремились не повторять допущенных ошибок, бросая поместную конницу в схватку с противником без поддержки других родов войск.

том числе и со Смоленском – этими «воротами» Москвы. Память о поражениях в годы Ливонской войны и Смуты и жажда реванша в конечном итоге способствовали отказу Москвы от наступательной стратегии на юге и активизации внешней политики на западном стратегическом направлении. Но для возвращения Смоленска и «наследия Ярослава Мудрого» нужно было найти действенное средство против военной машины Речи Посполитой, причем дешевое, эффективное и не требовавшее значительных затрат времени. Необходимость перехода к иным принципам построения вооруженной силы назрела, стала вполне очевидной. [105]

ГЛАВА III

Кризис начала XVII в. Смоленская война и формирование армии «новой модели» в 30-х – 40-х гг. XVII в.

§ 1. Армия России в начале XVII в. Военная реформа М. Скопина-Шуйского.

XVII столетие началось для России чрезвычайно неблагоприятно. Бурные события первых двух его десятилетий в русской истории не случайно были названы «Смутным временем». Эти годы ознаменовались глубоким кризисом, поразившим все основные сферы жизни и деятельности как государства, так и общества. Основные политические, экономические, культурные и иные институты Российского государства и общества, сложившиеся в 1-й половине XVI в., на рубеже XVI/XVII вв. уже не соответствовали новой политической ситуации, сложившейся вокруг России и внутри ее после того, как закончилась неудачей попытка Ивана IV утвердиться на международной арене в новом, имперском, статусе. Ресурсы и возможности молодого государства оказались явно недостаточными для того, чтобы вести активную внешнюю экспансию.

Особенно ярко несоответствие между желаемым и возможностями по его удовлетворению проявилось на примере вооруженных сил. Созданная в предыдущем столетии военная машина оказалась неспособна выполнить главную задачу – обеспечить сохранение независимости страны, не говоря уже о расширении ее границ. Неудачная Ливонская война, внутренние неурядицы, шедшая с переменным успехом борьба с Крымским ханством показали, что для того, чтобы не просто обороняться, но и наступать против могущественных соседей, сделанного в предыдущие сто лет явно недостаточно.

Перед московскими властями во весь рост встал вопрос о необходимости совершенствования армии. И, наблюдая за развитием русского военного дела XVII в., нетрудно заметить, что, начиная с самого начала столетия, преобразования в военной сфере шли одни за другими, прерываясь на время из-за внутренних проблем, прежде всего экономического и финансового характера. При этом изменился их характер. На смену прежнему неспешному, постепенному «вживлению» в старую военную организацию технических и иных новинок был запущен в [109] действие механизм постепенной, «ползучей» «вестернизации» вооруженных сил Российского государства. В итоге уже во 2-й половине столетия рядом со старой русской армией возникла новая, европейская. С одной стороны, мы видим, как в поход выступает поместная конница, казаки и стрельцы, а с другой, рядом с ними идут полки солдатские, рейтарские, драгунские, гусарские, копейные, вооруженные, обученные и снаряженные по образцу и подобию европейских солдат того времени – с мушкетами, пиками, в кирасах и шлемах. Только длинное русское платье и бороды солдат, рейтар, драгун, гусар и копейщиков выдавали в них таких же православных, как и те, что шли в поход «на русский лад». Можно с уверенностью утверждать, что на протяжении всего XVII столетия традиции и новации в русском военном деле как никогда тесно переплетались.

Итак, когда и кем была начата эта «ползучая» «вестернизация»? Собственно говоря, в Москве уже давно и целенаправленно проводили политику на заимствование последних новинок в военной технике и технологии, причем, чем ближе к концу XVI в., тем больше, преимущественно с Запада. Выше уже отмечалось, что при Иване III, Василии III и Иване IV в русском войске получила большое распространение артиллерия, как легкая полевая, так и тяжелая осадная. Иван IV дополнил прежние иррегулярные отряды пищальников стрелецким войском. Стрельцов можно считать прообразом регулярной пехоты, и их выучка и боеспособность на первых порах довольно высоко оценивались иностранцами. На службу в Россию активно приглашались европейские военные специалисты, особенно

инженеры и оружейники, а со 2-й половины XVI в. – и наемники, образовывавшие целые отряды на службе московского государя.¹ При Иване Грозном была предпринята попытка завести на Балтике и свой собственный флот.

Взяв власть в свои руки, Борис Годунов попытался продолжить [110] курс Ивана IV в строительстве вооруженных сил России. Активизировалось строительство больших и малых крепостей, в особенности на южной границе, снова предпринята попытка восстановить нарвское судоходство, продолжали расширяться связи с Европой, велись переговоры о приглашении в Россию иностранных специалистов. Более того, Борис Годунов всерьез рассматривал проект создания в Москве школ и некоего подобия университета для того, чтобы поднять образовательный уровень правящей элиты. Впервые в русской истории были посланы за границу учиться несколько молодых детей боярских. «Вероятно, – как справедливо отмечал В.Б. Кобрин, – если бы в распоряжении Годунова оказалось еще несколько спокойных лет, Россия более мирно, чем при Петре, и на сто лет раньше пошла бы по пути модернизации...»², в том числе и военной. Однако, поскольку этих нескольких лет у царя Бориса не оказалось, то его попытка изменить направление развития России не имела успеха.³

Однако всех этих мер оказалось недостаточно в изменившихся условиях. Нужны были более радикальные, глубокие преобразования, что перевели бы развитие военного дела России на качественно иной уровень. Можно предположить, что первый приступ к этим реформам был сделан при Лжедмитрии I. Самозванец, если верить свидетельствам современников, находился под сильным впечатлением от европейской культуры, с которой имел возможность ознакомиться во время пребывания в Речи Посполитой. Заняв московский трон, самозванец неоднократно «...укорял бояр и князей за их невежество, необразованность и нежелание учиться новому...».⁴ Под новым он понимал, очевидно, и те перемены, которые произошли в военном деле в Европе в XVI в. Для него это имело тем большее значение, что, как отмечал Р.Г. Скрынников, Лжедмитрий, «...заняв [111] трон, объявил себя непобедимым императором и дал понять соседям, что намерен превратить Россию в военную империю...».⁵ Это же превращение было невозможно без большой войны. И если учесть, что Речь Посполитая была фактически союзником Лжедмитрия, то оставались два потенциальных противника – Крым и стоявшая за его спиной османская Турция. Относительно того, против кого собирался направить свои рати Лжедмитрий – единого мнения среди ученых нет⁶, но в том, что война должна была состояться – в этом сомнений практически нет.

¹ Об участии итальянских и немецких мастеров в создании русской артиллерии говорили, к примеру, С. Герберштейн (См.: Герберштейн С. Записки о Московитских делах // Россия XVI века. Воспоминания иностранцев. Смоленск, 2002. С. 208-209), М. Фоскарини (См.: Иностранцы о древней Москве... С. 56-57). Об иностранных наемниках на московской службе упоминали, к примеру, Дж. Флетчер (Флетчер Дж. О государстве Русском // Проезжая по Московии (Россия XVI-XVII веков глазами дипломатов). М., 1991. С. 79.), Дж Горсей (Горсей Дж. Записки о России. XVI – начало XVII в. М., 1990. С. 70, 107). Об участии во взятии Казани иностранных инженеров, специалистов в ведении осадной войны, говорится в русских летописях (ПСРЛ. Т. XIX. М., 2000. Стб. 138-139).

² Кобрин В.Б. Смутное время – утраченные возможности // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX – начала XX в. М., 1991. С. 170.

³ Достаточно проанализировать данные, содержащиеся в росписи царского войска, посланного против самозванца и его сторонников в северские земли в 1604 г. Это войско, насчитывавшее более 23,5 тыс. ратников, состояло преимущественно из поместной конницы (56 %) и татар (10 %), дополненной отрядами конных ратников, собранных с церковных владений (4 %), конных же даточных людей (10,5 %) и казаков (12 %), а также небольшого количества пеших стрельцов (7,5 %). Все, как и пятьдесят лет назад, во времена походов на Казань и начала Ливонской войны (Рассчитано автором по: Боярские списки последней четверти XVI – начала XVII вв. и роспись русского войска 1604 г. Ч. 2. М., 1979. С. 4-93).

⁴ Буссов К. Московская хроника 1584-1613 гг. М.-Л., 1961. С. 110.

⁵ Скрынников Р.Г. Царь Борис и Дмитрий Самозванец. Смоленск, 1997. С. 499.

⁶ Записки ксендза Я. Велевицкого // Жолкевский С. Записки гетмана Жолкевского о московской войне. СПб., 1871. С. 137. Иностранцы очевидцы отмечали, что вскоре после своего восшествия на трон Лжедмитрий начал готовиться к большой войне с Крымом и Турцией, предполагая направить главный удар рус-

Главной базой собиравшейся армии должен был стать Елец, где создавались большие запасы провианта, фуража и военного снаряжения. Весной 1606 г. вниз по Волге отправляется русская рать под началом воеводы Ф.И. Шереметева. В преддверии войны самозванец приказал отлить большое количество новых артиллерийских орудий, а также регулярно проводил артиллерийские учения. Учитывая интерес Лжедмитрия к артиллерийскому делу, и, исходя из структуры знаменитого «Устава ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки», составленного дьяком Онисимом Михайловым сыном Радишевским, можно согласиться с мнением В.Д. Назарова, отметившим связь между началом работы над этим «Уставом» и мероприятиями Лжедмитрия.⁷

Можно предположить, что в основу предполагаемой военной реформы самозванец мог положить также польско-литовский опыт, хотя имеющиеся свидетельства не позволяют с уверенностью утверждать это. Одно ясно несомненно – Лжедмитрий стремился увеличить огневую мощь русского войска и его способность противостоять восточной иррегулярной коннице и, в перспективе, если все-таки он собирался воевать с турками – янычарам. Однако довести начатое дело до конца ему не удалось. Его правление оказалось слишком коротким, чтобы намерения смогли из планов стать реальностью. Однако сама идея преобразований в военной сфере не умерла, и в правление Василия Шуйского, сменившего на московском престоле Лжедмитрия, она обрела материальные очертания.

Воцарение Василия Шуйского не способствовало прекращению смуты в России. Новый царь, «выкликнутый» боярами, явно не пользовался всенародной популярностью, особенно на юге страны. Мятежи и бунты множились день ото дня. Особенно тяжелым стало положение Шуйского после появления Лжедмитрия II. «Тушинский вор», разбив свой лагерь под самой Москвой, создал свой, параллельный московскому, аппарат власти и попытался управлять Россией в обход Василия Шуйского, опираясь на свою армию, ядро которой составляли опытные в [113] военном деле польские, литовские, венгерские и немецкие наемники. В этих условиях Шуйский был вынужден прибегнуть как к традици-

ской армии и ее союзников, донских казаков, на Азов (См.: Буссов К. Указ. соч. С. 111; Масса И. Краткое повествование о начале и происхождении современных войн и смут в Московии, бывших в непродолжительный период царствования нескольких государей ея, до 1610 года // Сказания Массы и Геркмана о Смутном времени в России. СПб., 1874. С. 169-170). Вопрос о подготовке Лжедмитрием войны с Крымом образом разобран А.В. Лаврентьевым (Лаврентьев А.В. Для каких целей были отчеканены «золотые» Лжедмитрия I? // ВИД. Т. XXVI. СПб., 1998. С. 201-203). Как подготовительное мероприятие перед походом может быть истолковано и верстание 1605 г., проведенное в чрезвычайно краткие сроки (В.М. Воробьев, опираясь на данные источников, полагает, что это верстание, сопровождавшееся повышением окладов, было нацелено прежде на то, чтобы добиться поддержки мелкого и среднего служилого люда. Однако, на наш взгляд, сводить цели и задачи этого мероприятия только лишь к стремлению самозванца «прельстить» служилых людей не совсем правомерно. Увеличение земельного оклада служилым людям можно рассматривать и как стремление поднять боеспособность поместной милиции, ее «конность, людность и оружность». См: Воробьев В.М. Лжедмитрий I и судьбы службы «по отечеству» и поместной системы // <http://milhist.ru/index.php?pageid=art.php&releasenum=9&articlenum=133&skinnum=3&skinnum2=0>). Д.В. Лисейцев полагает. Что военные приготовления Лжедмитрия были нацелены на войну с Турцией, а не с Крымом (Лисейцев Д.В. Татарский фактор во внешней политике Московского государства в начале XVII века // Сборник Русского исторического общества. Т. 10 (158). Россия и Крым. М., 2006. С. 124-125).

⁷ См.: Вопросы военной истории России XVIII и первой половины XIX веков. М., 1969. С. 217. Мнение же О. Курбатова, связывавшего «Устав...» и Василия Шуйского, скорее всего, ошибочно (Курбатов О. Наемный корпус Делагарди на службе царя Василия Шуйского. Опыт введения нидерландской военной системы в России в начале XVII века // Цейхгауз. № 3 (19). 2002. С. 4). Возможно, это связано с тем, что уже в конце XVII в. создание этой книги связывалось с именем Василия Шуйского. Во всяком случае, в документах Тайного приказа записано, что 24 июня 1681 г. царь Федор Алексеевич затребовал себе «книгу, в десть, ратного строю, которая по указу в.г.ц. и в.к. Василья Ивановича всеа России самодержца, переведена во 114-м году с воинской Немецкой книги на Руской язык для ведома всяких тамошних воинских чинов и урядств» (Дела Тайного Приказа. Кн. 1 // РИБ. Т. XXI. СПб., 1907. Стб. 406). Однако вряд ли царь Василий, у которого и без того хватало проблем, и который до того не был замечен в особых пристрастиях к военному делу, стал бы в 1606 г. заниматься вопросами военной теории.

онным способам пополнения армия, объявив сбор даточных людей с «земли»⁸, так и обратившись к иностранной военной помощи – шведскому королю Карлу IX, потерпевшему серию сокрушительных поражений от польско-литовских войск в Ливонии.⁹

Для ведения переговоров со шведами и сбора войска в Новгород был отправлен племянник царя князь М.В. Скопин-Шуйский.¹⁰ Перегов[ор]ы прошли достаточно успешно. Уже в ноябре 1608 г. было заключено предварительное соглашение о посылке в Россию шведского экспедиционного корпуса численностью 5 тыс. солдат и офицеров и неопределенного количества наемников в обмен за уступку г. Корелы с уездом и отказа России от претензий на Ливонию.¹¹ В Россию наемники под началом шведского генерал-лейтенанта Я. П. де ла Гарди начали прибывать в марте 1609 г. Состав его армии был разношерстным – по сообщениям русских источников, в него входили, кроме природных шведов и финнов, наемники едва ли не со всех стран Европы¹², в массе своей ветераны испано-голландской войны.¹³

⁸ Например, в мае 1607 г. воевода князь С.Ю. Вяземский, управлявший Пермской землей, получил царскую грамоту, в которой говорилось: «...И ты бы со всей Пермской земли, с посадов и уделов, собрал ратных людей со всяким ратным оружием, с луки или с пищальми, и с топоры, и с рогатинами или с бердыши, семдесят человек; а выбрал бы еси к тем ратным людям пятидесятских и десятских из посадских и из волостных из лутчих людей...; а запас тем ратным людям велел с собою имати на все лето и до осени; а собрал бы еси тех оных ратных людей, которые б были собою добры, и молоды, и резвы, и из луков или из пищалей стреляти были горазды, от отцов детей, и от братья братью, и от дяд племянников, а наймитов бы и прихожих людей и зернщиков не имал; и поимал бы еси по них поруки с записми, а писати велел в поручные записи Пермичь посадских людей и волостных крестьян лутчих людей, что им наша служба служить и с службы до отпуску не сбежати; а старых бы и худых людей и недорослей в них однолично не было...» (ААЭ. Т. II. СПб., 1836. С. 162). Данный отрывок из грамоты наглядно показывает импровизированный, временный характер набираемого войска. Набранные даточные люди, пусть даже и горящие желанием сразиться с «супостатами», тем не менее, не могли на равных сражаться с опытными и закаленными наемниками Лжедмитрия II, и, судя по всему, Василий Шуйский это прекрасно сознавал, почему и обратился в конце концов в иностранной военной помощи.

⁹ О шведском «помощном» корпусе см.: АИ. Т. II. СПб., 1841. С. 328, 331.

¹⁰ Вряд ли Василий, выбирая кандидатуру посланца, мог сделать лучший выбор. Несмотря на свою молодость, князь к тому времени был уже опытным воином, искушенным в военных премудростях. Будучи приближен Лжедмитрием I, он имел возможность поближе познакомиться с особенностями польско-литовского военного дела, а позднее приобрел богатый боевой опыт в боях со сторонниками самозванца в 1606-1608 гг. Его деловые качества и полководческий талант высоко оценивались современниками, как русскими, так и иностранцами. «...И бысть воевода храбр и мужественен, – писал русский современник, – добрым благоприятельством ко всему народу Рускому себе показа, скоро, аки молния, супостатныя полки обтече и вся овцешищные вояки люто устраши... Бе бо во бранях люто на враги и стремлением зело искусен, и ратник непобедим...», противник же оценивал его качества так: «Сей Шуйский-Скопин хотя и был молод, ибо ему было не более двадцати двух лет, но, как говорят люди, которые его знали, был наделен отличными дарованиями души и тела, велик разумом не по летам, не имел недостатка в мужественном духе, и был прекрасной наружности...» (Жолкевский С. Записки гетмана Жолкевского о московской войне. СПб., 1871. С. 25-26; Иное сказание. Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени // РИБ. Т. XIII. СПб., 1909. Стб. 118. См. также: Видекин Ю. История шведско-московитской войны XVII в. М., 2000. С. 53).

¹¹ АИ. Т. II. С. 327-330, 330-332.

¹² ААЭ. Т. II. С. 219, 226. Об этом же писал, к примеру, тот же Жолкевский: «...Этот Скопин, будучи воеводою Великого Новгорода, видя, что в московских людях слабая и неверная защита, прибегнул к переговорам с Карлом, князем Сюдерманландским. Карл, за деньги, присланные ему из Москвы, отправил к нему Якова Понтуса и Христофора Шума, с шестью тысячами немцев, французов, англичан, шотландцев и шведов...» (Жолкевский С. Указ. соч. С. 126). Названный Жолкевским Христофор Шум (его называют еще Христиером Соме, Христиером Зомме или попросту Христошумом) сыграл одну из важнейших ролей в попытке переименования голландской военной системы русскими в начале XVII в.

¹³ Необходимо отметить, что начавшиеся еще в 1606 г. переговоры между испанским правительством и властями Соединенных провинций закончились заключением в 1609 г. 12-летнего перемирия между Испанией и Голландией. В новых условиях голландские буржуа уже не нуждались в многочисленной армии. Имея в 1607 г. 48-тыс. армию, в 1620 г. Генеральные Штаты сократили ее численность к 1620 г. до 33,5 тыс. (см.: Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. Т. IV. СПб., 2001. С. 114; Tallet F. War and Society in early modern Europe 1495-1715. L. 1992. P. 6).

Первые же столкновения солдат де ла Гарди с войсками Лжедмитрия II показали перспективность заимствования европейской тактики. Польская конница легко опрокидывала и русскую, и «немецкую» наемную конницу, однако «немецкая» пехота, оцетинившись пиками, успешно отражала натиск противника.¹⁴ К тому же, [115] судя по всему, знакомство с элементами новой европейской тактикой получили и некоторые отряды русских ратных людей.¹⁵

Познакомившись поближе с основными принципами голландской военной школы, М.В. Скопин-Шуйский не мог не оценить их перспективности и полезности в русских условиях. В самом деле, сильной стороной польско-литовской армии был ее именно неудержимый натиск. Недостаточно обученные, плохо дисциплинированные и сколоченные сотни даточных людей были неспособны выдержать атаку неприятельской конницы. Сложно было противостоять польско-литовским гусарским хоругвям и стрельцам, хотя они и отличались в лучшую сторону от даточных людей своей боеспособностью и воинскими навыками.

Вместе с тем Скопину-Шуйскому были хорошо известны и сильные стороны русского войска – его неприхотливость, непритязательность, умение подчиняться и способность выносить все тяготы войны. Ставка на пехоту, оснащенную огнестрельным оружием и длинными пиками, и на широкое использование полевой фортификации как нельзя больше [116] соответствовали тому опыту, который мог приобрести во время своих походов Скопин-Шуйский. Обученная по новому русская пехота могла рассчитывать на успех в боях с отрядами на службе самозванца. Не последнюю роль сыграли также и соображения временного и экономического характера – хорошего пехотинца можно было подготовить значительно быстрее и дешевле, чем всадника. Хорошо обученная и дисциплинированная пехота, оснащенная огнестрельным оружием и длинными пиками, действующая на поле боя под прикрытием полевой фортификации (деревоземляные шанцы, испанские рогатки и пр.) и легкой конницы, могла стать надежным средством борьбы с польско-литовскими отрядами. Такой вывод как нельзя больше соответствовали тому опыту, который мог при-

¹⁴ Так было, к примеру, в июне 1609 г. под Торжком (Новый летописец. 200 // ПСРЛ. Т. XIV. Ч. 1. М., 1956. С. 90). Обращает на себя внимание тот факт, что, действуя в открытом поле, «немецкие» пикинеры сумели отразить атаку двух неприятельских хоругвей и продержаться до подхода помощи. Русская пехота до того не могла похвалиться такими успехами, если не имела прикрытия в форме пресловутого гуляй-города или природных препятствий перед своим фронтом. Тот же летописец, рассказывая о поражении ратных людей воеводы Ф.И. Шереметева под Суздалем, отмечал, что «...прииде боярин Федор Иванович Шереметев в Володимир с понизовыми людьми и поидоша к Суждалю, а тово не ведаша, что к Суждалю **крепкова места нет, где пешим людем укрепится** (выделено нами – П.В.), все пришли поля. Лисовской же с литовскими людьми из Суждаля поиде противу их. И бысть бой велий, и московских людей и понизовых многих побилша; едва утекоша в Володимир...» (Новый летописец. 205 // ПСРЛ. Т. XIV. Ч. 1. М., 1956. С. 92.). Аналогичный случай имел место спустя месяц под Тверью. Шведский историк Ю. Видекинд отмечал, что «...из тех, кто покинув позиции, последовал за бегущими, многие были перебиты, а из тех, кто, оставшись на месте, действовал, как подобало, копьями и саблями, никто не был и ранен...» (Видекинд. Ю. Указ. соч. С. 71). Объясняя причину отказа поляков атаковать немецкую пехоту, оставшуюся без прикрытия собственной конницы на поле боя, польский ротмистр Н. Мархоцкий писал, что «...с ней никто не столкнулся, обломав все копьё о конницу» (Мархоцкий Н. История Московской войны. М., 2000. С. 55). Длинные копьё польских гусар (до 5,5-6 м) имели полое до рукояти древко, снижавшее его вес, но вместе с тем это приводило к тому, что при первом уже ударе оно легко ломалось, пробив доспехи противника (Васильев А. Польско-литовская гусария XVII века // Цейхгауз. № 7 (1). 1998). С. 6). Однако без этого длинного копьё атака против оцетинившейся пиками пехоты была бессмысленна – пикинеры поражали всадников и их коней, сами оставаясь неуязвимыми для неприятеля.

¹⁵ В первую очередь это касалось ярославцев. Ю. Видекинд указывал, что прибывшие из Ярославля к Скопину-Шуйскому 1500 ратников имели **хорошее вооружение – длинные копьё** у пехотинцев и **пикки по польскому образцу** у конных воинов (выделено нами – П.В.) (Видекинд. Ю. Указ. соч. С. 84). Г.Н. Бибилов предположил, что ярославцы, находившиеся с октября 1608 по март 1609 гг. под властью самозванца, могли ознакомиться с новым оружием и тактикой у неприятельских наемников (Бибилов Г.Н. Опыт военной реформы 1609-1610 гг. // Исторические записки. № 19. 1946. С. 9-10).

обрести во время своих походов Скопин-Шуйский.¹⁶ Опираясь на помощь иностранных военных инструкторов, прежде всего опытного ветерана Христиера Зомме¹⁷, Скопин-Шуйский приступил к обучению прибывающих с северорусских земель ратных людей¹⁸ премудростям голландской тактики.¹⁹ Воспользовавшись советами Зомме и [117] де ла Гарди и привычкой русских ратных людей к лопате, кирке и топору, Скопин-Шуйский применил стандартный для голландской военной школы прием. Он стал стеснять неприятеля системой полевых укреплений-острожков, располагая их на дорогах и перекрывая пути доступа в лагерь неприятеля помощи и припасов. Новая тактика была опробована прежде всего на войске Сапеги, которое продолжало осаждать Троице-Сергиев монастырь.

Перемена в тактике русских была сразу отмечена поляками.²⁰ Однако, судя по всему, поначалу польские военачальники не придали этому большого значения, а когда догадались об истинном смысле действий русского войска, было уже слишком поздно.²¹ Поляки,

¹⁶ Общим местом в записках иностранцев о России XVI-XVII вв. является подчеркивание того, что пехота русских значительно лучше их конницы и что русские лучше всего бьются, защищая крепости, нежели в открытом поле. Например, курляндец Я. Рейтенфельс писал, что «...делая общую оценку московскому воинству, должно считать его пехоту несомненно лучшею, нежели конницу, ибо она более старается о завоевании и защите городов, нежели об удачных стычках в открытом поле...» (Рейтенфельс Я. Сказание светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии. М., 1906. С. 126). На это же указывал, к примеру, имперский посол в России А. Майерберг (Майерберг А. Путешествие в Московию барона Августина Майерберга, члена императорского придворного совета и Горация Вильгельма Кальвуччи, кавалера и члена правительственного Совета Нижней Австрии, посланца августейшего римского императора Леопольда к царю и великому князю Алексею Михайловичу в 1661 году, описанное самим бароном Майербергом. М., 1874. С. 181, 183) и ряд других иностранных наблюдателей. Так что умение быстро окапываться, строить шанцы и острожки было как нельзя более на руку русской пехоте, получавшей необходимое прикрытие для отражения бурных атак блестящей польской конницы, бороться с которой русская помещная конница на равных не могла.

¹⁷ Видекинд Ю. Указ. соч. С. 52.

¹⁸ Так, в «Повестях о князе Михаиле Васильевиче Скопине-Шуйском» отмечалось, что в его войско приходили отряды ратных людей с Вологды, Белозерья, Каргополя, Устюжны Железнопольской, Поморья, Устюга Великого, Ваги, Северной Двины, Вычегды и других северных городов и земель (Повесть о князе Михаиле Васильевиче Скопине-Шуйском // РИБ. Т. XIII. Стб. 1327).

¹⁹ Еще шведский историк, О. Далин, указывал, что де ла Гарди в разговорах со Скопиным подчеркивал, «...что надобно войска их обучить, прежде, нежели что-либо с ним предпринять может, и в самом деле употребил к тому Христиера Соме...» (Цит. по: Бибииков Г.Н. Указ соч. С. 11-12). Ю. Видекинд сообщал, что новобранцев, получивших оружие западноевропейского образца, Зомме «...заставлял делать упражнения по бельгийскому способу; учил в походе и в строю соблюдать ряды на установленных равных расстояниях (т.е. поддерживать равнение – П.В.), направлять, как должно, копья, действовать мечом, стрелять и беречься выстрелом; показывал, как надо подводить орудие и всходить на вал». Прекрасно понимая, что никакое обучение в лагере не даст необходимой для успеха в реальном бою уверенности в себе, в своих силах и в своих товарищах, Зомме время от времени обкатывал новобранцев в мелких стычках с неприятелем, стараясь вселить в них уверенность в собственных силах: «...Вместе с тем он время от времени тревожил соседний вражеский лагерь легкими стычками» (Видекинд Ю. Указ. соч. С. 79).

²⁰ Так, Н. Мархоцкий писал, что «...подойдя к Калязину, мы увидели, что московское войско переправляется на другую сторону Волги. Москвитяне действовали **хитро** (выделено нами – П.В.), заранее поставив на той стороне городок, к которому и переправлялись. Встав в городке, они далеко к нам не выходили, а разместили свое войско между городком и выставленным перед ним частоколом...» (Мархоцкий Н. Указ. соч. С. 56).

²¹ Как отмечал тот же Мархоцкий, «...Скопин поставил Сапегу в столь трудное положение, что тот вынужден был отступить от Троицы к Дмитрову...» (Мархоцкий Н. Указ. соч. С. 59). Сам ротмистр не расшифровал, как образом Скопин поставил Сапегу в тяжелое положение, но об этом свидетельствуют другие польские авторы того времени. Гетман Жолкевский, рассказывая о поражении Сапеги под Троицей, вспоминал, что «...Скопин очень теснил наших построением укреплений, отрезывая им привоз съестных припасов и в особенности тем, кои с Сапегою стояли под Троицею. Они несколько раз покушались под Калязиним монастырем и при Александровской слободе, но прикрываемый укреплениями, Скопин отражал их, избегая сражения, и стеснял их теми укреплениями (Жолкевский в данном случае использовал термин *grodek*, который можно буквально перевести как «острожек» – П.В.), которые были за подобие отдельных укреплений или замков, **каковой хитрости научил москвитян Шум** (выделено нами – П.В.) Ибо в поле наши им были страшны; но за этими укреплениями, с которыми наши **не знали что делать** (выделено нами – П.В.), моск-

делая ставку на полевое сражение, оказались неготовы действовать в усло[118]виях, которые им навязал Скопин-Шуйский.²² Действуя не торопясь, основательно, князь медленно, шаг за шагом оттеснял противника. Умело применяя голландский военный опыт к российским условиям, М.В. Скопин-Шуйский сумел сделать то, чего не смогли до этого сделать другие воеводы Василия Шуйского, посылаемые им против войска самозванца – разбить войско Лжедмитрия II и снять блокаду с Москвы. И хотя вскоре после снятия блокады с Москвы юный князь умер, тем не менее накопленный им опыт использования голландской военной системы в русских условиях не пропал даром. В сражении под Клушином брат Василия Шуйского, князь Дмитрий Шуйский, поставленный командовать русской армией, поначалу не без успеха использовал элементы новой тактики – и строительство полевых укреплений, и использование пехотой длинных пик.²³ Хотя само сражение под Клушино и было проиграно русскими, тем не менее они не могли не обратить внимания на то, что наемная пехота сумела одна, не прикрытая ни с флангов, ни с тыла, продержаться на поле боя несколько часов.²⁴ Острожки и окопы широко использовались русскими стрелками в ходе боев 1-го и 2-го ополчения в Москве. В апреле 1611 г. ярославцы, готовясь принять участие в походе 1-го ополчения, в своей отписке сообщали, что они «...наряду изготовили со всеми пушечными запасы пять пищалей полковых и пять волко-ней скорострельных, да **пешим на долгие торчи сделали две тысячи копей железных** (выделено нами – П.В.), а иные делают, потому, что преж сего в полках от того конным была защита...».²⁵ Об использовании ратниками 1-го ополчения длинных копий «немецкого образца» говорят и польские источники.²⁶ [119]

Одним словом, вряд ли стоит следовать за А.В. Черновым в его негативной оценке результатов сотрудничества русских воевод с де ла Гарди и его людьми.²⁷ Положительный опыт был и русские не без успеха на протяжении по меньшей мере двух-трех лет пытались использовать основные принципы голландской военной школы. Почему же эта реформа не получила своего дальнейшего продолжения? На наш взгляд, неудаче попытки перенимания западноевропейского опыта в начале XVII в. способствовали невозможность экономически обеспечить дальнейшее осуществление реформы в разоренной многолетней смутой России и консервативная политика правительства Михаила Федоровича, нацеленная на восстановление традиционных, привычных форм жизни как общества, так и государства. Столкновение с европейцами и более близкое знакомство с ними усилило ксенофобские настроения в русском обществе, нежелание сотрудничать с ними, в том числе и в военной области.²⁸ Кроме того, голландская школа была еще несовершенна и могла дать

витяне были совершенно безопасны; делая безпрестанно из них вылазки на фуражиров, не давали нашим ни куда выходить...» (Жолкевский С. Указ. соч. С. 36).

²² В дневнике о действиях гетмана Ружинского против наемников и русских, автором которого считается хорунжий Будило, говорилось: «...Гетман пошел на них с ним из-под Троицы к Александровской слободе, прибыл 12 ноября и стал наступать на русских и немцев, надеясь, что они дадут битву; но они по прежнему стояли за палисадником и рогатками. Так как был холод и трудно было осадить их в том месте, то наши, ничего не сделав, а позанявшись лишь почти неделю передовую конною перестрелкой, должны были отойти назад...» (РИБ. Т. I. СПб., 1871. Стб. 162).

²³ На это указывал, к примеру, С. Жолкевский (Указ. соч. С. 44).

²⁴ Об этом в один голос говорят все польские источники, посвященные этому сражению. См., например: Жолкевский С. Указ. соч. С. 58-59; его же донесение Сигизмунду III о битве (Там же. С. 77-78); Мархоцкий Н. Указ соч. С. 75-76 и др.

²⁵ ААЭ. Т. II. С. 322.

²⁶ АЗР. Т. IV. СПб., 1851. С. 493.

²⁷ См.: Чернов А.В. Указ. соч. С. 115. Правда, на наш взгляд, вряд ли стоит осуждать автора этого фундаментального, ставшего классическим исследования за этот пассаж – вряд ли в то время, когда он работал над своей книгой, могла появиться положительная оценка деятельности де ла Гарди в России.

²⁸ В этом плане примечательны два свидетельства. Первое – это приводимая С.М. Соловьевым отписка князя Д.М. Пожарскому капитану иностранных наемников Я. Маржарету, предложившему свои услуги 2-му ополчению. Пожарский писал, что «...наемные люди из иных государств нам теперь не надобны: до сих пор мы с польскими людьми н могли сладить, потому что государство Московское было в розни, а теперь все Российское государство избрало за разум, правду, дородство и храбрость к ратным и земским делам столь-

решающего преимущества (! – выделено нами **П.В.**) над прежней в неумелых руках. Достаточно сравнить действия М. Скопина-Шуйского и сменившего его во главе армии Д. Шуйского – солдаты одни и те же, а вот результат абсолютно противоположный. [120]

В общем, как отмечал один из первых исследователей истории русской армии в 1-й половине XVII в. И.Л. Беляев, правительство Михаила Федоровича «...не стало изменять главных и коренных положений и условий тогдашнего войска; но оставило ему прежний основной состав...».²⁹ Однако при всем при том опыт реформы не был забыт. Когда правительство Михаила Федоровича стало готовиться к Смоленской войне, оно решило снова обратиться к иностранному военному опыту.

§ 2. Смоленская война 1632-1634 гг. Первый опыт создания армии «новой модели» в России.

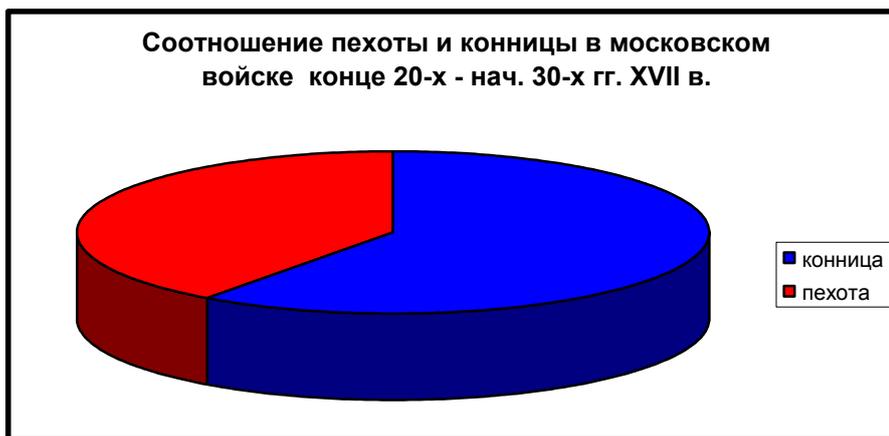
Вплоть до самого конца 20-х гг. Москва продолжала следовать старой линии в строительстве вооруженных сил, хотя в ней произошли определенные изменения в сравнении с досмутным временем. Эти изменения коснулись как численности, так и структуры и соотношения родов войск. Согласно росписям Разрядного приказа от 1630 г. войско московского царя насчитывало 92555 человек и примерно 10 тыс. боевых холопов и слуг, которые распределялась следующим образом: дворяне и дети боярские – 27433 человека, 28130 стрельцов, 11192 казака, 4316 пушкарей, служилых иноземцев и черкас, т.е. украинцев на русской службе – 2783 человека, 10208 служилых татар, чувашей, мордвы и прочих служилых инородцев – 8493 человека.³⁰ Примерное соотношение пехоты и конницы в русском войске в это время см. на следующей диаграмме:

Диаграмма 1. [153]

ника и воеводу князя Дмитрия Михайловича Пожарского-Стародубского, да и те люди, которые были в воровстве с польскими и литовскими людьми, стали теперь с нами единомышленно, и мы польских и литовских людей побиваем и города очищаем: что где соберется доходов, отдаем нашим ратным людям, стрельцам и козакам, а сами мы, бояре и воеводы, дворяне и дети боярские, служим и бьемся за св. божии церкви, за православную веру и свое отечество **без жалования** (выделено нами – **П.В.**)...» (Соловьев С.М. Указ. соч. С. 658). Презрительно к «немецкой мудрости» относится и Авраамий Палицын, подчеркивавший, что не она, а старинные обычаи вместе с молитвами приносят православному воинству победу над иноверцами (См.: Сказание Авраамия Палицына // Воинские повести Древней Руси. Л., 1985. С. 409).

²⁹ Беляев И.Д. О русском войске в царствование Михаила Федоровича и после него, до преобразований, сделанных Петром Великим. М., 1846. С. 2.

³⁰ Чернов А.В. Указ. соч. С. 125-130. Е.Д. Сташевский приводит данные сметного списка 1632 г., согласно которому всего ратных людей «старого строя» числилось 98596 человек, в том числе 24714 дворян и детей боярских, 33775 стрельцов, 11471 казак, иностранцев, черкас, литвы, татар, новокрещенов и инородцев 20227, 4244 служилых человека, числившихся по Пушкарскому приказу (См.: Сташевский Е.Д. Смоленская война 163-1634 . Организация и состояние московской армии. Киев, 1919. С. 3-6). Сметный список 7139/1631 г. (См.: ВМОИДР. Ч. 4. М., 1849. Смесь. С. 18-51.) показывает несколько меньшие цифры: всего служилых людей 86089 чел. всех чинов.

Т.о., доля конницы в московском войске, и прежде всего ее ядра, конной поместной милиции, сильно сократилась – против прежних [121] 60-75 тыс. всадников (вместе со слугами) их осталось менее 40 тыс. Однако она продолжала пока оставаться главным родом войск в русской полевой армии, хотя роль пехоты существенно выросла в сравнении с прежними временами. Одни только стрельцы составляли почти 27,5 % всех ратных людей, т.е. их стало более чем в 2,5 раза больше, чем треть столетия назад.³¹ И это без учета казаков, которые по вооружению и тактике мало чем отличались от стрельцов.

На первый взгляд, вооружение, а, значит, и тактика поместной милиции остались прежними. От выступающих в поход помещиков [123] по-прежнему требовали являться «конно, людно и оружно», в «доспесе». Так, в царской грамоте о сборе служилых людей, направленной 6 ноября 1637 г. владимирскому воеводе Д.Г. Сабурову, говорилось: «И как к тебе ся наша грамота придет, и ты б столникам и стряпчим, и дворяном, и детям боярским, Володимерцом и розных городов, и иноземцом, за которыми поместья и вотчины в Володимере, и недоросли, которые в нашу службу поспели, сказал, чтоб они на нашу

³¹ Рост численности стрельцов продолжался на протяжении всей 2-й четверти столетия – если в 1627/1628 гг. их числилось 24054, то в 1636 – уже 30754, а в 1651 г. – 50298 стрельцов (Дворянство России и его крепостные крестьяне. XVIII – первая половина XVIII в. М., 1989. С. 22-23; Епифанов П.П. Войско // Очерки русской культуры XVII в. Ч. 1. М. 1979. С. 237). На наш взгляд, столь быстрый рост численности стрелецкого войска можно объяснить обозначившимся в нач. 20-х гг. XVII в. кризисом главного рода войск в армии московских государей – поместной конницы. Для ее восстановления требовалось и время, и немалые средства, тогда как увеличение численности пехоты обходилось дешевле, да и осуществить это было проще. Вместе с тем стоит отметить, что в силе осталась традиция сбора «посохи», даточных людей, а также поголовной мобилизации всех способных носить оружие посадских людей для осадного «сидения». С этой целью более или менее регулярно проводились своего рода смотры посадских людей. Так, 12 декабря 1646 г. думные дьяки Гавренев и Волошенинов и дьяк Ларионов получили «наказную память» с подробным расписанием того, как провести смотр боеготовности подьячих Пушкарского приказа. В памяти говорилось, что «Государь, Царь и Великий Князь Алексей Михайлович всеа Руси приказал Пушкарского и всех приказов подьячим, болших, середних и менших статей, держати у себя луки и пищали и рогатины, а по вестям подьячие потом быти у голов в сотнях, и пешим по городу с головами ж; и по государеву указу велети Пушкарскому приказу подьячим сказать, чтоб у них у всех луки и пищали были добрые, и лядунки, и натруски, и рогатины, а по вестям будет им смотр, и которые у смотру объявятся без саадаков и без пищалей; и тем в приказах не быть и жалованья не давать...» (ААЭ. Т. IV. 1836. Стб. 13). В 1626 г. в Ярославле было людей, способных носить оружие, 2480, в том числе посадских и всякого рода жилецких людей и пр. 457 вооруженных пищальями и 1669 с копьями и рогатинами (Соловьев С.М. Указ. соч. Т. 9. Кн. V. М., 1990. С. 283). Правда, толку от них было немного, тем более что качество оружия было не самым лучшим. Так, по росписи 1638 г. московские посадские люди были вооружены на 58 % пищальями, 25 % имели рогатины и бердыши, 12 % – пищали и сабли, 5 % – пищали и рогатины. Но это Москва, где посадские люди были побогаче и могил позволить себе иметь относительно дорогое огнестрельное оружие. В провинции же дело было значительно хуже. Так, согласно росписи 1676 г. в Ростове 446 посадских людей были вооружены бердышами, 243 рогатинами, 2 имели топоры и только 66 пищали (Богоявленский С.К. Вооружение русских войск... С. 267).

службу к весне однолично были готовы, лошади кормили и запасы свои несли, а были б на нашей службе в полку в сбруях: **в бехтерцах, в панцырях и в шеломах, и в шапках мисюрках** (выделено нами – П.В.)...».³² Сохраняется прежняя полковая и сотенная организация конницы³³, и в атаку она, как во времена отцов и дедов, бросалась «нестройным» образом.³⁴

Вместе с тем новое медленно пробивало себе дорогу, и уже можно было наблюдать некоторые изменения в сравнение с предыдущим периодом. Огнестрельное оружие перестало быть диковинкой для всадников поместной конницы, которые старались обзавестись пищальми, карабинами и пистолетами, тем более что правительство все более и более настоятельно требовало этого.³⁵ Заинтересованное в повышении боеспособности поместной милиции, правительство было готово пойти даже на то, чтобы выдавать обедневшим и «оскудевшим» детям боярским за казенный счет пищали, карабины, пистолеты и все необходимые припасы к ним.³⁶ В итоге, например, если на смотре 1622 г. из 319 каширских служилых людей саблей и пищалью были вооружены 65 (20,4 %), то в 1631 г. великолукские, пусторжевские и невльские дворяне и дети боярские прибыли на смотр, поголовно вооруженные огнестрельным оружием – из 148 только один вооружился саада-

³² РИБ. Т. II. СПб., 1875. Стб. 674.

³³ См., например: АИ. Т. II. СПб., 1841. С. 425-426.

³⁴ Вместе с тем еще раз подчеркнем, что «нестройность» московской поместной конницы не стоит преувеличивать вслед за иностранцами, привыкшим к «стройным» эволюциям «своих» рейтар и кирасир. Тактика европейской кавалерии и русской конницы была принципиально разной. Первая стремилась навязать противнику ближний бой, тогда как русские уклонялись от него, рассчитывая измотать неприятеля последовательно накатывающимися волнами всадников, засыпающих врага ливнем стрел. Такого рода тактика не могла быть успешной, если воеводы не держали бы руку на пульсе сражения, управляя действиями эшелонированных в глубину боевых порядков поместной конницы.

³⁵ В упоминавшейся выше грамоте владимирскому воеводе ему четко и недвусмысленно предписывалось: «...И ты-б еси им сказал имянно, что многие дворяне и дети боярские ездят на бой с одними пистоли, а к пистолем карабинов и долгих пищалей не держат, и тот короткий бой к татарскому бою без карабинов худ и короток; и которые ездят с пистоли, и они-б впредь к тем пистолем держали карабины или пищали долгиа, а с одним бы пистолем однолично никаков человек в полку не был. А которые ездят с саадаки, и у тех бы с саадаком было по пистоли. А которые люди будут с ними в полкех, и ездят с саадаки и лучною стрельбою владеют, и те-б были в саадакех, а которые люди не будут за ними без саадаков, и у тех бы людей были пищали долгиа или карабины добрые» (РИБ. Т. II. Стб. 674). Ср. требования к служилым людям 1640 г.: «Да дворяном же и детем боярским, и новиком, и иноземцом сказали всем, чтоб они на нашей службе в полкех были в збруях, в латах, в бехтерцах, в пансырех, и в шеломех, и в шапках мисюрках. А которые дворяне и дети боярские и иноземцы ездят на бои с одними пистоли, а к пистолем карабинов и мерных пищалей не держат, и те б к пистолем держали карабины и пищали мерные, а с одним бы пистолем никаков человек однолично не был. А которые ездят с саадаки, и у тех бы к саадаком было по пистолю, или по карабину. А которые люди будут за ними в полкех, а ездят с саадаки и лучною стрельбою владеют, и те б люди были в саадаках; а которые люди их будут за ними без саадаков, и у тех бы людей были пищали долгиа, или карабины добрые. А которые люди их будут в кошу, и у тех бы людей их для обозного строенья были пищали долгиа, и у которых у боярских людей в кошу пищалей долгих по скудости не будет, и у тех бы боярских людей было по доброй рогатине да по топору...» (Записные книги Московского стола 1648-1649 // РИБ. Т. X. СПб., 1888. С. 245).

³⁶ См., например: Курбатов О.А. «Оружность» русской конницы. 1630-е – начало 1650-х гг. // Цейхгауз. 2006. № 23. С. 2; Богоявленский С.К. Вооружение русских войск в XVI – XVII вв. // ИЗ. Т. 4. 1938. С. 261. Отметим, что иного выхода, в особенности непосредственно сразу после Смуты, у властей и не было. В условиях всеобщего разорения помещики не могли своими силами, как ранее, нести полковую службу «конно, людно и оружно» без поддержки со стороны государства. Большой смотр 1621-1622 гг. это наглядно подтвердил (См., например, анализ состояния боеготовности служилых городов Белева и Болхова по итогам этого смотра: Фатеев Д. М. Боеготовность приокских служилых городов по результатам смотра 1621/22 гг. // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Материалы научной конференции. 18-20 ноября 2003. Великий Новгород. 2003. С. 123-127). В результате, как отмечал другой отечественный исследователь, В.М. Воробьев, «...финансирование дальней конной служб поместников из казны стало до второй половины 1630-х годов главным источником поддержания боеготовности, хотя и не всеобъемлющей, служилых городов...» (Воробьев В. М. «Конность, людность, оружность и сбруйность» служилых городов при первых Романовых // Дом Романовых в истории России. СПб., 1995. С. 93).

ком и саблей.³⁷ 140 человек имели саблю и пищаль, а еще 6 в дополнение к этому – еще и «збрую» (как, например, Дружина Вышенцов, который обещал быть на службе «...на коне в збруе пансырь да в шишаке. Ружье пищаль [124] да сабля. Да за ним человек на мерине с пищалью да саблею...», или Петр Лукомский, который заявил, что на государеву службу явится «...на коне, да в збруе в латах и в зарукавьях да в шишаке, ружье пищаль, сабля. Да за ним человек на мерине с пищалью да с саблею...»).³⁸ Тенденция перевооружения детей боярских с традиционного метательного оружия на огнестрельное налицо, что подтверждается материалами других исследователей.³⁹

На юге традиции следовали дольше. Здесь служилым людям приходилось иметь дело в основном с татарами, и скорострельность лука имела здесь первостепенное значение. Поэтому не приходится удивляться, что в то время как дети боярские северо-западных и замосковных «городов» быстро перевооружались огнестрельным оружием, десятки Старорязанского стана и соседних с ним станов середины столетия показывают, что с огнестрельным оружием выезжали 38 % служилых людей, дворян и детей боярских, тогда как остальные 62 % вооружались – саадаками и саблями.⁴⁰ Тем не менее и здесь начался процесс перехода к огнестрельному оружию. Так, смотр белгородских дворян, детей боярских и казаков 1638/1639 гг. показал, что 215 служилых людей явились с пищалью и саблей, 6 с саблей и пистолетом, 3 с пищалью, 5 с карабином и саблей, 19 с пищалью и рогатиной, 1 с саадаком, пищалью и саблей, 2 с пищалью, пистолетом и саблей, 1 с карабином, пистолетом и саблей, 1 с саадаком, пищалью и саблей и только 26 с саадаком и саблей и 14 с рогатиной (менее 15 %).⁴¹ Теперь прежняя формула «конно, людно и оружно» выглядела несколько иначе, чем полстолетия назад – зажиточный сын боярский мог сказать про себя, что он «...будет на коне, в збруе пансыре да в шишаке. Ружье пищаль да сабля. Да за ним че[125]ловек на мерине с пищалью да саблею...»⁴², ну а тот, кто попроще, обходился просто саблей да пищалью или парой пистолетов.

Однако при всех этих переменах боеспособность московского войска в 20-х гг. XVII в. оставляла желать лучшего. Почти $\frac{3}{4}$ ратных людей, 72 тыс. из числившихся в списках Разрядного приказа, не могли нести полковую службу и были годны в лучшем случае для «осадного сидения» по причине своей бедности и «оскуделости».⁴³ Потрясения и разорение Смутного времени оказалось слишком велико, чтобы его последствия можно было преодолеть за 10-15 лет. Даже выдаваемое время от времени царское денежное жалование не позволяло им нести прежнюю службу.⁴⁴ Реально московское правительство в начале

³⁷ РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 4. Дела десятен. № 28. Л.л. 5-45.

³⁸ Там же. Л.л. 5, 8.

³⁹ Так, А.В. Малов, проанализировав материалы смотров великолукских дворян и детей боярских накануне Смоленской войны, пришел к примечательным выводам – только 1 (!) из 393 служилых людей явился с саадаком, все же остальные, как правило, были вооружены пищалью и саблей (Малов А.В. «Конность, людность и оружность» служилого «города» перед Смоленской войной (на материалах Великих Лук) // Цейхгауз. 2002. № 2(18). С. 15).

⁴⁰ Богоявленский С.К. Вооружение русских войск в XVI – XVII вв... С. 260.

⁴¹ РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 4. Дела десятен. № 28. Л.л. 5-45; № 1. Л.л. 7-135об; № 16. Л.л. 2об-317, 332об-362.

⁴² РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Дела десятен. № 28. Л. 8. См., например, также «сказки» белгородских служилых людей разбора 1638/1639 гг., в стандартный набор вооружения которых входили сабля, пищаль или пара пистолетов (РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. № 1. Л.л. 7-135об.). При этом доспехи стремительно выходили из обихода, что было отмечено, к примеру, А.В. Маловым на материалах смотров великолукских служилых людей (Малов А.В. «Конность, людность и оружность» служилого «города»... С. 15).

⁴³ О боеспособности служилых городов непосредственно после Смуты см., например: Воробьев В. М. Из истории поместного войска в условиях послесмутного времени (на примере новгородских служилых городов) // Исторический опыт русского народа и современность. СПб., 1994. С. 82-91.

⁴⁴ К примеру, в 1626 г. окладчики записали про тверского сына боярского Григория Семичева, что тот, ранее служивший по высшему поместному окладу (1-й статьи, имея 750 четей земли), «...головой своей и службой добр, прежде служивал на добром коне, и простой конь и служилый человек за ним бывал, а ныне беден; на государеве службе быть ему не с чего, поместья за ним с пустошами 50 четей, а в поместьи два бо-быля и те бродят меж дворов. Государева жалованья ему семнадцать рублей, и тем жалованьем на службу

30-х гг. в случае большой войны и дальнего похода могло рассчитывать всего лишь на 15850 дворян и детей боярских полковой службы (из них своего рода «гвардия», думные и московские чины, составляла 2642 человека). В поле могли выйти также примерно 7,5 тыс. московских же стрельцов и некоторое количество [126] стрельцов из других городов.⁴⁵ Кроме того, в полевую армию могло войти некоторое количество казаков, пушкарей, служилых иноземцев, татар и инородцев. Всего полевая армия могла включать в себя максимум 50 тыс. ратников, не считая боевых холопов, которых было значительно меньше, чем раньше. Из этого числа нужно сразу вычесть по меньшей мере около 10-15 тыс. человек, которые ежегодно должны были нести службу на южной границе для «бережения» от татарских набегов.⁴⁶

При таком раскладе сил, учитывая снизившуюся в силу послесмутного «оскудения» боеспособность поместной конницы, говорить о наступательной войны против Речи Посполитой, находившейся, казалось, в расцвете своего могущества, было бессмысленно – поражение России в войне было неизбежным. Между тем в 20-х гг. XVII в. внешнеполитическая конъюнктура для России складывалась как нельзя более благоприятно. В 1618 г. началась Тридцатилетняя война. В той или в иной мере, прямо или косвенно, в эту войну оказались втянуты практически все государства Европы, в том числе и Речь Посполитая. Московское правительство попыталось использовать разгоревшуюся войну в своих собственных интересах. Поиск вероятных союзников по борьбе с поляками и литовцами, начавшийся едва ли не сразу после заключения Деулинского перемирия, в [127] 20-х гг. активизировался, и очень скоро такой союзник нашелся – шведы. Как отмечал Б.Ф. Поршневу, русско-шведский союз был предопределен, т.к. основывался на единстве интересов «...православия (старой греческой веры) и протестантизма (евангелической веры) в борьбе против общего врага – агрессивного католицизма...».⁴⁷

Завершив в 1629 г. очередной конфликт с Речью Посполитой, шведский король Густав-Адольф начал подготовку к вступлению в Тридцатилетнюю войну на стороне антигабсбургской коалиции. В ответ имперцы начали переговоры с королем Речи Посполитой Сигизмундом III относительно оказания им военной помощи. Слухи о них не могли не встревожить Швецию и ее патрона Францию. Естественно, что король Швеции, Густав-Адольф и его министры проявили чрезвычайную заинтересованность в том, чтобы Россия не только оказывала им моральную и материальную помощь, продавая по льготной цене зерно, но и как можно скорее объявила войну Речи Посполитой. И если раньше Москва

подняться не с чем...» (Цит. по: Павлов-Сильванский Н.П. Государевы служилые люди. М. 2000. С. 195. Много или мало 17 рублей государева жалованья, что получил Григорий Семичев? Вряд ли! Ведь мушкет или пищаль со всем необходимым прибором стоили примерно 1,5 рубля или даже больше, карабин в 2-2,5 раза больше, сабля или шпага не менее рубля, строевой конь от 5 до 15 рублей, кираса с шишаком – 2 рубля за комплект. Так что, покупая коня, снаряжение и оружие, служилый человек в эти 17 рублей жалования просто не укладывался.

⁴⁵ Городовые стрельцы несли главным образом гарнизонную службу – их численность обычно составляла несколько десятков человек, редко 1-2 сотни, и лишь в отдельных случаях численность стрелецкого гарнизона могла составлять от полутысячи и даже более человек. Например, согласно разрядной книге 1637-1638 гг. гарнизоны стрельцов численностью св. тысячи человек стояли только лишь в Архангельске, Астрахани, Казани, Пскове и почти тысяча конных и пеших стрельцов имела в Терском городке (Разрядная книга 1637 – 1638 года. М., 1983. С. 79- 138). Так что, хотя в 1625 г. насчитывалось 17842 пеших и 2697 конных стрельцов городской службы, реально в походах могли участвовать лишь немногие из них.

⁴⁶ Чернов А.В. Указ. соч. С. 130. Снижение численности войска, стоявшего на «берегу», ниже 10 тыс. человек мгновенно сказывалась на безопасности южных уездов. К примеру, если в 1629 г. на южной границе находилось 12 тыс. ратников, то годом позже, с началом приготовлений к войне с поляками, уже 9 тыс., а в последующие четыре года – в среднем менее 5 тыс. Этим немедленно воспользовались татары, в ходе серии опустошительных набегов подвергшие разорению южные уезды Российского государства. Поэтому сразу после завершения Смоленской войны на юг посылаются значительно более крупные силы – 12 тыс. в 1635 г., 17 тыс. в 1636 г. (См.: Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М. – Л., 1948. С. 204).

⁴⁷ Поршневу Б.Ф. Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М., 1976. С. 182.

выжидала, то теперь там решили, что время реванша настало. В июле 1633 г. истек срок действия Деулинского перемирия. Никаких подвижек в позиции польских властей относительно спорных вопросов в отношениях между Москвой и Варшавой не наблюдалось, более того, русские власти стали получать известия о передвижениях отрядов реестровых казаков к русской границе. В итоге, после долгих споров московское правительство по настоянию патриарха Филарета решило начать подготовку к войне.

Готовясь к войне, Михаил Федорович и его советники вспомнили об опыте, полученном в годы Смутного времени – иностранные наемники и обученные по последней западноевропейской моде русские ратники сражались с поляками, литовцами и казаками успешнее, чем русская поместная конница, казаки и стрельцы. Поэтому становится понятным, почему московские власти, приступив к военным приготовлениям, решило снова обратиться к иностранному, на этот раз шведскому, опыту. Так было положено начало радикальным военным реформам XVII в. в России.

Формирование русской армии «новой модели» в начале 30-х гг. XVII в. представляет, несмотря на свой незавершенный характер, большой интерес как первый серьезный и длительный опыт перени[128]мания передовых принципов западноевропейского военного строительства с одновременной их адаптацией к русским условиям и как образец для последующих шагов в этом направлении.⁴⁸ В ней, как в капле воды, отразились все характерные черты военной революции в Европе и трудности ее осуществления в России в те годы.

Приступая к работе по воссозданию обученной по-европейски армии, московское правительство, вероятно, первоначально попыталось, используя иностранных инструкторов, подготовить обученный по иноземному образцу корпус из русских служилых людей. Во всяком случае, именно так можно истолковать предпринятую в апреле 1630 г. попытку набрать 2 солдатских полка из оскудевших боярских детей, которые не могли нести полковую службу и в случае войны с Речью Посполитой или татарами оказывались не у дел. В грамоте, посланной по этому поводу в Кострому (аналогичные грамоты были посланы также в Ярославль, Углич, Новгород и ряд других городов), говорилось: «От царя и великого князя Михаила Федоровича, всеа Руси на Кострому стольнику и воеводе, князю Петру Федоровичу Волконскому. Указали есмя прибрать в городех старого и новаго выезда к поместным и к кормовым к московским иноземцом из городов **детей боярских беспоместных**, верстаных и неверстаных, которые в нашу службу приходятся, а живут в поместьях и в вотчинах, у отцов дети, и у дядей племянники, и которые для **бедности** дети боярские живут на **посадех**, или в **монастырех**, или где **инде кормятся**; а быти им в ратном ученье на Москве у двух немецких полковников у Александра Лесли да у Франца Пецнера, с московскими немцы, по тысяче человек у полковника. **А нашего жалованья приказали есмя тем детем боярским дати по пяти рублей человеку для их бедности, да корму давати по алтыну на день; да им же указали дати из нашей казны пищали да зелья и свинец** (выделено нами – П.В.)...».⁴⁹ [129]

⁴⁸ В отечественной исторической литературе солдатские, рейтарские, драгунские, копейные и гусарские полки, которые создавались на протяжении XVII в., именуются обычно полками «иноземного строя». Это наименование прижилось, хотя и не является верным, поскольку документы XVII в. такой термин для их обозначения никогда не использовали, называя их полками солдатского, рейтарского и пр. строя. Мы же для удобства будем использовать термин армия «новой модели» – он и короче, и лучше отражает сущность формируемых полков.

⁴⁹ АМГ. Т. 1. СПб., 1890. С. 300. Денежное жалование было не слишком большим, даже учитывая, что прибранному в солдатский полк сыну боярскому не нужно было покупать коня, припасы, оружие. Выше уже отмечалось, что 17 рублей жалования было недостаточно для того, чтобы служилому человеку выступить в поход «конно, людно и оружно». Мушкет или пищаль со всем необходимым прибором стоили примерно 1,5 рубля или даже больше, карабин в 2-2,5 раза больше, сабля или шпага не менее рубля, строевой конь от 5 до 15 рублей, кираса с шишаком – 2 рубля за комплект. Так что, покупая коня, снаряжение и оружие, служилый человек в эти 17 рублей жалования просто не укладывался, учитывая, что ему желательно было поставить в строй еще хотя бы одного послужильца или, на худой конец, «кошového», иметь, по меньшей мере,

Однако набор детей боярских шел довольно туго – пешая служба была тяжела и не почетна. Службы в пехоте грозила сыну боярскому и всему его роду «потерькой» родовой чести. В итоге к сентябрю 1630 г. удалось набрать ни много, ни мало, а целых ... 60 человек!⁵⁰ Пришлось срочно принимать меры для того, чтобы набор пошел успешнее. Было разрешено набирать в солдаты казаков, татар, а также добровольцев. Работа после этого пошла успешнее, и к декабрю 1631 г. было набрано 3323 человека. Это позволило развернуть 2 солдатских полка полковников Александра Лесли и Франца Пецнера (он умер в октябре 1631 г. и его сменил полковник Индрик (Генрих) ван Дам).⁵¹

Однако медленные темпы формирования первых русских солдатских полков вызвали серьезные опасения патриарха Филарета, для которого война с Речью Посполитой была личным делом. Патриарх, несмотря на весь свой консерватизм, решился пойти на набор иностранных наемников, а его авторитет и влияние позволили снять все возможные возражения против такого шага.⁵² Сама идея приглашения на русскую службу наемного корпуса в несколько тысяч человек существовала довольно давно. Еще в 1629 г. эльбингский чиновник А.К. фон Клицин обратился к Михаилу Федоровичу с предложением набрать в Германии 3 тыс. пехотинцев и 1 тыс. кавалеристов.⁵³ Предложение получить готовых и уже обученных солдат и командиров вызвало большой интерес в Москве. Поэтому, когда в конце 1630 г. с такой идеей к московским властям обратился служивый иноземец Александр Лесли, его предложение было утверждено 30 декабря 1630 г.⁵⁴

В начале февраля 1631 г. Лесли отправился в Европу с поручением набрать 5 тыс. наемников, а также артиллерийских мастеров. Для того, чтобы способствовать его работе, Посольский приказ направил соответствующие грамоты королям Британии, Швеции и Дании, а также голландскому правительству. Обращает на себя внимание тот факт, что наемников предполагалось набрать в протестантских странах – с одной стороны, здесь сказывалось недоверие русских властей к католикам, а с другой – протестантские страны переходили или уже перешли к наиболее современной и прогрессивной голландской во-

двух коней для себя (одного запасного и одного под вьюком) и еще закупить необходимое продовольствие и фураж.

⁵⁰ Чернов А.В. Указ. соч. С. 135.

⁵¹ Сташевский Е.Д. Смоленская война 1632-1634 гг. Организация и состояние московской армии. Киев, 1919. С. 109; Чернов А.В. Указ. соч. С. 135.

⁵² Не случайно написанный не без влияния патриарха «Новый летописец» подчеркивал, что Филарет «...сел на престоле патриаршеском Московском и всеа Русии и исправляше слово Божие и укрепил всю православную христианскую веру... и земская вся правляше, от насилья многи отня; ни от ково ж в Московском государстве сильников не бысть опричь их государей. И кои служажу государю и в безгосударное время, а быша не пожалованы, он же государь тех всех взысках и пожаловал и держаше у себя их в милости...» (ПСРЛ. Т. XIV. С. 148-149).

⁵³ Подобные обращения «антрепренеров» были и впоследствии. Так, в октябре 1631 г. прибывший из Дании с неплохими рекомендациями капитан А. Колгазе предложил разрешить ему набрать полк в 3 тыс. солдат (Сташевский Е.Д. Указ. соч. С. 69).

⁵⁴ Челобитную А. Лесли, адресованную Михаилу Федоровичу, см.: СГГД. Ч. III. Отд. 1. СПб., 1822. С. 306-310. На личности Лесли стоит остановиться подробнее. Шотландец по происхождению, он поступил на службу Сигизмунду III, участвовал в осаде Смоленска, попал в плен, потом перешел на русскую службу, а в 1619 г. при размене пленных вернулся в Речь Посполитую. Вскоре он оказался на службе Густава Адольфа, воевал в рядах шведской армии с поляками в 1626-1629 гг., а в 1630 г. с весьма лестной рекомендацией Густава Адольфа прибыл в Москву. Надо полагать, что приезд Лесли в Россию был не случаен – опытный офицер, в совершенстве знающий военное дело, он был намеренно направлен в Москву с тем, чтобы ускорить вступление России в войну в Речь Посполитую и оказать содействие правительству Михаила Федоровича в подготовке армии к этой войне (Б.Ф. Поршнев, во всяком случае, полагал, что миссия А. Лесли-младшего была связана со стремлением Густава-Адольфа атаковать Римскую империю одновременно с нескольких сторон, предварительно связав Речь Посполитую как потенциального имперского союзника. См. Поршнев Б.Ф., Указ. соч. С. 419). О клане Лесли и его роли в Тридцатилетней войне см. также: Дьюкс П. Семейство Лесли в шведский период (1630-1635) Тридцатилетней войны // Россия и мировая цивилизация. М., 2000. С. 152-167.

енной системе, уже опробованной в русских условиях два десятилетия назад.⁵⁵ Естественно, что и русские неизбежно должны были оказаться под их влиянием приступив к созданию новой армии.

Лесли, а также направленные за границу стольник Племянников [131] и подьячий Аристов 25 января 1631 г. получили указание осуществить массовую закупку оружия, холодного и огнестрельного, а также доспехов, для солдат новых полков. Кроме того, им преписывалось приискать на русскую службу опытных мастеров-оружейников, прежде всего литейщиков, умеющих отливать пушки и ядра, лафетчиков и колесников.⁵⁶

Одновременно с Лесли в Северную Германию отправился другой служилый иноземец, голштинец полуполковник Генрих ван Дам в сопровождении комиссара. Ван Даму было поручено набрать полк в 1600 солдат и закупить для него оружие на месте. В контракте, заключенном с ван Дамом, подробнейшим образом расписывались обязанности обеих сторон и особенности структуры и вооружения нанимаемого полка. «...А быть де солдатам к бою с мушкетом да у них же у всякаго человека вилки да короткия списа, а без того де к бою с **польскими конными людьми** (выделено нами – П.В.) нельзя быть, а носить де мушкеты и вилку и списки солдаты нескучны...».⁵⁷

Особый интерес представляет организация полка, ставки оплаты и количество необходимого вооружения и амуниции, изложенная в контракте, поскольку они стали своего рода образцом на последующие годы. Согласно договору, в полку должно было быть 160 начальных людей и 1600 рядовых, разделенных на 8 рот. В роте должно было быть 20 начальных людей (в том числе капитан, поручик и прапорщик, 3 сержанта-пятидесятника, каптенармус, квартирмейстер-заимщик, нарядчик над шляхтою, писарь, 6 капралов-подпятидесятников, лекарь, 3 барабанщика) и 200 рядовых, из них 128 вооружались мушкетами, подшошками и полупиками, 64 – шпагами и пиками, а 8 служили в качестве посыльных. Каждая рота делилась на три, по 69 человек (соответственно 46 мушкетеров и 23 пикинера). Солдаты и начальные люди должны были получать значительное жалование – не меньше 4 с половиной рублей на человека на месяц вперед + подъемные по 15 рублей на человека. Всего же расходы [132] на найм полка без учета стоимости оружия должны были составить 26400 рублей.⁵⁸ В специальной ведомости, поданной ван Дамом на имя боярина И.Б. Черкасского в феврале 1631 г., подробно расписывался состав вооружения и амуниции, которые нужно было приобрести для оснащения полка. По мнению полуполковника, на полк требовалось 1100 мушкетов общей стоимостью 1050 рублей, 600 пик – 432 рубля, 8 знамен – 80 рублей, 8 протазанов – 32 рубля, 40 алебард – 80 рублей, 24 барабана – 84 рубля, 150 пудов фитиля – 960 рублей, итого 2718 рублей.⁵⁹

Миссия Лесли и ван Дама, несмотря на дипломатическую поддержку и благожелательное отношение к его усилиям со стороны шведов и датчан, была не слишком успешной. В Европе шла Тридцатилетняя война, и спрос на обученных солдат в Европе был высок. Поэтому желающих послужить царю варварской и дикой Московии оказалось немного. В 4-х наемных полках, полковников Александра Лесли, Якоба Карла фон Хареслебена, Ганса Фукса и Томаса Сандерсона, выступивших в составе армии боярина М.Б. Шеина и окольного А.В. Измайлова на Смоленск в конце лета 1632 г., было всего лишь 3838 солдат-«немцев» (вместо планировавшихся первоначально 5 тыс.⁶⁰).

⁵⁵ В наказе Михаила Федоровича Аристову и Племянникову говорилось: «А однолично бы наймовать ратных людей добрых и верных, а французан и иных папешские веры не наймовати...» (СГГД. Ч. III. Отд. I. С. 321).

⁵⁶ СГГД. Ч. III. Отд. I. С. 316-322; Сташевский Е.Д. Указ. соч. С. 164-165. О значении, которое придавалось в Москве миссии Лесли и Племянникова, говорит, к примеру, размер тех денежных сумм, которые они получили – помимо наличных, Лесли и Племянников получили векселей на 110 тыс. ефимков и разрешение сделать в Голландии займы на необходимые суммы (Иловойский Д.И. Новая династия. М., 2003. С. 360).

⁵⁷ СГГД. Ч. III. Отд. I. С. 311.

⁵⁸ СГГД. Ч. III. Отд. I. С. 313-314, 324.

⁵⁹ Там же. С. 325.

⁶⁰ Сташевский Е.Д. Указ. соч. С. 120; Чернов А.В. Указ. соч. С. 136.

Очевидно, убедившись в том, что укомплектовать сколько-нибудь значительный корпус пехоты иностранными наемниками в обозримые сроки вряд ли будет возможно, в Москве решили продолжить создание укомплектованных русскими служилыми людьми полков, обученных по голландскому образцу. В начале весны 1632 г. началось формирование еще 2-х русских полков – полковников Тобиаса Унзина и Валентина Ростформа, а в апреле – еще 2-х, полковников Якова Вильсона (смененного вскоре Юрием Матейсоном) и Вильяма Кита. Уже в ходе начавшейся Смоленской войны было начато формирование следующих 2-х солдатских полков полковников – Александра Крофорта (Кроуфорда, еще одного шотландца на русской службе, «выехавшего» из Дании в Россию в 1629 г.) и П. Кинемонта.

Помимо пехотных, по предложению приглашенного Лесли французского подполковника Шарля (Самуила) д'Эберта (Делиберта) в июне 1632 г. началось формирование первого настоящего кавалерийского полка в русской армии – рейтарского.⁶¹ Снаряженный и обученный по-европейски, он стал первой регулярной кавалерийской частью русской армии. В следующем году было начато формирование еще одного регулярного полка – драгунского полковника Александра Гордона, представлявшего собой посаженную на конь пехоту. Рейтарский полк к декабрю 1632 г. имел в строю 1721 человека, а драгунский полк насчитывал в январе 1634 г. 1576 человек.⁶²

Поскольку конная служба считалась более дорогостоящей и привилегированной, жалование драгунам и рейтарам было положено большее, нежели пехотинцам. Так, рейтар должен был получать 3 рубля в месяц и еще 2 рубля на коня. Драгун получал от казны лошадь, оружие, всю необходимую амуницию, помесячный «корм» и 4 рубля жалования в год на одежду, седло, сбрую и пр.⁶³ Рейтары обучались стрелковой тактике, как и полагалось нормальной европейской кавалерии того времени. В этом они радикально отличались от своих противников поляков, которые делали ставку на неуправляемый натиск и удар с холодным оружием в руках. Тактика польской конницы теоретически была более прогрессивна. Однако время для ее внедрения в России пока еще не настало, тем более что в Европе она считалась своего рода ересью и в принципе хорошо обученное и дисциплинированное кавалерийское подразделение, встречающее огнем с места атакующую хоть и быстро, но в беспорядке иррегулярную конницу, имело все шансы на успех. Стоит обратить внимание, что в полку д'Эберта была создана драгунская рота, а в полку Гордона имелась собственная полковая артиллерия – 12 орудий. Все это также подтверждает тезис о том, что при обучении солдат этих полков главное внимание обращалось именно на достижение наивысшей возможной огневой мощи.⁶⁴ [134]

Таким образом, основу новой русской армии составили 4 «немецких» и 8 русских солдатских полков общей численностью примерно 18,5 тыс. солдат и командиров. Драгуны и рейтары составили еще немногим более 3 тыс. человек. Всего же русская армия «новой модели»⁶⁵ насчитывала около 22 тыс. солдат и командиров. Для этих воинских частей характерны все основные черты регулярной армии Нового времени: полное государственное обеспечение всем необходимым, от жалования и «корма» до оружия и амуниции; более или менее регулярное обучение тактическим приемам иностранными инструкторами с

⁶¹ Необходимо отметить, что под конницей мы понимаем иррегулярные формирования, не обученные и неспособные действовать сколько-нибудь слаженно и сплоченно, в сомкнутых боевых порядках, тогда как под кавалерией – регулярные части, состоящие из однообразно организованных и вооруженных подразделений, обученных по единому образцу и способные действовать в сомкнутых боевых порядках как единое целое.

⁶² Сташевский Е.Д. Указ. соч. С. 135.

⁶³ См.: Чернов А.В. Указ. соч. С. 136.

⁶⁴ Упор в обучении рейтар и драгун на использование огня с места был продолжен и в последующие годы, что отмечали многие иностранцы, наблюдавшие за действиями русских рейтар в бою. См., например: Гордон П. Дневник 1659-1667. М., 2002. С. 58.

⁶⁵ Осознавая всю условность применения данного термина к российским реалиям XVII в., тем не менее мы рискуем использовать именно его для обозначения той армии, главными создателями которой были патриарх Филарет и шотландец Александр Лесли.

использованием протестантского опыта; относительно единообразное стандартизированное вооружение, амуниция и доспехи; четкая организационная структура, в корне отличавшаяся от той, которую имели прежние русские войска.⁶⁶ Для новой армии, [135] помимо четкой организации и структуры, было характерно введение правильного обучения. Без него, как было отмечено выше, протестантская военная система не могла нормально функционировать, ибо ее действенность зависела от того, насколько успешно будут взаимодействовать в бою как роты полка, так и составляющие роту капральства пикинеров и мушкетеров. Кроме того, большое внимание уделялось выработке навыков ведения слаженного, массированного артиллерийского и стрелкового огня, а также производству земляных работ и строительству полевых укреплений. Не случайно польские очевидцы и участники Смоленской войны единогласно отмечали, что русские, избегая полевых сражений, делали ставку на мощный артиллерийский огонь и пальбу из мушкетов, и тщательнейшим образом окапывались. Земляные валы, засеки, шанцы, батареи, туры, укрепленные лагерь, траншеи, рогатки, большие и малые деревоземляные острожки-блокгаузы, рвы – все это позволило Шеину и его армии практически полностью заблокировать Смоленск, а потом, после подхода польско-литовской армии – выдержать тяжелейшую почти полугодовую осаду со стороны противника.⁶⁷ Поэтому, единодушно отмечали поляки, с ними нужно воевать только по «голландски» (! – **П.В.**) – ведением постоянных земляных работ. Только так можно было избежать больших потерь от огня русской артиллерии и мушкетеров и заставить неприятеля сдаться. [136]

Армия Шеина по тем временам была весьма основательно оснащена артиллерией всех калибров (кстати говоря, выше уже неоднократно отмечалось, что со времен Василия III русские уделяли артиллерии большое внимание). Она располагала 154 орудиями – от тяжелых осадных пушек, гаубиц и мортир до легких полковых пушек, и это на 35 тыс. ратников в июле 1633 г., т.е. по 4,4 орудия на 1000 бойцов, втрое больше, чем рекомендовал

⁶⁶ Солдатский полк являлся высшей тактической единицей, имевшей однообразное устройство и действовавшей как единое целое. По штату в полку (кстати говоря, как и в Европе, русские солдатские полки никогда не имели полного комплекта) должно было быть 8 рот. 1-я рота именовалась полковничьей и считалась старшей в полку, 2-я рота, подполковничья (полуполковничья), следовала за ней, потом шли 3-я майорская рота и 5 капитанских. В роте должно было быть 120 мушкетеров и 80 пикинеров – итого 200 солдат. Начальных же людей в роте насчитывалось 21 человек: ротный командир – капитан, его заместитель – поручик, прапорщик-знаменосец, 3 сержанта-пятидесятника, ротный квартирмейстер-ротный окольный, 1 каптенармус-дозорщик над оружием, 6 капралов-есаулов, лекарь, подьячий, 2 толмача, 3 барабанщика.

Рейтарский полк по проекту Д'Эберта должен был насчитывать 12 рейтарских рот – полковничью, полуполковничью, майорскую и 9 ротмистров. В каждой же должно было быть 167 рейтар, а также поручик, прапорщик, ротный квартирмейстер, 3 капрала, 2 подпрапорщика. Кроме того, в полку предполагалось иметь полкового писаря, обозника, судью, квартирмейстера, лекаря с помощником, 4 полковых трубача, 11 ротных трубачей, полкового профоса с помощником, седельного мастера и кузнеца. 12 рот по 120 рядовых должен был насчитывать и драгунский полк.

Необходимо отметить, что русские составляли большую часть рядового состава пехотных и кавалерийских полков, а также значительную часть младших командиров. Так, смотр 4-х русских пехотных полков армии Шеина показал, что в них в строю находилось 4 полковника 4 полуполковника (больших полковых поручика), 4 майора (больших полковых сторожеставца), 2 квартирмейстера и капитана (большие полковые окольные), 17 капитанов, 2 полковых квартирмейстера, 32 поручика, 32 прапорщика, 4 судьи, 4 писаря, 4 обозника, 4 попа, 4 судебных писаря, 4 профоса, 1 полковой набатчик (барабанщик), 79 сержантов (пятидесятников), 33 подпрапорщика, 33 подпоручика, (дозорщика), 33 ротных заимщика, 33 каптенармуса (над ружьем дозорщика), 65 капралов немецких и 172 капрала русских, 20 набатчиков (барабанщиков) и свирельщиков немецких, 32 ротных подьячих, 68 набатчиков русских, 2 толмача, рядовые же поголовно были русские дети боярские, казаки, новокрещены, татары, казачьи братья и племянники, «всякие вольные люди». Таким образом, можно говорить, что в ходе Смоленской войны появились и первые национальные кадры не только рядовых, но и командные, обученные действовать по европейски. См.: АМГ. Т. 1. С. 376; Сташевский Е.Д. Указ. соч.. С. 119, 127, 147; Разин Е.А. Указ. соч. Т. 3. СПб., 1994. С. 213; Чернов А.В. Указ. соч. С. 136-138.

⁶⁷ Описание русских позиций и земляных работ под Смоленском см.: Иловыйский Д.И. Указ. соч. С. 376-377, 380-381, 393-394; Отрывки дневника о войне царя Михаила Феодоровича с польским королем Владиславом 1632-1634 // РИБ. Т. 1. СПб. 1872. С. 723-724, 731, 735-736 и др.; Пузыревский А.К. Развитие постоянных регулярных армий и состояние военного искусства в век Людовика XIV и Петра Великого. СПб., 1889. С. 137.

для идеальной армии Наполеон (даже если учесть, что при армии Шеина находился осадный артиллерийский парк, все равно количество орудий более чем впечатляет).⁶⁸ Что, как не это, в наибольшей степени характеризует то предпочтение, которое отдавалось в новой русской армии огню перед ударом!⁶⁹

Формирование новых полков потребовало от русского правительства и создания новой организации снабжения армии всем необходимым. Ранее проблема снабжения армии стояла не так остро, поскольку в значительной степени она сама обеспечивала себя. Теперь же все было не так. Более или менее однообразная организационная структура создаваемых полков, возложенная государством на себя обязанность снабжать полки всем необходимым для ведения войны. Ведь помимо пушек, пороха, ядер и свинца для литья пуль, новым полкам нужно было выдать из царской казны «...для ратного дела, по росписи, мушкеты, и алебарды, и барабаны, и кожи барабанные, и копейца железные, и фетили, и лопаты, и заступы, и кирки...», не говоря уже об обмундировании, амуниции, провианте и фураже.⁷⁰ Все это неизбежно вело к серьезной перестройке государственного аппарата, созданию пусть и примитивной и несовершенной, но тыловой службы.

Снабжение новых полков оружием и амуницией стало для московских властей серьезной проблемой. Новая тактика, принятая для солдатских и иных полков «новой модели», требовала и нового оружия. И поскольку русская промышленность (если ее можно назыв[137]ать таковой) оказалась неспособной в нужные сроки освоить выпуск необходимых типов холодного и огнестрельного оружия и доспехов, пришлось обращаться покупать все необходимое за морем. Прибегнув к помощи английских и голландских купцов и фабрикантов, проблему экипировки солдат и командиров новых полков удалось решить достаточно быстро. Уже весной 1632 г. в Россию начали поступать первые партии оружия, заказанных Лесли, Племянниковым и другими русскими представителями. Один только Лесли закупил в Голландии 1000 комплектов солдатских лат, 1000 мушкетов со всем необходимым снаряжением, 300 мушкетов с колесцовыми замками, 1000 пехотных пик, 1500 шпаг. Большие партии оружия и материалов были заказаны русскими представителями и у других иностранных купцов и фабрикантов. Так, в июле 1631 г. известный в то время голландский оружейный фабрикант Трик получил заказ на изготовление 5000 мушкетов в комплекте, 200 офицерских протазанов, 400 унтер-офицерских алебард, 200 пистолетов, другой голландец, П. де Виллем изготовил по русскому заказу 6,5 тыс. мушкетных стволов, а английский предприниматель И. Картрайт в 1631 г. ввез в Россию 1000 мушкетов, 1000 мушкетных замков, 600 пар пистолетов, 400 пар пистолетных стволов, 200 шпаг. Другой англичанин, И. Капер продал русским 5000 шпаг в комплекте. В Нарве в 1632 г. было куплено 7200 мушкетов и карабинов в комплекте по цене за мушкет 1 руб. 23 алт. 1 деньга и за карабин – 4 руб. 30 алт. И это не считая ввоза в Россию тысяч пудов железа, меди и свинца.⁷¹

Казна взяла на себя также и снабжение армии одеждой, провиантом и фуражом. Так, в конце осени 1632 г. в преддверии зимы для отправки только в полки А. Лесли и Г. Фукса было заготовлено 1243 шубных кафтана, 1234 пары «ступней», 1234 пары чулок и столько

⁶⁸ Сташевский Е.Д. Указ. соч. С. 174; Наполеон. Артиллерия // Воспоминания и военно-исторические сочинения. СПб., 1994. С. 595.

⁶⁹ Перечень пушек, имевшихся на вооружении «наряда» армии Шеина, впечатляет – 7 «верховых» пушек, т.е. мортир, стрелявших бомбами весом от 2 до 6 пудов, стрелявшая почти 2-пудовыми ядрами пищаль «Единорог», пищаль «Пасынок», ядра которой весили пуд и 15 фунтов, «Волк» с пудовыми ядрами и так далее до полковых 1-фунтовых пушек. Всего в руки поляков попало 123 артиллерийских орудия, как русской, так и голландской выделки. См.: ААЭ. Т. III. СПб., 1836. С. 378-379.

⁷⁰ ААЭ. Т. III. С.292.

⁷¹ Так, в январе 1632 г. со шведским купцом И. Беманом была достигнута договоренность о поставке в Россию 1600 пудов меди, а дьяк Устюжской чети М. Смывалов договорился с голландскими купцами о поставках в Россию в 1631-1632 гг. 30000 пудов шведского железа на общую сумму 15750 рублей. Голландцы же поставили в Россию в 1632 г. и 30000 пудов свинца на сумму 1800 рублей (См.: Сташевский Е.Д. Указ. соч. С. 184-185, Богоявленский С.К. Вооружение русских войск... С. 279).

же пар рукавиц. Что же касается провианта, то в течение года с небольшим армия Шеина, стоявшая под Смоленском, получила только из Москвы 1,5 тыс. четвертей сухарей, более 2,3 тыс. четвертей [138] круп, около 2,5 тыс. четвертей толокна, более 25 тыс. четвертей ржаной муки, 150 четвертей гороха, 5,6 тыс. пудов свинины, 3,6 тыс. пудов коровьего масла.⁷² Для доставки необходимого оружия, амуниции, провианта и фуража потребовалось создать колоссальный обоз – только под имущество пехотных полков армии Шеина, выступившей в поход осенью 1632 г., потребовалось 1471 подвод. В составленной для этого соответствующей росписи указывалось, что на каждого из 11550 человек полагалось по 10 фунтов пороха, 25 фунтов свинца общим весом 7149 пудов свинца и 2897,5 пудов пороха. Для их перевозки нужно было 670 подвод. Кроме того, под припасы для 116 пищалей необходимо было 500 подвод, под 1200 запасных мушкетов (по 200 на 6 полков) – еще 24 подводы, 120 подвод для перевозки больных; на каждые два полка – 9 подвод для перевозки 900 копейных наконечников (по 150 на пуд, всего 6 пудов), 2 протазана, 10 «галбартов», 16 барабанов, 700 лопат и заступов, 50 кирок, 30 барабанных кож; 20 подвод для перевозки походной казны (100000 рублей), 83 1/3 подводы для перевозки 1250 пудов фитиля (по 5 фунтов на каждого из 10000 солдат); для перевозки разного рода штабных и прочих бумаг – еще 8 подвод и 13 подвод для 200 московских стрельцов (каждого полагалось снабдить 10 фунтами пороха и 25 фунтами свинца).⁷³

Очевидно, что еще до того, как началось формирование новых полков, в Москве поняли всю опасность зависимости от закупок оружия и амуниции за рубежом. Видимо, не случайно в 1629 г. во всех городах и деревнях была осуществлена перепись кузнецов и литейщиков, которым в следующем 1630 г. была определена обязательная норма работ по выполнению государственного заказа.⁷⁴ В феврале же 1632 г. голландские купцы А. Виниус с братом и Ю. Виллекен получили разрешение Михаила Федоровича на постройку железодельных мануфактур под Тулой.⁷⁵ Так что можно с уверенностью сказать, что военная реформа начала 30-х гг. XVII в. ускорила процесс перестройки государственного аппарата, формирование российского варианта абсолютистского государства и мануфактурной промышленности как нового явления в экономике России.

Какова же судьба этой армии «новой модели» и вообще итоги реформы? Не касаясь в целом военных результатов Смоленской кампании, вокруг которых споры продолжаются уже второе столетие⁷⁶, стоит отметить, что новые русские войска, обученные по

⁷² См.: АМГ. Т. 1. С. 394. Иловайский Д.И. Указ. соч. С. 383.

⁷³ См.: АМГ. Т. 1. С.365-366.

⁷⁴ Вернадский Г.В. Московское царство. Ч. 1. Тверь-Москва. 1997. С. 289. Стоит отметить также, что в марте 1630 г. в Москву прибыл валлонец Ю. Койет, который с 1614 г. до этого находился на службе Густава Адольфа. Ему вменялось в обязанность перестроить работу пушечного двора в Москве с таким расчетом, чтобы увеличить поставки артиллерийских орудий в русскую армию (См.: Велувенкамп Я.В. Архангельск. Нидерландские предприниматели в России 1550-1785. М., 2006. С. 107-108 и Нефедов С.А. Первые шаги на пути модернизации России: реформы середины XVII века // Вопросы истории. 2004. № 4. С. 36).

⁷⁵ Подробнее о деятельности А. Виниуса см.: Велувенкамп Я.В. Указ. соч. С. 110-117.

⁷⁶ Так, в отечественной историографии бытует два основных мнения относительно причин поражения в Смоленской войне. Так, С.М. Соловьев в своей «Истории России с древнейших времен» писал, что главная причина неудачи Смоленского похода – «несостоятельность русского войска в борьбе со шведами и поляками, по недостатку искусства ратного», отказ наемников выполнять свой долг, боярские козни против героя обороны Смоленска в годы Смуты боярина Шеина (См.: Соловьев С.М. Указ. соч. Т. 9. Кн. V. М., 1990. С. 163-164). Ему вторил и военный историк А.К. Пузыревский, порицавший правительство Михаила Федоровича за то, что оно отказалось развивать «систему национальных войска», «дать им правильную организацию и обучение под руководством опытных военачальников» (а что делал Филарет и Лесли? Ведь они как раз и постарались подготовить новые русские войска, используя опытных европейских инструкторов – П.В.), т.е. фактически обвинив Михаила Федоровича в забвении национального начала в военном строительстве (Пузыревский А.К. Развитие постоянных регулярных армий... С. 17). А.П. Богданов полагал, что основная вина в поражении армии Шеина ложится на московских бояр, которые вели дело к преднамеренному уничтожению русского войска (См.: Богданов А.П. Русские патриархи. Т. 1. М., 1999. С. 352-353). Однако, на наш взгляд, точка зрения Д.И. Иловайского, обвинившего М.Б. Шеина в нераспорядительности, бездеятельности и отсутствии каких-либо полководческих талантов представляется более обоснованной

ев[140]ропейски, дрались не пример лучше, чем ранее, и не только пехота, но даже рейтары бились на равных с поляками.⁷⁷ Сами поляки отмечали, что русская пехота лучше, чем та, которой располагали они сами. Однако крах Смоленского похода самым пагубным образом сказался на судьбе новой армии. В Москве посчитали, что она обходится слишком дорого и после завершения войны остатки полков были распущены по домам. Еще бы, содержание немецкого наемного пехотного полка обходилось в месяц в 5578,5 рублей, русского – 4376 рублей (из них 2079 рублей уходило на жалование начальным людям), драгунский полк стоил в месяц 3002 рубля.⁷⁸ Если до начала Смоленской войны расходы на содержание армии оставляли около 275 тыс. рублей ежегодно, то только с сентября 1632 по октябрь 1633 г. на содержание наемников и полки «новой модели» ушло около 430 тыс. рублей. Всего же затраты на армию Шеина и вспомогательный корпус князей Д.М. Черкасского и Д.М. Пожарского составили около 600 тыс. рублей.⁷⁹ [141]

Разочарование, охватившее московское правительство после поражения, смерть главного вдохновителя военной реформы патриарха Филарета, сложное финансовое положение, непонимание правительством и самим Михаилом Федоровичем, человека абсолютно невоенного и совершенно не разбирающегося в военном деле, значимости сделанного в 1630-1634 гг. – все это, казалось, остановило военную реформу на подъеме.⁸⁰ Однако та-

(Иловайский Д.И. Указ. соч. С. 433-438). Оборона Смоленска не в счет – защищать мощную крепость, где засел сильный и готовый на смерть гарнизон с могущественной артиллерией не в пример проще, чем осаждать ее и уж тем более вести полевое сражение. Сил же для ведения успешной осады Смоленска, учитывая намного более высокое качество подчиненных ему войск, у Шеина было более чем достаточно. Для 1-й половины XVII в. армия в 35 тыс. чел., из них более половины регулярных, при 150 орудиях, – это очень серьезная сила. К примеру, в 1627 г. французская королевская армия, осаждавшая Ля-Рошель, насчитывала 23 тыс. солдат. Спустя шесть лет армия Людовика XIII, осадившая Нанси, насчитывала 33 тыс. человек, а во время осад, которые французская армия вела в 1635-1659 гг., осадные войска насчитывали в среднем по 17 тыс. солдат (См.: Lynn J. *The Trace Italienne and the Growth of Armies: The French Case // The Journal of Military History*. Vol. 55. № 3 (Jul. 1991). P. 325). Во всяком случае, Шеин не показал образцов умелого руководства войсками и в итоге погубил армию и проиграл войну. Отнюдь не случайно Б.Ф. Поршнев считал его больше политиком, чем военачальником (См.: Поршнев Б.Ф. Указ соч. С. 328. Кстати говоря, он вообще высказал парадоксальное мнение относительно Смоленского похода Шеина. По его предположению эта экспедиция носила вспомогательный, демонстративный характер и должна была связать силы Речи Посполитой на востоке, тогда как основной удар по ней должны были нанести шведы с запада. См.: Поршнев Б.Ф. Указ соч. С. 317). Этой же точки зрения придерживается и К.В. Петров, опубликовавший несколько ранее неизвестных документов Смоленской войны (Петров К.В. Новые источники по истории Смоленской войны. 1632-1634 гг. // *Очерки феодальной России*. Вып. 4. М., 2000. С. 123).

⁷⁷ Опыт боев под стенами Смоленска в августе-сентябре 1633 г. показал, что для «правильного» сражения рейтары не в пример лучше поместной конницы. Последняя была незаменима для «малой» войны, но в полевым сражении рейтары, дисциплинированные, единообразно вооруженные и обученные действовать сплоченно, в составе тактических единиц, оказались «крепче», чем всадники поместной милиции.

⁷⁸ См.: Сташевский Е.Д. С. 133, 136. Подсчеты, сделанные московскими дьяками в 1632 г., показывали, что на жалование и на «корм» полкам Лесли, ван Дама, Росформа и Унзина уйдет в год 128834 рубля 9 алтын (АМГ. Т. 1. С. 525-526).

⁷⁹ Вернадский Г.В. Указ. соч. Т. I. С. 342. В целом, это и немудрено, если учесть, что ставки жалования в новых полках были чрезвычайно высоки даже по европейским меркам (Сташевский Е.Д. Указ. соч. С. 149). Так, полковнику (и одновременно капитану роты) Вильям Киту было положено жалование 325 рублей на месяц, подполковнику (также ротному командиру и заместителю командира полка) Александру Краферту – 175 рублей в месяц, майору (и по совместительству ротному командиру) Роберту Киту 125 рублей в месяц, капитанам полка В. Кита – по 75 рублей, поручикам – по 22,5 рубля, прапорщикам – по 17 рублей, сержантам – по 7 рублей, капралам – по 4 рубля на месяц (РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Оп. 9. № 70. Л.л. 1-5).

⁸⁰ Богоявленский С.К. Вооружение русских войск... С. 259. Причины того, почему не «пошли» военные реформы после Смоленской войны и значение опыта создания солдатских, рейтарского и драгунского полков в начале 30-х гг. XVII вв., см., например: История Северной войны. 1700-1721 гг. М., 1987. С. 27-29. Вместе с тем не стоит принижать значение попытки создать более или менее постоянное, регулярное войско, как это делает, например, С.В. Волков (См.: Волков С.В. Русский офицерский корпус. М., 1993. С. 19). Именно обученные по-европейски полки составили наиболее боеспособную часть армии Шеина под Смоленском, и они вынесли на своих плечах большую часть осадного «сидения», доказав на практике свою боеспособность. Вместе с тем история формирования и боевого применения этих полков дала ценнейший опыт и под-

кой вывод, если внимательно присмотреться к событиям не только в России, но и за ее пределами, будет несколько преждевременным. Постоянная регулярная армия еще была новинкой даже в Западной Европе, и повсеместно она стала распространяться фактически только после завершения Тридцатилетней войны. Так что роспуск того, что осталось от армии «новой модели» после смоленского «невзятая», был вполне закономерным шагом. Кроме того, эффективность, показанная в ходе борьбы за Смоленск солдатскими, рейтарскими и драгунскими ротами, оставила заметный след в сознании правящей элиты.⁸¹[143] Опыт, знания и умения смоленских ветеранов вскоре снова оказались востребованы.

§ 3. Военное строительство России в 30-х – нач. 40-х гг. XVII в. и его особенности.

Вторая половина 30-х гг. XVII в. ознаменовалась для России ухудшением русско-крымских отношений. Как уже было отмечено ранее, Крым с начала XVI в. представлял все возрастающую угрозу для России и защита южных рубежей была предметом постоянной головной боли московского правительства. К концу XVI в. система обороны степной границы в целом была отработана. В нее входила цепь мощных крепостей к югу от столицы, служивших опорными пунктами для войск, укрепления проходившей южнее Оки Запечной черты и выдвинутые далеко в степь сторожи.⁸² Однако эта система работала надлежащим образом только в том случае, если на ней находилась крупная группировка войск. Однако с началом Смоленской войны численность полков на степном рубеже была резко сокращена⁸³, татары прорвали систему обороны и опустошили южные [143] русские уезды и волости. Отдельные их отряды рыскали даже на юге Московского уезда, чего не было со времен Смуты.

Московское правительство пришло к выводу, что оборона южной границы нуждается в серьезном усовершенствовании, и не в последнюю очередь в увеличении ее глубины за счет выдвижения рубежей развертывания полков как можно дальше на юг. Уже в 1635 г. началось строительство нового оборонительного рубежа, который впоследствии получит

готовила первые кадры для последующих шагов в этом направлении. Без Смоленского похода не было бы, в конечном итоге, и армии Петра Великого.

⁸¹ Характерный пример из челобитной полковника д'Эберта с описанием действий его рейтар под Смоленском в 1633 г.: «И сентября в 18 д. приходили польские, и литовские и немецкие люди из обозу королевского и из города на мой обоз, да Индрика Фандама на шанцы, гусары, и рейтары и пехота немецкая гайдуки на утренней заре; и милостию Божию и твоим государским счастьем побили у них многих людей, и я своим полком их конных людей, гусар и рейтар, многих побил, и в реку потоптал и за реку, за Днепр прогнал. И того же дня в четвертом часу выходили из города и из обоза король с гетманом Козановским да с Радивилом на наши полки, и я с своим полком стал в поле у монастыря Архангельского и дал им полевой бой против их гусарских и рейтарских рот, и тут Божию милостию и твоим государским счастьем побили у них многих людей; а был бой у нас с ними того числа во весь день, с утра и до вечера» (АМГ. Т. I. С. 536).

⁸² В целом, анализируя особенности московской и польско-литовской пограничной службы на границе с татарами, Г.А. Санин отмечал значительно более высокую эффективность русской системы защиты рубежей. «Московская система была тяжеловесной, – писал он, – не приносила «блистательных» побед, но она лучше охраняла окраинное население и постепенно отодвигала линию обороны к югу...» (Санин Г.А. Отношения России и Украины с Крымским ханством в середине XVII века. М., 1987. С. 134).

⁸³ Если в 1629 г. на границе несло службу 11826 ратников, то в 1632 – только 4827 (Вернадский Г.В. Московское царство. Тверь-Москва. 1997. Т. I. С. 338). А.И. Яковлев приводит несколько иные цифры. По его сведениям, в 1616 г. гарнизонами на южной границе стояли 24350 ратных людей, в 1635 г. – 13991 чел., тогда как в полках в 1616 г. находилось 6279 чел., в 1623 г. – 4119, в 1625 г. – 10838 чел., в 1629 г. 11826 чел., в 1633-1634 гг. – 4955 и в 1636 г. – 17055 (Яковлев А.И. Засечная черта Московского государства в XVII веке. Очерк из истории обороны южной окраины Московского государства. М., 1916. С. 14). Примерно те же данные приводит и А.А. Новосельский (Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М. – Л., 1948. С. 204). Однако динамика изменения численности войск на южном порубежье все равно вполне очевидна – постепенное увеличение до начала 30-х гг., затем резкое сокращение в годы Смоленской войны и снова наращивание количества ратных людей после ее завершения.

название Белгородской черты. Новые фортификационные сооружения должны были обеспечить прикрытие русских поселений южнее Оки и одновременно дать возможность полкам дворянской конницы встретить татарские отряды до того, как они приблизятся к сердцу Русского государства. Работы над их сооружением велись чрезвычайно интенсивно и быстро. В 1635-1636 г. земляным валом с острожками и укрепленными городками была перекрыта Ногайская сакма, затем начались работы по разметке и строительству валов и острогов поперек трех других сакм – Муравской, Изюмской и Кальмиусской.

Известия о разворачивающихся крупномасштабных фортификационных работах на традиционных путях татарских набегов не могли не вызвать серьезной обеспокоенности и тревоги в Крыму. Уже в 1636 г. крымские татары попытались прорвать оборону на южных рубежах России. Новая попытка осуществлена осенью следующего года. В феврале 1638 г. крымский хан Бахадур-Гирей в категорической форме потребовал разрушения построенных новых городов на южной границе, угрожая в противном случае войной. К тому же донские казаки в 1637 г. совершили внезапный набег на Азов, турецкую крепость, запиравшую устье Дона, и овладели ею «...для зипунов своих казацких...».⁸⁴

Отношение между Москвой, Бахчисараем и Стамбулом, и без того были достаточно напряженные из-за непрекращавшихся вылазок донских казаков, еще более обострились. Готовясь к очередной летне-осенней кампании⁸⁵, в Москве решили усилить выставляемые [144] на «Берегу» полки отобюрокраченными солдатскими и драгунскими полками, ядро которых должны были составить опытные ветераны Смоленской войны. Уже в марте 1637 г. некоторое количество старых смоленских солдат было призвано на службу и отправлено на «осадное сидение» в Тулу вместе со стрельцами и казаками.⁸⁶

За этим первым шагом последовали новые. В декабре 1637 г. на Казань боярину князю Б.М. Лыкову и дьякам Ф. Панову и С. Матвееву был послан царский указ о созыве на службу смоленских ветеранов: «...которые дети боярские и новокрещены татаровя и чувашаи и черемиса и волные всяких чинов люди ис Казани и ис казанских пригородов такоже и ис понизовых и ис мешерских в прошлых годах на Смоленску и в Мажайску были в салдатской и в райтарской и в драгунской службе, и тем всем людем по прежнему по крымским вестем указом Государевым к весне в тех службах по прежнему...».⁸⁷ Весной следующего года в Москве было объявлено, что «...по нашему указу для нынешней службы велено учинить солдатского строю 4000, драгунского строю 4000... А на Москве старым салдатам и драгунам и которые вновь приберутся из детей боярских, и тем всем велено давать поденного корма по 7 денег, а которые приберутся вновь изо всяких чинов, и тем велено давать поденного корму по 6 денег...».⁸⁸

Однако даже такие соблазнительные условия не слишком способствовали записи добровольцев в солдатскую службу. Все-таки конная служба служилыми людьми издавна считалась более почетной, нежели пешая, поэтому они стремились записываться прежде всего в драгуны, а не в солдаты. Обеспокоенное возможным срывом планов набора солдат, правительство решило несколько изменить тактику, прибегнув к принудительной записи детей боярских в солдатскую службу. Поэтому князю И.Б. Черкасскому предписывалось «...на Туле в салдатскую службу писать старых салдат и вновь из детей боярских, которые верстаны и которые не верстаны, а поместных и вотчинных дач за ними нет, и изо всяких вольных людей, которые в солдатскую службу пригодятся, и учинили б есте для нашей [145] службы салдатского строю 4000 человек...».⁸⁹ Вдогонку за этой грамотой 9 мая был направлен указ, в котором еще раз говорилось о необходимости набрать в сол-

⁸⁴ Повесть об Азовском осадном сидении донских казаков // Воинские повести Древней Руси. Л., 1985. С. 437.

⁸⁵ Степная кампания обычно длилась с апреля по ноябрь. См., например боярский приговор о станичной и сторожевой службе: АМГ. Т. I. СПб., 1890. С. 3-4.

⁸⁶ Записные книги Московского стола 7143 г. // РИБ. Т. X. СПб., 1886. С. 71.

⁸⁷ РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 14. Ч. 1. Столбцы Севского стола. № 108. Л. 4.

⁸⁸ АМГ. Т. II. СПб., 1894. С. 54.

⁸⁹ Там же. С. 54.

датскую службу 4000 детей боярских, старых солдат и вольных людей с выдачей им кормовых денег из расчета 7 денег на день ветеранам и детям боярским и 6 денег прочим добровольцам. В указе также сообщалось, что для вооружения набранных ратных людей в Тулу будут отправлены 4000 мушкетов с подсошками и банделерами.⁹⁰ Кроме того, правительство прибегло к испытанному приему сбора даточных людей.

Только после этого процесс набора ратников в солдатские полки пошел быстрее и намеченные планы удалось не только выполнить, но и перевыполнить. В ходе летне-осенней кампании 1638 г. на южных рубежах было собрано, обучено и вооружено внушительное количество ратных людей, определенных в драгунскую и солдатскую службу. При сопоставлении сохранившихся документов можно сделать вывод, что в момент наивысшего напряжения сил на Засечной черте находилось по меньшей мере 2 драгунских и 3 солдатских полка (полковников А. Краферта, В. Росформа, подполковника Я. Вымса и майора Р. Кормихеля) а также выделенные из их состава отдельные команды общей численностью 13791 человек – всего лишь на треть меньше, чем во время Смоленской войны. Число начальных людей и рядовых солдат и драгун в этих полках показано в следующих таблицах.

Таблица 1. Численность драгунского и солдатского Александра Краферта полков. [153]

Служилые люди	Драгунский полк		Солдатский полк	
	«немцы»	русские	«немцы»	русские
подполковник	1	-	-	-
майор	2	-	3	-
капитан	4	-	11	-
квартирмейстер	1	-	1	-
полковой обозник	1	-	-	-
полковой писарь	1	-	1	-
полковой лекарь	1	-	1	-
поручик	7	-	14	-
прапорщик	8	-	14	-
сержант	19	5	23	17
оружейный дозорщик	1	7	13	12
барабанщик	5	19	4	23
полковой поп	-	-	1	-
полковой профос	1	-	1	-
капрал	-	46	-	79
трубачи	-	8	-	-
рядовые драгуны и солдаты	-	1447	-	3896
итого	5698 начальных «немецких» и русских людей и русских рядовых солдат и драгун			

Помимо этих солдат и драгун, обученные и вооруженные по европейскому образцу солдаты и драгуны были разосланы по другим узловым пунктам Засечной черты для усиления полков дворянской конницы и стрельцов. Их численный состав показан в таблицах 2 и 3.

Таблица 2. Численность солдат и драгун, разосланных в распоряжение воевод на Засечной черте. [154]

⁹⁰ Там же. С. 54.

Служилые люди	Город и воевода		
	Одоев, боярин И.А. Голицын	Крапивна, боярин И.Б. Шереметев	Венев, князь С.В. Прозоровский
полковник	-	-	1 (Валентин Росформ)
подполковник	-	-	-
майор	2/-	-	2/-
капитан	2/-	2/-	7/-
квартирмейстер	-	-	1/-
обозник	1/-	-	-/1
полковой писарь	-	-	-
полковой лекарь	-	-	1/-
поручик	4/-	2/-	8/-
прапорщик	4/-	2/-	8/-
сержант	10/4	2/4	10/14
оружейный дозорщик	-/4	-/2	-/8
барабанщик	-/4	-/2	-/8
полковой поп	-	-	1/-
полковой профос	-	-	1/-
капрал	-/28	-/14	-/8
трубачи	-/2	-/1	-/1
драгуны/ солдаты	483/489	243/246	303/1872
Итого	1037	520	2255

Таблица 3. Численность драгунской команды майора Ричарда Кормихеля и солдатского полка подполковника Якова Вымса, направленных в распоряжение переяславль-рязанского воеводы князя Д.М. Пожарского. [155]

Служилые люди	Драгунская команда		Солдатский полк
	«немцы»	русские	
подполковник	-	-	1
майор	1	-	1
капитан	3	-	4
квартирмейстер	1	-	1 (околничий)
полковой обозник	1	-	1
лекарь	1	-	1
поручик	4	-	5
прапорщик	4	-	5
сержант	2	10	15
оружейный дозорщик	1	3	5
полковой набатчик	-	1	-
барабанщик	-	9	10
полковой профос	-	1	-

капрал	-	32	30
трубачи	-	4	-
рядовые драгуны и солдаты	-	926	1146
итого		1004	1225
	2229 начальных «немецких» и русских людей и русских рядовых солдат и драгун		

Анализ численности полков показывает, что сами они выступали, скорее всего, в качестве административных единиц⁹¹, поскольку [146] не имели единообразного устройства. Более или менее одинаковое устройство имели только драгунские и солдатские роты. Судя по количеству командного состава, драгунский полк Александра Крафферта имел примерно 8 рот численностью каждая примерно 180 драгун. Под началом майора Кормихеля находилось по меньшей мере 4 роты по 230 драгун в каждой. Солдатский полк Александра Крафферта имел не меньше 14 рот с примерно 280 солдатами в каждой, тогда как Валентина Росформа – 8 рот по 230 солдат, а полк Якова Вымса – 5 рот с тем же количеством солдат. Получается, что в роте в среднем числились капитан, поручик, прапорщик, 1-2 барабанщика, 1-3 сержанта, 5-6 капралов, 1-2 оружейных дозорщика и примерно 220-230 солдат или драгун. Примечательно, что если высший и средний командный состав этих полков составляли «немцы», то младшие командиры в подавляющем большинстве были набраны из русских служилых людей, которые уже в достаточной степени усвоили «учение и хитрость ратного строения» как пехотного, так и драгунского.⁹² [147]

Предпринятые меры по сосредоточению на границе значительных сил заставили крымского хана умерить свой воинственный пыл. Большого набега татар ни летом, ни осенью не последовало. Поэтому, как обычно, в целях экономии средств набранные полки было решено распустить по домам. В октябре 1638 г. последовал соответствующий указ, согласно которому «...из городов: с Тулы, из Одоева, с Кропивны, с Венева, и с Переяславля-Резанского драгунсково и салдатцково строю начальных немецких и русских и драгун и салдат отпустить по домом, ноября с 1 числа нынешняго 147 году...». «Службу», которую солдаты и драгуны получили из царской казны, было велено сдать в построенные

⁹¹ О.А. Курбатов, анализируя структуру этих «полков», резонно полагал, что если «...на Западе создание подобных гигантских подразделений было невыгодно и из-за трудностей с комплектованием, и по тактическим соображениям – в России же, при иной системе набора солдат, вопрос стоял о наиболее рациональном и эффективном использовании иноземных военных специалистов, с тем, чтобы они постоянно обучали ратному делу как можно большее число новобранцев...» (Курбатов О.А. Организация и боевые качества русской пехоты «нового строя» накануне и в ходе русско-шведской войны 1656-1658 годов // Архив русской истории. Вып. 8. М., 2007. С. 162). Действительно, хотя угроза военного конфликта на южной границе с татарами в эти годы была чрезвычайно высокой, однако полномасштабная война все-таки не началась, и в этой ситуации известное выражение «Главное – не война, а маневры», приобретала в этих условиях иное звучание. «Пропущенные» через эти «полки» рядовые солдаты и урядники получили необходимый опыт и был накоплен определенный мобилизационный запас обученных по новому рядовых и младших командиров. Во всяком случае, Александр Крафферт и 700 «старых солдат стали кадром для формировавшихся в 1653 г. на Белгородской черте 4-х солдатских полков, о чем будет подробнее сказано ниже (См., например: Курбатов О.А. Организация и боевые качества русской пехоты «нового строя»... С. 171, 192-193).

⁹² РГАДА. Ф. 210. Оп. 10. Столбцы Владимирского стола. № 91. Л.л. 100-111; РИБ. Т. X. С. 113-114. А.В. Чернов приводит несколько иную цифру. По его данным, к осени 1638 г. удалось набрать 5055 драгун и 8658 солдат. После летне-осенних сборов 1 ноября 1638 г. они были распущены по домам (Чернов А.В. Указ. соч. С. 138). О характере вооружения новонабранных полков позволяют судить росписи сданого по завершению кампании в цейхгаузы оружия и амуниции. Так, полк Александра Крафферта сдал 22 знамени, 48 барабанов целых и 31 поврежденный, 20 барабанных завесей, 31 протазан, 56 алебард, 3020 мушкетов, 1161 лядунку, 3006 бандольеров, 4308 исправных и поломанных шпаг, 1674 драгунских седел, 1316 уздечек, 1330 драгунских крюков. Полк Валентина Росформа сдал 6 знамен, 39 протазанов, 30 алебард, 12 барабанов, драгунских и солдатских мушкетов 2442, 2071 шпагу, 2116 бандольеров, 1816 пик и 1640 мушкетных подшош-ков (РГАДА. Ф. 210. Оп. 10. Столбцы Владимирского стола. № 39. Л.л. 113, 144). Из этого перечня следует, что соотношение пикинеров и мушкетеров в пехотном полку могло равняться 1 к 1.

в Туле, Переяславле-Рязанском и Одоеве цейхгаузы. При этом было указано, что «...для береженья у того ружья велено в городех оставить драгунских и салдатских оружейных дозорщиков...».⁹³

Вместе с тем вполне очевидно, что опыт с призывом на службу старых солдат и даточных людей и обучением и вооружением их по-европейски в Москве был признан вполне успешным, поскольку он был повторен и на будущий год. Указом от 6 марта 1639 г., в котором был подробнейшим образом расписан порядок набора ратных людей, их обеспечения оружием и амуницией и размеры жалования, боярину И.П. Шереметеву и дьяку В. Прокофьеву было предписано собрать в Москве, Туле, Рязани, Веневе, Одоеве и Крапивне «...для своей государевы службы нынешняго лета прибрать в драгунскую и салдатскую службу детей боярских, и иноземцов, и новокрещенов, и татар, которые не верстаны и не в службе, и за которыми прожиточных поместий и вотчин нет, и которые дети боярские наперед сего были в салдатской и драгунской службе, а з города в службе не написаны, и поместей и вотчин за ними нет же; также и стрелецких и казачьих и всяких чинов людей детей и братью и племянников, которые не в службе и не в тягле, и не в пашне, в и холопех ни у ково не служат, всяких охочих волных людей...».⁹⁴

Месяцем позднее положения этого документа были дополнены и расширены еще одним царским указом. В нем предписывалось боярину И.П. Шереметеву и дьякам В. Прокофьеву и М. Неверову «...детей боярских, которые были в государеве службе под Смолен[148]ском и в Можайску, и в прошлом в 146 году на Украине з бояры и воеводы в салдатской и драгунской службе, а поместья за ними пусты, и за которыми в поместьях их по одному бобылю, и с тех им своих поместей, за пустотою, на государеве службе з города быти не умети, писать ныне в салдатскую ж и в драгунскую службу...».⁹⁵

Основную массу набранных солдат и драгун в новые полки составили, как и прежде, даточные люди и малопоместные или же вовсе беспоместные дети боярские. Так, 27 июня 1639 г. в Тулу было послано для несения гарнизонной службы под началом полковника Александра Краферта 1295 кормовых солдат и драгун и вместе с ними 1330 даточных людей с вотчин и поместий.⁹⁶ Среди них старых смоленских солдат было немного – так, с 1 июня по 1 июля 1639 г. в Разрядном приказе у дьяка Ивана Замыцкого записались на службу и получили «на платье» и кормовые деньги всего лишь 269 солдат.⁹⁷ Этого, конечно, было явно недостаточно для того, чтобы полностью укомплектовать ветеранами набираемые полки. Но они вполне могли составить кадровое ядро полков и ускорить процесс их приведения в боевую готовность, тем более что большинство из них уже прошли первоначальное обучение в предыдущем году.⁹⁸

Сбор ратных людей, согласно росписи от 14 мая 1639 г. дал следующие результаты: набрано было 3 смешанных полка (полковников Александра Краферта и Валентина Росформа и подполковника Якова Вымса) включавших в себя как драгун, так и солдат и 3 отдельных команды (в т.ч. ротмистра В. Далмацкого и майора Лаврентия Крымзера), в которых было 687 начальных людей русских и иноземцев, 9 нестроевых, 105 трубачей и барабанщиков, 3211 драгун и 5371 солдат.⁹⁹ Примечательно, что, судя по всему, в Москве уже неплохо понимали превосходство обученных по новому войск над старыми. Во всяком случае, полковник Александр Краферт получил в 1639 г. указ из Разрядного приказа обучить московские стрелецкие приказы Алексея Полтева и Михаила Баскакова

⁹³ РИБ. Т. X. С. 123.

⁹⁴ Там же. С. 161-163.

⁹⁵ Там же. С. 176.

⁹⁶ РГАДА. Ф. 210. Оп. 10. Столбцы Владимирского стола. № 39. Л. 108.

⁹⁷ РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Дела десятиен. № 186. Л.л. 1-134.

⁹⁸ «Только офицеры и сверхсрочные унтер-офицеры являются истинными носителями военных традиций, дисциплины и технических военных знаний...» – отмечал Н.П. Михневич (Михневич Н.П. Стратегия. Кн. 1. СПб., 1911. С. 74).

⁹⁹ РИБ. Т. X. С. 184-199.

«сал[149]датцкому строю».¹⁰⁰ Интересен и другой факт – в расположенные в Туле солдатские полки были направлены 20 московских пушкарей.¹⁰¹ Очевидно, что солдатский и драгунский полки Александра Крафорта (а, возможно, и полки Якова Вымса и Валентина Росформа в том числе) имели и собственную полковую артиллерию. Во всяком случае, вряд ли случайным было пребывание среди начальных людей полка Александра Крафорта полкового пушечного урядника. Вся эта масса ратных людей с наступлением зимы была снова, как и в предыдущие годы, распушена по домам – содержание их было слишком накладно для казны. Вместе с тем очевидно, что такая практика (созыв солдат и драгун из отпусков на летнюю службу с последующим роспуском с началом зимы) была продолжена и в последующие годы. Во всяком случае, указ о сборе солдат и драгун снова был повторен в 1641 г., когда 20 апреля окольный С.М. Проестев и дьяки А. Хватов и И. Дмитриев получили указание набрать в солдатскую и драгунскую службу детей боярских, новокрещенов, иноземцев и всяких охочих вольных людей. Кроме того, как и прежде, было решено прибрать с дворцовых сел и деревень и церковных владений даточных в солдатскую службу (по прежнему опыту в Москве знали, что дети боярские крайне неохотно идут в непрестижную пешую службу), а с т.н. «перехожих» дворов взять деньгами.¹⁰²

Подводя итог всему вышесказанному, можно с уверенностью утверждать, что московское правительство, несмотря на весь свой консерватизм, с начала 30-х гг. XVII в. твердо стало на путь постепенной «вестернизации» своей армии. Создав в годы Смоленской войны первые полки армии «новой модели», оно по бытовавшей в то время традиции и в Европе, и в России, распустило их по домам после завершения войны. Однако полученный опыт и созданные кадры были востребованы практически сразу после завершения войны. Фактически сколько-нибудь длительного перерыва в бытовании полков солдатского и драгунского строя между окончанием Смоленской войны и началом следующей войны с Речью Посполитой не было.¹⁰³ [150]

Говоря о строительстве Белгородской черты¹⁰⁴, напрямую связанного с этими событиями, нельзя не остановиться и на еще одном показательном факте. Во время ее создания и при модернизации ряда крепостей и оборонительных сооружений некоторых крупных городов в XVII в. явственно прослеживаются элементы новых европейских фортификационных систем, один из характерных признаков военной революции. Выше уже отмечалось, что, принимая решение о строительстве черты, московское правительство стремилось передовой рубеж развертывания полков вынести как можно дальше на юг и при-

¹⁰⁰ РГАДА. Ф. 210. Оп. 10. Столбцы Владимирского стола. № 39. Л.л. 174-175.

¹⁰¹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 10. Столбцы Владимирского стола. № 39. Л.л. 91-92.

¹⁰² См., например: РИБ. Т. X. С. 272-274.

¹⁰³ Достаточно указать на тот факт, что закупки, преимущественно в Голландии, западноевропейского оружия и амуниции продолжались и после завершения Смоленской войны. О его размахе позволяют судить цифры, приводимые Я. В. Велуенкампом в его исследовании по истории голландской торговли с Россией (См.: Велуенкамп Я.В. Указ. соч. С. 112-113). Интенсивно работали и тульские мануфактуры, основанные А. Виниусом с компаньонами (Там же. С. 114-116).

¹⁰⁴ Само строительство новой оборонительной черты, расположенной значительно южнее старой, было напрямую связано с выработанной русскими тяжеловесной, требовавшей огромных усилий, труда и пота стратегией обороны степных границ. Выше уже отмечалось, что просторы Дикого поля были для крымских татар самой надежной защитой от ответных походов русских войск. Для победы над Крымом и окончательной ликвидации угрозы набегов с юга нужно было выдвинуть рубежи развертывания русских войск на непосредственные подступы к Крыму, чтобы русская пехота и артиллерия (именно в них заключалось главное преимущество русских над крымчаками) могла дойти до владений хана, сохранив силы для последнего броска. Разгромить хана и удержать Крым в своих руках силами одной лишь поместной конницы было невозможно, а отдельные победы в Поле не решали проблемы. Строительство новых укрепленных линий за Окой стало ответом на эту необходимость. Однако оно заняло без малого полтора столетия, и лишь во 2-й половине XVIII в., в эпоху Екатерины II, стало возможным присоединить Крым, раз и навсегда ликвидировав последний пережиток Орды и угрозу с ее стороны. В XVI – XVII вв. условий для наступления на Крым еще не существовало, и даже в 1-й половине XVIII в. война с Крымом представляла для России серьезную проблему. (См.: Петрухинцев Н.И. Война с пространством // Родина. 1998. № 5-6. С. 62-66).

крыть его системой крепостей. По мнению В.П. Загоровского, на это решение повлиял опыт создания подобных укрепленных линий на Оке, под Тулой, и в Рязанской земле.

Однако на наш взгляд, нельзя исключить в данном случае и определенного влияния из-за рубежа. Известно, что Мориц Нассауский придавал строительству укрепленных линий для защиты от вторжений испанских армий большое значение, и по его настоянию голландские инженеры возвели несколько таких линий по нижнему течению Рейна и Мааса. Поскольку с начала XVII в. на русской службе было немало иностранных военных специалистов, знакомых с новыми методами ведения войны, в том числе и крепостной, то можно предположить, что информация о голландских укрепленных линиях могла повлиять на решение о строительстве Белгородской черты.¹⁰⁵ Правда, это скорее относится ко 2-му этапу ее создания, который начался после 1646 г., когда отдельные городки и земляные валы поперек главных татарских саек стали соединяться в сплошные укрепленные линии. Тем не менее, полностью исключить иностранное влияние на 1-м этапе (1635-1645 гг.), на наш взгляд, нельзя.¹⁰⁶

Косвенным образом этот вывод подтверждается тем, что, если в 1625 г., к примеру, русский мастер Конон Федотов возвел вполне традиционную крепостную ограду из башен и стен для Астрахани, то уже в 1632 г. при модернизации укреплений Новгорода, Камышина и Ростова иностранные инженеры Реденбург, Матсон и Бейли применили бастионную систему фортификации, развитие знаменитой *trace italienne*.¹⁰⁷ Но и это еще не все. При реконструкции земляных укреплений тульского Завитая (составной части Засечной черты) во 2-й пол. 30-х гг., проводившейся под руководством голландского инженера Крафтерта были возведены 6 земляных бастионов и 16 малых земляных же капониров.¹⁰⁸ Так или иначе, новые фортификационные системы стали проникать в Россию. Еще один из основных признаков начинающейся военной революции оказался налицо.

Таким образом, подводя общий итог военного строительства в России в 1-й половине XVII в., необходимо отметить следующее. [152] Московское правительство, руководствуясь в вопросах военного строительства привычными идеями, не могло остаться в стороне от новомодных веяний и не без успеха попыталось применить их на практике в ходе конфликтов с Речью Посполитой и татарами. Полностью отказаться от старой военной системы власть была еще неспособна в силу различных причин как объективного, так и субъективного характера. Однако при всей ограниченности шагов по реформированию военной сферы, предпринятых при Михаиле Федоровиче, русскими был накоплен ценнейший опыт создания армии «новой модели», который потом с успехом был использован его сыном Алексеем Михайловичем. [153]

¹⁰⁵ Во всяком случае, в 1635 г. на старую черту вдоль Оки был послан голландский инженер Ян Корнелий (на московской службе с 1631 г.) с учениками Ивертом Тенесеном и Гизбрехтом Корнелием, на рязанский участок засеки – Юст Монсен, на лихвинский – Давид Николь (Яковлев А.И. Засечная черта Московского государства в XVII веке. Очерк из истории обороны южной окраины Московского государства. М., 1916. С. 45).

¹⁰⁶ Во всяком случае, В.П. Загоровский сообщает, что при сооружении козловского участка будущей черты при решении вопроса о строительстве традиционной деревянной стены или земляного вала решение было принято в пользу последнего, так как его советовали строить и участники осады Смоленска, и голландский инженер Ян Корнелий (кстати говоря, использование именно земляных укреплений и валов было характерно для голландской фортификационной школы конца XVI – начала XVII вв.). См.: Загоровский В.П. Указ. соч. С. 88.

¹⁰⁷ Яковлев В.В. История крепостей. СПб., 1995. С. 54. См. также Duffy C. Siege Warfare. The Fortress in the Early Modern World 1494-1660. L., 1979. P. 174.

¹⁰⁸ См.: Никитин А.В. Оборонительные сооружения Засечной черты XVI – XVII вв. // Материалы и исследования по археологии СССР. № 44 / Материалы и исследования по археологии Москвы. Т. III. М., 1955. С. 178-179, 207.

ГЛАВА IV.

Традиции и новации в военной организации России во 2-й пол. XVII в.

§ 1. Накануне реформ.

Вступивший на престол в 1645 г. царь Алексей Михайлович принял страну в намного лучшем виде, чем его отец. После Смуты прошло три десятка лет и стартовые возможности нового монарха превосходили более чем скромные возможности Михаила Федоровича. Это относилось и к вооруженным силам. Усилиями отца и деда Алексея было создано ядро армии нового типа, накоплен ценнейший опыт ее преобразования на принципиально иных основаниях, чем прежде. Все это было очень кстати, ибо, по словам придворного врача Алексея Михайловича С. Коллинса, в отличие от своего отца будущий «Тишайший» имел «дух воинственный».¹ Все это создавало благоприятные условия для повторения попытки войти в общество «политичных народов». Стремление же играть более значительную роль в европейском политическом «концерте» не могло не навести Алексея Михайловича и его советников на необходимость продолжения серьезных преобразований в военной сфере. Опыт отношений с соседями показывал, что только имея сильную армию, можно было добиться признания себя равноправным партнером в отношениях с соседями – и с Западом, и с Востоком.

К сер. XVII в. международное положение России было сложным. Это становится заметным при анализе сложившейся после завершения Тридцатилетней войны Вестфальской системы международных отношений. Длившееся на протяжении более чем столетия доминирование династии Габсбургов в Европе подошло к концу, и Франция постаралась сделать все возможное, чтобы призрак империи Карла V больше не возродился. Усилия французской дипломатии были направлены на создание антигабсбургского барьера, ключевым звеном которого должна была стать Швеция, ставшая региональной сверхдержавой. Поддержание этого статуса требовало от Стокгольма серьезных усилий, которые становились возможными при условии превращения Балтики в «шведское озеро». Достигнув к середине XVII в. этой цели, шведы были готовы пойти на любые жертвы ради сохранения достигнутого.² И хотя Россия в годы Тридцатилетней войны де-факто была союзницей Швеции, тем не менее, ее интересы на Балтике входили в противоречие с интересами Швеции. Претензии к Швеции имели и Речь Посполитая, и Дания. В балтийском регионе завязался тугий узел противоречий, разрешить который иначе, как военным путем, не представлялось возможным.

Не менее тугий узел завязался во взаимоотношениях России с Речью Посполитой. В Москве не забыли о той роли, что сыграли поляки и литовцы в Смуте, помнили и об утраченном Смоленске, и о неудачной войне 1632-1634 гг. Т.о., как отмечала Е.И. Кобзарева, «Россия не могла остаться в стороне от конфликтов, возникавших в балтийском регионе, и еще в XVI в. активно добивалась получения выхода к Балтийскому морю. Здесь она столкнулась со Швецией, стремившейся превратить Балтику в свое внутреннее море. Неизбежными для Русского государства оказались и войны с Польшей, под властью кото-

¹ Коллинс С. Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне // Утверждение династии. М., 1997. С. 200. На воинственность Алексея Михайловича обращал внимание своей королевы и шведский резидент в Москве К. Поммеренинг в 1647г. (См.: Форстен Г. Сношения Швеции с Россией в царствование Христины // ЖМНП. 1891. Июнь (часть ССLXXV). С. 372).

² И было из-за чего – как отмечалось в «Истории дипломатии», «...устья восточноевропейских рек, впадающих в Балтийское и Северное моря, по которым шли хлебные грузы из Восточной Европы в Голландию и Англию, оказались в ее руках» (История дипломатии. Т. 1. М., 1941. С. 211). Оседая в королевской казне, собираемые с «купцов» пошлины стали одной из основ шведского великодержавия.

рой находились белорусские и украинские земли, а в период Смуты попали и западнорусские земли».³ Сложными и напряженными оставались и отношения с Крымом и Турцией.

Ситуация, в которой оказались Алексей Михайлович и его дипломаты, точно обрисована в «Истории дипломатии»: «В борьбе с Польшей естественными союзниками Москвы были Швеция, Турция и Крым. Но эти государства являлись и соперниками Москвы в отношении литовско-польского наследства... С другой стороны, борьба со Швецией за Балтику толкала Москву к союзу с Речью Посполитой и требовала установления мирных отношений с мусульманским югом. Точно так же и против Турции можно было действовать [157] лишь в союзе с Польшей, т.е. отказавшись от Украины».⁴

Т.о., перед Москвой в середине XVII в. стояло три главных внешнеполитических задачи, три направления – северо-западное, балтийское; польско-литовское, западное и южное, крымское. Все они были тесно переплетены друг с другом, образуя запутанный клубок. Образовавшийся «гордиев» узел развязать было невозможно из-за взаимной неуступчивости сторон.⁵ Оставался единственный путь – разрубить его мечом. Однако опыт конфликтов 1-й пол. XVII в. показывал, что молодой монархии Романовых нужен был новый, качественно иной меч. Масштабность стоявших перед страной внешнеполитических задач требовала не менее масштабных перемен в главном инструменте их реализации – вооруженных силах. И эту задачу русским удалось решить именно во 2-й половине XVII в. Созданная в ходе реформ Михаила Федоровича и Алексея Михайловича армия стала тем самым «иным» мечом, позволившим решить большую часть тех проблем, что образовались в результате первой попытки России утвердить себя как империю и Смуты.

На первый взгляд такое утверждение представляется смелым и в корне расходящимся с господствующей по-прежнему как в отечественной, так и в зарубежной историографии точкой зрения о небоеспособности «нерегулярного» старомосковского войска.⁶ Но так ли уж правы те, кто придерживается такого мнения? Ведь сподвижник Петра, князь Я.Ф. Долгорукий, если верить В.Н. Татищеву, как-то в беседе с царем-реформатором поставил ему в пример Алексея Михайловича именно как создателя армии нового типа.⁷ И князь был [158] вовсе не одинок в такой оценке войска предшественников Петра. Генерал Х.-Г. Манштейн, человек весьма наблюдательный и достаточно объективный, в своих записках о России 20 – 30-х гг. XVIII в., также чрезвычайно высоко оценивал сделанное первыми царями династии Романовых. Оспаривая неоднократно высказываемое иностранцами мнение о «глупости и тупости» русских, он писал: «Тем, которые составили себе подобное понятие, стоит только прочесть русскую историю семнадцатого столетия, за то время,

³ Кобзарева Е.И. Вестфальская мирная система и Россия // Отечественная история. 1999. № 4. С. 148.

⁴ История дипломатии. Т. 1. М., 1941. С. 227-228.

⁵ Развязать его было чрезвычайно сложно, но необходимо. «Россия не могла расти и развиваться, не открывая себе путей для торговли и доступа к цивилизации. Путь для торговли – это значило Балтийское море, – писал французский историк А. Сорель, – а его запирали шведы; путь к цивилизации – это была старая Европа, а Польша стояла поперек дороги. Отсюда вытекал коренной антагонизм между русскими, поляками и шведами так же, как между русскими и турками» (Сорель А. Европа и французская революция. Т. 1. СПб., 1892. С. 399).

⁶ На это обстоятельство, противоречащее реальной картине событий, указывали, к примеру, И.Б. Бабулин и А.В. Малов, связывая его прежде всего с общей неразработанностью проблем военной истории России XVII в. (Бабулин И.Б. Генерал Бауман и его деятельность в русской армии XVII века // Рейтар. 2005. № 7 (19). С. 57-58; Малов А.В. Московские выборные полки солдатского строя... С. 7-9).

⁷ На вопрос царя, кто сделал больше для России, Петр или его отец, князь ответил следующим образом: «Три главные дела у царей: первое – внутренняя расправа и правосудие; это ваше главное дело. Для этого у отца твоего было больше досуга, а у тебя еще и времени подумать о том не было, и потому в этом отец твой больше тебя сделал... Другое дело – военное. **Этим делом отец твой много хвалы заслужил и великую пользу государству принес, устройством регулярных войск тебе путь показал; но после него неразумные люди все его начинания расстроили** (выделено нами – П.В.), так что ты почти все вновь начинал и в лучшее состояние привел. Однако, хоть и много я о том думал, но еще не знаю, кому из вас в этом деле предпочтение отдать... Третье дело – устройство флота, внешние союзы, отношения к иностранным государствам. В этом ты гораздо больше пользы государству принес и себе чести заслужил, нежели твой отец» (Татищев В.Н. Собрание сочинений. Т. 1. История Российская. Ч. 1. М., 1994. С. 87-88).

когда честолюбие Годунова и происки поляков разделили нацию на несколько партий и поставили царство на край гибели... Несмотря на эти бедствия, русские, своими разумными действиями, сумели избавиться от владычества двух, столь могучих в то время врагов, каковы были Швеция и Польша. Менее чем в пятьдесят лет, они завоевали снова все земли, отнятые у них во время этих смут, а между тем при этом у них не было ни одного министра, ни одного генерала из иностранцев. Размышляя об этих событиях, нетрудно сознаться, что столь важные предприятия не могут быть задуманы и выполнены глупцами».⁸ Да что там Долгорукий или Манштейн, когда сам Петр писал в уведомлении к своему «Воинскому уставу» 1716 г.: «Понеже всем есть известно, коим образом отец наш б.п. и вечно достойная памяти в 1650 году начал регулярное войско употребляет, и Устав Воинский издан был; и тако войско в таком добром порядке учреждено было, что славные дела в Полше показали и едва не все королевство завоевано было; также купно и сведения война ведена была. Но потом оное не токмо умножено при растущем в науках свете, но едва не весьма оставлено; то, что последовало потом, не токмо с регулярными народами, но и с варварами, (и без стыда), что ни [159] против кого стоят могли, яко о том свете еще память есть [что чинилос при Чигирине и Крымских походах, умолчи вся старее], и не токмо тогда, но и гораздо недавью, как с турки при Азове, так и с начало сей войны при Нарве...».⁹

Однако эти мнения не были услышаны позднейшими историками и в историографии, и в общественном сознании прочно утвердилось мнение об отсталости и примитивности московского военного дела допетровской эпохи.¹⁰ Над умами довлел (и продолжает довлеть) яркий и вместе с тем чрезвычайно пристрастный образ старомосковского войска, нарисованный известным публицистом петровской эпохи И. Посошковым в письме к боярину Ф.А. Головину.¹¹ В [160] итоге как-то само собой получилось так, что петровская армия была сотворена из ничего на пустом месте силою петровского гения, а сам Петр в общественном мнении российского общества стал создателем постоянной, регулярной русской армии.

Последствия этого пристрастного отношения к военному делу допетровской эпохи сказываются до сих пор, хотя еще в начале 50-х гг. А.В. Чернов отмечал, что осуществ-

⁸ Манштейн Х.-Г. Записки о России генерала Манштейна. М., 1998. С. 277.

⁹ Воскресенский Н.А. Законодательные акты Петра I. Т. 1. М.-Л. 1945. С. 52.

¹⁰ Даже такой знаток прошлого России, как С.М. Соловьев, и тот считал, что «...военная история Московского государства давно уже обнаружила несостоятельность русского войска в борьбе со шведами и поляками, по недостатку искусства ратного...», что многочисленные поражения русских войск в допетровскую эпоху объяснялись «дурным устройством» войска, «совершенной неприготовленностью русского служилого человека к ратному делу», «неумением владеть оружием» (Соловьев С.М. История России с древнейших времен // Соловьев С.М. Сочинения. Кн. V. Т. 9. М., 1990. С. 163; Кн. VII. Т. 13. М., 1991. С. 67 и др.).

¹¹ «А если, государь, – писал Посошков в этом письме, – прежняя службы вспомнить, и те службы, Бог весть, как они и управляемые: людей на службу нагонят множество, а если посмотреть на них внимательным оком, то ей, кроме зазору, ничего не узреть. У пехоты ружье было плохо и владеть им не умели; только боронились ручным боем, копьями и бердышами, и то тупыми, и на боях меняли своих голов на неприятельскую голову по 3 и 4, и гораздо больше; а хорошо б то, чтоб свою голову хотя на головы на три неприятельских менять. А естли на конницу посмотреть, то не то, что иностранным, то и самим нам на них смотреть зазорно; в начале у них клячи худыя, сабли тупыя, сами нужны и безодежны, и ружьем владеть ни каким неумелье. Истинно, государь, я видел, что иной дворянин и зарядить пищали не умеет, а не то, что ему стрелить по цели хорошенько. И такие, государь, многочисленныя полки к чему применить, что не к скоту; и егда бывало убьют татариню дву или трех, то все смотрят на них, дивуютца и ставят себе то в удачу; а своих хотя человек сотню положили, то ни во что не вменяют. Истинно, государь, слыхал я от достоверных и не от голых дворян, что попечения в том не имеют, чтоб неприятеля убить; о том лишь печетца, как бы домой быть: а о том, еще молятца Богу, чтоб и раны нажить легкия, чтоб не гораздо от нее поболеть, а от Великаго Государя пожаловану б за нее быть; и на службе того и смотрят, чтоб где во время бою за кустом притуляются в лес или в долу, да того и смотрят, как пойдут ратные люди с бою, и они такожде будто с бою в табор приедут. А то я у многих дворян слыхал: «Дай Бог Великому Государю служить, а сабли б из ножен не вынимать», и по таким их словам и по всем их поступкам, не воины они! Лучше им дома сидеть, и то нечего и славы чинить, что на службу ходить» (Посошков И.Т. О ратном поведении // Посошков И.Т. Книга о скудости и богатстве. М., 1911. С. 126).

ленные в эти десятилетия преобразования в военной сфере привели к коренному перевороту в развитии русского военного дела.¹² И действительно, если отрешиться от влияния утвердившегося в российской исторической науке «культы личности» Петра, который предстает в роли «культурного героя», русского Прометея, принесшего варварской Московии свет цивилизации, то нетрудно заметить, что все его «революционные» преобразования своими корнями уходят в XVII век. Без сделанного его прадедом, дедом и отцом, вряд ли стало бы возможным появление и самого Петра, и «петровского» мифа. И анализ основных тенденций развития военного дела в России во 2-й половине XVII в. подтверждает мнение князя Долгорукого. В правление «Тишайшего» контуры военной революции в России приобрели практически заверченный вид. Приняв на вооружение «протестантскую» модель военного строительства со всеми присущими ей характерными чертами, в Москве занялись ее совершенствованием и адаптацией применительно к специфическим условиям восточноевропейского ТВД и к особенностям Российского государства и общества. При Тишайшем Россия прошла 2-й этап военной революции и вступила в ее 3-ю, завершающую стадию.

На первый взгляд, такое высказывание выглядит излишне смелым. Для неискушенного наблюдателя армия России в царствование Алексея Михайловича представляется сложной «амальгамой» старого и нового, переплетавшихся друг с другом самым причудливым [161] образом и отражавшей тем самым двойственный дух эпохи и особенности характера самого Алексея Михайловича и его ближайших советников.¹³ Однако такое впечатление обманчиво и разрушается при соприкосновении с реальными фактами. А их более чем достаточно, чтобы критически отнестись к продолжающим господствовать и в историографии, и в общественном сознании установкам относительно военной «отсталости» Московии XVII в.¹⁴

Радикальные перемены 2-й пол. XVII в. затронули все четыре основных (по С. Хантингтону) сферы русского военного дела – количественную, организационную, технологическую и общественную, изменив в конечном итоге облик русского войска. Анализ состояния каждой из них подтверждает тезис о переходе во 2-й пол. XVII в. процессов, связанных с военной революцией в России, в решающую, 2-ю стадию.

Ко времени начала очередного витка военных реформ в Москве уже хорошо уяснили себе, что для успешной борьбы с Речью Посполитой и в перспективе со Швецией сильная армия была необходима, а опыт общения с иностранцами и конфликтов с европейскими государствами показывал, что без помощи европейских специалистов решить эту задачу невозможно. «Недостатки своих вооруженных сил и военное превосходство Запада признавалось самим русским правительством, которое в течение всего XVII в., да и позднее, заимствовало европейский ратный строй и тактические приемы, приглашало на долговременную и постоянную службу сотни иноземных офицеров и мастеров, закупало за рубежом крупные партии огнестрельного и холодного оружия, обеспечивало перевод на русский язык и издание соответствующих уставов и трактатов», – отмечал в послесловии к

¹² См., например: Чернов А.В. Вооруженные силы русского государства в XV-XVII вв... С. 221-222. Справедливости ради отметим, что еще в конце XIX в. один из крупнейших русских военных историков, Д.Ф. Масловский, подверг критике позицию С.М. Соловьева. Он указывал, что на мнении Посошкова нельзя строить серьезные выводы, поскольку оно входит в явное противоречие с исторической реальностью. См., например: Масловский Д.Ф. Поместные войска русской армии в XVII в. Б.м., б.г. С. 27.

¹³ Всем известна знаменитая фраза В.О. Ключевского о нерешительном характере правления Алексея Михайловича (Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. III // Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. Т. III. М., 1988. С. 301). Другой крупный русский историк, А.Е. Пресняков, отнесся к деятельности Тишайшего еще более строго, отказывая ему в праве называться «искателем новизны» (Пресняков А.Е. Царь Алексей Михайлович // Пресняков А.Е. Российские самодержцы. М., 1990. С. 105).

¹⁴ А.В. Малов совершенно справедливо отмечал, что XVII век в истории России – первый век, «обеспеченный массовыми документальными источниками...» (Малов А.В. Московские выборные полки солдатского строя... С. 7).

изданному в 2002 г. «Дневнику» П. Гордона [162] Д.Г. Федосов.¹⁵ Так или иначе, но переход на вторую стадию военной революции был неизбежен, если Москва намеревалась вернуть себе статус великой державы и взять реванш за поражения в 1-й половине XVII в. Стремление же поднять боеспособность вооруженных сил, сделать их действенным оружием в руках правительства, неизбежно должно было привести к коренным переменам во всех основных структурных компонентах военной сферы.

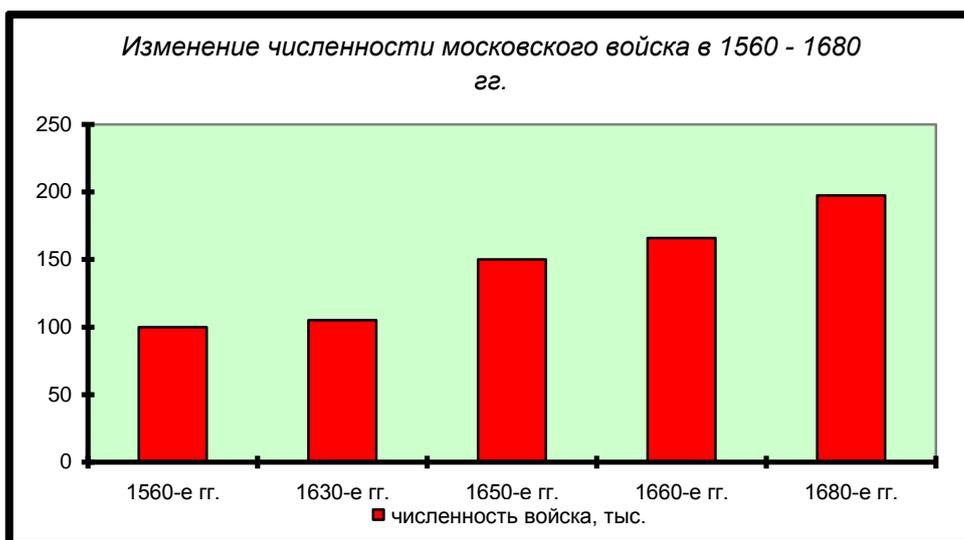
§ 2. Количественные и качественные перемены в русской армии во 2-й пол. XVII в. Конница и пехота Алексея Михайловича.

Одним из наиболее важных признаков военной революции, о чем уже неоднократно говорилось выше, был постоянный рост численности вооруженных сил. Сохранившиеся росписи ратных людей показывают, что на протяжении XVII в. шел пусть и не столь стремительный, как в некоторых странах Западной Европы, но вместе с тем неуклонный рост численности вооруженных сил. Уже в начале 30-х гг. XVII в. в распоряжении Михаила Федоровича было ратных людей не меньше, чем у Ивана Грозного во времена его могущества. Прошло еще 30 лет, и московское войско увеличилось более чем в [163] полтора раза, а в начале 80-х гг. оно достигло почти 200 тыс. ратных людей, и это без учета войска, бывшего в распоряжении украинского гетмана. Динамика изменения численности московского войска показана на следующей диаграмме¹⁶:

Диаграмма 1. [228]

¹⁵ Федосов Д.Г. Клинок, перо и «бунташное время» // Гордон П. Дневник, 1659-1667. М., 2002. С. 247. Интересную параллель в данном случае провел Н.Я. Данилевский. «Невежественный, чисто земледельческий Рим, вступив в борьбу с торговым, промышленным и несравненно его просвещеннейшим Карфагеном, – писал он, – мог, с единственной помощью патриотизма и преданности общему благу, с самого начал победоносно сразиться с ним даже на море, составлявшим до того времени совершенно чуждый Риму элемент...» Однако с тех пор, продолжал Данилевский, условия ведения войны радикально переменились, и «...уже в начале XVII века и даже ранее **никакая преданность отечеству, никакой патриотизм не могли уже заменить собой тех технических усовершенствований, которые сделали из кораблестроения, мореплавания, артиллерии, фортификации и т.д. настоящие науки** (выделено нами – П.В.), и притом весьма сложные». Следовательно, завершал свою мысль философ, «...потребности государственной обороны, сделавшись столь сложными, по необходимости требовали для своей успешности особого класса людей, всецело преданных военным целям; содержание же этого многочисленного класса требовало стольких издержек, что, без усиленного развития промышленности, у государства не хватило бы средств для его содержания» (Данилевский Н.Я. Россия и Европа // Классика геополитики, XIX век. М., 2003. С. 441). Между тем параллели между Римом той поры и Россией XVII в. напрашиваются сами собой.

¹⁶ Этот и последующие графики и диаграммы составлены авт. по: Бабулин И.Б. Гусарские полки в русской армии XVII века // Рейтар, 2004. № 9 (17). С. 31-32; Веселовский С.Б. Сметы военных сил Московского государства 1661-1663 гг. М., 1911. С. 14-19; Витебская старина. Т. IV. Ч. 2. Витебск, 1885. С. 348-349; Малов А. Государевы выборные московские полки солдатского строя // Цейхгауз. № 1(13). 2001. С. 4-5; Цейхгауз. № 2 (14). 2001. С. 5-6; Мальцев А.Н. Россия и Белоруссия в сер. XVII в. М., 1974. С. 25, 29, 59; его же. Война за Белоруссию и освобождение Смоленска в 1654 г. // ИЗ. № 37. 1951. С. 128-129, 130; ДАИ. Т. IV. СПб., 1851. С. 394; Мюллер Р.Б. Очерки по истории Карелии XVI – XVII вв. Петрозаводск, 1947. С. 128-138; Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.-Л., 1948. С. 370; Орловский И.И. Смоленский поход Алексея Михайловича в 1654 году. Смоленск, 1905. С. 8, 31; Чернов А.В. Вооруженные силы русского государства в XV-XVII вв... С. 125-130, 167-168, 189; Сагановіч Г. Невядомая вайна: 1654-1667. Минск, 1995. С. 10 и др.

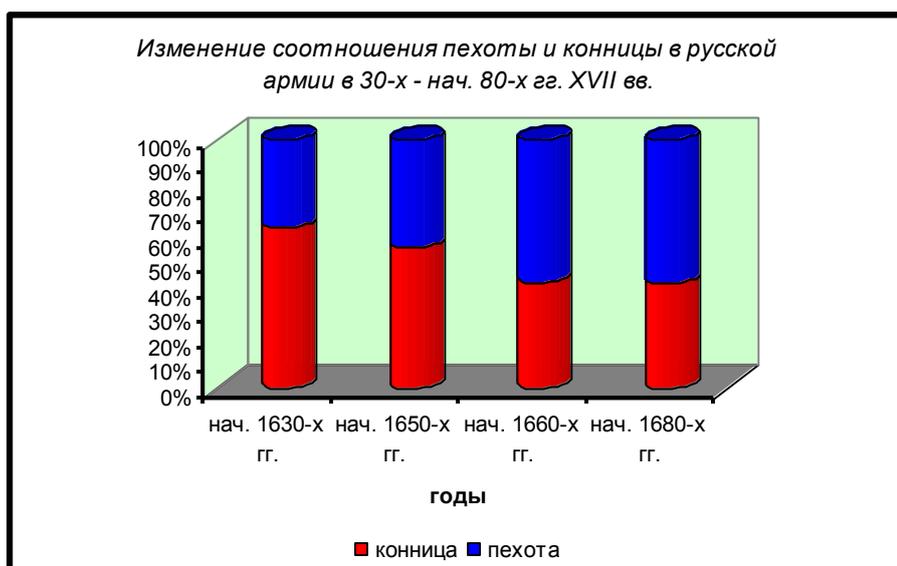

Однако не количественный прирост был самым главным признаком революционных перемен в армии Алексея Михайловича и его сына Федора. Революционность перемен во 2-й половине XVII в. заключалась не только и не столько в увеличении численности вооруженных сил. В османском войске того времени мы также можем наблюдать сходные процессы накачивания военных мускулов. Главное было в качественной перестройке русской армии, имевшей несколько основных аспектов. Во-первых, на первые роли в вооруженных силах Российского государства выходит армия «новой модели», вооруженная и обученная по последним европейским стандартам. Во-вторых, налицо превращение пехоты в главный род войск. В-третьих, параллельно шла трансформация и перерождение старого, унаследованного от позднего Средневековья войска.

Выше уже отмечалось, что одним из важнейших признаков классической модели военной революции был рост удельного веса пехоты в составе вооруженных сил и превращение ее в «царицу полей». В русской армии XVI в. пехота уступала в численности коннице, хотя соотношение их постоянно изменялось, и не в пользу конницы. В России 2-й пол. XVII в. наметившаяся в конце XVI в. тенденция к росту значения пехоты получила дальнейшее развитие. Меньше чем за полвека пехота (включая в нее в солдат, драгун и [164] стрельцов¹⁷) потеснила конницу и составила основную часть русского войска. Если в 1651 г. московское войско насчитывало ~ 55 тыс. солдат, драгун и стрельцов, то в 1680 г. – около 126 тыс. (и это без учета городских казаков). Изменение соотношения пехоты и конницы в московском войске 2-й пол. XVII в. показано в следующей диаграмме:

Диаграмма 2. [228]

¹⁷ На наш взгляд, это можно сделать, так как, сравнивая стрелецкие приказы с драгунами и солдатами, необходимо помнить, что во 2-й половине XVII в. два этих рода пехоты быстро сближались друг с другом и по качеству и характеру обучения, и по вооружению, и по тактике. Даже по численности стрелецкие приказы сблизились с солдатскими полками (сохранив при этом, правда, свою десятичную организацию). Так, в июле 1679 г. стрелецкий приказ С. Грибоедова имел 9 начальных людей и 1078 стрельцов, А. Дохтурова соответственно 8 и 915, А. Поросукова – 9 и 847 (ДАИ. Т. IX. С. 116). Фактически они различались между собой лишь социальным статусом и характером службы – стрельцы в массе своей (кроме московских) были сориентированы на несение внутренней, гарнизонной службы, тогда как солдатские и драгунские полки составляли ядро полевых армий.

Серьезные перемены изменили лицо главной ударной силой старомосковского войска – поместной конницы. Внешний вид всадника поместной конницы к середине XVII в. радикально переменялся. В комплексе вооружения дворян и детей боярских огнестрельное оружие постепенно вытесняло саадаки, а доспехи использовались все реже, ибо они недостаточно эффективно защищали от пуль и картечи. Можно согласиться с мнением О.А. Курбатова, который отмечал: «В эпоху Смутного времени начала XVII в. закончил свое существование многовековой стандарт вооружения русской конницы, имевшей в качестве основного оружия «дальнего боя» лук («саадак») и предполагавший наличие защитного вооружения... Бедствия Смутного времени вкупе со стихийным перевооружением привели к забвению традиции «лучного боя», которому необходимо было обучаться и практиковаться с самого детства...».¹⁸

В первую очередь на новые стандарты перешли дворяне и дети боярские северо-западных и «замосковных» служилых «городов». Здесь 87 % дворян и детей боярских являлись на смотры, вооруженные огнестрельным оружием, 10 % с саадаком и саблей и 3 % с саблей, топором или рогатиной. Правда на юге, в «польских» городах дедовский комплект вооружения сохранился несколько дольше. К примеру, как показывают десятки 1649 г., всадники поместной кон[165]ницы многих южных и юго-восточных уездов по прежнему отдавали предпочтение саадаку – в поход с ним и с саблей выступали 62 % дворян и детей боярских, 38 % же – с огнестрельным оружием.¹⁹ Однако правительство все равно требовало от служилых людей, выезжавших на службу с саадаками, иметь еще и огнестрельное оружие. Так, в декабре 1648 г., подводя итоги разбора владимирских, суздальских, муромских, юрьев-польских и гороховецких дворян и детей боярских, царский указ предписывал помещикам на следующий год на «береговой» службе «...быти на государевой службе с приезде до отпуску, на добрых лошадях, и которые владеют лучную стрельбою, и тем быть с саадаки, да у них же **быти по пистоле** (выделено нами – П.В.); а которые с саадаки не ездят, и у тех быти по карабину по доброму ж или с долгими пищалми...».²⁰ И снова сошлемся на мнение О.А. Курбатова, который отмечал, что к сер.

¹⁸ Курбатов О.А. «Оружность» русской конницы. 1630-е – начало 1650-х гг... С. 2.

¹⁹ Богоявленский С.К. Вооружение русских войск... С. 259. Например, десятня разборная и денежной раздачи бежецких дворян и детей боярских 1649 г. показывает, что из прибывших на смотр 77 служилых людей 4 были вооружены пистолетом, карабином и саблей, 1 – только карабином, 21 – саблей и карабином, 48 – саблей и пистолетом и только 3 саадаком и саблей (РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 4. Дела десятен. № 105. Л.л. 6-113). Отметим вместе с тем, что и на юге, как уже было показано в предыдущей главе, многие служилые «города» в значительной степени уже перевооружились согласно новым, стихийно формировавшимся стандартам, с саадаков на пищали и пистолеты.

²⁰ Записные книги Московского стола 1648-1649 // РИБ. Т. X. СПб., 1888. С. 437.

XVII в. «...снаряжение конных частей «сотенной службы» уже полностью соответствовало уровню военного дела восточноевропейских стран. Основу комплекта вооружения составляли сабля и пистоль; лучше вооруженные имели либо пару пистолей, либо карабин (или русскую «езжую пищаль»), либо все это вместе²¹... Вооружение писто[166]летами и карабинами и взаимодействие с драгунами – это явления, характерные в то время и для традиционной кавалерии Речи Посполитой²²... Однако, если модернизация польской конницы в XVII в. на этом исчерпала себя, то в России скоро последовал этап более глубоких реформ, заключавшихся в организационном преобразовании конной ратной службы. В ходе войны 1654-1667 гг. подавляющее большинство дворян и детей боярских «сотенной службы» было переведено в состав полков рейтарской службы...».²³[167]

Чем была обусловлена такая трансформация старой конницы? Причины вполне очевидны. Во-первых, опыт войны 1654-1667 гг. показал, что, как писали дьяки в 1667 г., «...рейтары на бое крепче сотенных людей».²⁴ Во-вторых, войны и разного рода работы еще

²¹ Здесь, правда, стоит заметить, что более богатые служилые люди выступали на службу, имея более разнообразный набор вооружения. «Буду я на службе великого государя сам на аргамаке, да 4 лошади простых, а людей моих за мною будет с моею со всякою службою 17 ч., в саадаках и с карабины и с долгими пищальми», – сообщал в своей «скаске» князь Петр Долгорукий, а Федор Ртищев «сказывал»: «Буду я на твоей службе, а со мною будет 3 лошади простых, а сам на четвертой лошади, а людей с ружьем и службою моею и с трубачи и с литаврщики 12 ч., и в том числе 6 ч. в пансырях и в куяках». Богдан Хитрово в 1661 г. «сказывал»: «На твоей службе буду я на аргамаке, а на мне пансырь, да зеркало и наручи, шапка ерихонка, сабля, да саадак, да простых аргамаков и коней 5 лошадей, а на них по паре пистолей, да людей со мною в доспехах и в пансырях, в саадаках и в саблях, с карабины и пистоли 21 ч.» (АМГ. Т. 3. СПб., 1901. С. 548). Ср. со «сказкой» 1649 г. рядового бежецкого сына боярского Никиты Маслова, заявившего, что «...он будет на государеве службе на коне, с саблею да парой пистолей, да человек на простом коне, а на коне карабин, да человек в кошу с рогатиною» (РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Дела десятилет. № 105. Л. 8.).

²² Для примера стоит привести описание вооружения польского всадника казацкой хоругви, данное Г. де Бопланом: «...Он (ротмистр казацкой хоругви – П.В.) был вооружен следующим образом: прежде всего – сабля, надетая поверх кольчуги, шлем, состоящий из железного шишака с такой же тканью, как на кольчуге, покрывающей обе стороны головы, затылок и плечи, карабин, или, если его не оказывается, – лук и колчан; у пояса привешены: шило, огниво, нож, шесть серебряных ложек, сложенных одна на другую и заключенных в футляр из красного сафьяна; за поясом – пистолет, парадный платок, мешок из мягкой кожи, который складывается и расправляется; с помощью его можно зачерпывать воду для питья во время похода; он вместиет в себя добрую кварту; с ним же шабельтас (большая плоская сумка из красного сукна, в которой хранятся письма, бумаги, гребни и даже деньги), нагайка, два-три пучка шелковых шнурков, толчиною в пол мизинца, предназначенных для связывания пленников, если удастся их захватить. Все это висит у пояса со стороны противоположной сабле и, кроме того, – рог для подчистки рта у лошадей. Кроме того, сзади седла привязано деревянное ведро, вместимостью в полведра, чтобы поить из него лошадей, и трое ремневых пут для треноженья лошадей, когда они отпускаются на пашу. Далее, если он не берет мешка, то вместо него карабин, на перевязи, лядунку с патронами для карабина и пистолетов, ключ для карабина и пороховницы...» (Боплан Г. де. Описание Украины. М., 2004. С. 351). В принципе вооружение и, в известной степени, тактика польско-литовских казацких хоругвей мало чем отличались от таковых у сотен русской поместной конницы того же времени.

²³ Курбатов О.А. «Оружность» русской конницы... С. 4. Отметим, что С.К. Богоявленский связывал эти перемены с изменением характера боевых действий, в которых предстояло участвовать детям боярским и их людям (Богоявленский С.К. Вооружение русских войск в XVI – XVII вв... С. 262). В.М. Воробьев, развивая его идею, на основе анализа сведений о вооружении детей боярских северо-западных «городов» при Михаиле Федоровиче и в начале правления Алексея Михайловича, высказал интересное предположение относительно существования в нем по меньшей мере двух этапов – один он связывал с подготовкой к Смоленской войне и суть его заключалась в перевооружении дворян и детей боярских вместе с их людьми тяжелым огнестрельным оружием (пищальми), а второй пришелся на 2-ю пол. 30-х гг. и ознаменовался облегчением вооружения поместной конницы – пищали вытесняются пистолетами и карабинами (Воробьев В. М. «Конность, людность, оружность и сбруйность» служилых городов при первых Романовых... С. 105-106). Это облегчение открывало, по его мнению, прямой путь к переустройству поместной конницы на новых началах, что и будет сделано при Алексее Михайловиче, когда большая часть мелкопоместных детей боярских были записаны в рейтары.

²⁴ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 2. Столбцы Белгородского стола. № 625. Л. 74. Перевооружить дворян и детей боярских оказалось легче, чем изменить складывавшуюся веками психологию ведения боя. В новых условиях победа достигалась прежде всего взаимодействием всех родов войск (выделено нами – П.В.), однако «сотенная» конница стремилась действовать по старинке. В итоге иностранцы, сравнивая боеспособность

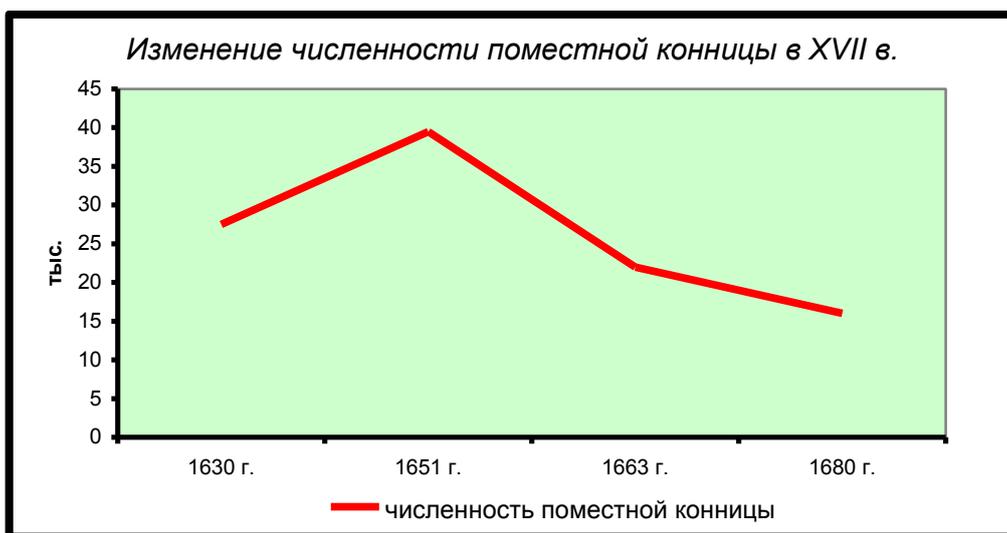
более тяжким, чем ранее, грузом ложились на плечи служилых людей, принося им по большей части одни огорчения и расходы вместо прибытков. Жалобами на тяжелое положение и невозможность дальше нести службу пестрят челобитные помещиков того времени.²⁵ Вполне естественно, что поместная конница постепенно при[168]ходила в упадок. Перестав же соответствовать своему предназначению, она повторила судьбу польско-литовского посполитого рушения и османских сипахи.²⁶ Ее численность и значение непрерывно сокращались, что отражено в графике 1.

График 1. [229]

русской пехоты и конницы, неодобрительно высказывались о последней (См., к примеру: Мейерберг А. Путешествие в Московию барона Августина Мейерберга, члена императорского придворного совета и Горация Вильгельма Кальвуччи, кавалера и члена правительственного Совета Нижней Австрии, послов августейшего римского императора Леопольда к царю и великому князю Алексею Михайловичу в 1661 году, описанное самим бароном Мейербергом // Утверждение династии. М., 1997. С. 162). И хотя такое пренебрежительное отношение выглядит слишком предвзятым, тем не менее, трудно не согласиться с мнением Г. Котошихина, который писал, что «...**учение** у них (всадников «сотенной службы» – **П.В**) к бою против рейтарского **не бывает и строю никакого не знают**; кто под каким знаменем написан, и по тому и едет **без строю** (выделено нами – **П.В**)...» (Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. М., 2000. С. 154).

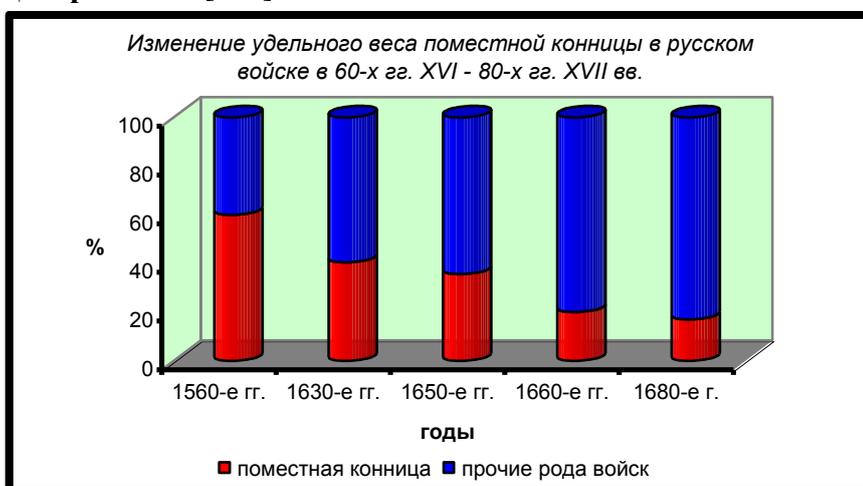
²⁵ Характерной в этом отношении является челобитная новгородца Ивана Козлянинова, сетовавшего, что верная служба государю его и всего его рода разорила его, оказавшись в тоже время незамеченной государем. «Служил я блаженныя памяти отцу твоему и тебе служу 25 лет, – бил челом государю сын боярский в 1664 г., – всякия твои службы полковые и выборные со своею братьею с жилопоместными и пожалованными людьми вместе, и в прежнем во 163 году был бой у боярина и воеводы, у князь Семен Андреевича Урусова, с польскими и с литовскими людьми в Верховичах и на том бою я ранен, пробита левая рука из пистолли; да в нынешнем в 172 г., июня в 7 д., был бой у боярина и воеводы, у князь Ивана Андреевича Хованского, с польскими и с литовскими людьми под Витебском за Лучесою рекою, и на том бою я ранен, пробит правый бок из пистолли, и пулька во мне, да на том же бою убит брат мой родной, Иван меньшей, да у меня-ж на разных боях побито дядьев и братьи и племянников роду нашего Козляниновых 17 ч., да у меня-ж на нынешнем бою побито и польские люди отогнали 14 лошадей со всею служилою рухлядью; да я в Борисове в осаде 2 года терпел всякую осадную нужу, из Борисова в проезжей станице нужной проезд ехал, а по се время твоею милостью ничем не пожалован, безпрестани на твоей службе одолжал долгами великими» (См.: АМГ. Т. III. С. 575.).

²⁶ Только разорением основной массы служилых людей и неспособностью их далее нести службу за свой «кошт» можно объяснить появление в декабре 1678 г. царского указа о порядке осмотра и разбора дворян и детей боярских. Указ предписывал писать в сотенную службу только тех служилых людей, за которыми числится не менее 24 крестьянских дворов, прочих же писать в рейтары, а «про которых дворян и детей боярских окладчики к городам и сами про себя скажут, что они люди скудные пустопоместные, а те их поместья безугодныя и худыя, а иныя безпоместныя и безвотчинныя, а с городом сотенныя и рейтарския службы за бедностью служить им ни которыми мерами не мочно, а собою они добры и нестарые: и таких, по складчиковым и по их сказкам, написать в салдаты...» (ПСЗ. Т. II. № 744). И деваться служивым было некуда, ибо, как справедливо писал В.Н. Козляков, «...конная служба безусловно, считалась «честной», не то что пешая, однако сын боярский или дворянин был холопом государевым и потому должен был служить где прикажут и сколько прикажут» (Козляков В.Н. Служилый «город» Московского государства XVII века (от Смуты до Соборного уложения). Ярославль, 2000. С. 133).

Падение значимости поместной конницы еще заметнее, если принять во внимание изменение ее удельного веса в составе московского войска с сер. XVI по конец XVII в. В 1680 г. согласно росписи ратных людей служилых людей, дворян и детей боярских старой, сотенной службы, было 16097 чел., и при них ратных людей 11830, тогда как в 1663 г. дворян и детей боярских сотенной службы было 21850 чел., а в 1651 г. – 39408 чел. И это при том, что общая численность московского войска непрерывно росла, превзойдя в конечном итоге показатели начала 60-х гг. XVI в.²⁷ Процесс снижения удельного веса поместной конницы отражен в диаграмме 3:

Диаграмма 3. [229]

Исход предугадать было несложно. 12 января 1682 г. было обнародовано «Соборное деяние об уничтожении местничества».²⁸ Этим [169] указом не только было ликвидирова-

²⁷ Чернов А.В. Вооруженные силы русского государства в XV-XVII вв... С. 161, 167, 189.

²⁸ См.: ПСЗ. Т. II. № 905. Этот законодательный акт завершил цепочку подобных актов, завершивших фактически слияние старомосковского войска и армии «новой модели». Еще 25 марта 1680 г. царским указом система армейских чинов как в полках армии новой модели, так и в «сотенной» службы, была унифицирована. Впредь было повелено стрелецким начальным людям «...быть из голов в полковниках, из полуголов в полуполковниках, из сотников в капитанах», причем особо подчеркивалось, что это переименование ни в коем случае не означает умаления чести и достоинства начальных людей прежних служб. Затем 12 ноября 1680 г. вышел указ «О разделении ведомства ратных людей конных и пеших между разными приказами», согласно которому стрельцы и городовые дети боярские и казаки, кроме московских, казанских и сибирских стрельцов, расписывались по полкам и подчинялись ведению Разрядного, Иноземского и Рейтарского приказов (См.: ПСЗ. Т. II. №№ 812, 819, 844).

но местничество, но и была сделана попытка придать остаткам поместной конницы большую регулярность, переформировав ее в полки, состоявшие из рот по 60 всадников во главе с ротмистром. И хотя эта реорганизация не была завершена, она весьма симптоматична как осознание в Москве того факта, что «нестройная» поместная конница окончательно изжила себя. Однако, в отличие от Турции и от Речи Посполитой, московское правительство имело и возможность, и решимость сохранить дворян и детей боярских как служилых людей, дав им от казны оружие, амуницию и коней, одновременно обучив их по новым стандартам. Речь идет о создании кавалерии рейтарского типа, о чем ниже.

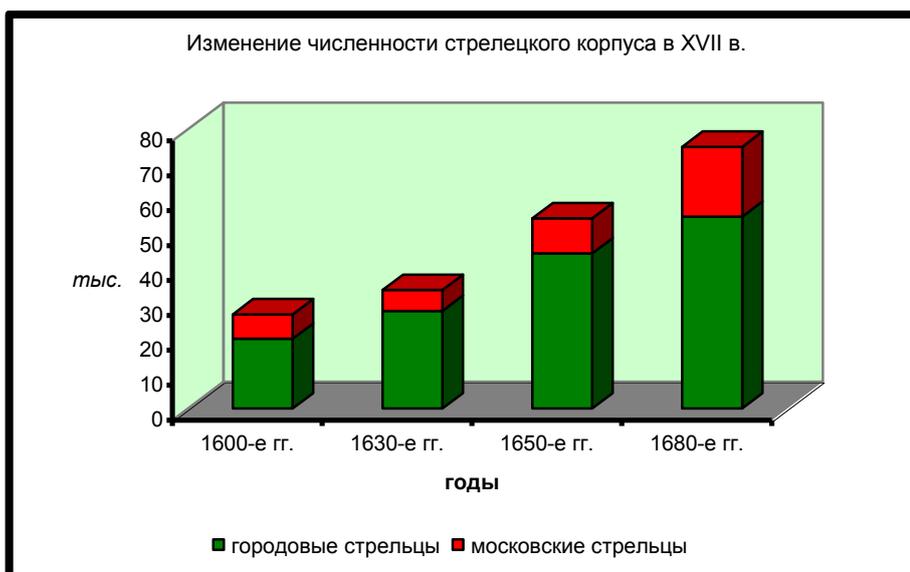
Сложнее дать характеристику второму по значимости виду старомосковского войска – стрельцам. С одной стороны, есть свидетельства иностранцев, достаточно низко оценивавших боеспособность стрельцов²⁹, но с другой стороны, многие современники, напротив, полагали стрельцов главной ударной силой русского войска того времени.³⁰ Чем можно объяснить такое противоречие, тем более если [170] учесть непрерывный рост численности стрельцов? За полстолетия их число выросло вдвое – с 28 до 55 тыс., а московских стрельцов – и того более, с 8 тыс. до 20 тыс.³¹ Динамика изменения численности стрелецкого корпуса отражена в следующей диаграмме:

Диаграмма 4. [229]

²⁹ К примеру, Н. Витсен в своих записках о путешествии в России вспоминал приключившийся с ним и его спутниками эпизод: «В прошлую ночь два или три медведя напали на наших лошадей, но стрельцы успели отогнать их выстрелами; при этом выяснилось, как русские воины обращаются с ружьем: один уронил его, пока стрелял, другой не знал, как его зарядить, третий, стреляя, отвернул голову назад, и т.д.» (Витсен Н. Путешествие в Московию 1664-1665. СПб., 1996. С. 194).

³⁰ Так, Я. Рейтенфельс писал, что стрелецкая пехота, устройством своим сходная с янычарами, является главной силой московского войска (Рейтенфельс Я. Сказание светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии. М., 1906. С. 125). Об этом же свидетельствуют и факты, свидетельствующие об упорстве и стойкости стрельцов, дравшихся в сражениях 2-й пол. XVII в. с противником буквально до последней капли крови (См., например, описания сражения под Полонкой в 1660 г.: Бабулин И.Б. Битва под Полонкой. 1660 // Рейтар. 2005. № 3 (15). С. 79 и Курбатов О.А. «Литовский поход 7168 года» князя И.А. Хованского и битва при Полонке // Славяноведение. 2003. № 4. С. 38; а также боя при Бешенковичах в 1658 г.: Бабулин И.Б. Московские стрельцы. Боевой путь приказа Василия Пушечникова. 1650-1700 // Армии и битвы. 2005. № 4. С. 12). Высокая боеспособность большей части стрельцов может быть объяснена их более высоким социальным статусом, которым не обладали многие солдаты, драгуны и даже некоторые рейтары. Осознание стрельцами своей «выборности» придавало им дополнительные силы и чувство уверенности в себе. Не случайно и уровень дезертирства, «нетства» в стрелецких приказах, как правило, был ниже, чем в солдатских, драгунских и рейтарских полках.

³¹ В 1-й пол. 70-х гг. XVII в. московских стрельцов было 23 приказа численностью от 500 до 1200 чел. (Дворцовые разряды. Т. III. СПб., 1852. Стб. 1150, 1200; Дела Тайного приказа. Кн. 1 // РИБ. Т. XXI. СПб., 1907. Стб. 1619, 1615). См. также: Чернов А.В. Вооруженные силы русского государства в XV-XVII вв... С. 162, 167; Разин Е.А. История военного искусства. Т.3. СПб., 1994. С. 217; Веселовский С.Б. Сметы военных сил Московского государства... С. 26-28. Сметный список 7159/1651 г. показывает иную цифру – 50298 московских и городовых стрельцов без учета начальных людей (Дворянство России и его крепостные крестьяне. XVIII – первая половина XVIII в. М., 1989. С. 22-33).

На наш взгляд, в этом противоречии нет ничего необычного, если принять во внимание изменение характера стрелецкой службы. С сер. XVII в. стрельцы несут преимущественно полицейскую и гарнизонную службу и все реже участвовали в кампаниях, на что указывал Г. Котошихин.³² Рутинная гарнизонная служба, сопряженная с заботами по хозяйству не лучшим образом влияла на боевые качества стрельцов, многие из них к тому времени были «...люди торговые и ремесленные всякие богатые многие».³³ Недостаток регулярного обучения неизбежно отрицательно сказывался на их подготовке. Соответствуя требованиям «осадного сидения», стрельцы не всегда могли успешно сражаться в поле. Раз нет постоянного обучения навыкам обращения с оружием, слаженным действиям целых групп стрелков, то такая привычка могла вырабатываться во время длительных и непрерывных походов. Короткие же «команди[171]ровки» на войну отнюдь не добавляли стрельцам воинского мастерства и желания сражаться. Слова, сказанные К. фон Клаузевицом относительно «общего трения»³⁴, затруднявшего ведение боевых действий, имели непосредственное отношение к боеспособности стрельцов (и вообще старомосковского войска). И если в больших стрелецких гарнизонах (особенно в Москве)³⁵ уровень подготовки и боеспособности был высок, особенно если учесть, что с конца 30-х гг. в процесс

³² Беглый дьяк писал, что «...для **остережения** или **оберегания** города в болших городех устроены стрелцы и казаки вечным житьем... Также в болших каменных монастырех для **осадного времени**... для **оберегания городов от воинских людей** устроены стрелцы и пушкарки (выделено нами – П.В.)...» (Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича... С. 113, 152-153).

³³ Там же. С. 113.

³⁴ Клаузевиц К. фон. О войне. Т. 1. М., 2002. С. 116-117.

³⁵ К примеру, согласно росписи ратных людей 7159 года (1651 г.) в Москве были расквартированы 18 стрелецких приказов с почти 9 тыс. стрельцов, в Новгороде стояло 2 приказа с 1 тыс. стрельцов, в Пскове 3 приказа с 1,3 тыс. стрельцов, в Астрахани 4 приказа конных и 10 приказов пеших стрельцов (более 6,7 тыс. стрельцов). В то же время не редкостью были гарнизоны в 100 или даже менее стрельцов (Дворянство России и его крепостные крестьяне. XVII – первая половина XVIII вв... С. 20-33).

их обучения внедрялись элементы солдатского учения³⁶, то этого никак нельзя сказать о небольших стрелецких гарнизонах в провинции.³⁷

Т.о., стрелецкое войско при Алексее Михайловиче достаточно четко разделилось на отборные «мобильные» части, расквартированные преимущественно в Москве и ряде других крупных городов, составивших большую и лучшую часть этого корпуса, и гарнизонные части, немногочисленные и отличавшиеся в худшую сторону по своей боеспособности. И если первые были ничуть не хуже, а в чем-[172]то и превосходили солдатские и драгунские полки, то о вторых сказать этого нельзя.

Трансформация традиционного старомосковского войска сопровождалась его постепенным оттеснением на второй план регулярными³⁸ полками армии «новой модели» – кавалерийскими рейтарскими, пешими солдатскими и «ездящими» драгунскими.³⁹ Их число на протяжении 2-й половины столетия постоянно возрастало, о чем свидетельствует график 2:

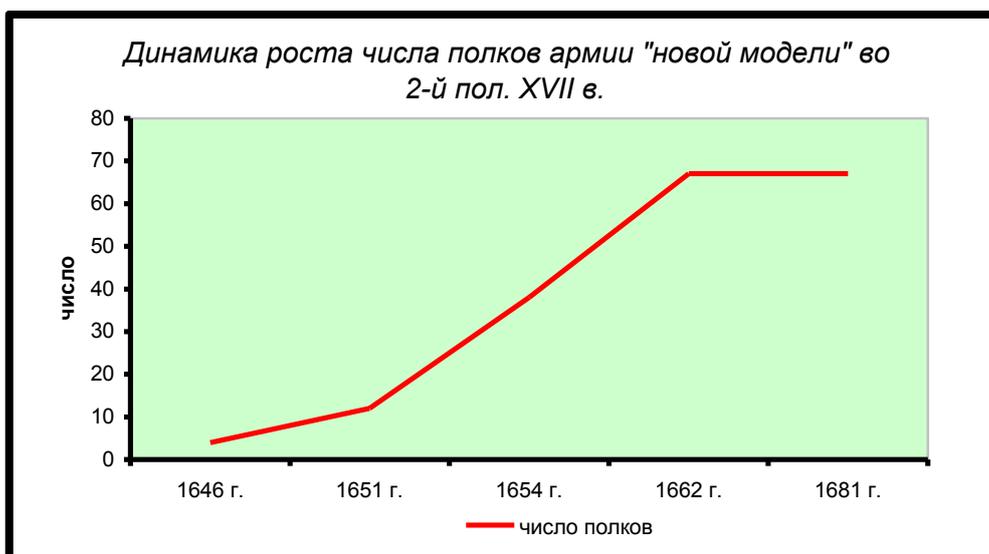
График 2. [230]

³⁶ Ранее мы уже приводили ряд свидетельств об обучении московских стрельцов солдатскому строю. Н.Н. Голиков в своем собрании материалов по биографии Петра сообщает интересный случай, который можно истолковать как подтверждение отмеченного выше случая. Согласно его сообщению, в 1689 г. Петр I, наблюдая за строевым учением стрелецкого приказа Тарбеева (детали учения не оставляют сомнения в том, что оно производилось согласно требованиям знаменитого «Учения и хитрости ратного строения пехотных людей»), заявил, что это «учение» слишком сложно и в нем много лишних деталей и потому устав необходимо исправить, упростив его. Как именно – Петр и продемонстрировал тут же собравшимся боярам на примере одного капральства своих потешных (Голиков Н.Н. Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. Ч. 1. М., 1781. С. 179-180).

³⁷ Однако признавая справедливость низкой оценки боеспособности отдельных (выделено нами – П.В.) провинциальных стрелецких подразделений, необходимо помнить, что эта проблема не нашла своего удовлетворительного разрешения и много позднее. Гарнизонные полки и батальоны как в XVIII, так и в 1-й пол. XIX вв., за редким исключением, уступали в боеспособности полевым армейским и гвардейским полкам.

³⁸ В том, что эти полки были регулярными, нет никакого сомнения. А.В. Малов отмечал, что важнейшими признаками регулярности можно считать следующие: «... относительно четкая и устойчивая организационно-штатная структура военных формирований, полное или частичное государственное обеспечение, определенная регламентированность и унификация вооружения и снаряжения войск, установленная регулярная система подготовки рядового и командного состава, отход от сословного (кастового) принципа комплектования армии, наличие централизованных органов управления, нормативно-правовая система, регламентирующая существование армии в военное и мирное время. Формированию вооруженных сил на регулярной основе непременно сопутствуют интенсивная бюрократизация управления государством, усиление формализации всего государственного организма и жизни общества, повышение кодификации государственного делопроизводства и законодательства...» (Малов А.В. Московские выборные полки солдатского строя... С. 11-12). И русская армия «новой модели» вполне соответствовала этим системообразующим признакам регулярности. В этом отношении России не только ни в чем не уступала армиям крупнейших государств Западной Европы, где в это же время также завершался переход от прежних временно-контрактных армий к постоянным регулярным армиям, но в кое-чем и опережала их.

³⁹ Драгуны XVII в. не могли считаться кавалерией и были посаженной для большей подвижности и маневренности на-конь пехотой. См., например: Haythornthwaite P. The English Civil War 1642-1651. An Illustrated Military History. L., 1983. P. 52.

Основу кавалерии армии «новой модели», ее «руки», составили организованные и обученные по последним европейским стандартам рейтарские полки. Выше мы уже писали о том, что первый опыт применения рейтар русские получили еще в 70-х гг. XVI в., а первый рейтарский полк был сформирован в начале 30-х гг. XVII в. и успешно участвовал в Смоленской войне. Новый этап истории русских рейтар начался в мае 1649 г., когда главный военный советник правительства Алексея Михайловича голландец полковник И. фон Бокховен получил приказ набрать образцово-показательный полк рейтар.⁴⁰ К осени полк был сформирован и Бокховен приступил к [173] его обучению и сколачиванию.⁴¹ Судя по свидетельствам иностранцев, рейтары Бокховена должны были охранять государя, выполнять представительские функции и, самое главное, выступать в качестве учебной части по подготовке командного состава для кавалерийских и пехотных полков новой армии. Уже в начале зимы 1649 г. большая часть набранных детей боярских и дворян была распущена на зимние квартиры, но 200 из них были оставлены в столице и Бокховен продолжил их интенсивное ежедневное обучение рейтарскому и солдатскому «строю», готовя из них кандидатов на должности начальных людей в рейтарские и солдатские полки.⁴² [174]

⁴⁰ Если верить шведскому резиденту при московском дворе К. Поммеренингу, речь шла на первых порах о 1000 рейтар и 2400 солдат. Затем число рейтар было увеличено до 6000, но в конечном итоге решено было ограничиться 2000 (Донесения королеве Христине и письма к королевскому секретарю шведского резидента в Москве Карла Поммеренинга // Якубов К.И. Россия и Швеция в первой половине XVII века. М., 1897. С. 447, 448, 455).

⁴¹ Практически сразу рейтар Бокховена стали привлекать к выполнению церемониальных задач и охране государя. Для демонстрации мощи и великолепия московского войска. Уже в августе 1649 г. они участвуют в «стойке» по случаю встречи литовского посольства. 9 апреля 1651 г. в церемонии встречи литовского очередного посольства приняли участие «...с рейтарским полковником с начальными людьми рейтар 2000 человек рейтарского приказу с дьяком с Матвеем Култыковым, рейтарским строем...». Двумя с половиной неделями спустя вместе с жильцами и стрельцами «...рейтары с полковником и с иными начальными людьми, рейтарским строем, 500 человек...», сопровождали Алексея Михайловича в его поездке из Москвы в село Покровское (Записные книги Московского стола 7157 г. // РИБ. Т. X. СПб., 1886. С. 471; ДР. Т. III. СПб., 1851. Стб. 233, 241-242).

⁴² Там же. С. 457-458. Курбатов О.А. Роль служилых «немцев» в реорганизации русской конницы в середине XVII века... С. 28. К. Поммеренинг, характеризуя отношение детей боярских и дворян к своим иностранным инструкторам, писал: «... между тем 2000 дворянских рейтаров Букгофена никак не хотят позволить командовать собой голландским или иноземным офицерам, которых они называют некрещеными; они говорят, что те (т.е. офицеры) сами большею частью никакой службы не имеют и те, которые были под Смоленском, более понимают, чем эти. Поэтому 200 рейтаров обучают еще ежедневно, чтобы они потом могли обучать своих товарищей и других и командовать ими...» (С. 459). В данном случае, на наш взгляд, стоит согласиться с предположением О.А. Курбатовым объяснением данному факту: «Несмотря на знатность многих иноземцев, служба русских дворян и детей боярских, как московских, так и городовых, традиционно считалась

Подводя общий итог работе Бокховена и его помощников, шведский резидент И. Родес сообщал в Стокгольм 31 мая 1652 г., что полковник «...уже 2-3 года обучает здесь упражнениями конного строя два русских полка, которые б/ч состоят из благородных. Думают, что он теперь так сильно обучил, что **среди них мало найдется таких, которые не были бы в состоянии заменить полковника**, а чтобы их даже еще больше усовершенствовать и сделать совершенством, он теперь **обучает их упражнениям также пешего строя с пиками и мушкетами** (выделено нами – П.В.)...».⁴³

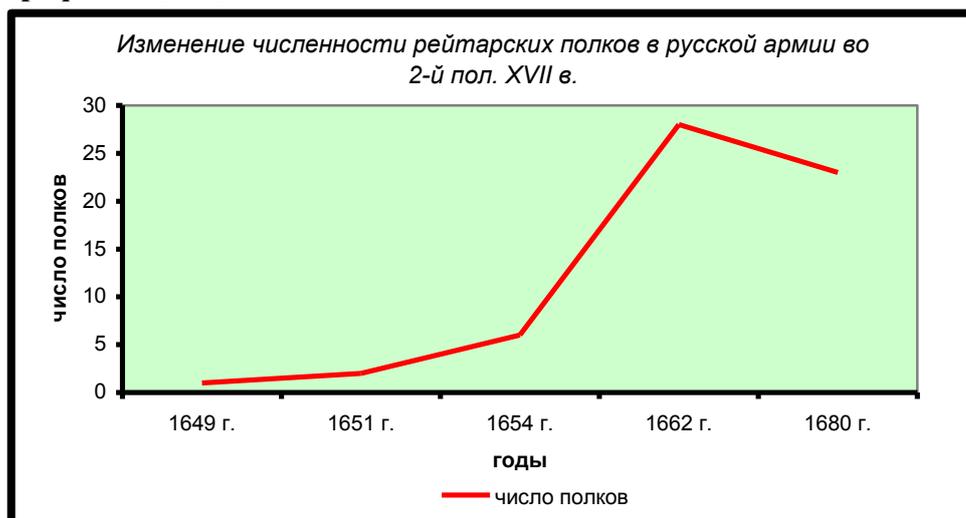
Рост напряженности в отношениях между Россией и Речью Посполитой, а затем начало целой серии войн – русско-польской, русско-шведской и русско-турецкой способствовали быстрому росту числа рейтарских полков. Это и немудрено – в Москве хорошо уяснили, что главное преимущество рейтар перед «сотенной» конницей заключалось именно в их дисциплинированности и организованности. Уступая иррегулярной коннице тех же татар, турок или поляков в индивидуальном искусстве владения оружием и конем, рейтары, тем не менее, действуя в сомкнутых боевых порядках, всегда сохраняли шанс на успешное отражение бурной неприятельской атаки залповым огнем из пистолетов и карабинов. Именно это достоинство рейтар как регулярной кавалерии подчеркивал в разговоре с Алексеем Михайловичем датский резидент М. Гей 30 декабря 1673 г.: [175] «...цесарской де рейтар стройной и ученой никогда Турское и Татарское великое несметное собрание не розрывает и везде они стоят против их мужественно...» и «...если б великий государь, его царское величество, изволил... устроить их тысяч тридцать или сорок постоянной конницы, как бывает у цесарского величества Римского, с добрыми начальными людьми, Немецким строем, и такой бы конницы и пехоты на свете ни у которого христианского монарха не было, и было б то страшно всякому неприятелю...».⁴⁴

«честнее». Как правило, эту «честность» военно-служилой сословной группы отражали разрядные росписи, в которых каждой из них постепенно усваивалось четко определенное место... Несколько поколений дворян и детей боярских привыкли на смотрах и при раздаче жалованья слышать, как имена иноземных ротмистров и их товарищей «кличут после всех городов». Такой порядок вполне соответствовал их взглядам на «честность» служилых сословий... Обратное явление, когда тысячи дворян и детей боярских оказались под началом «некрещеных» немцев, стало по крайней мере необычным...» (Курбатов О.А. Роль служилых «немцев» в реорганизации русской конницы в середине XVII века... С. 25. См. также: Козляков В.Н. Служилый «город» Московского государства XVII века (от Смуты до Соборного уложения). Ярославль, 2000. С. 133). Понимая, что рейтары к «правильному» бою «способнее», нежели всадники «сотенной» службы, московские власти во избежание конфликтов между иноземцами и русскими из-за «чести» сразу сделали ставку на подготовку командных кадров из числа детей боярских и дворян. Примечательно, что в сметном списке 1651 г. из писавшихся по московскому списку 1661 жильца были записаны в рейтары 407 человек (Дворянство России и его крепостные крестьяне. XVIII – первая половина XVIII в... С. 8-10). Очевидно, что большая их часть была подготовлена в качестве начальных людей для будущих солдатских и в особенности рейтарских полков.

⁴³ Курц Б.Г. Состояние России в 1650-1655 гг. по донесениям Родеса... С. 110. Примечательно, что здесь речь идет уже о двух полках. Между тем, что сметном списке 1651 г. в рейтарах числилось 1464 рейтара из числа дворян и детей боярских московских и из «городов» – как раз на два 8-ротных полка (Дворянство России и его крепостные крестьяне. XVIII – первая половина XVIII в... С. 8-12).

⁴⁴ ДАИ. Т. 6. СПб., 1857. С. 256. Анализируя тактику русских рейтар, необходимо учитывать, что качеством своего конского состава они уступали своим главным оппонентам – польско-литовской коннице. Поэтому рейтары Алексея Михайловича не могли быть уверенными в успехе столкновения с польскими панцерными и тем более гусарами, действуя в том же тактическом ключе, что и они. Однако дисциплина и способность рейтар действовать в сомкнутых массах, использование ими массированного залпового огня из карабинов и пистолетов давали им преимущество перед своими блестящими, но менее организованными и дисциплинированными противниками. Именно это обстоятельство подчеркнул в 1655 г. шведский фельдмаршал А. Виттенберг, давая указание своим кавалерийским командирам, ветеранам Тридцатилетней войны: «Коль скоро сей поход направлен против Польши, надлежит дать указания солдатам..., каким образом себя вести при любом случае, но особенно при вступлении в бой или сражение с поляками, причем **не следует обращать внимание на их крики и шум, но плотно держать строй. Ибо поляки — прекрасные наездники и весьма проворны во всяком деле, но опасаются схватки с плотно построенными частями** (выделено нами – П.В.)... Предстоит иметь дело с новым противником, непохожим на немцев...» (Гордон П. Дневник 1635-1659. М., 2001. С. 25). Разница между бурной атакой прежней конницы и новой кавалерии была замечена еще в XVI в. Французский капитан-гугенот де ла Ну отмечал, что из сотни рыцарей, пошедших в атаку с 200

График 3. [230]

Обзаведясь рейтарами, русское командование тем не менее не оставило попыток получить кавалерию, способной производить стремительные атаки подобно польским гусарам. Неоднократно сталкиваясь с блестящими польскими гусарами на полях сражений, [176] русские воеводы не могли не обратить на высокую эффективность их бурных атак. Первые гусарские роты на польско-литовский лад появились в русском войске около 1634-1635 гг., а в кампанию 1654 г. был выставлен уже тысячный гусарский полк под началом полковника Х. Рыльского.⁴⁵ И хотя этот полк к концу 50-х гг. был, судя по всему, распущен, на смену ему пришли сначала в 1660 г. отдельные гусарские роты, а затем в 1661 г. гусарский полк Новгородского разряда.⁴⁶ Примерно тогда же на юге, в Белгородском полку, появляются отдельные полки копейщиков.⁴⁷

Т.о., подводя общий итог, можно с уверенностью сказать, что к началу 60-х гг. XVII в. основу русской конницы составили регулярные кавалерийские полки рейтар, сражавшиеся преимущественно «огненным боем». Их дополняли отдельные подразделения гусар и копейщиков, в своих действиях ориентировавшиеся на польско-литовских гусар.

Однако, говоря о преобразованиях в кавалерии, необходимо помнить о том, одним из важнейших признаков военной революции был переход главенствующей роли на поле боя к пехоте. И если в предыдущий период, как было отмечено выше, основу русского войска

шагов галопом, до противника дойдет в лучшем случае четверть, а прочие по разным причинам отстанут. Именно поэтому, маршал Таванн рекомендовал тогда же коннице атаковать медленными аллюрами или же накоротке. В противном случае, по его мнению, трусы смогут уклониться от схватки, и только капитан ворвется в неприятельские ряды. В конечном итоге все вело к тому, что опытный всадник-профессионал на породистом коне должен был быть побежден рядовым солдатом, посредственно владевшим оружием и сидевшим на еще более посредственной лошади, но сражающимся в составе сплоченных тактических единиц, подавляющих конного латника прежних времен своей массой (См.: Свечин А.А. Эволюция военного искусства... С. 169). Все это имело самое непосредственное отношение к столкновению русских рейтар и польско-литовской конницы.

⁴⁵ Бабулин И.Б. Гусарские полки в русской армии XVII века... С. 31-32; Витебская старина. Т. IV. Ч. 2. С. 349.

⁴⁶ О.А. Курбатов связал появление гусар в составе Новгородского полка с необходимостью срочно поднять моральный дух «сотенной» конницы после серьезного поражения в битве под Полонкой в июне 1660 г. (Курбатов О.А. Морально-психологические аспекты тактики русской конницы в середине XVII века...). Сама по себе идея представляет интерес, но, на наш взгляд, не только этим можно объяснить стремление воеводы И.А. Хованского получить в свое распоряжение такой род кавалерии.

⁴⁷ Веселовский С.Б. Сметы военных сил Московского государства 1661-1663 гг... С. 8. Появление копейщиков можно интерпретировать как результат влияния имперского влияния (См.: Монтекуколи Р. Записки Раймунда графа Монтекуколи, генералиссимуса цесарских войск, генерал-фельдцейгмейстера и кавалера Златаго Руна или главные правила военной науки вообще. М. 1760. С. 241-242).

составляла именно конница, то теперь роли постепенно переменялись. Именно пехота стала во 2-й половине XVII в. основным родом войск русской армии.

Перемены в ней были не менее серьезны, чем в коннице. Московская пехота 2-й пол. XVII в. состояла не только из старого стрелецкого войска, о котором говорилось выше, но и из полков солдатского и драгунского строя, вооруженных и обученных по-европейски. Еще раз подчеркнем, что перерыва в существовании солдатских и драгунских полков между Смоленской войной и войной с Речью Посполитой в 1654-1667 гг. практически не существовало. Распущенные после Поляновского мира, солдаты и драгуны были вскоре призваны под знамена в связи с обострившейся ситуацией на южной границе. Поскольку, несмотря на возведение «1-й очереди» Белгородской черты, татарская угроза по-прежнему оставалась актуальной⁴⁸, в Москве наряду с продолжением строительства Белгородской черты решили увеличить число ратных людей на степном рубеже. В целях экономии правительство решило прибегнуть к созданию поселенных драгун. Этот шаг московские дьяки объясняли тем, что хотя на «Польской Украине» и крепости есть, и ратных людей много, но большинство из них «скудны и к службе ненавычны и ружья у них мало...». Потому и было решено послать туда начальных людей с поручением перебрать ратников, «скудных» вооружить государевым ружьем и шпагами и обучить их драгунской службе. При этом предполагалось, что лошади и «кормы» будут у них свои, и в целях экономии «...как время тихо, и те люди и с своими учителями будут в домах своих жити и дома строить и по времени и учатся, чтобы ученья не забыть, а в приход воинских людей всегда будут готовы и к крепостям блиски и поспешить мочно...».⁴⁹ Таким образом, создание поселенных драгун представляло собой попытку совместить эффективность вооруженных и обученных по-европейски войск с относительной дешевизной поместной конницы.⁵⁰ Такой подход был особенно актуален для организации плотной завесы на южной границе на случай набега татар. На это же обстоятельство указывал позднее Григорий Котошихин, четко обозначив тем самым главную задачу, стоявшую перед драгунами: «...Драгунские полки; старые драгуны устроены вечным житьем на Украине к **Татарской границе** (выделено нами – П.В.)...».⁵¹ [178]

Первые опыты с созданием поселенных войск были предприняты еще в конце царствования Михаила Федоровича, но особенное развитие эта практика получила позднее. Начиная с 1646 г. крестьяне ряда южных уездов и волостей были отобраны у прежних владельцев в казну, записаны в драгунскую службу и получили оружие (карабины и шпаги).⁵² Специально для их обучения драгунскому строю из Москвы были присланы иностранные и русские начальные люди.⁵³ Система первоначально показала свою эффективность – выучка драгун была выше, чем у поместной конницы, а содержание их обходилось казне значительно дешевле, нежели постоянных драгунских полков, поэтому их численность постепенно росла. Сметный список военных сил России 1651 г. показывал численность поселенных драгун 5594 чел.⁵⁴ Спустя два года перепись поселенных драгун Комарицкой волости показала, что налицо числилось 5551 конных драгун с мушкетами, еще 5649 пеших с пищальями и рогатинами и недорослей драгунских – 3641, в Сокольском

⁴⁸ Загоровский В.П. Белгородская черта. Воронеж, 1969. С. 107.

⁴⁹ ЗОРСАРАО. Т. II. СПб., 1861. С. 375.

⁵⁰ Б. Дэвис не исключал, что на решение создать поселенные войска мог оказать влияние шведский опыт системы «*indelningsverket*», упорядоченной Густавом Адольфом (См.: Davies B. Village into Garrison: The Militarized Peasant Communities of Southern Muscovy // Russian Review, Vol. 51, No. 4 (Oct., 1992). P. 491).

⁵¹ Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. М., 2000. С. 158.

⁵² Предпринятая, к примеру, в 1646 г. милитаризация Комарицкой волости предполагала формирование здесь 3 6-ротных драгунских поселенных полков общей численностью в 5100 чел. (Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века... С. 370).

⁵³ См., например: РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 2. Столбцы Белгородского стола. № 606. Л. 405.

⁵⁴ «Сметный список» военных сил России 1651 г. // Дворянство России и его крепостные крестьяне. XVII – первая половина XVIII в. М., 1989. С. 10-11.

уезде под Воронежем в 1651 г. числилось 795 драгун, из них 150 пеших, а в Добровском уезде, рядом с Сокольским – 951.⁵⁵

Опыт создания поселенных войск был распространен и на северо-западную границу. Здесь было решено завести поселенные солдатские полки, о которых Г. Котошихин писал: «Полки салдатские, старые, издавна устроены житьем на порубежных местех острогами, в двух местех к границе Свейского государства, Олонец, Содро, погостами и деревнями со всем своим житьем и з землю; и в воинское время емлют их на службу и учинят к ним полковников и иных начальных людей. А для оберегания пограничных мест и острожков и домов оставляют их четвертую долю людей; и податей с них на царя не берут ничего; а когда войны не бывает, и тогда с них берут подати, что и с ыных крестьян, по указу, по чему положено. А будет [179] тех салдатов немалое число...».⁵⁶

Создание поселенных солдатских полков началось в феврале 1649 г., когда в Заонежье было послано 98 иноземных начальных людей во главе с полковниками А. Гамильтоном и М. Кормихелем для формирования двух солдатских полков из крестьян 6 заонежских и 3 лопских погостов.⁵⁷ Затем последовал царский указ от 21 ноября 1649 г., согласно которому в «Сумерскую волость и Старополье» был послан воевода И.М. Кайсаров с приказом местных крестьян и бобылей «устроить в салдатскую службу». Вместе с воеводой были посланы также 6 иноземных начальных людей во главе с полуполковником И. Фанзале-ном и партией оружия, рассчитанной на формирование 10-ротного полка из 1000 солдат-мушкетеров.⁵⁸ Всего для солдатской и драгунской службы на северо-западной границе было набрано 7902 крестьянина, сведенных в 4 полка.⁵⁹ Солдаты этих поселенных полков частью несли пограничную службу на русско-шведской границе от Старой Руссы до Онеги, частью стояли гарнизонами в небольших фортах-острожках вдоль границы, частью – в резерве в Пскове, Старой Руссе, Новгороде и Олонце, где располагались штаб-квартиры полков.⁶⁰ [180]

Помимо этих полков, в апреле 1648 г. был сформирован и послан на Дон в помощь донским казакам тысячный солдатский полк под началом воеводы А. Лазарева, набран-

⁵⁵ Чернов А.В. Вооруженные силы русского государства в XV-XVII вв... С. 140; Загоровский В.П. Белгородская черта... С. 134.

⁵⁶ Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича... С. 157.

⁵⁷ ДАИ. Т. III. СПб., 1848. С. 170-173. Об этом также сообщает и шведский резидент при московском дворе К. Поммеренинг (Донесения королеве Христине и письма к королевскому секретарю шведского резидента в Москве Карла Поммеренинга... С.442, 444).

⁵⁸ ДАИ. Т. III. СПб., 1848. С. 231-232; 238; Донесения королеве Христине и письма к королевскому секретарю шведского резидента в Москве Карла Поммеренинга... С. 458.

⁵⁹ ДАИ. Т. III. С. 233; Чернов А.В. Вооруженные силы русского государства в XV-XVII вв... С. 141-142. См. также: Мюллер Р.Б. Очерки по истории Карелии XVI – XVII вв... С. 128-138.

⁶⁰ Создание этих полков имело большое значение, хотя А.К. Пузыревский критически оценивал боеспособность поселенных солдат и драгун (См.: Пузыревский А.К. Развитие постоянных регулярных армий... С. 74-75). Видимо, он исходил из жалоб воевод, которым под начало попадались поселенные драгуны и солдаты. Последние сетовали на то, что, хотя они «добрые» ратники, однако постоянно «бегают» со службы (ДАИ. Т. III. С. 92; Веселовский С.Б. Сметы военных сил Московского государства 1661-1663 гг... С. 13). Однако, на наш взгляд, критическое отношение маститого военного историка к поселенным солдатам не совсем правомерно. Дезертирство и «нетство» было вызвано скорее даже не непостоянством службы олонцев и сомерских солдат и драгун, в результате чего они были слишком привязаны к своему хозяйству и уделяли недостаточно времени обучению и выработке *esprit d'corps*. В европейских армиях того времени в сложных условиях, при недостатке продовольствия и хронической невыплате жалования дезертирство достигало порой громадных размеров. Причину нужно искать, скорее всего, в непривычности самой солдатской и драгунской службы для черносошных крестьян, которые считали, что военная служба – удел служилых людей, а они должны пахать землю. Хотя, вне всякого сомнения, отрыв солдат на долгое время от хозяйства означал их разорение, в результате чего неизбежно падала боеспособность поселенного войска, служившего со своих земельных наделов.

ный как из опытных солдат-ветеранов, так и из охочих людей и просуществовавший не менее года.⁶¹

Однако все эти шаги носили в известной степени предварительный характер. По настоящему процесс создания новых солдатских полков развернулся с весны 1653 г., когда было принято принципиальное решение о вступлении в войну с Речью Посполитой. Взяв за основу приемы комплектования полков, опробованные в начале 30-х гг. XVII в.⁶², в столице и в Подмоскovie (например, в Коломне⁶³) формировались не менее 15 солдатских и 2 драгунских полков. На южной границе, на Белгородской черте летом 1653 г. было начато формирование еще 4-х солдатских полков.⁶⁴ И это не считая поселенных солдатских и драгунских полков, расквартированных на юге [181] и северо-западе и старого драгунского полка Р. Корсака в Туле. К началу летней кампании 1654 г., открывшей череду войн, которые с небольшими перерывами будут длиться до 1723 г., в состав армии «новой модели» входило, по приблизительным расчетам, 22 солдатских и 9 драгунских полков общей численностью до 37 тыс. солдат и начальных людей.⁶⁵

Продолжение войны потребовала дальнейшего наращивания военного потенциала России, что способствовало росту числа солдатских полков. Роспись по городам 1662 г. показывала, что она насчитывала в своих рядах 31 солдатский и 3 драгунских полка.⁶⁶ В 1680 г., спустя четверть с лишним века после начала второго этапа формирования армии «новой модели», московское войско насчитывало 41 солдатский полк.⁶⁷ Динамику увеличения числа солдатских и драгунских полков демонстрирует график 4:

График 4. [230]

⁶¹ Загоровский В.П. Белгородская черта... С. 120; Донесения королеве Христине и письма к королевскому секретарю шведского резидента в Москве Карла Поммеренинга... С. 414. Солдаты полка возле Черкаска построили укрепленный город, в котором и квартировали около года.

⁶² АИ. Т. IV. С. 198-201.

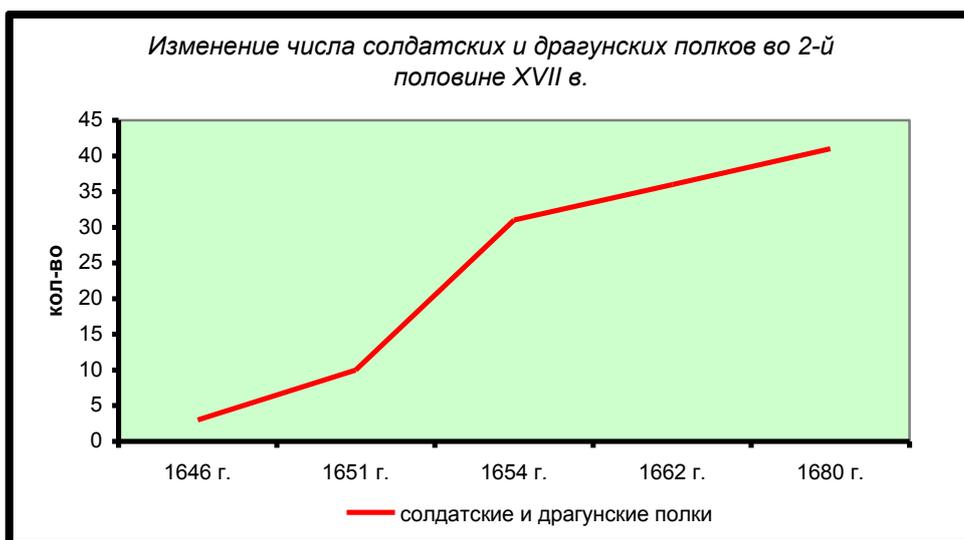
⁶³ Там же. С. 189.

⁶⁴ Полки, командирами которых были назначены полковники Яган Краферт, Александр Краферт, Юрий Гутцын и Джон Лесли, формировались в Белгороде, Яблонове, Карпове и Усерде. По плану предполагалось набрать в них 8 тыс. человек. К середине августа 1653 г. в эти полки было набрано уже 6763 солдата, а 28 октября того же года воевода В.Б. Шереметев доносил в Москву, что «...в Яблонове полковник Алесандр Краферт своего полку новоприбранных солдат всему солдатскому строю выучил и к бою готовы, а с Белгорода Яган Краферт, с Усерда Джон Лесли, с Карпова Юрья Гутцын прислали к нам сказки за руками, а в сказках их написано, что и их полков новоприбранные солдаты всему солдатскому строю научены же и к бою готовы» (АМГ. Т. II. С. 339). Полки эти, судя по всему, с самого начала имели усиленный 20-ротный состав (См.: Малов А. Государевы выборные московские полки солдатского строя. Краткий очерк истории и организации // Цейхгауз. 2001. № 1 (13). С. 6).

⁶⁵ АМГ. Т. II. С. 339; Бабулин И.Б. Полки русской армии в Смоленском походе 1654 г. // Воин, 2004. № 17. С. 36-39; Бабулин И.Б. Гусарские полки в русской армии XVII века // Рейтар, 2004. № 9 (17). С. 31-32; Витебская старина. Т. IV. Ч. 2. Витебск, 1885. С. 348; Мальцев А.Н. Россия и Белоруссия в сер. XVII. В. М., 1974. С. 29; Орловский И.И. Смоленский поход Алексея Михайловича в 1654 г. Смоленск, 1905. С. 31. О.А. Курбатов сообщает, что в кампанию 1654 г. вступили 21 солдатский и 6 драгунских полков общей численностью около 40 тыс. солдат и начальных людей, не считая еще по меньшей мере 2 солдатских, 1 драгунского полков и нескольких тысяч военно-поселенцев на юге и северо-западе (Курбатов О.А. Организация и боевые качества русской пехоты «нового строя»... С. 176-177).

⁶⁶ Эти данные нельзя считать окончательными и полными хотя бы потому, что в нем не учтены два московских выборных солдатских полка полковников А. Шепелева и М. Кровкова. См.: Веселовский С.Б. Сметы военных сил Московского государства 1661-1663 гг... С. 14-19; Малов А. Государевы выборные московские полки солдатского строя // Цейхгауз. № 1(13). 2001. С. 4-5; Цейхгауз. № 2 (14). 2001. С. 5-6. А.В. Чернов для 1663 г. показывает наличие в строю 55 солдатских полков (Чернов А.В. Вооруженные силы русского государства в XV-XVII вв... С. 145). Сокращение численности драгунских полков вовсе не означало, что драгуны как род войск стали выходить из употребления. Практика посадки на-конь солдат для повышения их подвижности осталась. Так, в осенней кампании 1658 г. приняли участие две выборных шкvadроны майоров Д. Дурова и В. Баранчеева из состава выборного солдатского полка А. Шепелева, срочно посаженные на казенных лошадях (Малов А.В. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории 1656-1671 гг. М., 2006. С. 429).

⁶⁷ Чернов А.В. Вооруженные силы русского государства в XV-XVII вв... С. 189.

Не менее серьезными и глубокими были преобразования в органи[182]зации русских вооруженных сил, причем на всех уровнях. Система управления вооруженными силами, структура частей, организация полевых армий – везде явственно просматриваются черты нового, присущего новой эпохе в развитии военного дела.

Прежде всего необходимо отметить перемены, произошедшие в центральном аппарате управления вооруженными силами. Выше уже говорилось, что, поскольку временно-контрактная армия как форма организации вооруженных сил в России не существовала, то государство было вынуждено изначально взять на себя вопросы, связанные с набором, снабжением и управлением войсками как в мирное, так и в военное время. Поэтому в этом вопросе Россия шла на шаг вперед Европы. Главную роль в управлении войском играли московские приказы, система которых, сформировавшаяся в общих чертах во 2-й половине XVI в., в XVII в. получила дальнейшее развитие. Наряду со старыми Разрядным, Стрелецким, Пушкарским и Оружейным приказами, существовавшими или появившимися в начале XVII в., в 20-х – нач. 50-х гг. возникает целый ряд новых – Иноземский (1623 г.), Рейтарский (1649 г.), Сбора даточных людей (1632 г.), Сбора ратных людей (1637 г.), Ствольных дел (1646 г.).⁶⁸ Характерной чертой приказного управления во 2-й половине XVII в. стало объединение нескольких приказов под руководством одного человека для координации их действий. Например, царский тесть боярин И.Д. Милославский с конца 40-х гг. и до 1666 г. руководил Иноземским, Рейтарским и Стрелецкими приказами.

К концу русско-польской войны сложилась новая система управления вооруженными силами, характерной чертой которой была определенная ее децентрализация, выразившаяся в переносе части управленческих функций на места, в разрядные полки (позднее разряды – военно-административные округа). Эта новая тенденция была обусловлена, по мнению П.Н. Милюкова, необходимостью оперативнее откликаться на возникающие угрозы со стороны потен[183]циальных противников и иметь на предполагаемом театре военных действий достаточно крупные армейские группировки, способные быстро отомобилизоваться и перейти к активным действиям.⁶⁹

⁶⁸ Некоторые приказы, такие как Ратных дел (1632 г.) и Мушкетного дела (1653 г.) создавались на короткое время для решения конкретных вопросов. Помимо этих приказов, вопросами военного строительства занимались и некоторые другие. Так, Новгородский приказ долгое время ведал артиллерийским делом и фортификацией в подчиненных ему городах и волостях, Устюжская четверть – ведала пушкарским чином в Устюге и Устюжне, Конюшенный и Монастырский приказы участвовали в обеспечении новых полков лошадьми, приказ Тайных дел заведовал гранатными «промыслами» и пр. (Богоявленский С.К. Московский приказный аппарат и делопроизводство XVI – XVII веков. М., 2006. С. 351-352; Малов А.В. Московские выборные полки солдатского строя... С. 43).

⁶⁹ Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Ч. 1. М., 1918. С. 153.

Первоначально разрядные полки стали возникать на западной и южной границах, там, где политическая и стратегическая ситуация была наиболее взрывоопасной и напряженной. Еще в 1646 г., во время строительства Белгородской черты, предпринималась попытка создания единого центра управления военными формированиями на юге России в Белгороде. Однако тогда дело доведено до конца не было, и только в 1658 г. был образован Белгородский разрядный полк. Затем последовали другие и к концу 70-х гг. их было уже 10 – Белгородский, Северский (Севский), Новгородский, Смоленский, Казанский, Тобольский, Томский, Енисейский, Рязанский и Украинный (Тульский). Свой окончательный вид система военно-административных округов приобрела в 1680 г., когда вместо расформированного Тульского разряда были образованы Московский, Владимирский и Тамбовский разряды.⁷⁰

С постепенным складыванием разрядной системы изменилась и организация полевой армии. Старая система деления полевого войска уходит в прошлое. Если в начале войны с Речью Посполитой, во время похода 1654 г. мы еще видим традиционное полковое деление русского войска, то к началу 70-х гг. оно уже практически исчезло. Полевые армии, действующие на определенном стратегическом направлении, включали в себя отдельные корпуса – разрядные полки. Последние, в свою очередь, обычно делились на большой воеводский полк и полки его «товарищей», состоявшие из солдатских, драгунских, рейтарских полков, сотен поместной конницы и приказов стрельцов. Примером такого нового деления может служить роспись Белгородского полка 1658 г. Полк общей численностью 19252 чел. под начальством воеводы князя Г.Г. Ромодановского был поделен на [184] «большой» полк (название осталось традиционным, хотя от старого большого полка прежних московских ратей в нем практически ничего не осталось) численностью 10227 ратных людей. В него вошли 1000 всадников поместной конницы, рейтарский полк полковника Я. Фанрозербаха (1200 человек), драгунские полки полковников Р. Корсака и Х. Гундертмарка (соответственно 1329 и 1299 чел.), солдатские полки полковников Ф. фон Бокховена, Я. Лесли и Я. Ронарта (соответственно 1601, 1623 и 1575 чел.) и приказ московских стрельцов стрелецкого головы К.А. Иевлева (600 стрельцов). Помимо «большого» полка, были образованы и 2 полка воеводских «товарищей». В одном было 5232 ратных человека – 500 всадников поместной конницы, 600 рейтар полка полковника И. А. Шепелева, 1251 драгун полка полковника В. Фанзейда, 1481 солдат полка полковника Ф. Вормзера и 1400 солдат полка полковника Я. Инвалта; в другом – 3743 ратных человека: 500 всадников поместной конницы, 600 рейтар полка полуполковника С.С. Скорнякова-Писарева, 1121 драгун полка полковника Я. Зангера и 1522 солдата полка полковника В. Фангалена.⁷¹

От старой полковой организации остался лишь особый отборный Государев полк, элита поместной конницы. Разрядные полки и их составные части представляли вполне самостоятельные, состоявшие из трех родов войск, «корпуса» и «дивизии», способные действовать как отдельно, так и в составе более крупных, стратегических группировок войск.⁷²

⁷⁰ Чернов А.В. Вооруженные силы русского государства в XV-XVII вв... С. 189. Типичным разрядным полком может считаться Белгородский. В феврале 1667 г. он включал в себя 7 рейтарских, 2 драгунских, 5 солдатских полков и 1 стрелецкий приказ с 8320 рейтарами, 1654 драгунами, 4556 солдатами, 657 стрельцами, а также 274 донских казака и на городской службе детей боярских и прочих служилых людей 25452 чел. (РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 2. Столбцы Белгородского стола. № 625. Л.л. 75-76).

⁷¹ Загоровский В.П. Белгородская черта... С. 155-156. Похожее деление имела и армия В.П. Шереметева во время несчастного для нее чудновского похода 1660 г. (См.: Барсуков А. Род Шереметевых. Кн. 5... С. 301-302; Бабулин И.Б. Состав русской армии в Чудновской кампании 1660 года // Рейтар. 2006. № 4 (28). С. 39-40).

⁷² С точки зрения организации полевой армии по новой разрядной системе интерес представляет роспись армии, которую предполагалось направить во главе с князем Г.Г. Ромодановским в 1676 г. в Крым. Армию должны были составить помещики Севского полка, 8 стрелецких приказов, выборный московский солдатский полк А. Шепелева, калмыки, смоленская шляхта, Севский и Белгородский полки, выставаемые соответствующими разрядами, 1000 башкир и украинские казаки. Сбор армии предполагалось осуществить к

Своего рода венцом преобразований в системе управления армией в XVII в. стал царский указ от 24 ноября 1681 г. о созыве в Москве специального совещания думных и ратных начальных людей [185] «для лучшаго своих государевых ратей устроения и исправления» с учетом полученного в прежних кампаниях опыта. В указе говорилось: «В лето 7190, ноября в 24 день, при помощи всемогущего в Троице славимого Бога, великий государь, царь и великий князь Федор Алексеевич, великий князь Малыя и Бельяя России самодержец, указал боярину князю Василью Васильевичу Голицыну с товарищи, ведать ратные дела, для лучшаго своих государевых ратей устроения и исправления, а с ним боярином со князем Васильем Васильевичем у того дела быти выборным и стольником и генералам и стольникам же и полковникам рейтарским и пехотным, и стряпчим и дворяном и жильцом и городовым дворяном же и детем боярским, для того: ведомо ему великому государю учинилось, что в мимошедших воинских бранех, будучи на боях с его государевыми ратными людьми, его государевы неприятели показали новые в ратных делех вымыслы, которыми желали чинити поиски над его государевыми ратными людьми, и чтоб для тех нововымысленных неприятельских хитростей учинити ему великому государю в своих государских ратех рассмотрение и лучшее устроение, которым бы устроением его великого государя ратем в воинские времена имети против неприятелей пристойную осторожность и охранение, и **чтобы прежде бывшее воинское устроение, которое показанное на боях неприбыльно, переменить на лучшее; а которыя из принятого устроения дела на боях с неприятелями имеются пристойны, и тем быти без преме-нения** (выделено нами – П.В.)...».⁷³

Это совещание не успело сделать многого из-за преждевременной смерти царя Федора Алексеевича и начавшейся полосы внутривластных неурядиц и смут. Однако по его инициативе было подготовлено и обнародовано 12 января 1682 г. «Соборное деяние об уничтожении местничества».⁷⁴ Этим указом был сделан решительный шаг на пути ликвидации местничества («...от сего времени [186] повелеваем боярам нашим и окольными и думным и ближним и всяких чинов людям на Москве в приказах и у росправах, и в полках у ратных, и у посольских, и везде у всяких дел быти всем меж себя без мест, и впредь никому ни с кем никакими прежними случаи не считаться, и никого не укорять, и никому ни над кем мимошедшими находы не возноситься...»⁷⁵), столь немало вредившего военным усилиям Российского государства еще с конца XV в.

Пасхе, а начало похода – к моменту, когда в степи взойдет трава и станет возможно обеспечить коней фуражом (См.: ПСЗ. Т. I. № 614).

⁷³ ПСЗ. Т. II. № 905. Видимо, не случайно во главе этой, говоря языком XVIII в., воинской комиссии, был поставлен князь В.В. Голицын, опытный военачальник и царедворец, известный своими прозападными симпатиями (О характере князя см.: Лавров А.С. Василий Васильевич Голицын // Вопросы истории. 1998. № 5. С. 61-72). Это совещание положило начало традиции созыва подобных совещаний в XVIII – нач. XIX вв. См., например: Пенской В.В. Военные реформы и воинские комиссии в России в XVIII в. // Вузовская наука – региону. Материалы первой общероссийской научно-технической конференции 27-28 февраля 2003 г. Вологда. РИО ВоГТУ. 2003.

⁷⁴ См.: ПСЗ. Т. II. № 905.

⁷⁵ ПСЗ. Т. II. № 905. Примеров распрей начальных людей в документах XVII в. есть великое множество. Так, 14 сентября 1660 г. князь И.А. Хованский отписывал в Москву из Полоцка о своей ссоре с генералом Т. Далйеллом: «Государю, царю... Ивашко Хованский челом бьет. В прошлом в 168 г. августа в 16 д. приходил ко мне на дворишко енарал порутчик Томас Далиел и говорил мне при товарище моем, при околничем и воеводе при Иване Вельяминове, да при дьяке Тимофее Козмине и при многих твоих ратных людех, что де рейтары моего полку на карауле с салдатами, которые у него в полку, побранились и подрались; и я сказал ему, енаралу, буде рейтары так учинили, и я, сыскав, учиню им наказанье, чтобы они. приходя на караул, не бранились и не дрались, и он генерал, учал мне говорить невежливо, а сказал: роздам де порох и свинец салдатом и велю по дворяном и рейтаром стрелять; и я говорил ему: за что порох и свинец салдатом раздавать и стрелять по твоим ратным людям, по дворяном и рейтаром, то им говорить непригоже; и он, енарал, осердясь, пошел с дворишка моего и велел бить в барабаны и учинил всполох большой, и салдаты, покиная городовое дело, побежали к нему, почаяли, что приход польских людей; и он, генерал, собрав полк пошел за город, и, идучи городом, многих дворян бил тростью неведомо за что, кто встречу ни попадет, и, выведчи полк за город, и отказал, что ему до полку дела нет... И с того числа он, генерал, ни в чем меня не слушает и к

Перемены в системе управления войсками сопровождались не менее серьезными изменениями в их организации и структуре. Структура полков армии «новой модели» определялась иными, чем в старом московском войске принципами. В ее основу была положена [187] на рота⁷⁶, несколько рот вместе со «штабом» образовывали полк. Внутреннее устройство рот и полков, так же как и число и должности начальных людей в целом следовало порядку, расписанному полковником И. фон Бокховеном и принятом в большинстве европейских армий того времени. В полковом расписании числились должности полковника (он же командир 1-й роты), его заместителя полуполковника (командовавший 2-й ротой), майора (командира 3-й роты), капитан-поручик (замещавшего полковника на месте ротного командира), капитана (в кавалерии ротмистра), поручика, прапорщика, квартирмейстера, обозничего, а также урядников и «приказных людей меньшего чину» (судьи, профосы, писари, толмачи, лекари, священники и пр.).⁷⁷ При этом большие потери от дезертирства (извечной болезни всех молодых армий), болезней и пр. вели к постоянному некомплекту полков, да и не все должности начальных людей могли замещаться.⁷⁸

«Стандартный» солдатский полк на рубеже 50-х – 60-х гг. XVII в. имел 10 рот и около 1000 солдат⁷⁹, однако, как и в европейских армиях того времени, число рот и солдат могло существенно различаться⁸⁰, соответственно изменялось и число солдат. Так, в 1659 г. [188] солдатский полк полковника Н. Баумана состоял из 3 тыс. солдат, годом позже выборные солдатские полки А. Шепелева и Я. Колюбакина насчитывали соответственно немногим менее 2,5 тыс. и около 1,7 тыс. солдат. 4 солдатских полка Белгородского полка в 1667/1668 гг. имели в списках 4556 солдат, т.е. менее 1200 на полк. Весной же 1680 г. создававшиеся при «разборе» Белгородского полка 10 солдатских полков должны были иметь по 1600 солдат.⁸¹ Полки, насчитывавшие 2 или более тысяч солдат, для удобства

полку не ходит. Милости у тебя прошу о солдатах его полку, в указное число 800 ч. и о начальных людех ко мне в нем. А от такого, государь, дурака и непослушника страшен: как лучится сойтись с неприятелем, и чтоб он своею дуростью и непослушаньем твоему делу поруки какой не учинил...» (АМГ. Т. 3. С. 155). Соора Далйелла и Хованского имела продолжение – князь, человек чрезвычайно запальчивый и своенравный, отказался следовать советам опытного в военном деле англичанина, ветерана гражданской войны между королем Карлом I и парламентом. Увидев нежелание воеводы следовать его советам, Далйелл предсказал неминуемое поражение русского войска и, покинув армию, уехал в Полоцк. Вскоре после этого Хованский был наголову разбит противником при Кушликовых горах. В конце концов Далйелл в 1665 г. покинул Россию и вернулся на родину, в Шотландию, где за свою жестокость и беспощадность в борьбе с противниками Карла II, шотландскими ковенантерами, заслужил прозвище «кровавого московита» и «зверя из Московии». Под именем Томаса Дэлзэла он выступил в известном романе В. Скотта «Пуритане».

⁷⁶ Рота, согласно инструкции Бокховена, состояла из 3-х капральств и могла насчитывать от 80 до 150 или даже больше солдат. В ее штат входили 8 начальных людей – капитан, поручик, прапорщик, 2 сержанта и 3 капрала (Перевод с галансково письма, что подал боярину Илье Даниловичу Милославскому рейтарсково строю полковник Исак фан Буковен, как всяких чинов урядников воспросить про ратное ученье, что всякому уряднику в ратном строе подобает ведать. И против тех воспросов – ответ // РА. Т. VI. М., 1995. С. 7-8). О принятых в английских армиях времен Гражданской войны порядках см.: Haythornthwaite P. The English Civil War 1642-1651... P. 44; Tincey J. Soldiers of the English Civil War (2): Cavalry. L., 1990. P. 7; Roberts K. Soldiers of the English Civil War (1). Infantry. L., 1989. P. 13-15.

⁷⁷ См., например: РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Столбцы Московского стола. № 849. Л.л. 498-500.

⁷⁸ Высокий уровень небоевых потерь, в т.ч. и от дезертирства, был характерен для всех тогдашних европейских армий (Roberts K. Soldiers of the English Civil War (1). Infantry... P. 16). Так, в кромвелевской «New Model Army» 10-ротный пехотный полк, в котором по штату было 1200 солдат, считался сильным, если имел в строю 700 чел., нормой же считалось 300-500 солдат на полк (Asquith S. New Model Army. Oxford, 1981. P. 7). Так что «нетство» и бегство были общей, широко распространенной болезнью.

⁷⁹ См., например: АМГ. Т. II. СПб., 1894. С. 461; Малов А.В. Московские выборные полки солдатского строя... С. 165.

⁸⁰ См., например: Roberts K. Soldiers of the English Civil War (1). Infantry... P. 15.

⁸¹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 2. Столбцы Белгородского стола. № 625. Л. 75-76; Веселовский С.Б. Сметы военных сил Московского государства... С. 8-10; Загоровский В.П. Изюмская черта. Воронеж, 1980. С. 113; Малов А.В. Московские выборные полки солдатского строя... С. 165-166, 180; Роде А. Описание второго посольства в Россию датского посланника Ганса Ольделанда в 1659 году // Утверждение династии. М., 1997. С. 23.

применения могли делиться на «тысячи» или «шкwadроны» численностью обычно 5 рот каждая.

Схожая картина наблюдалась в драгунских, рейтарских и иных полках армии «новой модели». При 8-10 ротах драгунский полк в начале войны с Речью Посполитой мог иметь 1,5 тыс. солдат, рейтарский и гусарский – 1 тыс.⁸² Однако в ходе войны появляются полки с иным числом рот и другой численности. Драгунские полки могли иметь от 500 до 1200 солдат в полку, а рейтар и того больше. Так, в нач. 60-х гг. некоторые рейтарские полки имели более 2 тыс. солдат, в Белгородском полку в 1667/1668 г. числилось в 7 рейтарских полках 8048 копейщиков и рейтар – в среднем по 1150 человек на полк.⁸³ Заслуживает внимания появление на втором этапе русско-польской войны рейтарских полков смешанного состава – помимо рейтарских рот они включали в себя роты драгун и копейщиков. Так, в 1662 г. рейтарский полк полковника В. Змеева имел в строю 78 начальных людей, 1604 рейтара и 840 драгун, полковника Г. Тарбеева – соответственно 42, 1113 и 247, а Р. Палмера – 40, 983 и 153. При разборе же весной 1680 г. Белгородского полка формируемые 6 [189] рейтарских полков должны были иметь в своем составе шкwadрон копейщиков (250 чел.) и по 1000 рейтар.⁸⁴ Можно предположить, что появление в составе рейтарских полков драгун и копейщиков отражало опыт столкновений с польской конницей. Приданные рейтарам драгуны должны были усилить огневую мощь рейтарских рот, а копейщики – ударную.⁸⁵

Т.о., можно заключить, что организационная структура полков русской армии «новой модели» до конца устоялась – если роты были устроены более или менее однообразно, то этого нельзя сказать о полках. Однако разность в их устройстве была обыкновенной для того времени и отражала специфические условия их формирования, привычки и пристрастия полковников, а также стремление найти наилучшую форму их внутренней организации. Отрицать на этом основании их регулярность вряд ли возможно, и потому можно с уверенностью сказать, что в этом вопросе русские сделали большой шаг вперед на пути создания современной армии Нового времени.

Еще одной чрезвычайно важной чертой, характеризующей радикальный характер перемен, происходивших в военном деле России во 2-й пол. XVII в., стало серьезное внимание к военной теории. В 1647 г. был опубликован в синодальной типографии (! – П.В.) первый печатный русский военный устав и одновременно первая русская печатная книга, посвященная основам военного дела – «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей». Эта книга вышла огромным по тем временам тиражом – 1200 экз.⁸⁶ В ней под[190] робнейшим образом рассматривал общие вопросы западноевропейской военной теории и практики в отношении пехоты. «Учение...» доказывало необходимость и пре-

⁸² Витебская старина. Т. IV. Ч. 2. С. 347-349; Курбатов О.А. Полк Антония Грановского в походе 1654 г.: о положении иностранных специалистов артиллерийского и инженерного дела в русском войске // Иноземцы в России в XV – XVII веках. Сборник материалов конференций 2002-2004 гг. М., 2006. С. 320.

⁸³ См., к примеру: Веселовский С.Б. Сметы военных сил Московского государства 1661-1663 гг... С. 7-19; РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 2. Столбцы Белгородского стола. Л. 74-76.

⁸⁴ Веселовский С.Б. Сметы военных сил Московского государства 1661-1663 гг... С. 14; Загоровский В.П. Изюмская черта... С. 113.

⁸⁵ Создание смешанных кавалерийских полков не привело к исчезновению специализированных частей. В составе Новгородского полка был сформирован гусарский полк Никифора Караулова, который в сентябре 1662 г. имел налицо 372 человека (РГАДА. Ф. 210. Оп. 11. Столбцы Новгородского стола. № 126. Л. 216-217), а в Белгородском полку появились полки копейного строя майора П. Стромичевского и полуполковника Е. Марлента, имевшие в сентябре 1662 г. соответственно 583 и 600 копейщиков и начальных людей (Веселовский С.Б. Сметы военных сил Московского государства 1661-1663 гг... С. 6).

⁸⁶ Во вступлении к уставу неизвестный автор писал, что эта книга должна стать первой из 8 сочинений по военному делу – строевое учение и тактика пехоты и кавалерии (книги 1-я и 2-я), оперативное искусство (управление армией силой от 4 до 80 тыс. солдат, 3-я книга), теория военного искусства и очерк развития военного дела в античности (4-я книга), военная история (5-я книга), положения об обязанностях солдат и начальных людей (6-я книга), флот и основы морской тактики (7-я книга), тактика в боевых примерах (8-я книга). Но из всех этих книг вышла только одна – самая первая, касавшаяся тактики и строевого учения пехоты (Учение и хитрость ратного строения пехотных людей. СПб., 1904. С. 3-4).

имущества именно постоянной армии – хотя бы потому, что мушкетер, вооруженный фитильным ружьем, должен был четко усвоить 143 ружейных приема, а пикинер – 21 прием, которые были подробнейшим образом проиллюстрированы в книге гравюрами. Устав рассматривал вопросы вооружения и снаряжения рядового пехотинца, организации пехотной роты и порядок учения одиночного, ротного и полкового.⁸⁷

Правда, представлявшее собой достаточно вольный перевод какого-то немецкого военного трактата начала века⁸⁸, «Учение и хитрость...», видимо, не вошло в повседневную практику русской армии 2-й половины XVII в.⁸⁹ Из всего тиража за 10 лет было продано всего 134 экз., после чего оставшиеся 1066 книг забрали в Приказ Тайных дел.⁹⁰ В документах лишь один раз, 29 декабря 1661 г., упоминается о его передаче в войска для обучения солдат.⁹¹ В любом случае, независимо от того, стала ли «Учение и хитрость...» настольной книгой начальных людей полков новой армии или нет, сам факт появления такой работы весьма примечателен. Она наглядно свидетельствовала об осознании русскими важности военной теории и понимания необходимости создания печатных наставлений для [191] организации более или менее единообразной подготовки войск. Об этом же говорят и другие факты. Так, в 1650 г. с голландского была переведена книга о строевом учении рейтар.⁹² Годом позже полковник И. фон Бокховен по требованию боярина И.Д. Милославского подготовил записку о порядке строевых учений, причем эта записка, как следует из ее содержания, была не первой, которую он написал.⁹³ 21 августа 1653 г. датируется еще одна записка, составленная полковником Александром Крафертом, о количестве вооружения и амуниции, необходимых для приведения солдатского и рейтарского полка в боеспособное состояние.⁹⁴

Большой интерес к европейской военной теории проявлял и сам царь Алексей Михайлович. Так, в 1660 г. «Тишайший» потребовал от русского резидента и комиссариуса в Голландии Ивана Гебдона, чтобы тот доставил ему в Москву «...книгу ратную, по которой суды воинские держат. Другую, в которой всякие хитрости делать, как город имать и из города, в осаде будучи, оборонитца. Третьею – какие пушки надобно ко всякой войне походной и обозной, и полковые, и городского взятья, и какими снастями легкими возить их. Образцов обозов мудрых и осторожных как ставити...».⁹⁵

К этому же времени относится и первая попытка обобщить опыт многочисленных войн, что вели русские, сделанная в самой России. Речь идет о сочинении писателя и пуб-

⁸⁷ Учение и хитрость... С. 5, 29, 39, 41, 64-65, 67, 75, 82, 97, 98, 108-109, 128, 180-181 и др.

⁸⁸ Скорее всего, перевод был сделан с сочинения директора военной академии Иоанна Нассау в Зигене И.Я. фон Вальгаузена «Kriegkunst zu Fuss», вышедшего около 1615 г.

⁸⁹ Есть, правда, одно свидетельство, которое может быть истолковано именно как факт использования в войсках уставных норм, предписываемых «Учением и хитростью...». Речь идет о приведенном ранее свидетельстве Н.Н. Голикова о характере строевого учения стрелецкого полка Тарбеева (Голиков Н.Н. Деяния Петра Великого... Ч. 1. С. 179-180).

⁹⁰ По мнению Ф.И. Калинычева, факт передачи «Учения и хитрости...» в Приказ Тайных дел свидетельствовал о том, что устав действительно активно использовался в строевых частях – он выдавался командиру вновь сформированного полка вместе со знаменем (Калинычев Ф.И. Правовые вопросы военной организации Русского государства второй половины XVII века. М., 1954. С. 134-135).

⁹¹ Белокуров С.А. Дневальные записки Приказа тайных дел 7165-7185 гг. М., 1908. С. 120.

⁹² Андреев И.Л. Алексей Михайлович. М., 2003. С. 246; Епифанов. П.П. Войско // Очерки русской культуры XVII века. Ч. 1. М., 1979. С. 249.

⁹³ Перевод с галанскового письма, что подал боярину Илье Даниловичу Милославскому рейтарсково строю полковник Исак фан Буковен, как всяких чинов урядников воспросить про ратное ученье, что всякому уряднику в ратном строе подобает ведать. И против тех воспросов – ответ // РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Столбцы Московского стола. № 875. Л. 227, 229-233, 244. Опубликовано в: РА. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII-XX вв. Т. VI. М., 1995. С. 7-9.

⁹⁴ АМГ. Т. II. С. 335-336.

⁹⁵ Гурлянд И.Я. Иван Гебдон комиссариус и резидент. Материалы по истории администрации Московского государства второй половины XVII века). Ярославль, 1903. С. 48.

лициста 2-й половины XVII в. Ю. Крижанича.⁹⁶ Хотя в своих размышлениях о России он касался самых разнообразных проблем, однако одним из наиболее важных для него был именно вопрос об особенностях развития русского войска в связи с влиянием военного опыта Запада и Востока. [192] Крижанич первым в России попытался проанализировать те перемены, которые произошли в русском военном деле с внедрением огнестрельного оружия.

Военное дело было, по мнению Крижанича, одним из наиважнейших занятий, жизненно необходимых для государства и общества: «Ратное дело есть дело человеческой земной жизни. Оружие должно быть всегда наготове и занятие ратным делом никогда не должно быть отлагаемо. Ибо не было еще ни одного царя столь могущего и счастливого, – писал мыслитель, – который имел бы мир в своей власти: но каждый до тех пор наслаждается миром, покуда наслаждаться им допускает ему сосед его».⁹⁷ Однако в этом случае возникал закономерный вопрос, каким образом строить свою армию? Главная идея концепции Крижанича лучше всего выражена в широко известных его словах: «По разну как три народы нам супротивники имают сея крепости. Ляхи бо храбростию, немцы силою, крымцы борзостию, без мала превосмогают наших вояков. Супроть таковых адда пораженным неприятелем, не единым строем оружия, но разными законми бороться есть треба. – Мы пак Русы во всех трех тех крепостях есмо средни. Борзостию превосмогаем немцев; силою крымцев. З ляхми есмь един народ, и норов. В те время превосмогаем ляхов пеши-ми силами, и добрым рядом. А в храбрости не великим делом можем им ея зверстати... В способах ратного дела мы занимаем среднее место между скифами и немцами. Скифы особенно сильны только легким, немцы только тяжелым вооружением: мы же удобно пользуемся тем и другим, и с достаточным успехом можем подражать обоим помянутым народам, хотя и не сравниваемся с ними. Скифов мы превосходим вооружением тяжелым, а легким близко к ним подходим; с немцами же все наоборот».⁹⁸ В этой фразе в сжатой форме выражена вся суть размышлений Крижанича, пытавшегося найти некий «третий» путь в развитии русского военного дела как нечто среднего между западно- и восточноевропейской военными традициями, главное различие между которыми заключалось в ориентации на действия в совершенно разных условиях.

Главным неприятелем для русских Крижанич полагал татар, и, учитывая особенности степного ТВД и татарской тактики, резко от[193]рицательно высказывался против заимствования «немецкой» тактики и вооружения как непригодной для войны со столь подвижным и маневренным неприятелем.⁹⁹ Оружие и тактика войск должны соответствовать национальному характеру воинов, их природе и тем условиям, в которых они должны будут сражаться. Наиболее же близкими по духу русским были «ляхи», которые, как указывал Крижанич, «...много раз достойно бились с немцами, ибо они имели легкую конницу, казаков и татар, а вместе с нею тяжелую конницу – своих гусар, а у немцев нет ни того, ни другого строя».¹⁰⁰ И продолжая свою мысль, он писал, что «... то, от чего мы ждем силы, больше всего несет нам гибель: это – полковники и учителя немецкие и помощь шведская. С Божьей милостью с русским [военным] строем была взята Казань, Астрахань и Сибирь. А с немецким строем (если вовремя не опомниться), легко можно лишиться этих земель...».¹⁰¹

Учитывая, что русским так или иначе приходится вести войну с разными противниками, Крижанич советовал «...создать разные рода или строи войска и выяснить, какие строи [войска] существуют у неприятелей, с которыми мы воюем, и в чем они искусны, и

⁹⁶ См.: Крижанич Ю. Политика. М., 1997; его же. Русское государство в половине XVII века. Т.т. 1-2. М., 1859-1860.

⁹⁷ Крижанич Ю. Русское государство в половине XVII века. Часть. II. М., 1860. С. 81.

⁹⁸ Там же. С. 124, 168.

⁹⁹ Крижанич Ю. Русское государство в половине XVII века... С. 160, 197; его же. Политика. С. 97, 100, 109, 114, 116, 125 и др.

¹⁰⁰ Крижанич Ю. Политика. С. 99.

¹⁰¹ Там же. С. 197.

против этого выставлять свои строи...». ¹⁰² Полученный при их создании и использовании опыт необходимо было обобщить и в случае войны с определенным противником «увеличивать тот строй, который окажется потребным...». ¹⁰³

Главным же образцом для подражания должны были стать родственные русским «ляхи» и их военные учреждения, но без присущего полякам щегольства и пышности. ¹⁰⁴ Главным же образцом для подражания должны были стать родственные русским «ляхи» и их военные учреждения. «Будем соперничать красивым, полезным, истинно воинским способом и учреждением нашего ратного дела и вооружения; проворством конницы; превосходством оружия; именно отрядами конницы, – советовал Крижанич, – устроенной самым лучшим способом по образцу гусаров и козаков, с копьями, панцы[194]рями, ручницами, журавлиными, а не страусовыми, перьями, с луками и стрелами. Не строи немецкие, а строи гусарские и козацкие стяжали бы нашему народу блеск и добрую славу. А пехотные рати пусть будут снабжены одне – мушкетами, другие длинными луками и стрелами...». ¹⁰⁵

И хотя трактат Ю. Крижанича так и остался практически неизвестным и дошел до читателей спустя два столетия после его написания, тем не менее его рассуждения представляют интерес как первая попытка обобщить тот колоссальный военный опыт, накопленный русскими в многочисленных войнах с самыми разнообразными противниками.

Примечательно, что и «Учение...», и Крижанич – все они подчеркивают значимость и необходимость регулярного, постоянного обучения новому «ратному строю». ¹⁰⁶ Это также было еще одним ярким признаком военной революции в России. Новая тактика, теснейшим образом связанная с изменившимися структурой и вооружением солдат, драгун и рейтар неизбежно вела к возрастанию требований к качеству подготовки личного состава полков армии «новой модели». Осознавая необычность этого нового для русских дела ¹⁰⁷ и отсутствие необходимого числа собственных специалистов, [195] правительство Алексея Михайловича активизировало работу по приглашению на русскую службу иностранных офицеров-инструкторов. Ко времени начала очередного витка военных реформ в Москве хорошо уяснили себе, что для успешной борьбы с Речью Посполитой и в перспективе со Швецией сильная армия была необходима, что без помощи иностранных военных специалистов было невозможно.

С этим теперь было проще, чем 20 лет назад. В Европе только что закончилась Тридцатилетняя война, а в Англии – Гражданская война. Множество профессиональных солдат остались без работы, и предложение варваров-москвитов оказалось для них как нельзя

¹⁰² Там же. С. 100.

¹⁰³ Там же. С. 99.

¹⁰⁴ Крижанич Ю. Русское государство в половине XVII века... С. 167-168.

¹⁰⁵ Крижанич Ю. Русское государство в половине XVII века... С. 167-168.

¹⁰⁶ Так, Ю. Крижанич писал, что «...вся храбрость и все воинские доблести не даны от природы, а зависят от старания, от умения, от длительного обучения, а больше всего от хорошего правления...» (Крижанич Ю. Политика. С. 109). Об этом же говорит и «Учение...», в котором со ссылкой на примеры из библейской и античной истории проводится мысль о необходимости постоянного обучения, поскольку «...не природа малосильных и крепких мужей родит, но ученье и извечность чинит их много...» (Учение и хитрость... С. 36-38).

¹⁰⁷ На это обстоятельство прямо и недвусмысленно указывает «Учение и хитрость...», критикуя русских ратных людей, не желающих учиться новым ратным «извечиям». Неизвестный переводчик «Учения и хитрости...», предполагая возможное недовольство невиданной ранее на Руси муштрой и экзерцициями, писал: «А как при нынешнем времени нет ратными людьми ведения, и что они говорят, когда им кто про доброе учение и ратной извечай скажет, и к тому доброму делу воспоминает, первое они говорят что нам ныне еще первое ратному учению учится. Предки наши наперед сего столко лет, против природного недруга служивали, и тогда они немного такому ратному учению училися, а бывали на многих боех, и на многих стравках и на приступах, а такова учения не имали. И к чему то годно, толко лишь что ратных людей напрасными трудами мучить, и такие речи и высокого чину уряднику смеют говорить...». В ответ на такие заявления он, ссылаясь на примеры библейских и античных героев, доказывал необходимость тщательного обучения, указывая, что «...не природа малосильных и крепких мужей родит, но учение и извечность чинит их много (выделено нами – П.В.)...» (Учение и хитрость... С. 36-39).

более кстати. В 1647 г. в Россию вернулся в составе дипломатической миссии и остался на русской службе А. Лесли. Это событие действительно, как выразился С.А. Нефедов, носило знаковый характер – именно А. Лесли стал одним из главных творцов русской армии «новой модели» в начале 30-х гг. XVII в.¹⁰⁸ Вслед за Лесли в Россию хлынул поток европейских офицеров самых разных чинов. Если в 1643 г. в ведении Иноземского приказа состояло 685 «поместных и кормовых немец» «старого и нового выезду», то согласно росписи 1651 г., на русской службе состояло 2707 иноземцев, большая часть которых представляла именно начальных людей – офицеров и унтер-офицеров.¹⁰⁹

Требования к прибывающим иностранным офицерам были ужесточены. Каждого желающего послужить русскому царю московские приказные чины экзаменовали на предмет знаний строевых обращений и приемов. О таком экзамене подробно рассказал будущий [196] генерал шотландец П. Гордон, вспоминая о начале своей службы русскому царю. Он писал: «Утром боярин Илья Данилович Милославский... велел мне явиться после полудня на загородное поле под названием Чертолье и привести других офицеров, кои прибыли со мною. Добравшись до поля, мы обнаружили, что боярин нас опередил. Он велел нам разобрать пики и мушкеты... и показать, как мы умеем владеть оружием. Я с удивлением сказал ему, что если бы знал об этом заранее, то прихватил бы одного из моих слуг – тот, возможно, обращается с оружием лучше меня – и добавил, что владение оружием – последнее дело для офицера, а самое существенное состоит в руководстве. Прервав меня, он заявил, что даже лучшие из полковников по прибытии в эту страну должны так поступать. Я ответил: «Раз уж таков обычай, я готов» – и, управившись с пикой и мушкетом во всех позитурах к его полному удовольствию, вернулся домой».¹¹⁰

Обращает на себя внимание некоторое непонимание относительно цели экзамена, возникшее между Гордоном и его русским начальством. Между тем в этой дискуссии каждый из спорящих был прав – Гордон привык иметь дело уже с более или менее обученными солдатами и для него главным было научить их повиноваться его приказам и вести их в бой, тогда как для Милославского, важнее было умение вымуштровать, подготовить солдата надлежащим образом. Боярин, заведовавший важнейшими военными приказами, Стрелецким, Иноземским и Рейтарским, нес прямую ответственность перед своим зятем, Алексеем Михайловичем, за боеспособность армии, и потому был кровно заинтересован в том, чтобы в его подчинении были **толковые и грамотные офицеры-инструкторы** (выделено нами – П.В.). Фактически в данном случае здесь идет речь о старом споре – кем должен быть командир, передовым бойцом или все-таки прежде всего воспитателем солдат, их учителем. [197] Судя по всему, русских в иностранцах, претендовавших на офицерские патенты московского царя, интересовал прежде всего второй ас-

¹⁰⁸ Нефедов С.А. Первые шаги на пути модернизации России: реформы середины XVII века // Вопросы истории. 2004. № 4. С. 41; Опарина Т.А. Полковник Александр Лесли и православие // Иноземцы в России в XV – XVII веках. М., 2006. С. 149.

¹⁰⁹ Орленко С.П. Выходцы из Западной Европы в России XVII века. М., 2004. С. 46; Чернов А.В. Вооруженные силы Московского государства в XV-XVII вв... С. 167. Сметный список 7159/1651 г., опубликованный в 1989 г., показывает несколько меньше иноземцев – 2536 чел., в том числе «нового выезду» – 383 (Дворянство России и его крепостные крестьяне. XVIII – первая половина XVIII в. М., 1989. С. 8-22).

¹¹⁰ Гордон П. Дневник, 1659-1667... С. 104-105. Эти смотры позволяли московским нанимателям отсеивать, как писал Гордон, «дурных и посредственных» офицеров, поскольку ошибки обходились слишком дорого и в прямом, и в переносном смысле, поэтому они проводились постоянно, о чем свидетельствуют документы Разрядного и Иноземского приказов и свидетельства иностранцев (См., например: РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Столбцы Московского стола. Д. 875. Л.л. 235-236, 242-242об; Курц Б.Г. Состояние России в 1650-1655 гг. по донесениям Родеса // ЧОИДР. 1915. Кн. 2. Ч. II. М., 1914. С. 53). Такого рода экзамены позволяли московским нанимателям отсеивать, как писал Гордон, «дурных и посредственных» офицеров, поскольку ошибки обходились слишком дорого и в прямом, и в переносном смысле. Поэтому они проводились постоянно, о чем свидетельствуют документы Разрядного и Иноземского приказов и свидетельства иностранцев (См., например: РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Столбцы Московского стола. Д. 875. Л.л. 235-236, 242-242об; Курц Б.Г. Состояние России в 1650-1655 гг. по донесениям Родеса... С. 53).

пект, тогда как большинство иностранных начальных людей продолжали мыслить категориями XVI в.¹¹¹

В этой связи стоит вспомнить приводимую С.М. Соловьевым примечательную выдержку из документа, описывающего смотр претендентов на офицерские должности в русском войске: «Майор Исак фон-Буковен, капитан и солдаты пришли на посольский двор к смотру: Филипп Альберт фон-Буковен выходил с мушкетом и с пиками, с капитанскою и солдатскою, стрелял из мушкета и штурмовал пикою и шпагою различные штуки и по досмотру добр добре; Вилим Алим по досмотру добр; Ефим вахмистр по смотру умеет; Яков Ронарт умеет; Юрий Гариох по смотру середний, и майор фон-Буковен говорил, что Гариоха с капитанской чин не будет: **как ему неученых людей солдатской справке выучить и к бою привести** (выделено нами – П.В.)? Он и сам ратного строю ничего не знает. Послы майоровы речи велели записать и ему, майору, к тем речам велели руку приложить. Яков Стюарт выходил с мушкетом, штурмовал и стрелял, и застрелил трех человек, толмача Нечая Дрябина да двух солдат немцев, у Нечая да у немчина испортил по руке, да на всех на них прожег платье, за пику солдатскую приняться и штурмовать не умел и по смотру худ добре; а майор фон-Буковен говорил, что Гариох в капитаны, а Стюарт и в солдаты не годится»

Чему и как обучали рекрутов, набранных в солдатские, драгунские, рейтарские полки? Поскольку «Учение и хитрость...», очевидно, не стало настольной книгой начальных людей полков армии «новой модели», да и к середине XVII в. оно изрядно устарело, учили рядовых солдат и младших командиров русские начальные люди, прошедшие школу А. Лесли и И. фон Бокховена, и иностранные офицеры, используя собственные знания и навыки. Поскольку значительную часть полковников армии «новой модели» на первых порах составляли эмигранты из туманного Альбиона, можно предположить, что при обучении русских солдат иностранными офицерами нашел применение преимущественно опыт английской Гражданской [198] войны (во всяком случае, во 2-й пол. 50-х – нач. 60-х гг. XVII в.).¹¹² Но вот насколько эти порядки были приняты русскими, неясно. Во всяком случае, исходя из ведомостей на выдачу оружия и амуниции и описям сданного полкового имущества, солдатские полки сильно различались друг от друга по вооружению, а следовательно, и по тактике.¹¹³ Так, полки, что формировались в 1653-1654 гг. в Москве и ее окрестностях, получили и мушкеты, и пики – можно предположить, что в пропорции 2 к 1 – как и рекомендовал И. фон Бокховен.¹¹⁴ Однако и поселенные полки на северо-западе, и формировавшие накануне русско-польской войны на южной границе солдатские полки получили только мушкеты.¹¹⁵

Все это говорит о том, что, скорее всего, полковники, получив под свою команду полк, набирали в него офицеров из числа своих знакомых, сослуживцев, родственников и

¹¹¹ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 8. // Соловьев С.М. Сочинения. Т. 10. Кн. V. М., 1990. С. 593.

¹¹² Во время английской Гражданской войны для пехоты был обычным 3-х или 6-ти шереножный боевой порядок с расстоянием между шеренгами от 6 дюймов (т.н. «закрытый порядок») до 24 футов («удвоенная двойная дистанция») при обычном расстоянии между шеренгами в 1 фут. Полк мог делиться на 2-3 «дивизиона» с пикинерами в центре и мушкетерами по флангам каждого из них и одновременной высылкой небольших партий застрельщиков перед строем основной массы пехоты (См., например: Haythornthwaite P. The English Civil War 1642-1651... P. 45).

¹¹³ АМГ. Т. II. С. 461; Витебская старина. Т. IV. Ч. 2. С. 129, 203-204.

¹¹⁴ См.: Витебская старина. Т. IV. Ч. 2. С. 347; Перевод с галансково письма, что подал боярину Илье Даниловичу Милославскому рейтарсково строю полковник Исак фан Буковен... С. 8.

¹¹⁵ АМГ. Т. II. С. 341-342. Примером разнобоя в вооружении могут служить даже «выборные» солдатские полки. Так, во время «посольской стойки» в июне 1658 г. по случаю встречи грузинского царя Теймураза выборные солдатские полки А. Шепелева и Я. Колюбакина стояли вдоль дороги, по которой проезжало посольство, «...с ружьем, отыкався пиками солдацким строем...» (ДРВ. Ч. VIII. М., 1789. С. 119). Однако А.В. Малов указывает, что согласно документам, Первый выборный полк получил «долгие пики» только в октябре 1658 г., а до того солдаты получали от казны мушкеты с банделерами и шпаги (Малов А.В. Московские выборные полки солдатского строя... С. 284-289).

учили своих подчиненных тому, что они знали сами. Т.о., можно предположить, что более или менее единообразие соблюдалось в одиночном (приемы обращения с мушкетом и пикой) и ротном учении, а в остальном все зависело от вкусов, пристрастий и привычек полковников.

Вместе с тем общая ориентация обучения солдат и главная тактическая идея, которой придерживались в русском войске того времени, могут быть определены достаточно четко. Основные требования к личному составу солдатских, драгунских и рейтарских полков хорошо видны из письма Алексея Михайловича, человека, как уже неоднократно отмечалось выше, равнодушного к военному делу.¹¹⁶ И хотя военные знания Алексея Михайловича носили умозрительный, книжный характер, и черпал он их из разговоров с иностранными офицерами и генералами¹¹⁷ или из доступной переводной литературы. Во всяком случае, переписка Алексея Михайловича с воеводами и полковниками показывает, что он неплохо знал основные положения «Учения и хитрости...» и хорошо ориентировался в вопросах современного ему строевого учения и тактики.

К примеру, в октябре 1660 г. царь писал князю Ю.А. Долгорукому: «...Да слух носителя, — как скочили поляки на Григорьев полк Тарбеева, и они выпалили не блиско. А что отняли их сотни московские твоим строем, и то добро, а впредь накрепко приказывай, рабе Божий, полуполковникам и начальным людям рейтарским и рейтаром, чтобы отнюдь никоторой начальный, ни рейтар, прежде полковничья указа, и ево самово стрелял бы карабинной и пистонной, никто по неприятелю не палил...». При этом Алексей Михайлович предписывал, чтобы «...ружья в паленье держали твердо и стреляли они же по людям и по лошадем, а не по аеру, и пропаля бы первую стрельбу, ждали с другою стрельбою иных рот неприятельских...». Продолжая свою мысль дальше, царь требовал от начальных людей: «...Полковникам и головам стрелецким надобно крепко знать тое меру, как велеть запалить, а что палят в двадцати саженьях, и то самая худая, боязливая стрельба, по конечной мер пристойно в десять сажень, а прямая мера в пяти или в трех саженьях, да стреляти надобно ниско, а не по аеру...».

Кроме того, Алексей Михайлович в этом же письме требовал от воеводы, чтобы тот «...да для помычек твоего полку конных вели рейтаром и пешим промешки строить пространнее, и как лучитца помчатъ конных, вели им бежать в промешки, а **строю не вели ломати и стирать** (выделено нами – П.В.)... прикажи, а будет помчатъ [200] из далека конных на стройных людей пеших или конных, на середине роты, а не в те промешки, которые на то устроены, вели разступатся строем, а буде на конечныя роты, вели потому же разступатся или тем же конечным ротам отдаваться и заходить за полк; в драгунских бы полках были надолобы с пиками, и к бою бы их носили, а не возили...».¹¹⁸

Из этого письма хорошо видно, что требовалось от русских рейтар, драгун и солдат. Характерно, что в письме не идет речь о производстве быстрой, решительной атаки, подобно тому, как это делали польские гусары. Напротив, царь требует правильной, упорядоченной стрельбы, сохранения строя и дисциплины в строю, четкого выполнения команд начальных людей и полковников. Судя по всему, русские рейтары с легкой руки полковника Бокховена на первых порах приняли на вооружение голландскую тактическую модель. Суть ее заключалась в том, что выстроенные в 6 шеренг всадники залповым огнем с места должны были встретить атакующего неприятеля, привести его в замешательство и беспорядок, сбить темп его атаки, а потом контратаковать его и опрокинуть натиском тес-

¹¹⁶ Не в пример своему отцу, равнодушному к войне и военному делу, Тишайший, по меткому замечанию И. Андреева, «почти половину своего правления... провоевал, притом стороной вовсе не оборонявшейся. Царь сам искал войны, сам «кипятил» конфликты... Первые симптомы семейной болезни Романовых – военномании – можно уловить уже во времена Тишайшего...» (Андреев И. Нетихий Тишайший // Родина. 1998. № 9. С. 42).

¹¹⁷ См., например: Коллинс С. Указ. соч. С. 206.

¹¹⁸ ЗОРСАРАО. Т. II. С. 763-765.

но сомкнутой массы.¹¹⁹ Эффективность такой тактики была прямо пропорциональна степени дисциплинированности и выучки рядовых рейтар и опытности их офицеров, способных правильно определить момент для произведения залпа с тем, чтобы нанести противнику максимальный урон.¹²⁰ Т.о., на первых порах, в начале войны с Ре[201]чью Посполитой тактика русской кавалерии носила явно оборонительный, огневой характер.

То же можно сказать и о пехоте. Русские воеводы стремились при всяком удобном случае встретить огнем с заранее оборудованным позицией или, во всяком случае, укрывшись внутри вагенбурга. Об этом неоднократно свидетельствовали иностранцы.¹²¹ Правда, все это требовало времени, и потому в конце 50-х гг. на вооружении русской пехоты и драгун появились т.н. «испанские рогатки» – т.е. [202] те самые упомянутые в царском письме «надолобы с пиками», позволявшие пехоте и спешенным драгунам без опаски подпускать неприятельскую конницу на близкое расстояние и вести по ней залповый огонь с коротких дистанций и в тоже время сохранить определенную подвижность.¹²²

¹¹⁹ Сравнительный анализ активной, наступательной шведской и пассивной, оборонительной тактик западноевропейской кавалерии применительно к условиям английской Гражданской войны см. например: Tincey J. Marston Moor 1644. The beginning of the end. Oxford, 2003. P. 33-34.

¹²⁰ Однако ввиду неразработанности вопроса о тактике полков русской армии «Новой модели» делать однозначные выводы о господствующей тактической модели в кавалерии, как и в случае с пехотой, нельзя. Нет сомнений в том, что в отсутствие твердо установленного стандарта подготовки солдат и офицеров обучение и тактика полков зависела от прежнего опыта полковых командиров и их пристрастий. Значительную часть штаб- и обер-офицеров рейтарских полков армии Алексея Михайловича, особенно на первых порах войны с Речью Посполитой и со Швецией составляли английские и шотландские роялисты, в армии которых благодаря усилиям принца Руперта была внедрена шведская тактическая модель (О тактике английской кавалерии времен Гражданской войны см.: Haythornthwaite P. The English Civil War 1642-1651... P. 51, 55; Tincey J. Ironsides. English Cavalry 1588-1688. Oxford, 2002. P. 26-27, 29-32; Tincey J. Soldiers of the English Civil War (2): Cavalry. L., 1990. P. 3, 8-9, 16-18). Исходя из этого, можно предположить, что часть рейтарских полков, сформированных в ходе войны, использовала и шведскую тактику.

В том, что рейтарские командиры находились в постоянном поиске наиболее эффективной, соответствовавшей требованиям восточноевропейского ТВД, организации и тактики своих частей, сомневаться не приходится. Об этом говорит, к примеру, тот факт, что вопреки первоначальной бокховеновской модели организации рейтарского полка из 10 рот в более поздних росписях встречаются полки, имеющие больше 10 рот. Число рейтар в полках в нач. 60-х гг. колебалось от 2140 до 474 рейтар, в Белгородском полку в 1667/1668 г. числилось в 7 рейтарских полках 8048 копейщиков и рейтар – в среднем по 1150 человек на полк (См., к примеру: Веселовский С.Б. Сметы военных сил Московского государства 1661-1663 гг... С. 7-19; РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 2. Столбцы Белгородского стола. Л. 74-76). Если первые рейтарские полки включали в себя только рейтарские роты, то рейтарский полк полковника В. Змеева в 1662 г. имел по списку 78 начальных людей, 1604 рейтара и 840 драгун, полковника Г. Тарбеева – соответственно 42, 1113 и 247, а Р. Палмера – 40, 983 и 153. Гусарский полк полковника Х. Рьльского, участвовавший в походах и боях первой фазы русско-польской войны, имел 1000 всадников, а гусарский полк Никифора Караулова, который он сформировал из дворян и детей боярских Новгородского разряда, в сентябре 1662 г. имел налицо 372 человека (РГАДА. Ф. 210. Оп. 11. Столбцы Новгородского стола. № 126. Л. 216-217).

Анализируя структуру рейтарского полка на завершающей фазе русско-польской войны, можно предположить, что появление в его составе рот драгун отражало опыт столкновений с польской конницей и в определенной степени воздействие шведской модели. Приданные рейтарам драгуны должны были усилить огневую мощь рейтарских рот. Также следствием сражений с поляками стало и включение в состав рейтарских полков рот и шквadroнов копейщиков. Так, при разборе весной 1680 г. Белгородского полка формируемые 6 рейтарских полков должны были иметь в своем составе шквadroн копейщиков (250 чел.) и по 1000 рейтар (Веселовский С.Б. Сметы военных сил Московского государства 1661-1663 гг... С. 14; Загоровский В.П. Изюмская черта... С. 113).

¹²¹ См., например: Роде А. Описание второго посольства в Россию датского посланника Ганса Ольделанда в 1659 году // Утверждение династии. М., 1997. С. 26; Мейерберг А. Указ. соч. С. 161-162.; Гордон П. Дневник, 1659-1667... С. 59 и др. См. также описание отдельных сражений русских и польско-литовских войск: Kersten A. Stefan Czarniecki (1599-1665). Warszawa, 1963. S. 423-424, 424.

¹²² Однако появление «надолоб» не означало, что длинные пехотные пики были окончательно сняты с вооружения. Во всяком случае, создается впечатление, что некоторое время пики и рогатки использовались параллельно. К примеру, в записной книге Тайного приказа под 16 октября 1660 г. отмечено, что «...в 16 день послана государевы грамоты со стряпчим конюхом с Михаилом Фрязиным две в Смоленеск к боярину и воеводе ко князю Борису Александровичу Репнину; одна об отпуске ис Смоленеска в полк к боярину и воеводе ко князю Ивану Андреевичю Хованскому пик долгих стрельцом в два Приказа 500 ч(еловеко)м,

Такой пассивный способ действий в наибольшей степени соответствовал национальному характеру московского служилого человека. Давая характеристику психологии подданного московского государя XVI-XVII вв., Г.П. Федотов писал, что «...в татарской школе, на московской службе выковался особый тип русского человека – московский тип, исторически самый крепкий и устойчивый из всех сменяющихся образов русского национального лица... то поражает в нем прежде всего,... это его крепость, выносливость, необычайная сила сопротивления. Без громких военных подвигов, даже без всякого воинского духа – в Москве угасла киевская поэзия военной доблести, – **одним нечеловеческим трудом, выдержкой, более потом, чем кровью, создал москвитянин свою чудовищную империю. В этом пассивном героизме, неисчерпаемой способности к жертвам была всегда главная сила русского солдата** (выделено нами – П.В.)».¹²³ Для такого солдата именно оборонительная тактика, основанная на массированном применении огнестрельного оружия и удерживании заранее подготовленных позиций была оптимальной, и московские государи и их советники каким-то неведомым чутьем смогли сделать правильный выбор, сумев максимально эффективно использовать в конкретных русских условиях основы протестантской военной школы, созданной Морицем Оранским и развитой Густавом-Адольфом. [203]

Выросшие требования к уровню обучения рядовых и младших начальных людей¹²⁴ потребовали и более серьезного отношения к их подготовке. Строевое учение становится постепенно нормой, причем интенсивность его во время войны существенно увеличилась. До войны иностранным и русским начальным людям, направленным обучать поселенных солдат и драгун¹²⁵, предписывалось заниматься подготовкой своих подчиненных поначалу ежедневно, а потом, с 1650 г., не реже 1-2 раз в неделю.¹²⁶ С началом войны в Речью Посполитой интенсивность обучения рядовых и младших начальных людей быстро выросла. П. Гордон вспоминал, что, приступив к службе в Москве, он получил в распоряжение 700 бывших беглых солдат, которых он обучал «дважды в день при ясной погоде». В другой же раз ему было поручено обучить правильной залповой стрельбе 1200 человек за 5 дней к царскому смотру. «Я с офицерами обучал их на Неглинном ручье **от рассвета до темноты, давая лишь час в полдень на обед** (выделено нами – П.В.)...».¹²⁷

Успех обучения напрямую зависел от степени интенсивности муштры, и те начальные люди, которые понимали это, добивались отличных результатов. Тот же Гордон сумел подготовить своих солдат наилучшим образом. 14 января 1664 г. «...в поле у Новодевичьего монастыря соорудили возвышение, и все пехотные полки были выведены из Москвы и расставлены a la hay. Стремянной полк был построен вдоль ограды вокруг помоста, а наш – 1600 человек в двух батальонах, или эскадронах, – во фронт за пределами оной. Император, проследовав через стрелецкие полки, стоявшие по обе стороны дороги, поднялся на возвышение. 50 пар литавр на высоком доща[204]том помосте все время издавали нестройный гул. Затем полкам было приказано открыть огонь, что они и исполнили поочередно, хотя очень нестройно, начиная с ближайших от города, а после – Стремянной и выборные полки, стоявшие справа от нас. Когда все закончили, мы **сперва выстрелили**

солдатскому полку 800 человек)ом и в надолобы пик же и тово строю мастера...» (Дела Тайного Приказа. Кн. 1. Стб. 966).

¹²³ Федотов Г.П. Россия и свобода // Федотов Г.П. Святые Древней Руси. М., 2003. С. 616-617.

¹²⁴ Установившиеся к тому времени в Европе правила требовали, чтобы солдаты умели четко обращаться не только со своим оружием, но и могли изменять дистанцию между шеренгами, совершать контрмарши, сдвигание шеренг, повороты и развертывание из походного порядка в боевой – обычно развернутый строй состоял из 6 или 8 шеренг (Roberts K. Matchlock Musketeer 1588-1688. Oxford, 2002. P. 21-22).

¹²⁵ В 1651 г. только на северо-западе иностранных офицеров и унтер-офицеров насчитывалось 101 чел., в том числе 2 полковника, 2 подполковника, 4 майора, 8 капитанов, 17 поручиков и 18 прапорщиков (См.: Сметный список военных сил России 1651 г... С. 20). О русских начальных людях см., к примеру: РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Столбцы Московского стола. № 862. Л. 109.

¹²⁶ АИ. Т. III. С. 129.

¹²⁷ Гордон П. Дневник 1659-1667. М., 2002. С. 107, 138-139.

из своих шести орудий, потом из мелкого ружья, каждый эскадрон отдельно и все словно единым выстрелом; во второй и третий раз – так же. Сие настолько понравилось Его Величеству, что он приказал нам дать еще один залп, и мы сделали это **весьма успешно** (выделено нами – П.В.)...».¹²⁸

В этом отрывке обращает на себя внимание отработанная тактика применения огнестрельного оружия – сперва делала залп легкая полковая артиллерия, входившая в штат полка, а потом мушкетеры, либо побатальонно, либо все разом. Строгая дисциплина и порядок, выработанные за почти неделю усиленной муштры, помноженной на опыт и усердие Гордона и его офицеров, позволили полку блеснуть своим искусством слаженной залповой пальбы даже на фоне отборных Стремянного стрелецкого приказа и выборных солдатских полков и заслужить благоволение самого государя.

В целом анализ тактики и характера обучения солдат, рейтар и драгун позволяет утверждать, что в русской армии «новой модели» стремились следовать требованиям быстро развивавшейся в Европе во 2-й пол. XVII в. линейной тактики.

§ 3. Проблемы снабжения русской армии во 2-й пол. XVII в. и способы их разрешения.

Характерные черты военной революции в русском военном деле 2-й пол. XVII в. можно наблюдать не только в количественной и организационной сферах, но и в сфере технологической. Армия «новой модели» нуждалась в новых образцах оружия и амуниции, причем более или менее стандартизированных и в большом количестве – раз уж казна взялась за обеспечение полков «новой модели» казенным оружием и амуницией.¹²⁹ Их нужно было или произвести в самой [205] стране, или же закупить за границей, доставить в Россию и затем распределить по полкам. Без организации четко действующей службы снабжения, тыла все усилия по развертыванию армии «новой модели» становились бессмысленными. Пожалуй, создание во 2-й половине XVII в. такой службы был одним из наиболее очевидных и ярких признаков того, что Россия вышла на завершающую стадию военной революции.

Из опыта Смоленской войны в Москве сделали правильные выводы относительно важности организации правильного снабжения армии. Характерной чертой военной деятельности Алексея Михайловича стало не участие в сражениях, но, как отмечал И. Андреев, «...много энергии Тишайший проявлял в области, которую условно можно назвать во-

¹²⁸ Гордон П. Дневник 1659-1667... С. 139.

¹²⁹ Чтобы представить себе размах задачи, которую предстояло решить правительству Алексея Михайловича, приведем сведения о составе «солдатской», «драгунской», «рейтарской» и «гусарской» служб. Согласно Г. Котошихину, рейтарам «... ис царские казны дается ружье, карабины и пистолы, и порох и свинец, ... салдатом же дается ис царские казны ружье, мушкеты, порох, фитиль, бердыши, шпаги, пики малые; а иным дается шпаги и мушкеты, и пики долгие...», драгунская же служба «... конная и пешая, против салдатского обычая, с мушкеты и з бердыши, и с пики короткими и з барабаны...» (Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича... С. 155, 157-158). Рейтары, гусары, копейщики и пикинеры солдатских полков также получали от казны латы (во всяком случае, до сер. 60-х гг., после чего их снабжали по «остаточному» принципу). Об этом свидетельствуют, к примеру, описи сданного в цейхгаузы имущества (См, например: Витебская старина. Т. IV. Ч. 2. С. 129, 203). Воевода князь И.А. Хованский писал в 1661 г., что «... надобет рейтаром карабины и пистолы и латы и шишаки...», а «... гусаром без лат и шишаков и без наручней отнюдь нельзя быть...». Его коллега князь Г.Г. Ромодановский в 1663 г. отмечал, что «... рейтаром с поляки и с татары никоим обычаем без лат биться невмочь...» (АМГ. Т. III. С. 356, 357, 541). Инструкция 1685 г. о вооружении кавалерии требовала, чтобы «... у прежних бы у копейщиков и у рейтар ружье было бы на лицо, у копейщиков по копыю, да по паре пистолой, у рейтар по карабину, да по паре ж пистолой...» (ПСЗ. Т. II. № 1148). Кроме того, солдатские и драгунские полки непременно имели полковую артиллерию (несколько, обычно 5, иногда более, пищалей калибром 1,5; 2 или позднее 3 фунта. См.: ПСЗ. Т. I. №. 614; АМГ. Т. II. С. 461; Лобин А.Н. Полковая артиллерия в царствование Михаила Федоровича (1613-1645 гг.) // Исследования по истории средневековой Руси. Сб. ст. в честь 80-летия Ю.Г. Алексеева. СПб., 2006.

енным строительством, включая вопросы организации армии и ее снабжения... Конечно, это было рутинное, иссушающее своим однообразием занятие – постоянный поиск средств, провианта, пороха, лошадей, подвод... Взвалив на себя этот колоссальный труд, царь занимался им систематически и превратил его в одну из главных сфер деятельности возглавляемого им Тайного приказа. Понятно, что куда приятнее было бы видеть нашего героя [206] в самом центре сражения, в пороховом дыму. Но из песни слов не выкинешь: **воевал Алексей Михайлович преимущественно за столом, вооружившись не саблей – гусиным пером** (выделено нами – П.В.). Все это делает **государя похожим более на интенданта, чем на командующего. На тот момент это обстоятельство сыграло свою положительную роль** (выделено нами – П.В.). Близилось время регулярных армий, и проблемы организации и снабжения войск, финансы приобретали все большее значение. Тишайший, пусть неуклюже и с большими издержками, разрешал их». ¹³⁰ И Алексей Михайлович, хотя и не получил специального военного образования, тем не менее правильно уловил одну из главнейших особенностей нового военного искусства. Поэтому он может быть поставлен на одну доску с такими выдающимися военными администраторами 2-й половины XVII в., как, например, маркиз Лувау, причем в России этими вопросами всерьез озаботились значительно раньше, чем в Западной Европе. ¹³¹

Исходя из этого, в один ряд можно поставить как шаги, предпринимавшиеся правительством боярина Б.И. Морозова по упорядочиванию русских финансов и повышению поступлений в казну ¹³², [207] так и мероприятия по развитию военной промышленности. Уже в 1646 г. в Голландию отправился тогда еще стольник И.Д. Милославский, который имел задание, помимо всего прочего, завербовать на русскую службу опытных оружейных мастеров. ¹³³ Спустя три года русское правительство передало Тульские заводы, основанные братьями Виниусами, в аренду П. Марселису и Т. Аккема, которые, как отмечал голландский историк Я. Велувенкамп, «...вдохнули в производство новую жизнь...», сумев расширить производство столь необходимого для русской армии оружия. Тогда же они построили завод по отливке пушечных ядер под Вологдой. Около 1650 немец Д. Бахерахт построил под Москвой первую пороховую мельницу по западноевропейскому образцу. ¹³⁴ Для координации работы как государственных, так и частных заводов по про-

¹³⁰ Андреев И. Нетихий Тишайший // Родина. № 9. 1998. С. 42.

¹³¹ Создание центрального аппарата управления и снабжения постоянной армии, бюрократизация управления войсками имели не только положительные, но и отрицательные последствия. Как отмечал А.А. Свечин, «Переводчик и популяризатор Ллойда, Ру-Фузиляк, в конце XVIII в. осуждал создавшуюся военную систему: "Большие армии, многочисленные штабы, сильные парки, большие обозы, большие магазины, большие склады фуража, большие госпитали, одним словом, большие затруднения, большие злоупотребления, маленькие способности — и большие поражения"...». Все это имело самое непосредственное отношение к русской армии 2-й половины XVII в., воеводы которой пользовались значительно меньшей самостоятельностью в принятии решений, чем, к примеру, польские военачальники. Москва стремилась держать своих полководцев на «коротком поводке», длина которого измерялась расстоянием от воеводы до Москвы и скоростью гонцов, курсировавших между столицей и воеводским штабом. Однако далее русский военный теоретик указывал, что при всех недостатках новой военной системы «...только при непонимании хода исторической эволюции можно сожалеть о минувшем времени свободы вождей наемных армий...» и что «...для XVII и XVIII веков эта военная система являлась исторической необходимостью» (Свечин А.А. Эволюция военного искусства... С. 187-188).

¹³² Можно согласиться с мнением С.А. Нефедова, который связывал податную реформу боярина Б.И. Морозова с необходимостью изыскать средства для формирования новой армии и выплаты жалования иностранным офицерам. См: Нефедов С.А. Первые шаги на пути модернизации России: реформы середины XVII века... С. 41.

¹³³ См.: Донесения королеве Христине и письма к королевскому секретарю шведского резидента в Москве Карла Поммеренинга // Якубов К.И. Россия и Швеция в первой половине XVII века. М., 1897. С. 409. В этой связи Т. Эспер отмечал, что в тогдашних условиях у Москвы не было иного выбора. Располагая необходимыми ресурсами, русские испытывали острую нехватку специалистов-оружейников, способных наладить массовое производство стандартизированных оружия и амуниции, найти которых можно было только за границей (Esper T. Military Self-Sufficiency and Weapons Technology in Muscovite Russia // Slavic Review. Vol. 28. № 2 (Jun., 1969). P. 200).

¹³⁴ Велувенкамп Я.В. Архангельск. Нидерландские предприниматели в России 1550-1785... С. 116, 158, 176.

изводству столь необходимого ручного огнестрельного оружия в 1647 г. был создан специальный Приказ Ствольного дела.

В последующие годы линия на поддержку отечественных оружейных заводов (пусть даже и под руководством иностранцев, главным образом голландцев и немцев) по производству оружия, получила дальнейшее развитие. П. Марселис и Т. Аккема, к примеру, продолжили активную деятельность по созданию новых заводов и расширению производства на уже имевшихся. В период с 1653 по 1663 гг. они построили 4 новых завода, известных в литературе как Каширские, в 1656 г. арендовали железодельный завод, принадлежавший боярину И.Д. Милославскому, рядом с которым в 1659 г. построили еще один завод. В 1669 г. П. Марселис получил разрешение на освоение олонечских рудных месторождений и постройку [208] здесь железодельных и медеплавильных заводов.¹³⁵ Д. Бахерахт в 1653 г. получил разрешение на строительство на р. Яузе, рядом с Немецкой слободой, второй, каменной, пороховой мельницы, которая заработала на полную мощность в 1655 г.

Принятые меры позволили существенно поднять уровень производства оружия в России. Его выпуск значительно вырос в сравнение с предыдущим столетием. Так, только в 1647-1665 гг. из Ствольного приказа в войска было отпущено 31464 мушкета, 5317 карабинов, 4279 пар пистолетов; в 1668-1673 гг. тульские и каширские заводы по заказу казны произвели ручных гранат 154169, 25313 пушечных гранат, 42718 ядер, 40 тыс. пудов железа и чугуна.¹³⁶ При этом необходимо отметить, что расширилась и номенклатура выпускаемого оружия и амуниции. В России был освоен выпуск и ремонт всех видов и типов оружия и амуниции, от фитильных, колесцовых и кремневых гладкоствольных и нарезных («винтованных») мушкетов и пистолетов, ручных гранат до тяжелой осадной артиллерии, ядер и гранат для нее, не говоря уже о доспехах и прочем снаряжении.¹³⁷

Особенно успешно развивалось в России производство артиллерийских орудий. Сам царь проявлял к этому делу немалый интерес. Об этом свидетельствует, к примеру, требование Алексеем Ми[209]хайловичем русскому резиденту в Голландии И. Гебдону разыскать и доставить в Москву «...книгу ратную, по которой... какие пушки надобно ко всякой войне походной и обозной, и полковые, и городского взятья, и какими снастями легкими возить их...».¹³⁸ Вообще, 2-я пол. XVII в. стала временем серьезных перемен в русской артиллерии. Е.Е. Колосов в этой связи справедливо отмечал, что «...вопреки широко распространенному взгляду, эти годы вовсе не были периодом технического застоя и рутины. Напротив, они характерны большим количеством экспериментальных работ, отказом от устаревших пищалей различных калибров и созданием новых, более совершенных

¹³⁵ Первая попытка освоения олонечских рудных залежей относится к 1666 г., когда новгородский купец С. Гаврилов при поддержке казны построил здесь завод. Но его предприятие оказалось убыточным и в конечном итоге было передано семейству Марселисов (Глаголева А.П. Олонечские металлургические заводы при Петре I // ИЗ. Вып. 35. М.-Л., 1950. С. 170-171).

¹³⁶ Елифанов П.В. Войско... С. 270-271; Чернов А.В. Вооруженные силы русского государства в XV-XVII вв... С. 179.

¹³⁷ Елифанов П.В. Войско... С. 265; Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича... С. 265; Олеарий А. Описание путешествия в Московию. Смоленск, 2003. С. 247; Тульские оружейники. М., 2003. С. 101-108. Ручные гранаты активно применялись в ходе войны с Речью Посполитой, например, при штурме Копыси в октябре 1661 г. (АМГ. Т. III. С. 449). Датский резидент при московском дворе М. Гей, наблюдая за артиллерийскими стрельбами 21 января 1673 г. в присутствии Алексея Михайловича, заявил, что «...пушек и меньших гранатов видал многожды, а таких болших гранатов и не видал... а такие великия стрелбы из гранатов не одинажды не видал, и чтоб дал Бог такую стрелбу на Турки...». И далее на вопрос датчанина о том, кто изготовил «болшие гранаты» ему ответили: «Прежде сего делали такие гранаты немцы, а к нынешней стрелбе делали русские люди, и служат те гранаты к стрелбе лутче у русских людей, нежели у иноземцев...» (ДАИ. Т. 6. СПб., 1857. С. 254-255).

¹³⁸ Гурлянд И.Я. Иван Гебдон комиссариус и резидент... С. 48. На эту же склонность Алексея Михайловича указывает, к примеру, в своих записках и секретарь датского посольства А. Роде (См.: Роде А. Описание второго посольства... С. 25-26, 33).

образцов артиллерийских орудий...».¹³⁹ Многочисленные эксперименты, произведенные русскими и иностранными мастерами и специалистами под надзором главы Пушкарского приказа князя Ю.И. Ромодановского и самого Алексея Михайловича, способствовали принятию на вооружение русской армии новых, более совершенных образцов полевых и осадных орудий, причем были сделаны серьезные шаги на пути стандартизации выпускаемых Пушечным двором артиллерийских систем. В особенности это касалось легкой полковой артиллерии, массовый выпуск которой был налажен в начале 60-х гг. XVII в.¹⁴⁰ Все это свидетельствовало о том огромном внимании, которое придавало русское правительство и командование повышению огневой мощи армии.

Однако, отмечая серьезные успехи правительства Алексея Михайловича в создании собственной военно-промышленной базы, все-таки полностью стать независимыми от Запада в этом вопросе все-[210]таки не удалось.¹⁴¹ В силу ряда как объективных, так и субъективных обстоятельств производственные мощности имевшихся в России предприятий были явно недостаточны для того, чтобы полностью удовлетворить запросы армии на вооружение и снаряжение. В частности, это было обусловлено тем, что работа вододействующих машин на русских заводах сильно зависела от климата, и по этой причине реальный годовой цикл работы русских железодельных заводов того времени не превышал 130 дней.¹⁴² Не стоит забывать и о том, что соседи России стремились ограничить доступ русских к новейшим военным технологиям и воспрепятствовать в той или иной мере найму специалистов на русскую службу.¹⁴³

Все это обусловило невозможность полного отказа от закупок за рубежом не только оружия, но и сырья и полуфабрикатов для его изготовления, хотя импорт оружия и амуниции обходился русской казне весьма недешево.¹⁴⁴ Начатая еще при Михаиле Федоровиче практика закупки крупных партий холодного и огнестрельного оружия, доспехов и пр. была продолжена и при Алексее Михайловиче. Так, в преддверии войны с Речью Посполитой, в 1653 г. была достигнута договоренность с Голландией о закупке 20 тыс. мушкетов и [211] 540 тонн пороха.¹⁴⁵ В феврале 1654 г. Алексей Михайлович обращается к

¹³⁹ Колосов Е.Е. Развитие артиллерийского вооружения в России во второй половине XVII в. // Изв. Т. 71. М., 1962. С. 266.

¹⁴⁰ Как отмечал Е.Е. Колосов, из 233 сохранившихся полковых пищалей, отлитых в 60-х – 70-х гг. XVII в., 205 были отлиты по единому образцу: калибр – 2 фунта или 66-мм, длина ствола 37,5 клб. или 247,5 см., вес от 18 до 24 пудов (Колосов Е.Е. Развитие артиллерийского вооружения в России... С. 263). И.Б. Бабулин связывает стандартизацию выпускаемых Пушечным двором артиллерийских орудий с деятельностью прибывшего в Россию в январе 1658 г. полковника голштинца Н. Баумана (Бабулин И.Б. Генерал Бауман и его деятельность в русской армии XVII века... С. 67-68).

¹⁴¹ Г. Котошихин писал по этому поводу, что поскольку русское железо «...в деле ставится жестко, не таково мягко, как свейское; а для чего понадобится царю свейское железо, и то железо покупают у торговых людей... А на строение пушечное медь привозят от Архангелского города и из Свейского государства,... да ружье же: карабины и пистолы с ольстры, и мушкеты, и банделеры, на царский обиход покупают в иных государствах, где прилучитца...» (Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича... С. 129, 130, 133).

¹⁴² См.: Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 2001. С. 495.

¹⁴³ Esper T. Military Self-Sufficiency and Weapons Technology in Muscovite Russia... P. 200-201.

¹⁴⁴ Так, в 1660 г. русский комиссариус и резидент в Голландии И. Гебдон доносил в Москву, что мушкет «жагрою и з замком и з банделеры» обойдется с доставкой в 1 руб. 23 алтына, карабин «...с погоном, с перевезь и с крюком, местами золочен...» – в 4 руб. 30 алтын, пара пистолетов «...нарядных, местами золочены, с ольстрами, с отворотами бархатными...» – в 7 руб. 2 алтына, между тем как продукция отечественных заводов обходилась дешевле. Так, комплект лат шведского производства стоил 5 ефимков, тогда как П. Марселлис поставлял казне латы стоимостью 2 руб. за комплект – в полтора раза дешевле (Гурлянд И.Я. Иван Гебдон комиссариус и резидент... С. 52-53. См. также: Богоявленский С.К. Вооружение русских войск... С. 278; Экономические связи между Россией и Швецией в XVII веке... С. 56-57).

¹⁴⁵ С этой целью в Голландию был послан подьячий Герасим Головин, а капитан фон Керкховен получил приказ отъехать в туда же и в соседние государства для закупки карабинных пистолетных и мушкетных замков и найма мастеров, способных их делать (Богоявленский С.К. Вооружение русских войск... С. 269; Соловьев С.М. Указ. соч. Т. 10. Кн. V. М., 1990. С. 593).

шведской королеве Христине с просьбой продать 20 тыс. мушкетов. Аналогичное письмо было направлено и датскому королю Фредерику II.¹⁴⁶ Уже после начала войны, в 1655 г., в Голландии были закуплены еще 20 тыс. мушкетов.¹⁴⁷ В дальнейшем объемы закупок оружия и амуниции за рубежом стремительно возрастали. Так, при посредничестве двух голландских купцов, Х. Свелленгребела и Й. ван Сведена, в 1659-1662 гг. в Россию было доставлено не менее 75 тыс. мушкетов, 30 тыс. карабинов, 34 тыс. пар пистолетов, не считая доспехов и холодного оружия.¹⁴⁸

Т.о., используя как собственные производственные мощности, так и крупномасштабные закупки за рубежом, московским властям в целом удалось решить проблему снабжения быстро растущей армии необходимым современным оружием и амуницией для ведения интенсивных боевых действий. Однако еще более сложной являлась другая проблема, которая в это же время с разной степенью успеха решалась ведущими европейскими державами, а именно обеспечение вооруженных сил провиантом, фуражом, лошадьми и, самое главное, новобранцами. Именно здесь нагляднее всего проявлялась готовность общества и государства идти на жертвы, порой серьезные, для обеспечения военного превосходства над потенциальными неприятелями.¹⁴⁹ [212]

Быстрый рост численности вооруженных сил, в особенности полков армии «новой модели» потребовал от московских властей искать новые способы их пополнения. Вербовка иностранных наемников в сколько-нибудь приемлемых масштабах, как показал опыт Смоленской войны, была исключена, да и надежность наемников внушала сомнения. Оставался единственный путь – набор русских людей и обучение их при помощи иностранных инструкторов.

Методика набора ратных людей для формирования и пополнения полков армии «новой модели» отработывалась в ходе войн постепенно. На первых порах за основу были взяты приемы комплектования полков, опробованные еще в начале 30-х гг. XVII в.¹⁵⁰ Однако уже тогда было ясно, что при использовании такой системы пополнения армии людьми проблемы с набором неизбежны. Поэтому в Москве решили прибегнуть к старой испытанной практике сбора даточных людей – прообразу будущих рекрутских наборов.¹⁵¹

¹⁴⁶ РИБ. Т. XVI. Стб. 793-796.

¹⁴⁷ Экономические связи между Россией и Швецией в XVII веке.... С. 99, 193; Hellie R. *Enserfment and Military Change in Muscovy*. Chicago-London, 1971. P. 183.

¹⁴⁸ Велувенкамп Я.В. Архангельск. Нидерландские предприниматели в России 1550-1785... С. 179.

¹⁴⁹ Правящая элита Речи Посполитой явно недооценила способность, а главное желание, русских учиться на опыте прошлого. Как писал священник посольства А. Мейерберга С. Главинич, «...нужны фараоновы муки, чтобы московский народ захотел поумнеть, либо же могучий противник, который до того прижал бы его, что не в силах бы был и подняться, потому что в сражениях этот народ самый готовый на всякое дело» (Главинич С. О происшествиях Московских. М., 1875. С. 13-14). Так оно и получилось. Столкнувшись в 1-й трети XVII в. с таким мощным противником, как Речь Посполитая и потерпев жестокую неудачу, русские нашли в себе силы подняться и взять реванш. Характерно признание, сделанное очевидцем выступления русского войска в поход на Смоленск в 1654 г.: «Не думаем, чтобы теперь Москва в планах (konceptach) своих была груба и проста, так как после Смоленской неудачи она воспользовалась миром настолько, что молодых людей у нея слишком размножилось, а в это мирное время люди старшие и младшие не испытали, что значат поварные болезни или горячки, особенно в диких лесах. К тому же, Московскую молодежь более 10 лет обучали иноземные, непоследние офицеры. **Теперь-то, конечно, польские паны узнают, кем они и каким неприятелем так пренебрегали** (выделено нами – П.В.)...» (Витебская старина. Т. IV. Ч. 2. С. 347-348). В самой же Речи Посполитой, о чем говорилось ранее, правящая верхушка оказалась неспособна выдержать такое же напряжение всех сил, что в России.

¹⁵⁰ АИ. Т. IV. С. 198-201.

¹⁵¹ «А в нынешнюю службу, от лета 1651 году, – писал Котошихин, – за продолжением Полские войны, многие люди рейтары и салдаты на боех и на приступех, и сидячи в осадех и стояв долгое время под многими розными городами, з голоду померли; и збираны рейтары и салдаты ежегод со властей и с монастырей, и з бояр, и со всяких чинов, с помещиков и с вотчинников со 100 дворов крестьянских по конному человеку рейтару с ружьем, да по салдату; да сверх того збираны рейтары и салдаты по двожды в году, не по один год, со 100 ж крестьянских дворов рейтар, а в салдаты с 20 дворов салдат. А збирают тех рейтар и салдат с 100 дворов крестьянских; а у кого столко числом крестьян не было, и с таких двух или 5 или десяти поме-

Так, в 1658-1661 гг. проведенные 3 набора даточных дали 51 тыс. чел., 25830 руб. и 43423 четверти хлеба.¹⁵² В итоге к началу 60-х гг. [213] XVII в. набор новобранцев приобрел очертания, которые Г. Котошихин характеризовал следующим образом. Говоря о пополнении рейтарских полков, он писал, что в них «...выбирают из жилцов, из дворян городских и из дворянских детей недорослей, и из детей боярских, которые малопоместные и беспоместные и царским жалованьем, денежным и поместным, не верстаны; так же и из волных людей прибирают, кто в той службе быти похочет... Да в рейтары ж емлют с патриарха, с митрополитов, с архиепископов и епископов и с монастырей, так же з бояр и околичих, и думных людей, которые останутся на Москве, а нигде не на службе и не в посольствах, так же с столников и з дворян московских и з городских, которые от службы отставлены за старостью и за болезнью, и за увечье и служб им самим служити не мочно, так же и со вдов и з девок, за которыми есть крестьяне, смотря на вотчинам и по поместьям, сколько за которым вотчинником и помещиком крестьян; со 100 крестьянских дворов рейтар, монастырской служка или холоп».¹⁵³

Аналогично обстояло дело и с «прибором» людей в солдатские полки. «...И в те полки прибирают салдат из волных людей и из Украинных и ис Понизовых городов, детей боярских, малопоместных и беспоместных; также и с патриарших и с властелинских, и с монастырских, и з боярских, и всякого чину людей, с вотчинниковых и с помещиковых со ста крестьянских дворов салдат. Да в салдаты ж емлют всего Московского государства с крестьян, кроме Сибири и Астарахани и Казани; у которого отца два или три сына, или три брата живут вместе, а не порознь, и от трех емлют одного человека; а у кого четыре сына или четыре брата вместе, и от таких емлют двух; а у кого сыщется болши, и от таких болши и возмут; а у кого два или три сына или братья малые и службы не емлют до тех мест, доколе не подрастут и годятца были в службу. Да ис Казани и ис Понизовых городов собирают татар и черемису и мордву со 100 ж дворов».¹⁵⁴ [214]

Качество пополнения, набираемого таким способом, было далеко не всегда таким, какое нужно было для армии. Если новобранцы из казаков, дворян и детей боярских, как правило, были годны к службе, то этого нельзя было сказать о многих даточных. Вряд ли помещики и другие землевладельцы с радостью отдавали в армию своих лучших, «ражих» мужиков. Так, князь Б.А. Репнин, характеризуя качество своих солдат и рейтар, писал, что если дворяне, дети боярские, новокрещены, казаки «добры», только что «бедны, малоконны или бесконны», то даточные намного хуже. «Да в рейтары же збираны при боярине и воеводе при князе Иване Андреевиче Хованском посадские люди и чюхна, – жаловался Репнин, – и те худы и в пешей строй по нуже пригодятца, потому что многие стары и дряхлы... А даточных воеводы присылают в полк старых, и увечных и худых людей и молодых роят...».¹⁵⁵

Естественно, что если для казаков, стрельцов, детей боярских и дворян военная служба была привычна и они знали, что это их обязанность, то и относились они к ней более ответственно. О даточных, выбранных зачастую по принципу «на тебе, небоже, что нам негоже», этого сказать было никак нельзя. Служба для них была в тягость, и они только умножали число дезертиров, заболевших и умерших от тягот военной жизни. Вот и полу-

щиков и вотчинников иманы денги, по розчету, за рейтара по 30 рублей, за салдата по 20 рублей» (Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича... С. 158).

¹⁵² Чернов А.В. Вооруженные силы русского государства в XV-XVII вв... С. 144.

¹⁵³ Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича... С. 155-156. Некоторые указы о наборе даточных см.: ПСЗ. Т. I. №№ 177, 186, 208, 280, 347 и др.

¹⁵⁴ Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича... С. 157. Примером такого набора с церковных владений может служить грамота, отправленная 9 марта 1655 г. в Новгород: «В нынешнем во 163 году указали мы богомольца нашего Макария, Митрополита Новгородского и Великолуцкого с домовых вотчин и с новгородских со всех монастырей с вотчин же, с пятидесят дворов по служивому человеку, на добром коне, с карабином и с парюю пистолей, и саблею, взять на нашу службу в Смоленск...» (ААЭ. Т. IV. С. 123).

¹⁵⁵ Веселовский С.Б. Сметы военных сил Московского государства... С. 12-13.

чалось, что пока полки армии «новой модели» комплектовались служилыми людьми, они обладали большей боеспособностью, чем когда в них все больше и больше стало появляться даточных. Этим частично объясняется успешный ход первой польской войны (1654 – 1656 гг.) и нередкие неудачи во время второй польской войны, особенно в конце 50-х – начале 60-х гг.¹⁵⁶ Тем не менее привлечение к военной службе тяг[215]лых чинов позволило более или менее удовлетворительно разрешить проблему не только пополнения уже существующих частей и подразделений, но и постоянно наращивать численность армии. При этом стоит отметить, что Россия первой из европейских государств полностью отказалась от найма иностранных наемников (если не считать иностранных офицеров), комплектуя армию только своими уроженцами – полки армии «новой модели» имели национальное ядро.¹⁵⁷ Эта особенность русского войска 2-й пол. XVII в. была замечена иностранцами, которые, кстати говоря, полагали такие действия московских властей ошибочными.¹⁵⁸ Однако, как показали дальнейшие события, именно такой подход к комплектованию армии оказался наиболее прогрессивным.

Однако не только обеспечение растущей армии новобранцами представлял для правительства Алексея Михайловича и его сын Федора серьезную проблему. Еще более сложными оказались финансовые вопросы. Содержание вооруженных сил в целом и армии «новой модели» в частности для Российского государства во 2-й пол. XVII в. было серьезнейшей проблемой. Отмечавшаяся выше неразвитость экономики, товарно-денежных отношений, отсутствие постоянного и значительного по объему притока драгоценных металлов создавали большие трудности покрытия непрерывно растущих военных расходов. Рать, по образному выражению В.О. Ключевского, дейст[216]вительно заедала казну.¹⁵⁹ За пятьдесят лет, с 20-х по начало 80-х гг. XVII в., только прямые военные расходы выросли с 275 тыс. рублей до 700 тыс. рублей, составив половину всех государственных доходов.¹⁶⁰ Во время же войны (а при Алексее Михайловиче и его сыне Федоре войны, начиная с 1654 г., шли почти без перерыва), они еще более возрастали. Достаточно указать, что по расчетам московских дьяков, сделанным в начале 60-х гг., жалование только (! – П.В.) 2325 начальным людям солдатских и рейтарских полков составляло на год от 254255 рублей 13 алтын 2 денег до 248250 рублей, а 74500 рядовым солдатам и рейтарам – 799625

¹⁵⁶ Здесь можно провести аналогию с военной реформой О. Кромвеля, который, отвечая на вопрос о причинах поражений парламентских войск от королевской армии в первый период гражданской войны в Англии, заявил, что эти неудачи будут продолжаться до тех пор, пока «людям чести», для которых война была привычным делом и профессией, не будут противопоставлены со стороны парламента «люди веры», религиозный фанатизм и энтузиазм которых в известной степени позволял компенсировать недостаток воинских навыков и умений (См.: Барг М.А. Великая Английская революция в портретах ее деятелей. М., 1991. С. 168). В России же в конце 50-х – начале 60-х гг. произошло качественное ухудшение новобранцев, которое не было компенсировано их идейной и моральной готовностью проливать кровь и переносить тяготы непривычной для них военной службы.

¹⁵⁷ Примечательно, что уже в 60-х гг. XVII в. иностранные офицеры, как правило, занимали лишь штаб-офицерские должности в полках армии «новой модели», тогда как обер-офицерские и унтер-офицерские должности заполнялись все чаще и чаще русскими. См., например: РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Столбцы Московского стола. № 849. Лл. 498-500, 529.

¹⁵⁸ А. Мейерберг, анализируя внутреннее состояние Московского государства на исходе седьмого года войны с Речью Посполитой, отмечал, что «...области истощились в крестьянах, по случаю беспрестанного пополнения полков, а конница измельчала, потому что бесчисленное множество дворян или похищено было смертью, или изнурено в плену, или обессилело в дальних походах. Это оттого, что Московия лишена того облегчения, которым пользуются многие государства, нанимающие иноземных солдат и берегущие своих жителей: все войско великого князя состоит из жителей его областей, за исключением иностранных офицеров...» (Мейерберг А. Путешествие в Московию барона Августина Мейерберга... С. 161).

¹⁵⁹ Об этом же прямо писал в своих записках А. Мейерберг: «Но пропасть, всегда зияющая ужасною пастью и поглощающая почти все богатство казны, – это военное жалование, выдаваемое всегда, как в мирное, так и в военное время...» (Мейерберг А. Путешествие в Московию барона Августина Мейерберга... С. 157). Обращает на себя внимание указанный Мейербергом факт постоянной и регулярной выдачи жалования ратным людям.

¹⁶⁰ Вернадский Г.В. Московское царство. Т. II. Тверь-Москва, 1997. С. 236; Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. III. С. 221-222; Чернов А.В. Вооруженные силы русского государства в XV-XVII вв... С. 179.

рублей.¹⁶¹ Рост численности армии и ее качественная перестройка стоили дорого, очень дорого – по мнению В.О. Ключевского, увеличение численности вооруженных сил за 50 лет в 2 с лишним раза привело к росту прямых военных расходов более чем втрое.¹⁶²

Стремление соответствовать возросшим требованиям к уровню развития военного дела оказалось весьма дорогостоящим делом, практически неподъемным для Российского государства во 2-й половине XVII в. Налоговая система Российского государства оказалась неспособна выдерживать такую нагрузку и не справлялась с содержанием резко выросшей армии. Даже многочисленные ухищрения властей – начиная от создания многочисленных государственных монополий, введения косвенных налогов, массовой чеканки медных денег, взимания чрезвычайных налогов (так, в 1654-1680 гг. по разу собирали 20-ю и 15-ю деньгу, пять раз собирали 10-ю деньгу, и дважды 5-ю деньгу¹⁶³) не спасали ситуацию.

Невозможность собрать необходимые суммы на содержание [217] армии вынуждало правительство идти на замену денежных налогов натуральными – провиантом и фуражом.¹⁶⁴ Но и это решение не принесло желаемого облегчения. Страна буквально изнемогала под давлением растущих налогов. Осознание необходимости иметь значительную регулярную армию находилось в явном противоречии с возможностями государства и общества. Именно этим и объясняется стремление властей найти наименее затратный способ содержания вооруженных сил.

В целях снижения военных расходов правительство использовало несколько способов. Во-первых, оно шло на периодическое сокращение численности полков армии «новой модели» за счет отпуска по домам части служилых людей на «прокорм».¹⁶⁵ Так, в марте 1663 г. московский выборный солдатский полк А. Шепелева имел налицо 416 солдат и в Смоленске 1055, тогда как по домам было отпущено 707 солдат – т.е. почти 1/3 полка находилась в отпуске.¹⁶⁶ Во-вторых, в целях экономии власти вернулись к опробованной еще при Михаиле Федоровиче системе определенной градации в выплате жалования начальным людям и солдатам новых полков в зависимости от характера службы. Полный оклад получали только те из них, которые действительно несли полевую службу, тогда как те, которые находились на «городовой службе», получали сокращенное жалование, а заштатные – и того меньше. К примеру, в начале 60-х гг. XVII в. денежный оклад 74500 рядовым солдатам, рейтарам, гусарам, копейщикам и драгунам составлял по 1-й статье ежегодно 799625 рублей, а по 2-й статье – 555705 рублей. Разница же в окладе начальных людей по 1-й и по 7-й статьям составляла почти 6 тыс. рублей – от 23404 рублей с полтиной до 17942 руб. с полтиной. Кроме того, в практику вошли разного рода вычеты из жалования, особенно касавшиеся начальных людей, имевших поместья.¹⁶⁷

Однако все эти меры носили компромиссный характер и, как правило, либо не давали никакого эффекта, либо улучшали ситуа[218]цию на короткое время. Пойти на снижение уровня военного потенциала в Москве не могли, учитывая крайне сложную внешнеполитическую ситуацию – как уже было отмечено выше, начав в 1654 г. войну с Речью Посполитой за Украину, Россия вступила в долгий период практически непрерывных войн практически по всему периметру своих границ.¹⁶⁸ Необходимо было иное решение, и оно было

¹⁶¹ Веселовский С.Б. Сметы военных сил Московского государства... С. 20-26.

¹⁶² Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. III. С. 203.

¹⁶³ Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. III. С. 220-221. См. также: Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича... С. 160.

¹⁶⁴ См., например: Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича... С. 161.

¹⁶⁵ Об этом пишет, к примеру, Г. Котошихин (Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича... С. 158).

¹⁶⁶ Веселовский С.Б. Сметы военных сил Московского государства... С. 28.

¹⁶⁷ См.: Веселовский С.Б. Сметы военных сил Московского государства... С. 20-26; Волков С.В. Русский офицерский корпус. М., 1993. С. 23-24.

¹⁶⁸ В этой связи представляет интерес данная Дж. Линном характеристика западноевропейским войнам 2-й пол. XVII в., суть которой выражена короткой, но емкой фразой – «война как процесс». См.: Lynn J. The

найденно на пути возвращения к «старине». Стремясь сократить расходы на содержание войск, правительство еще в ходе войны с Речью Посполитой взяло курс на замену денежного и прочего казенного довольствия на испомещение солдат, драгун и рейтар, превращение их в мелких землевладельцев.¹⁶⁹

Естественно, что испомещенные служилые люди, вынужденные со своих небольших участков снаряжаться в поход по старому обычаю, терпели большие лишения в случае, если поход затягивался и они не могли вернуться домой для пополнения своих запасов. Отсюда и челобитные ратных людей с просьбой отпустить их домой на пополнение «домовых запасов»¹⁷⁰, и рост дезертирства (одной из причин которого как раз и была недостаточность или полное отсут[219]ствие жалования¹⁷¹). Однако, судя по всему, иного выхода у Москвы не было, и потому этот способ содержания войск постепенно получил широкое распространение.¹⁷²

Сама по себе идея поселенного войска была неплоха. При наличии постоянного ядра из начальных людей и урядников (которые, как отмечал Н.П. Михневич, были подлинной душой армии) привести территориальные полки в боеспособное состояние было достаточно легко, тем более если учесть, что регулярство поддерживалось длительными походами и многочисленными большими и малыми боями и сражениями с неприятелем, когда новоприбранные служилые и даточные люди набирались боевого опыта и умения сражаться. В мирное же время регулярные учебные сборы способствовали сохранению способствовали сохранению полученных навыков военного дела и *esprit d'corps*.¹⁷³ В эконо-

French Wars 1667-1714... Р. 33. Такой войне, по мнению историка, были присущи следующие черты: нерешительный характер сражений и осад, медленный темп операций, ведение войны на истощение как следствие воплощения в жизнь принципа «война питает войну», большое значение дипломатических переговоров, которые велись нередко параллельно с боевыми действиями. Нетрудно заметить, что в этом плане войны Алексея Михайловича и Федора Алексеевича чрезвычайно схожи с войнами «короля-солнца» Людовика XIV. Связано это было, очевидно, с проявившимся в ходе войн 2- пол. XVII в. несоответствием между резко возросшим размахом войн и ресурсами, которыми обладали европейские монархи.

¹⁶⁹ ПСЗ. Т. I. № 463, 522. Вопрос о испомещении служилых людей солдатских, рейтарских и копейных полков Белгородского разряда в конце 60-х – начале 70-х гг. XVII в. подробно рассматривал В.П. Загоровский. См.: Загоровский В.П. Изюмская черта... С. 33-34, 40-43 и далее.

¹⁷⁰ Так, 25 мая 1664 г. дворяне, копейщики и рейтары полка князя Г.Г. Ромодановского «били челом» воеводе, жалуюсь ему, что «...мы служим тебе **11 лет безпрестани, зиму и лето**, во многих нужных и дальних походах, на боех и приступах везде бывали, а твоим денежным жалованием и поместным окладом против своей братьи, иных полков, не пожалованы и в домишка наши нас, против своей братьи, иных полков, зиму и лето без твоего указу не отпускают (выделено нами – **П.В.**)...» (АМГ. Т. III. С. 566).

¹⁷¹ На побеге ратных людей, не получавших денежного и кормового жалования неоднократно жалуются в своих отписках в Москву воеводы на местах. «...Драгуны бьют челом тебе (царю – **П.В.**), что дано им твоего денежного жалованья на прошлый 168 г. только по 8 р. человеку, и тем твоим денежным жалованьем служить было им год не чем, да и месечных кормов началным людем и салдатам впредь давать нечем, денежные казны у нас нет...» – писал князь Г.Г. Ромодановский в ноябре 1660 г., и о том же жаловался другой воевода, князь И.А. Хованский месяцем раньше (АМГ. Т. III. С. 208, 209).

¹⁷² С похожей проблемой столкнулось во 2-й половине XVII в. шведское правительство – для бедной людскими и природными ресурсами Швеции бремя имперского величия и необходимой для его сохранения военной машины оказались слишком тяжкими (в сер. XVII в. население Швеции составляло всего лишь ~ 1,8 млн. чел, из них собственно шведов 1 млн. См.: Herbst S. Wojna obronna 1655-1660 // Polska w okresie drugiej wojny Polnocnej 1655-1660. Т. II. Warszawa, 1957. S. 49). Схожим был и выход, найденный шведской короной из сложившегося положения. После неудачной Сконской войны (1675-1679 гг.) с Данией Карл XI в 1680-1696 гг. провел военную реформу, суть которой заключалась в замене рекрутских наборов т.н. «молодой индельтой» и армии постоянной – поселенной армией. Группа крестьянских дворов была обязана содержать и выставлять в случае войны обученного и полностью снаряженного солдата и его замену в случае гибели или инвалидности последнего (Подробнее о сущности этой системы см.: История Европы. Т. 4. М., 1994. С. 165; Васильев А. Пехота шведской армии Карла XII под Полтавой // Орел. 1992. № 1. С. 18-19).

¹⁷³ Проводя аналогию между поселенными полками армии «новой модели» конца правления Алексея Михайловича и Федора Алексеевича и шведскими полками «новой индельты», можно отметить, что и тут, и там обучение носило сходный характер – солдаты призывались на осенние месячные сборы, после чего распускались по домам (См.: Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. Т. I. СПб., 1858. С. 301. Ср.: История Северной войны 1700-1721 гг. М., 1987. С. 39). Кроме того, как справедливо отмечал В.О. Ключевский, мобилизация полков перед началом очередной кампании означала, что на царскую службу призывали

мическом отношении такая [220] армия была значительно дешевле, чем армия, содержащаяся в одинаковых штатах и в мирное, и в военное время. В то же время поселенная армия отличалась более высокой боеспособностью, нежели прежняя поместная «нестройная» милиция.

§ 4. Итоги реформ.

Испомещение значительной части армии «новой модели» стало своеобразным завершением почти полувековой истории военных преобразований, начавшихся при Михаиле Федоровиче. Подводя общий итог результатам военного строительства при первых Романовых, можно с уверенностью сказать, что в эту эпоху опытным путем русским удалось выработать достаточно эффективную, стоявшую на уровне требований своего времени, а в кое в чем даже и опережавшую их, военную машину. Она сочетала в себе элементы старой московской традиции, опыт столкновений с польско-литовской армией и целый ряд черт, присущих для потенциально наиболее перспективной на тот момент протестантской военной школы. Все эти компоненты взаимно дополняли и компенсировали недостатки друг друга. Новая военная машина¹⁷⁴, универсальная по [221] своей сущности и хорошо приспособленная к специфическим условиям восточноевропейского ТВД, прошла в целом успешную проверку в войнах 2-й половины XVII в., в которых пришлось принять участие России. И если эти войны (с Речью Посполитой 1654-1667 гг., русско-шведская 1656-1661 гг. и русско-крымско-турецкая 1672-1681 гг.) и не закончились триумфом русского оружия, то причины этого нужно искать не в дефектах армии «новой модели», а в другом. С одной стороны, и Речь Посполитая, и Крым, и Турция оставались в это время еще очень серьезными и сильными противниками. Это же, правда, несколько в меньшей степени относится и к Швеции. С другой стороны, из-за просчетов дипломатии русским войскам приходилось практически все время воевать по меньшей мере на два, а то и на три фронта. Непокойно было и внутри страны, не говоря уже об Украине, где в это время полыхала

«...отпускных или запасных, бывалых людей, уже знакомых со строем...» (Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. IV // Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. Т. IV. М., 1989. С. 60).

¹⁷⁴ Яркое и образное ее описание дал в 1656 г. в беседе с герцогом Козимо Медичи русский посол в Венеции И.И. Чесоданов: «У Великого государя нашего, у Его Царского Величества, против Его Государских недругов рать собирается многая и несчетная, и строенье многое, различными ученьи и строенем: перво, устроены многие тысячи копейных рот, гусарского строю; а иныя многия тысячи устроены конныя с огненным боем, рейтарского строю; а иныя многияж тысячи устроены драгунским строем, с большими мушкеты; а иныя многие тысячи устроены салдатским строем: и над теми надо всеми устроены начальные люди: генералы, и полковники, и подполковники, и мойоры, и всякие начальные люди по чинам. А Низовая сила, казанская, и астраханская, и сибирская, и иных многих государств, Его Царского Величества, собирается многая несчетная рать, и бьются конныя лучным боем; а большаго и меньшаго Нагаю татарове и башкирцы и калмыки бьются лучным же боем: и стрельцов московских устроено на Москве сорок тысяч, опричь городовых; а бой у них салдатского строенья. А донские и терские и яицкие козаки бьются огненным боем и запорожские черкасы бьются лучным и огненным боем. А государевых городов дворяне, и дети боярские, и всяких чинов люди, те бьются розным обычаем, лучным и огненным боем, и кто к которому бою навывчен. А Его Царского Величества, Его Государева полку спальники, и стольники, и страпчие, и дворяне московские, и жильцы, те бьются своим обычаем; только у них бою, что под ними аргамачи резвы, да сабли у них востры: на которое место не приедут, никакие полки против их нестоят; то у Великого Государя нашего и строенье...» (ДРВ. Ч. VIII. М., 1789. С. 192-193).

Кому-то эти слова могут показаться преувеличением, призванным подчеркнуть мощь и величие московского государя. Однако трудно не согласиться с мнением прусского дипломата И.-Г. Фоккеродта, который писал, что нельзя пренебрегать русскими и полагать их «простоватыми» и «неразумными», если они сумели не только встать на ноги после Смуты, но «...меньше, чем в 50 лет, не только взяли назад все области, которыми сначала должны были пожертвовать своему спокойствию, до Ингерманландии и клочка Карелии, но еще отняли у поляков кроме Смоленска Киев, Чернигов и Северию, даже принудили Оттоманскую Порту, бывшую в то время на самой вершине могущества и величия своего, оставить им казаков со всей Украиной...» (Фоккеродт И.-Г. Россия при Петре Великом // Неистовый реформатор. М., 2000. С. 12). И достичь этих успехов, не имея в руках эффективного «последнего довода королей», было невозможно.

ожесточенная гражданская война, не случайно получившая характерное прозвище – «Руина», и стремление поддержать «своих» гетманов неизбежно влекло за собой активное участие русских войск в этом конфликте. Наконец, на нерешительном характере войн сказались и несоответствие уровней развития политической и военной сфер жизни русского общества того времени и социально-экономической и культурной. Если в первых Россия не уступала передовым странам Западной [222] Европы, то во вторых было заметно определенное отставание.

Попытка перенять новейшие достижения европейской военной техники, тактики и стратегии без коренных перемен в остальных сферах жизни общества и государства не могла привести к конечным позитивным результатам. Столкнувшись с множеством неразрешимых на то время в рамках прежней традиции проблем, прежде всего финансовых и экономических, московские власти были вынуждены пойти на компромисс. Компромиссные же решения редко когда имеют длительный положительный эффект. Так оказалось и в этом случае. Стоило только правительству в конце 80-х – начале 90-х гг. XVII в. ослабить внимание к вопросам военного строительства, и непрочные еще основания новой военной системы стали быстро разрушаться¹⁷⁵, а боеспособность армии, втянутой во внутривнутриполитические интриги, стала падать.¹⁷⁶ Остановка же в развитии военной сферы, особенно в последней четверти XVII в., когда перемены в военном деле шли одна за другой, была чревата серьезными неприятностями. Это наглядно подтвердили состоявшиеся в 1695-1696 гг. Азовские походы Петра Алексеевича, когда для овладения небольшой турецкой крепостью на окраине Османской империи потребовалось организовать два больших похода и мобилизовать значительные по тем временам силы. Результат же далеко не соответствовал затратам.

Печальный опыт Азовских походов и сомнения в политической благонадежности старой армии, особенно усилившиеся после дела [223] полковника Цыклера в 1697 г. и очередного стрелецкого бунта в 1698 г. побудили Петра I приступить к реформированию вооруженных сил. И здесь необходимо отметить, что ни о каком совершенном Петром коренном перевороте в деле военного строительства не может быть и речи. Все самые главные, действительно революционные новшества были введены в практику русского военного строительства его дедом и отцом. Однако вместе того, чтобы попытаться реанимировать старую систему, хорошо себя зарекомендовавшую в предыдущих войнах¹⁷⁷, царь отказался от нее. Старая армия была использована в качестве своеобразного резервуара живой силы для комплектования «новоприборных» солдатских и драгунских полков, для несения гарнизонной службы и на второстепенных направлениях боевых действий.¹⁷⁸

¹⁷⁵ А.В. Малов писал, что в «...период правления Милославских органы верховного управления были ослаблены, а осуществлявшие контроль за деятельностью госаппарата и чиновников учреждения – приказ тайных дел и четный приказ – упразднены. В таких условиях результативность самых рациональных преобразований резко снижается, а масштаб побочных эффектов существенно возрастает...» (Малов А.В. Московские выборные полки солдатского строя... С. 574-575). Результат был вполне очевиден – рост злоупотреблений со стороны начальных людей (кстати, именно «воровство» полковников стало одной из причин, которые побудили стрельцов и солдат московского гарнизона к мятежу в 1682 г.), падение уровня боеспособности войск (иезуит Иржи Давид в своих записках о пребывании в Москве писал, что в конце 80-х гг. в частях московского гарнизона «...военных учений либо совсем не бывает, либо лишь кое-где и редко...») (Давид Иржи. Современное состояние великой России или Московии // Вопросы истории. 1968. № 3. С. 97) и т.д., и т.п.

¹⁷⁶ Краткий, но, наш взгляд, емкий и не устаревший до сих пор анализ причин упадка военной мощи России в 90-х гг. XVII в. см.: Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. IV. С. 59-60.

¹⁷⁷ В том, что эта система имела для своего времени достаточный потенциал развития, сомневаться не приходится. Шведская армия Карла XII, армия индальты, армия поселенная, в сражениях Великой Северной войны 1700-1721 гг. показала, особенно на первом, допотопском ее этапе, высочайшую боеспособность и боевой дух. О причинах этого явления можно спорить много и долго (см., например: Артеус Г. Карл XII и его армия // Царь Петр и король Карл. Два правителя и их народы. М., 1999. С. 164-172), однако одно ясно точно – поселенный характер комплектования каролинской армии не оказал никакого отрицательного воздействия на ее качества.

¹⁷⁸ См.: ПСЗ. Т. IV. № 1979; Рабинович М.Д. Полки петровской армии 1698-1725. М., 1977; его же. Стрельцы в первой четверти XVIII в. // ИЗ. №. 58. 1956.

Главный же упор в своей деятельности Петр сделал на формирование «своей» армии, причем, что примечательно, на первых порах он действовал строго в рамках старой системы.¹⁷⁹

В этом нет ничего необычного. Вынеся из общения с иностранцами идею об отсталости России от Европы, Петр I поставил перед собой задачу в кратчайшие сроки преодолеть ее. Государственная машина, организованная на началах регулярности, военной дисциплины и порядка, казалась ему оптимальным орудием для решения этой проблемы, поскольку она, управляемая неограниченной волей монарха, могла осуществить мобилизацию ресурсов страны для со[224]вершения рывка вслед за ушедшим вперед Западом. В итоге государство полностью подчинило себе общество, а государственные интересы, отождествляемые с интересами монарха и его ближайшего окружения – общественные интересы и интересы отдельного человека. «Петровские реформы – это еще и апофеоз этатизма, не оставляющего практически и до сих пор места для иных (негосударственных) форм общественного существования...» – с такой оценкой преобразований 1-й четверти XVIII в. трудно не согласиться.¹⁸⁰

В таком государстве, где централизаторская идея и идея абсолютной власти монарха была доведена до логического завершения, старая армия, продолжавшая сочетать в себе начала регулярные и иррегулярные, более соответствовавшая периоду относительно слабой монархии, вынужденной считаться с мнением «земли», была непригодна. Царь нуждался в надежном инструменте реализации своих планов, как внутри-, так и внешнеполитических, тем более что его политика насильственной, ускоренной европеизации России была неоднозначно воспринята во всех слоях русского общества, неотъемлемой частью которого и была старая армия.¹⁸¹ Ему же нужна [225] была собственная армия, полностью оторванная от общества и преданная только ему одному (подобно османским капыкулу). Поэтому отказ от сохранения старой армии, ассоциировавшейся в сознании Петра с ненавистной ему московской «старинной», и переход к созданию новой, с «чистого листа», был вполне логичен.

¹⁷⁹ Достаточно проанализировать методику набора новобранцев в «новоприборные» полки в 1699-1700 гг. (См. например: ПСЗ. Т. IV. № 1978; Рабинович М.Д. Формирование регулярной русской армии накануне Северной войны // Вопросы военной истории России XVIII и первой половины XIX веков. М., 1969. С. 221-232) и сравнить ее с мерами, которые предпринимались правительствами Михаила Федоровича и Алексея Михайловича при создании солдатских, драгунских и рейтарских полков..

¹⁸⁰ Анисимов Е.В. Время петровских реформ. Л., 1989. С. 11. Для объяснения процессов ускоренной модернизации по типу российской начала XVIII в. и впоследствии заимствованной в определенной степени Египтом, Турцией и Японией, была предложена модель т.н. «имперской модернизации», суть которой заключалась прежде всего в создании мощных вооруженных сил и обслуживающих ее интересы и нужды политических, социальных и экономических институтов (См., например: Зеленев Е.И. Государственное управление, судебная система и армия в Египте и Сирии... С. 262-263).

¹⁸¹ И.Л. Андреев писал, что «...в XVII в. сложилась своеобразная идеология и психология службы, равно важная как для соучаствующих в ней сторон – власти и дворянства, первая в этот период не без успеха приспособлявала «философию службы» к потребностям и установкам формирующегося абсолютизма. Вторая же с еще большим успехом использовала ее для предъявления сословных требований. В сознании дворян и детей боярских любое утеснение их сословных интересов воспринималось как посягательство на службу и, следовательно, на «государево дело...» (Андреев И.Л. Дворянство и служба в XVII веке // Отечественная история. 1998. № 2. С. 164). Но именно это и не устраивало Петра. Преобразовывая Россию, он руководствовался идеей «общего блага», которое достигалось силой человеческого разума и деятельности человека. Направлять же эту деятельность должно было государство и его персональное воплощение – «просвещенный» монарх, обладающий абсолютной властью и ответственный за свои деяния только перед Богом. Петр был убежден в том, что он и есть такой монарх, призванный самим Богом для того, чтобы вывести Россию и русский народ из мрака невежества и дикости, не останавливаясь даже перед использованием насилия. Русский народ, писал царь, «яко дети, неучения ради, которые никогда за азбуку не примутся, когда от мастера приневолены бывают, которым сперва досадно кажется, но когда выучатся, потом благодарят...» (Полное собрание законов Российской империи (далее ПСЗ). 1-е собрание. Т. VII. СПб., 1830. № 4345). Однако сложившаяся ранее психология служилых людей противоречила воззрениям Петра и должна была быть сломлена, что и было сделано, в том числе путем изменения порядка комплектования армии и своеобразным «закреплением» служилых людей.

Отклонение Петра от модели строительства вооруженных сил, выработанной в 2-й половине XVII в., достаточно дорого обошлось России. Не говоря об экономических, социальных и политических последствиях петровских преобразований¹⁸², вызывающих ожесточенные споры и неоднозначные оценки и по сей день, даже в военном плане эффективность петровской армии вызывает определенные вопросы. Да, шведская армия, считавшаяся в Европе одной из сильнейших, была разгромлена. Однако Прутский поход 1711 г. показал, что даже для полтавских ветеранов турецко-татарская армия явилась крепким орешком. Петровская армия, как оказалось, была [226] оптимизирована для ведения войны против такого же регулярного противника. Продолжавшийся Петром до самого конца своего правления поиск наилучшей формы организации вооруженных сил позволяет утверждать, что он сам был не до конца удовлетворен итогами своих преобразований в военной сфере.¹⁸³ Этот поиск был продолжен и после его смерти. Вплоть до конца XVIII в. преемники царя-реформатора продолжали с разной степенью интенсивности заниматься вопросами военного строительства и совершенствования русской армии и флота, стремясь поддержать должный уровень милитаризма, обеспечивавший прочные позиции в межгосударственной конкуренции. Процесс приспособления европейского опыта военного строительства к конкретным русским условиям занял последние три четверти XVIII столетия. Хотя полного возврата к той модели, которая была отработана во 2-й половине XVII в. и, на наш взгляд, для русских условий той эпохи представляется оптимальной, и не произошло – слишком многое изменилось с того времени, тем не менее, отдельные ее элементы были сохранены и получили дальнейшее развитие. Это касается активного использования русскими военачальниками в XVIII в. иррегулярной легкой конницы азиатского типа – казаков, калмыков, башкир, формирование поселенных войск-ландмилиции на степных границах России, а в начале XIX в. – создание ополчения и военных поселений. Многочисленная, хорошо обученная и вооруженная, отличавшаяся высоким моральным духом, регулярная русская армия XVIII в. вынудила иностранных политиков считаться с мнением России, которая стала полноправным членом «европейского концерта». Военная революция в России, в отличие от Османской империи и Речи Посполитой, успешно свершилась и сделала ее действительно великой державой, империей, игравшей в пресловутом «европейском концерте» далеко не последнюю роль.

[227]

¹⁸² Содержание возросшей численно и, самое главное, не распускавшейся, как прежде по домам, постоянной армии обусловило значительный рост военных расходов и потребовало кардинальной перестройки всей государственной машины и отношений между государством и обществом. Результатом стало возникновение «регулярного» государства, полицейско-бюрократического «Левиафана», в котором все и вся подчинялось интересам и нуждам государства и контролировалось им. Как писал русский историк М.М. Богословский, в «регулярном» петровском государстве «...подданный не только был обязан нести установленную указами службу государству, он должен был жить не иначе, как в жилище, построенном по указанному чертежу, носить указное платье и обувь, предаваться указным увеселениям, указным порядком и в указных местах лечиться, в указных гробах хорониться и указным образом лежать на кладбище, предварительно очистив душу покаянием в указные сроки...» (Богословский М.М. Областная реформа Петра Великого. Провинции 1719-1727. М., 1902. С. 12-13). Милитаризация и бюрократизация жизни государства и общества, превзошедшие по масштабам то, что существовало до Петра, фактическое закрепощение всех социальных слоев и групп, консервация архаичных форм политических, экономических и социальных отношений – все это так или иначе стало следствием петровской политики великодержавия, в основе которой лежала мощная армия и флот.

¹⁸³ Отнюдь не случайно, например, Петр затребовал в октябре 1715 г. от генерал-майора Р.В. Брюса сведений о порядке содержания и комплектования шведской армии (Воскресенский Н.А. Законодательные акты Петра I. Т. I. С. 37).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как показывает исторический опыт, любое государство, желающее преуспеть в конкурентной борьбе со своими соседями за «место под солнцем», должно было уделять серьезное внимание развитию военного дела. Не секрет, что его военная слабость неизменно вела к тому, что его соседи стремились решать свои проблемы за чужой счет. Общество, желавшее преуспеть в «гонке за лидером», должно было быть готовым дать ответ на перемены в военной сфере. Россия в эпоху позднего Средневековья – раннего Нового времени в этом отношении не была исключением. Весь накопленный русскими к концу XV в. исторический опыт свидетельствовал об опасности пренебрежения проблемами развития военного дела. Стремление не отстать от соседей было тем более важным, если учесть, что, как было отмечено выше, Западная Европа в конце XV в. вступила на путь военной революции – необратимого, лавинообразного процесса перемен в военном деле, вызванный внедрением в военную практику пороха и огнестрельного оружия. Для молодого Российского государства проблема поиска адекватного ответа на военный вызов со стороны соседей приобретала особое значение. Менее развитая, бедная ресурсами, находившаяся на обочине общеевропейского культурного развития, Россия оказалась к тому же на стыке цивилизаций, миров – будучи последним независимым православным государством, она оказалась зажата между миром ислама и миром католицизма. И те, и другие не воспринимали Россию как «своего», и межцивилизационный конфликт и с Западом, и с Востоком был неизбежен. Между тем он, как было отмечено выше, для проигравшей стороны мог иметь фатальные последствия характер.

Очевидно, что в Москве хорошо уяснили себе возможные последствия военного отставания, и потому не жалели сил и средств для того, чтобы не допустить этого. Сравнительно быстро, с небольшим для того времени отставанием (ровно настолько, сколько было необходимо времени для того, чтобы сработал эффект брошенного в воду камня и военные инновации добрались из эпицентра военной революции на периферию области, затронутой ею), Россия включилась в процесс радикальных перемен в военном деле.

Преобразования в военной сфере так или иначе затронули все его основные «измерения» (С. Хантингтон), но при этом правящая [231] элита молодого Российского государства подошла к вопросу перенимания военных инноваций весьма и весьма прагматично. находясь на стыке миров, Россия испытывала в равной степени влияние как Запада, так и Востока, и могла выбирать, что заимствовать для себя из опыта как с той, так и с другой стороны. Характер ТВД, потенциальных противников, материальные, людские и финансовые ресурсы, которыми располагали московские Рюриковичи, не позволяли им заимствовать сложившуюся к концу XV в. ренессансную модель развития вооруженных сил, в специфических русских условиях слишком дорогостоящую и недостаточно эффективную. В конечном итоге русские взяли на вооружение восточную военную традицию, существенно, правда, переработав ее. Поскольку ставшая «классической» старомосковская военная организация имела много аналогий с созданной на полстолетия раньше турецкой военной машиной, то ее условно можно назвать «османской». Главная идея, на которой была основана эта модель – это доминирование в структуре вооруженных сил легкой иррегулярной поместной конницы. Она была дополнена отрядами находящихся частично на самообеспечении, частично на государственном содержании пехоты (стрельцы и казаки, частично посаженные на конь для достижения большей оперативной подвижности) с огнестрельным оружием и артиллерии. Кроме того, для несения тыловой, обозной, дорожной и прочих вспомогательных служб в военное время широко привлекалось прежнее народное ополчение («посоха»).

Примечательно, что эта модель в наибольшей степени соответствовала как уровню политических структур Российского государства той эпохи как государства «недоцентрализованного», «слабого», со значительными элементами местного самоуправления, так и

экономического развития страны. Кроме того, такая армия успешно боролась и с татарами, и с литовцами, что наглядно демонстрировал опыт войн конца XV – 1-й половины XVI столетия.

Однако на исходе 70-х гг. XVI в. обозначились первые признаки кризиса «классической» (назовем ее так) московской военной системы. Русская экспансия, успешно развивавшаяся до этого на всех основных стратегических направлениях, фактически захлебнулась. Неудачный исход Ливонской войны и сохранение постоянной угрозы со стороны Крымского ханства явились наглядным подтверждением этого факта. [232]

Столкновение «заточенного» под противодействие легким иррегулярным конным армиям татар и литовцев русского войска XVI в. с реформированными в последней четверти XVI в. вооруженными силами Речи Посполитой завершилось для русских печально – от экспансии на западном направлении пришлось отказаться. Более того, пришлось смириться с утратой ряда территорий на русско-литовском пограничье, в том числе и со Смоленском – этими «воротами» Москвы. Память о поражениях в годы Ливонской войны и Смуты и жажда реванша в конечном итоге способствовали временному отказу Москвы от наступательной стратегии на юге и активизации внешней политики на западном стратегическом направлении. Но для возвращения Смоленска и «наследия Ярослава Мудрого» нужно было найти действенное средство против военной машины Речи Посполитой, причем дешевое, эффективное и не требовавшее значительных затрат времени.

Такое «противоядие» было найдено в использовании опыта протестантской военной школы. Первый успешный опыт применения русскими идей, разработанных и опробованных Морицем Оранским в ходе борьбы Голландской республики против Испании в конце XVI в., относится именно в годам Смуты. Экономическое разорение страны и консервативные настроения, возобладавшие в первые годы после воцарения Михаила Федоровича, не позволило продолжить начатый процесс перенимания последних военных новинок дальше, однако накопленный опыт не был забыт.

Он был востребован спустя менее чем через 20 лет. Начало 30-х гг. XVII в., когда правительство Михаила Федоровича и патриарха Филарета начало готовиться к войне за возвращение Смоленска, стало точкой отсчета в истории новой русской армии. При активной помощи иностранных военных специалистов в России началось формирование обученных и вооруженных по последнему европейскому образцу солдатских, рейтарских и иных полков «нового строя». С этого момента генеральной линией русского военного строительства в оставшееся время до конца столетия стало неуклонное увеличение доли регулярного компонента и снижения значения иррегулярного. В итоге, к моменту смерти Алексея Михайловича в России была отработана весьма интересная и совершенная для своего времени военная машина, сооптимизированная для ведения войны с разными противниками – с крымскими татарами и турками, [233] поляками и литовцами и со шведами. Последствия Смуты в значительной степени были преодолены. Был возвращен Смоленск, к России отошла Левобережная Украина и «мать городов русских» Киев, русские рубежи значительно продвинулись вглубь Дикого поля, и Крым уже не был таким же неуязвимым, как раньше. Казалось бы, в данных условиях нужно было продолжать курс, выбранный Алексеем Михайловичем. Однако Петр I после некоторого периода колебаний отказался следовать по пути, проложенному его отцом и старшим братом. Почему? Обычно, объясняя необходимость разрыва Петра с прежней военной традицией, ссылаются на проявившуюся в последней четверти XVII в. недостаточно высокую эффективность военной машины Алексея Михайловича¹.

Однако так ли это? Да, Алексею Михайловичу не удалось вернуть себе побережье Финского залива и полностью присоединить к своему царству Украину. Но значит ли это, что «последний довод королей», которым располагал Тишайший, был недостаточно весом? На наш взгляд, такой ответ будет слишком скорым и оттого предвзятым и ошибоч-

¹ См., например: История Северной войны. 1700-1721 гг. М., 1987. С. 28-29.

ным. Причины незавершенности обширной внешнеполитической программы отца Петра Великого нужно искать, скорее, в другом. С одной стороны, сама по себе эта программа была слишком обширна и превышала возможности страны. По существу, завершить ее удалось лишь к концу следующего столетия, когда Речь Посполитая, старый соперник России за доминирование в восточной и юго-восточной Европе, исчезла, Крым вошел в состав Российской империи, Швеция утратила прибалтийские владения и Россия твердой ногой стала на берегах Черного и Балтийского морей. С другой стороны, нельзя не сказать и о незавершенности процесса создания в России условий, необходимых не только для создания современной армии, но и сохранения набранного высокого темпа гонки вооружений. В конце XVII в. Россия еще была не вполне готова иметь армию, соответствовавшую ее претензиям на доминирование в восточной и юго-восточной Европе. В каком-то смысле Россию XVII в. можно сравнить с Речью Посполитой. И здесь, и там вооруженные силы в XVII в. представляли смесь как старых, средневековых компонентов, так и иных, присущих Новому времени. Однако в Речи Посполитой воинские части, сформированные по по[234]следней европейской моде, так и не смогли стать основой армии из-за сопротивления крупных магнатов. Они были весьма малочисленным и основу польско-литовской армии в случае войны продолжали составлять наемники и милиционные формирования. В России же, где центральная власть была не в пример сильнее, чем в Речи Посполитой, ситуация была иной. Здесь новая военная традиция, основы которой были заложены еще в 1-е десятилетие XVII в., получила постепенно дальнейшее развитие. Как было показано выше, армия «новой модели» к исходу столетия составляла большую часть вооруженных сил и контролировалась государством. И самое главное, русские солдатские, рейтарские, драгунские, гусарские и копейные полки имели национальное ядро², что позволило новой военной традиции выжить и обеспечить пусть и не полный, но достаточный перевес над Речью Посполитой. Не случайно в 1686 г. польско-литовское государство было вынуждено согласиться на уступку Киева и заключение «Вечного мира» с Россией, чего польская правящая элита полстолетия назад не могла даже и представить.

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что негативная оценка вооруженных сил России XVII в. явно предвзята и ошибочна. Армия Российского государства во 2-й половине XVII в. обладала для своего времени высокой боеспособностью, а выработанные в длительных войнах принципы организации военной машины в целом неплохо зарекомендовали себя на полях сражений. Вместе с тем нужно признать, что в этом столетии довести до конца военную революцию в России не удалось. Главная проблема заключалась в том, чтобы подвести под новую военную машину необходимую политическую, идеологическую и, прежде всего, экономическую основу. Это и было сделано Петром I, хотя его подход к развитию вооруженных сил отличался от того, который существовал при Алексее Михайловиче и Федоре Алексеевиче. Стремясь поддержать на должной высоте уровень милитаризма, необходимый для успешного межгосударственного соперничества, Петр Великий полностью перестроил весь фасад российской государственности, придав тем [235] самым ей вполне европейский вид.

Можно смело утверждать, что, пожалуй, именно в России политическая, экономическая и социальная составляющие концепции «военной революции» проявились в наиболее яркой степени. В этом плане мы не согласны с мнением Н. Хеншелла.³ Вопреки его точке зрения, в России начала XVIII в. как раз необходимость создания и содержания на постоянной основе большой армии способствовала рождению сильной монархии, завершению превращению патриархального Московского царства в «регулярную», полицейско-

² Примечательно, что уже в 60-х гг. XVII в. иностранные офицеры, как правило, занимали лишь штаб-офицерские должности в полках армии «новой модели», тогда как обер-офицерские и унтер-офицерские должности заполнялись преимущественно русскими. См., например: РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Столбцы Московского стола. № 849. Л.л. 498-500, 529.

³ См.: Хеншелл Н. Миф абсолютизма. СПб., 2003. С. 10-11.

бюрократическую Российскую империю, в основе которой лежал принцип абсолютной и бесконтрольной власти монарха.

Однако этот успех был достигнут дорогой ценой. Бедность природными ресурсами, суровые природно-климатические условия обусловили складывание особого, характерного для России типа государства и общества. Развертывание строительства новой армии потребовало серьезных изменений во многих сферах жизни русского общества. В самом деле, создание новой, обученной и экипированной по европейски армии, армии постоянной и регулярной как инструмента ведения активной внешней политики, достойной великого государства потребовало огромных расходов, что неминуемо вызвало усиление налогового пресса и общего давления государства на общество, изменений в государственном аппарате, выразившихся прежде всего в численном росте чиновничества и управленческих структур, в изменении характера отношений между церковью и государством. Не случайно XVII в. стал «бунташным веком», наполненным народными волнениями, церковным Расколом, интригами и борьбой при дворе. Еще большие испытания ждали русское общество в 1-й четверти XVIII в. Большую часть своего долгого правления Петр провел в войнах, и только постоянное наращивание военного потенциала гарантировало ему в конечном итоге победу. Однако необходимость удовлетворять все время растущие военные расходы потребовала от Петра на ходу изменять государственный аппарат, фискальную систему, экономику страны, вводить новшества в сфере науки, техники и образования и пр. И все это приходилось осуществлять в условиях, когда ресурсы страны, людские, материальные и финансовые, явно не соответствовали запросам царя-реформатора. [236]

В итоге политический, экономический и социальный аспекты военной революции в России приобрели иную, чем в большинстве стран Западной Европы, окраску. Так, анализируя социальные и политические последствия петровской военной реформы как завершающей стадии военной революции, нельзя не прийти к выводу об их консервативном и в определенной степени негативном характере. Экономическая отсталость и бедность страны вкупе со стремлением Петра ускорить превращение России в могущественное и влиятельное европейское государство обусловили сохранение и дальнейшее совершенствование царем-реформатором прежнего мобилизационного типа государственного и социального устройства и господствующего положения государства и его интересов над обществом. Если на Западе военная революция привела к ускорению политического и социально-экономического развития, то в Восточной Европе, и в том числе и в России, напротив, к консервации прежних архаичных политических, социальных и экономических институтов, и, прежде всего, крепостного права. Старинная служебная организация помогла Петру совершить скачок, но воспрепятствовала запуску механизма внутреннего саморазвития общества и государства. В результате, когда к концу XVIII в. инерция петровских реформ перестала действовать, Россия снова стала отставать от передовых стран Запада. Нужны были новые преобразования, не менее серьезные, чем в начале XVIII в., но правящая элита Российской империи оказалась неспособна их осуществить. Потребовался шок от поражения в Крымской войне, чтобы начались реформы, но и тогда они оказались незавершенными, что имело в конечном итоге пагубные последствия для судьбы империи в XX в. [237]

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АИ** – Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею.
- ААЭ** – Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией императорской Академии наук.
- АЗР** – Акты, относящиеся к истории Западной Руси.
- АМГ** – Акты Московского государства.
- АРГ** – Акты Русского государства 1505-1526 гг.
- АСЗ** – Акты служилых землевладельцев.
- АФЗиХ** - Акты феодального землевладения и хозяйства.
- БИПР** – Библиотека иностранных писателей о России.
- БЛДР** – Библиотека литературы Древней Руси.
- ВИД** – Вспомогательные исторические дисциплины.
- ВМОИДР** – Временник императорского Московского общества истории и древностей российских.
- ДАИ** – Дополнения к Актам историческим.
- ДДГ** – Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв.
- ДРВ** – Древняя российская вивлиофика, содержащая в себе: собрание древностей российских, до истории, географии и генеалогии российской касающихся; изданная Николаем Новиковым. Издание 2-е, вновь исправленное, умноженное и в порядок хронологический приведенное.
- ЖМНП** – Журнал Министерства народного просвещения
- ЗОРСАРАО** – Записки отделения русской и славянской археологии императорского Русского археологического общества.
- ИЗ** – Исторические записки.
- ПЛДР** – Памятники литературы Древней Руси.
- ПВЛ** – Повесть Временных лет.
- ПСЗ** – Полное собрание законов Российской империи.
- ПСРЛ** – Полное собрание русских летописей.
- РИБ** – Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею.
- РА** – Русский Архив.
- РК 1475-1598** – Разрядная книга 1475-1598 гг.
- РК 1637-1638** – Разрядная книга 1637-1638 года. [238]
- РК 1475-1605** – Разрядная книга 1475-1605 гг.
- РЛ** – Русские летописи.
- САИ** – Свод археологических источников.
- СВИМ** – Сборник военно-исторических материалов.
- СГГД** – Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. [239]

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Опубликованные источники.

1. Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. Т. IV. М., 2008.
2. Белокуров С.А. Дневальные записки Приказа тайных дел 7165-7185 гг. М., 1908.
3. Боплан Г. де. Описание Украины. М., 2004.
4. Боярские списки последней четверти XVI – начала XVII вв. и роспись русского войска 1604 г. Ч. 2. М., 1979.
5. Буссов К. Московская хроника 1584-1613 гг. М.-Л., 1961.
6. Вахрамеев И.А. Исторические акты Ярославского Спасского монастыря. Т. 1. М. 1896.
7. Витебская старина. Т. IV. Ч. 2. Витебск, 1885.
8. Видекинд Ю. История шведско-московитской войны XVII в. М., 2000.
9. Витсен Н. Путешествие в Московию 1664-1665. СПб., 1996.
10. Воскресенский Н.А. Законодательные акты Петра I. Т. 1. М.-Л. 1945.
11. Гейденштейн Р. Записки о московской войне (1578-1582). Шлихтинг А. Новое известие о России времени Ивана Грозного. Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. Рязань, 2005.
12. Герберштейн С. Записки о Московитских делах // Россия XVI века. Воспоминания иностранцев. Смоленск, 2002.
13. Главинич С. О происшествиях Московских. М., 1875.
14. Голубцов И.А. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. Т. 3. М., 1964.
15. Гордон П. Дневник 1635-1659. М., 2001.
16. Гордон П. Дневник 1659-1667. М., 2002.
17. Горсей Дж. Записки о России. XVI – начало XVII в. М., 1990.
18. Дворцовые разряды. Т. III. СПб., 1852.
19. Дела Тайного приказа. Кн. 1 // РИБ. Т. XXI. СПб., 1907.
20. Документы о сражении при Молодях // Исторический архив. № 4, 1959.
21. Донесения королеве Христине и письма к королевскому секретарю шведского резидента в Москве Карла Поммеренинга // Якубов К.И. Россия и Швеция в первой половине XVII века. М., 1897.
22. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей [240] XIV-XVI вв. М.-Л., 1950.
23. Жолкевский С. Записки гетмана Жолкевского о московской войне. СПб., 1871.
24. Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века. Л., 1986.
25. Записки ксендза Я. Велевицкого // Жолкевский С. Записки гетмана Жолкевского о московской войне. СПб., 1871.
26. Записная книга Полоцкого поход 1562/1563 года // Русский дипломатарий. Вып. 10. М., 2004.
27. Записные книги Московского стола 7157 г. // РИБ. Т. X. СПб., 1886.
28. Записные книги Московского стола 7143 г. // РИБ. Т. X. СПб., 1886.
29. Записные книги Московского стола 1648-1649 // РИБ. Т. X. СПб., 1886.
30. Иное сказание. Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени // РИБ. Т. XIII. СПб., 1909.
31. Иностранцы о древней Москве. Москва XV-XVII веков. М., 1991.
32. Иоасафовская летопись. М. 1957.
33. Иржи Д. Современное состояние великой России или Московии // Вопросы истории. 1968. № 3.
34. История о Казанском царстве (Казанский летописец) // Полное собрание русских летописей. Т. XIX. М., 2000.

35. Кампензе А. Письмо Альберта Кампензе к Его Святейшеству Папе Клименту VII о делах Московии // БИПР. Т 1. СПб. 1836.
36. Клавихо Г. История Великого Тамерлана // Тамерлан. М., 1992.
37. Коллинс С. Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне // Утверждение династии. М., 1997.
38. Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. М., 2000.
39. Крижанич Ю. Политика. М., 1997.
40. Крижанич Ю. Русское государство в половине XVII века. Т.т. 1-2. М., 1859-1860.
41. Кулишер И.М. История русского народного хозяйства. М., 2004. [241]
42. Курбский А. История о великом князе Московском // РИБ. Т. XXXI. СПб., 1914.
43. Курц Б.Г. Состояние России в 1650-1655 гг. по донесениям Родеса // ЧОИДР. 1915. Кн. 2. Ч. II. М., 1914.
44. Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки // Полное собрание русских летописей. Т. XVI. М., 2000.
45. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // Полное собрание русских летописей. Т. IX-XIV. М., 2000.
46. Летопись по Воскресенскому списку // Полное собрание русских летописей. Т. VII-VIII. М., 2001.
47. Манштейн Х.-Г. Записки о России генерала Манштейна. М., 1998.
48. Маржерет Я. Россия начала XVII в. Записки капитана Маржерета. М., 1982.
49. Мархоцкий Н. История Московской войны. М., 2000.
50. Масса И. Краткое повествование о начале и происхождении современных войн и смут в Московии, бывших в непродолжительный период царствования нескольких государей ея, до 1610 года // Сказания Массы и Геркмана о Смутном времени в России. СПб., 1874.
51. Мейерберг А. Путешествие в Московию барона Августина Мейерберга, члена императорского придворного совета и Горация Вильгельма Кальвуччи, кавалера и члена правительственного Совета Нижней Австрии, послов августейшего римского императора Леопольда к царю и великому князю Алексею Михайловичу в 1661 году, описанное самим бароном Мейербергом // Утверждение династии. М., 1997.
52. Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга официальной редакции (по 1565 г.). М., 1901.
53. Михалон Литвин. О нравах татар, литовцев и москвитян. М., 1994.
54. Монтекуколи Р. Записки Раймунда графа Монтекуколи, генералиссимуса цесарских войск, генерал-фельдцейгмейстера и кавалера Златаго Руна или главные правила военной науки вообще. М. 1760.
55. Немоевский С. Записки // Записки Станислава Немоевского (1606-1608). Рукопись Жолкевского. Рязань, 2007.
56. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов[242] // ПСРЛ. Т. III. М., 2000.
57. Павла Иовия Новокомского книга о посольстве, отправленном Василием Иоанновичем, великим князем Московским, к папе Клименту VII, в которой с достоверностью описаны положение страны, неизвестной древним, религия и обычаи народа, равно как и цель посольства; между тем показаны заблуждения Страбона, Птолемея и других географов, упоминавших о Рифейских горах, существование коих в наше время отвергнуто ясными доводами // БИПР. Т. 1. Отд. 1. СПб., 1836.
58. Новый летописец // ПСРЛ. Т. XIV. Ч. 1. М., 1956.
59. Олеарий А. Описание путешествия в Московию. Смоленск, 2003.
60. Осада Пскова глазами иностранцев. Дневники походов Батория на Россию (1580-1581 гг.). Псков, 2005.
61. Отрывки дневника о войне царя Михаила Феодоровича с польским королем Владиславом 1632-1634 // РИБ. Т. 1. СПб. 1872.

62. Памятники истории Восточной Европы. Т. VI. М.-Варшава, 2002.
63. Памятники истории Восточной Европы. Т. III. Документы Ливонской войны (подлинное делопроизводство приказов и воевод) 1571-1580. М.-Варшава, 1998.
64. Перевод с галансково письма, что подал боярину Илье Даниловичу Милославскому рейтарсково строю полковник Исак фан Буковен, как всяких чинов урядников воспросить про ратное ученье, что всякому уряднику в ратном строе подобает ведать. И против тех воспросов – ответ // РА. Т. VI. М., 1995.
65. Петрей П. История о великом княжестве Московском // О начале войн и смут в Московии. М., 1997.
66. Петров К.В. Новые источники по истории Смоленской войны. 1632-1634 гг. // Очерки феодальной России. Вып. 4. М., 2000.
67. Писцовые книги Новгородской земли. Т. 1. М., 1999.
68. Повесть о князе Михаиле Васильевиче Скопине-Шуйском // РИБ. Т. XIII. СПб., 1909.
69. Повесть о нашествии Тохтамыша // ПЛДР. XIV – середина XV века. М., 1981.
70. Посошков И.Т. О ратном поведении // Посошков И.Т. Книга о скудости и богатстве. М., 1911.
71. Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI в. М., 1983. [243]
72. Псковские летописи // Полное собрание русских летописей. Т. V. Вып. 1-2. М., 2000-2003.
73. Разрядная книга 1475-1598 гг. М., 1966.
74. Разрядная книга 1475-1605 гг. Т.т. I-III. М., 1977-1989.
75. Разрядная книга 1637 – 1638 года. М., 1983.
76. Разрядная повесть о Полоцком походе // Русский дипломатарий. Вып. 10. М., 2004.
77. Рейтенфельс Я. Сказание светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии. М., 1906.
78. Рогожский летописец. Тверской сборник // ПСРЛ. Т. XV. М., 2000.
79. Роде А. Описание второго посольства в Россию датского посланника Ганса Ольделанда в 1659 году // Утверждение династии. М., 1997.
80. Русский хронограф. Ч. 1. Хронограф редакции 1512 г. // ПСРЛ. Т. 22. СПб., 1911.
81. Рюссов Б. Ливонская хроника // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Т. II. Рига, 1879.
82. Сообщение о России московского посла в Милан (1486 г.) // Вопросы историографии и источниковедения истории СССР (Труды Ленинградского отделения института истории АН СССР) № 5, М. 1963.
83. Симеоновская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. XVIII. М., 2007.
84. Сказание Авраамия Палицына // Воинские повести Древней Руси. Л., 1985.
85. Сказание о Мамаевом побоище // Воинские повести Древней Руси. Л., 1985.
86. Смирненного инок Фомы слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче // Режим доступа: <http://old-rus.narod.ru/06-24-1.html>.
87. Слово о житии великого князя Дмитрия Ивановича // ПЛДР. XIV – середина XV века. М., 1981.
88. Тамерлан. Автобиография. Уложение. М., 2006.
89. Тихомиров М.Н. Записки о регентстве Елены Глинской и боярском правлении 1533-1547 гг. // ИЗ. № 46. 1954.
90. Тульские оружейники. М., 2003.
91. Тысячная книга 1550. Дворовая тетрадь пятидесятих годов XVI века. М.-Л., 1950. [244]
92. Учение и хитрость ратного строения пехотных людей. СПб., 1904.
93. Флетчер Дж. О государстве Русском // Проезжая по Московии (Россия XVI-XVII веков глазами дипломатов). М., 1991.
94. Фоккеродт И.-Г. Россия при Петре Великом // Неистовый реформатор. М., 2000.

95. Форстен Г. Сношения Швеции с Россией в царствование Христины // ЖМНП. 1891. Июнь (часть ССLXXV).
96. Ченслер Р. Книга о великом и могущественном царе России и князе Московском, о принадлежащих ему владениях, о государственном строе и товарах его страны, записанная Ричардом Ченслером // Россия XVI в. Воспоминания иностранцев. Смоленск, 2003.

Литература.

1. Алексеев Ю.Г. Господин Псков и его войско в кампании 1471 г. // *Albo dies notanda lapillo*. Коллеги и ученики – Г.Е. Лебедевой. СПб., 2005.
2. Алексеев Ю.Г. Кампания 1502 г. – последний акт большой войны // *Древняя Русь. Основы медиевистики*. 2006. № 2 (24).
3. Алексеев Ю.Г. Победа на Шелони // *Неисчерпаемость источника*. М., 2005.
4. Алексеев Ю.Г. Под знаменами Москвы. М., 1992.
5. Андреев И.Л. Алексей Михайлович. М., 2003.
6. Андреев И.Л. Дворянство и служба в XVII веке // *Отечественная история*. 1998. № 2.
7. Андреев И.Л. «О бедном дворянстве замолвите слово...» // *Родина*. 1997. № 9.
8. Андреев И. Нетихий Тишайший // *Родина*. 1998. № 9.
9. Анисимов Е.В. Время петровских реформ. Л., 1989.
10. Артеус Г. Карл XII и его армия // *Царь Петр и король Карл. Два правителя и их народы*. М., 1999.
11. Бабулин И.Б. Битва под Полонкой. 1660 // *Рейтар*. 2005. № 3 (15).
12. Бабулин И.Б. Генерал Бауман и его деятельность в русской армии XVII века // *Рейтар*. 2005. № 7 (19).
13. Бабулин И.Б. Гусарские полки в русской армии XVII века // *Рейтар*, 2004. № 9 (17).
14. Бабулин И.Б. Московские стрельцы. Боевой путь приказа Василия Пушечникова. 1650-1700 // *Армии и битвы*. 2005. № 4. [245]
15. Бабулин И.Б. Полки русской армии в Смоленском походе 1654 г. // *Воин*, 2004. № 17.
16. Бабулин И.Б. Состав русской армии в Чудновской кампании 1660 года // *Рейтар*. 2006. № 4 (28).
17. Базилевич К.В. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М., 1952.
18. Барг М.А. Великая Английская революция в портретах ее деятелей. М., 1991.
19. Беляев И.Д. О сторожевой, станичной и полевой службе на польской Украине Московского государства до царя Алексея Михайловича. М., 1846.
20. Беляев И.Д. О русском войске в царствование Михаила Федоровича и после него, до преобразований, сделанных Петром Великим. М., 1846.
21. Бескровный Л.Г. Армия и флот России вначале XX в. Очерки военно-экономического потенциала. М., 1986.
22. Беспалов А. Походная жизнь каролинской армии начала XVIII века // *Рейтар*. № 11 (8/2004).
23. Беспалов А. Сага о каролинах. Армфельт // *Рейтар*. № 19 (7/2005).
24. Бехайм В. Энциклопедия оружия. СПб., 1995.
25. Бибиков Г.Н. Опыт военной реформы 1609-1610 гг. // *Исторические записки*. № 19. 1946.
26. Бобров Л.А. Вооружение и тактика монгольских кочевников эпохи позднего средневековья (XVII в.) // *Para bellum*. 2002. № 13.

27. Бобров Л.А. Железные ястребы Маверанахра (комплекс защитного вооружения воинов Средней Азии и сопредельных территорий конца XV-XVII – вв.) // *Para bellum*. 2003. № 2 (18).
28. Богданов А.П. Русские патриархи. Т. 1. М., 1999.
29. Богословский М.М. Областная реформа Петра Великого. Провинции 1719-1727 . М., 1902.
30. Богоявленский С.К. Вооружение русских войск в XVI-XVII вв. // *ИЗ*. Т. 4. М., 1938.
31. Богоявленский С.К. Московский приказный аппарат и делопроизводство XVI – XVII веков. М., 2006.
32. Васильев А. Войско Великого княжества Литовского в сражении при Грюнвальде / Цейхгауз. 2000. № 1 (10).
33. Васильев А. Пехота шведской армии Карла XII под Полтавой // *Орел*. 1992. № 1. [246]
34. Васильев А. Польско-литовская гусария XVII века // *Цейхгауз*. № 7 (1). 1998.
35. Васильев А.А. История Византийской империи. Т. 2. От начала Крестовых походов до падения Константинополя. СПб., 1998.
36. Васин П. «Воины христовы». Вооружение тяжелой боярской конницы времен Куликовской битвы (2-ая половина XIV в.) // *Империя истории*. 2002. № 2 (2).
37. Велувенкамп Я.В. Архангельск. Нидерландские предприниматели в России 1550-1785. М., 2006.
38. Вернадский Г.В. Монголы и Русь. Тверь-М., 1997.
39. Вернадский Г.В. Московское царство. Т. II. Тверь-Москва, 1997.
40. Вернадский Г.В. Россия в средние века. М.-Тверь, 1997.
41. Веселовский С.Б. Сметы военных сил Московского государства 1661-1663 гг. М., 1911.
42. Виноградов А.В. Внешняя политика Русского государства второй половины XVI века в контексте геополитического развития России как евразийской державы // *Геополитические факторы во внешней политике России: вторая половина XVI – начало XX века*. М., 2007.
43. Волков С.В. Русский офицерский корпус. М., 1993.
44. Вопросы военной истории России XVIII и первой половины XIX веков. М., 1969.
45. Воробьев В. М. Из истории поместного войска в условиях послесмутного времени (на примере новгородских служилых городов) // *Исторический опыт русского народа и современность*. СПб., 1994. С. 82-91.
46. Воробьев В. М. «Конность, людность, оружность и сбруйность» служилых городов при первых Романовых. // *Дом Романовых в истории России*. СПб., 1995.
47. Воробьев В.М. Лжедмитрий I и судьбы службы «по отечеству» и поместной системы // *Режим доступа: <http://milhist.ru/index.php?pageid=art.php&releasenum=9&articlenum=133 &skinnum=3&skinnum2=0>*
48. Глаголева А.П. Олонецкие металлургические заводы при Петре I // *ИЗ*. Вып. 35. М.-Л., 1950.
49. Глазьев В.Н. Опора царской власти: стрельцы и их начальники в XVI в. // *Российская монархия: вопросы истории и теории*. Сборник Статей. Воронеж, 1998. [247]
50. Голиков Н.Н. Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. Ч. 1. М., 1781.
51. Горелик М.В. Вооружение народов Восточного Туркестана // *Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье*. М., 1995.
52. Горелик М. Куликовская битва 1380: русский и золотоордынский воины // *Цейхгауз*. 1991. № 1.
53. Горелик М.В. Оружие Ворсклинской битвы // *Цейхгауз*. 1994. № 1 (3).
54. Горский А.А. Москва и Орда. М., 2005.
55. Горский А.А. Русь: от славянского Расселения до Московского царства. М., 2004.

56. Грабарчик Т. Арбалеты и луки польской наемной пехоты в 1471-1500 гг. // *Para bellum*. 2003. № 3 (19).
57. Гурлянд И.Я. Иван Гебдон комиссариус и резидент. Материалы по истории администрации Московского государства второй половины XVII века). Ярославль, 1903.
58. Данилевский Н.Я. Россия и Европа // *Классика геополитики*, XIX век. М., 2003.
59. Дворянство России и его крепостные крестьяне. XVIII – первая половина XVIII в. М., 1989.
60. Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. Т. IV. СПб., 2001.
61. Денисон Дж. История конницы. М., 2001.
62. Дзысь И., Щербаков А. Новгородцы времен Куликовской битвы // *Цейхгауз*. 2000. № 3 (12).
63. Дьюкс П. Семейство Лесли в шведский период (1630-1635) Тридцатилетней войны // *Россия и мировая цивилизация*. М., 2000.
64. Епифанов П.П. Военно-поместная система. Конница // *Очерки русской культуры XVI века*. Ч. 1. М., 1979.
65. Епифанов П.П. Войско // *Очерки русской культуры XVII века*. Ч. 1. М., 1979.
66. Епифанов П.П. Крепости // *Очерки русской культуры XVI века*. Ч. 1. М., 1979.
67. Епифанов П.П. Оружие и снаряжение // *Очерки русской культуры XVI века*. Ч. 1. М., 1979.
68. Загоровский В.П. Белгородская черта. Воронеж, 1969.
69. Загоровский В.П. Изюмская черта. Воронеж, 1980. [248]
70. Зеленев Е.И. Государственное управление, судебная система и армия в Египте и Сирии. СПб., 2003.
71. Зимин А.А. Витязь на распутье. М., 1991.
72. Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного. М., 1960.
73. Иловайский Д.И. Новая династия. М., 2003.
74. История дипломатии. Т. 1. М., 1941.
75. История Европы. Т. 4. М., 1994.
76. История Москвы. Т. 1. М., 1952.
77. История Северной войны 1700-1721 гг. М., 1987.
78. Калинычев Ф.И. Правовые вопросы военной организации Русского государства второй половины XVII века. М., 1954.
79. Каменский А.Б. Российская империя в XVIII в: традиция и модернизация. М., 1999.
80. Карнейро Р.Л. Теория происхождения государства // *Раннее государство, его альтернативы и аналоги*. Волгоград, 2006.
81. Каштанов С.М. К вопросу о численности русского войска и народонаселения в XVI в. // *Реализм исторического мышления. Проблемы отечественной истории периода феодализма*. М., 1991.
82. Кенигсбергер Г. Европа раннего Нового времени, 1500-1789. М. 2006.
83. Кирпичников А.Н. Военное дело на Руси в XIII-XV вв. Л., 1976.
84. Кистерев С.Н. Рубль Северо-Восточной Руси до начала XV века // *Очерки феодальной Руси*. Вып. 3. М., 1999.
85. Клаузевиц К. фон. О войне. Т. 1. М., 2002.
86. Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. III // *Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах*. Т. III. М., 1988.
87. Кобзарева Е.И. Вестфальская мирная система и Россия // *Отечественная история*. 1999. № 4.
88. Кобрин В.Б. Смутное время – утраченные возможности // *История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX – начала XX в.* М., 1991.
89. Кожевников Е.В., Гуревич Д.Я. Отечественное коневодство: история, современность, проблемы. М., 1990.

90. Козляков В.Н. Служилый «город» Московского государства XVII века (от Смуты до Соборного уложения). Ярославль, 2000.
91. Коллманн Н.Ш. Соединенные честью. М., 2001.
92. Колосов Е.Е. Развитие артиллерийского вооружения в России во второй половине XVII в. // ИЗ. Т. 71. М., 1962. [249]
93. Контамин Ф. Война в средние века. СПб., 2001.
94. Копылов И.А. От регулярных войск к регулярной армии // Военно-исторический журнал. 1999. № 1.
95. Копылов И.А. От стрельцов до космических войск // Родина. 1999. № 5.
96. Кривошеев Ю.В. Русь и монголы. СПб., 1999.
97. Кром М.М. О численности русского войска в первой половине XVI в. // Российское государство в XIV – XVII вв.. СПб., 2002.
98. Курбатов О.А. «Литовский поход 7168 года» князя И.А. Хованского и битва при Полонке // Славяноведение. 2003. № 4.
99. Курбатов О. Наемный корпус Делагарди на службе царя Василия Шуйского. Опыт введения нидерландской военной системы в России в начале XVII века // Цейхгауз. № 3 (19). 2002.
100. Курбатов О.А. Организация и боевые качества русской пехоты «нового строя» накануне и в ходе русско-шведской войны 1656-1658 годов // Архив русской истории. Вып. 8. М., 2007.
101. Курбатов О.А. «Оружность» русской конницы. 1630-е – начало 1650-х гг. // Цейхгауз. 2006. № 23.
102. Курбатов О.А. Полк Антония Грановского в походе 1654 г.: о положении иностранных специалистов артиллерийского и инженерного дела в русском войске // Иноземцы в России в XV – XVII веках. Сборник материалов конференций 2002-2004 гг. М., 2006.
103. Курбатов О.А. Роль служилых «немцев» в реорганизации русской конницы в середине XVII века // Иноземцы в России в XV – XVII веках. Сборник материалов конференций 2002-2004 гг. М., 2006.
104. Кычанов Е.И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М., 1997.
105. Лаврентьев А.В. Для каких целей были отчеканены «золотые» Лжедмитрия I? // ВИД. Т. XXVI. СПб., 1998.
106. Лавров А.С. Василий Васильевич Голицын // Вопросы истории. 1998. № 5.
107. Лисейцев Д.В. Татарский фактор во внешней политике Московского государства в начале XVII века // Сборник Русского исторического общества. Т. 10 (158). Россия и Крым. М., 2006.
108. Лобин А.Н. Полковая артиллерия в царствование Михаила Федоровича (1613-1645 гг.) // Исследования по истории средневековой Руси. Сб. ст. в честь 80-летия Ю.Г. Алексеева. СПб., 2006.
109. Маккенни Р. XVI век. Европа. Экспансия и конфликт. М., 2004. [250]
110. Малов А. Государевы выборные московские полки солдатского строя // Цейхгауз. № 1(13). 2001.
111. Малов А.В. «Конность, людность и оружность» служилого «города» перед Смоленской войной (на материалах Великих Лук) // Цейхгауз. 2002. № 2(18).
112. Малов А.В. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории 1656-1671 гг. М., 2006.
113. Мальцев А.Н. Война за Белоруссию и освобождение Смоленска в 1654 г. // ИЗ. № 37. 1951.
114. Мальцев А.Н. Россия и Белоруссия в сер. XVII в. М., 1974.
115. Марголин С. Л. Вооружение стрелецкого войска // Военно-исторический сборник Государственного Исторического музея. М., 1948.
116. Масловский Д.Ф. Поместные войска русской армии в XVII в. Б.м., б.г.

117. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 2001.
118. Милуков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Ч. 1. М., 1918.
119. Михайлова И.Б. Служилые люди Северо-Восточной Руси в XIV – первой половине XVI века. Очерки социальной истории. СПб., 2003.
120. Михневич Н.П. Стратегия. Кн. 1. СПб., 1911.
121. Московская торговая экспедиция в Монголию. М., 1912.
122. Мюллер Р.Б. Очерки по истории Карелии XVI – XVII вв. Петрозаводск, 1947.
123. Наполеон. Артиллерия // Воспоминания и военно-исторические сочинения. СПб., 1994.
124. Нефедов С.А. Первые шаги на пути модернизации России: реформы середины XVII века // Вопросы истории. 2004. № 4.
125. Никитин А.В. Оборонительные сооружения Засечной черты XVI – XVII вв. // Материалы и исследования по археологии СССР. № 44 / Материалы и исследования по археологии Москвы. Т. III. М., 1955.
126. Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.-Л., 1948.
127. Носов К.С. Русские крепости и осадная техника VIII – XVII вв. СПб., 2003.
128. Опарина Т.А. Полковник Александр Лесли и православие // Иноземцы в России в XV – XVII веках. М., 2006. [251]
129. Орленко С.П. Выходцы из Западной Европы в России XVII века. М., 2004.
130. Орловский И.И. Смоленский поход царя Алексея Михайловича в 1654 году. Смоленск, 1905.
131. Павлов-Сильванский Н.П. Государевы служилые люди. М. 2000.
132. Пенской В.В. Военные реформы и воинские комиссии в России в XVIII в. // Вузовская наука – региону. Материалы первой общероссийской научно-технической конференции 27-28 февраля 2003 г. Вологда. РИО ВоГТУ. 2003.
133. Петров А. «Свеча загорелась сама собой»... // Родина. 2003. № 12.
134. Петрухинцев Н.И. Война с пространством // Родина. 1998. № 5-6.
135. Пинк И.Б. Конница Турции XV-XVII вв. // Воин. 2003. № 13.
136. Пинк И.Б. Тульский кремль // Para Bellum. 2004. № 3(23).
137. Поршнева Б.Ф. Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М., 1976.
138. Пресняков А.Е. Царь Алексей Михайлович // Пресняков А.Е. Российские самодержцы. М., 1990.
139. Прочко И.С. История развития артиллерии с древнейших времен и до конца XIX века. СПб., 1994.
140. Пузыревский А.К. Развитие постоянных регулярных армий и состояние военного искусства в век Людовика XIV и Петра Великого. СПб., 1889.
141. Рабинович М.Д. Полки петровской армии 1698-1725. М., 1977.
142. Рабинович М.Д. Стрельцы в первой четверти XVIII в. // ИЗ. №. 58. 1956.
143. Рабинович М.Д. Формирование регулярной русской армии накануне Северной войны // Вопросы военной истории России XVIII и первой половины XIX веков. М., 1969.
144. Раппопорт П.А. Древние русские крепости // Режим доступа: <http://fortress.vif2.ru/biblio/rappoport/005.htm>.
145. Разин Е.А. История военного искусства. Т.3. СПб., 1994.
146. Рождественский С.В. Служилое землевладение в Московском государстве XVI века. СПб., 1897.
147. Романов М.Ю. Стрельцы московские. М., 2004. [252]
148. Рыбаков Б.А. Военное искусство // Очерки русской культуры XIII – XV веков. Ч. 1. М., 1969.

149. Санин Г.А. Отношения России и Украины с Крымским ханством в середине XVII века. М., 1987.
150. Скрынников Р.Г. Великий государь Иоанн Васильевич Грозный. Т. 1. Смоленск, 1996.
151. Скрынников Р.Г. Царь Борис и Дмитрий Самозванец. Смоленск, 1997.
152. Смирнов Н.В. Боевые холопы в составе поместной конницы во второй половине XVI – первой половине XVII вв. // Исследования по истории средневековой Руси. М.-СПб., 2006.
153. Соловьев С.М. История России с древнейших времен // Соловьев С.М. Сочинения. Кн. V. Т. 9. М., 1990.
154. Солоусов А.С. Русская поместная конница (XV-XVII вв.) // Para Bellum. 2002. № 14.
155. Сорель А. Европа и французская революция. Т. 1. СПб., 1892.
156. Сташевский Е.Д. Смоленская война 1632-1634 гг. Организация и состояние московской армии. Киев, 1919.
157. Татищев В.Н. Собрание сочинений. Т. 1. История Российская. Ч. 1. М., 1994.
158. Тойнби А. Постыжение истории. М., 1991.
159. Трепавлов В.В. Кочевники на русских рынках: ногайская торговля в XVI-XVII веках // Отечественная история. 2000. № 3.
160. Уваров Д. Битва при Креси (1346 г.) и военное дело первой фазы Столетней войны (1337-1347 гг.) // Воин. 2003. № 14.
161. Успенский Ф.И. История Византийской империи. Т. 2. М., 2001.
162. Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. Т. I. СПб., 1858.
163. Фатеев Д. М. Боеготовность приокских служилых городов по результатам смотра 1621/22 гг. // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Материалы научной конференции. 18-20 ноября 2003. Великий Новгород. 2003. [253]
164. Федосов Д.Г. Клинок, перо и «бунташное время» // Гордон П. Дневник, 1659-1667. М., 2002.
165. Федотов Г.П. Россия и свобода // Федотов Г.П. Святые Древней Руси. М., 2003.
166. Федотов Г.П. Трагедия древнерусской святости // Федотов Г.П. Святые Древней Руси. М., 2003.
167. Фенглер Х., Гироу Г., Унгер В. Словарь нумизмата. М., 1993.
168. Флоря Б.Н. Иван Грозный. М., 2003.
169. Хорошкевич А.Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века. М., 2003.
170. Хорошкевич А.Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI в. М., 1980.
171. Худяков Ю.С. Вооружение центрально-азиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск, 1991.
172. Чернов А.В. Вооруженные силы русского государства в XV-XVII вв. М., 1954.
173. Чернов С.З. Волок Ламский в XIV – первой половине XVI в. Структуры землевладения и формирование военно-служилой корпорации. М., 1998.
174. Чечулин Н.Д. Города Московского государства в XVI веке. М., 1889.
175. Шостьин Н.А. Очерки истории русской метрологии XI – начало XX вв. М., 1990.
176. Щербаков А., Дзысь И. Куликовская битва. М., 2001.
177. Яковлев А.И. Засечная черта Московского государства в XVII веке. Очерк из истории обороны южной окраины Московского государства. М., 1916.
178. Яковлев В.В. История крепостей. СПб., 1995.
179. Бохан Ю.М. Наёмная войска у Вялікім княстве Літоўскім у XV – XVI стст. Мінск, 2004.
180. Сагановіч Г. Невядомая вайна: 1654-1667. Мінск, 1995.
181. Asquith S. New Model Army. Oxford, 1981.

182. Black J. Eighteen Century Europe. 1700-1789. N.-Y., 1990.
183. Davies B. Village into Garrison: The Militarized Peasant Communities of Southern Muscovy // Russian Review, Vol. 51, No. 4 (Oct., 1992).
184. Duffy C. Siege Warfare. The Fortress in the Early Modern World 1494-1660. L., 1979.
185. Esper T. Military Self-Sufficiency and Weapons Technology in Muscovite Russia // Slavic Review. Vol. 28. № 2 (Jun., 1969).
186. Hale J.R War and Society in Renaissance Europe, 1450-1620. N.-Y., 1985.
187. Haythornthwaite P. The English Civil War 1642-1651. An Il[254]lustrated Military History. L., 1983.
188. Hellie R. Enserfment and Military Change in Muscovy. Chicago-London, 1971.
189. Herbst S. Wojna obronna 1655-1660 // Polska w okresie drugiej wojny Polnocnej 1655-1660. T. II. Warszawa, 1957.
190. Kennedy P. The Rise and Fall of Great Powers. Economic Change and Military conflict from 1500 to 2000. N.-Y., 1987.
191. Kersten A. Stefan Czarniecki (1599-1665). Warszawa, 1963.
192. Lynn J.A. The Evolution of Army Style in the Modern West, 800-2000 // The International History Review. XVIII. № 3 (Aug., 1996).
193. Lynn J. The Trace Italienne and the Growth of Armies: The French Case // The Journal of Military History. Vol. 55. № 3 (Jul. 1991).
194. Parker G. Europe in Crisis 1598-1648. N.-Y., 1979.
195. Roberts K. Matchlock Musketeer 1588-1688. Oxford, 2002.
196. Roberts K. Soldiers of the English Civil War (1). Infantry. L., 1989.
197. Tallett F. War and Society in early modern Europe 1495-1715. L. 1992.
198. Tincey J. Ironsides. English Cavalry 1588-1688. Oxford, 2002.
199. Tincey J. Marston Moor 1644. The beginning of the end. Oxford, 2003.
200. Tincey J. Soldiers of the English Civil War (2): Cavalry. L., 1990.
201. The Thirty Year's War. L., 2002.
202. Wimmer J. Historia piechoty polskiej do roku 1864. Warszawa, 1978. [255]